

6239



12246



**STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES**

Subbotić
ЦВѢТНИКЪ

СРБСКЕ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧИТАНКА ЗА ВЪШЕ ГИМНАЗИЕ

У АУСТРИИ.

САСТАВИО

ДРЪ. ЈОВАНЪ СУББОТИЋЪ.

І. СВЕЗАКЪ



Кошта везано съ п/ 1 фор. 9 нови крайц.

У Б Е Ч У 1853.

Трошкомъ ц. к. администраціе школскихъ кнѣига
кодъ св. Анне

PG 1237

S8

1853

v. 1

ПРЕДГОВОРЪ.

Словесность сръбска починѣ се са *споменницима языка* изъ XII. вѣка. Можда ће намъ време и старія іоштѣ писменна донети; но до садъ ихъ немамо. Књижевно дѣло изъ XII. столѣћа имамо у *далмашинскомъ лѣтопису*; али в овай до насъ дошао само у *Калетићевомъ* препису латинскомъ изъ XVI. в.

XIII. вѣкъ оставіо намъ в три произредна дара у дѣлима *краља првовѣчаногъ, св. Саве, и хиландарскогъ монаха Дометијана*. Осимъ тога имамо изъ овогъ столѣћа више *споменника языка* у различнымъ писменнама изъ грађанскогъ и политичкогъ живота.

У XIV. вѣку писао в *Архиепископѣ Данило* и нѣгови продужители. *Споменнике языка* изъ овогъ столѣћа имамо већъ многе. *Душановѣ законникѣ*, кои в у више погледа одъ особите важности, спада такођеръ у овай вѣкъ.

У XV. вѣку продужуе се ова словесность у *лѣтопису копривничкомъ*. *Споменници языка* долазе у многобройнымъ писменнама изъ различныхъ предѣла. У овомъ столѣћу починѣ са *Борђеми Држићемъ* дубровачка књижевность.

Изъ XVI. вѣка имамо *лѣтописе сечеичкій, карловачкій, хиландарскій и Давидовићевѣ*. Малый Хваръ дао намъ в у овоме столѣћу два изредна пѣсника, *Ханибала Луцифа* и *Петра Хекторевича*; а одъ Дубровника просіаше: *Шуико Минчешкиѣ, Мавро Вештраниѣ, Ник. Демиштриѣ, Стеф. Гу-*

*чешикѣ, Андр. Чубрановикѣ, Марое Др-
жикѣ, Ник. Налѣшковикѣ, Савинѣ Бобали
Мишешикѣ, Мих. Буникѣ Бабулиновикѣ,
Динко Ранѣина, Домин. Злашарикѣ, Фра-
нѣо Бобаликѣ Куко, и Савинѣ Гучешикѣ
иначе Санко Бендевишевиѣ. Одѣ Задра се
укажу Б. Карнарушкѣ и Б. Барраковикѣ;
одѣ Книна П. Зораникѣ.*

У XVII. вѣку продужава се стара сло-
весность у лѣтописима горњобрезничкомѣ
и Магарашевикевомѣ. Дубровачка књижев-
ность достиже свою вршну точку у *Ив. Гун-
дулику* и *Юнѣю Палмошику*. У овомѣ сто-
лѣћу изникао е и трећѣй листѣ овога слав-
ногѣ списатељскогѣ трилистника, *Игњашѣ
Борѣикѣ*. Покрай овыхѣ првопрестолника
дубровачке словесности славицѣ су се у
истомѣ вѣку *Паско Примчикѣ Лашинчикѣ,
Стеф. Борѣи Гиннаи, Влахо Минчешикѣ,
Ив. Буникѣ* стари, нѣговѣ сынѣ *Ник. Бу-
никѣ, Јаковѣ* и *Борѣе Палмошики, Лукре-
ција Богашиновикѣ, Ив. Буникѣ* млађѣй, баро
Бешера. Брачѣ е дао овомѣ вѣку *Ив. Иван-
шевиќа*; а Корчула *П. Канавелиќа*.

Цвѣтанѣ дубровачке словесности прене-
шено е у XVIII. вѣкѣ *Иг. Борѣикевѣ* и бар.
Бешеромѣ. Поредѣ нѣихѣ славио се *Анш.
Глегѣвикѣ, и Вице Бешондикѣ*. Висѣ намѣ е
дао *А. Вишалиќа*. У овомѣ се вѣку расплоди
књижевно дѣлованѣ. *Тома Бабиќѣ* которацѣ,
Андр. Качикѣ изѣ Бриста, *Пеш. Кнежевикѣ*
изѣ Книна, *Г. Дражикѣ* изѣ Сплѣта, *Гргурѣ*
варесанинѣ, *Видѣ Дошенѣ* одѣ мора веле-
битскогѣ, *Анш. Рельковикѣ, Анш. Кани-
жликѣ, Маш. Пеш. Кашанчикѣ, Славонци,
Маргешикѣ, Дивковикѣ, Бошняци, Више-
зовикѣ* у Хрватској, *Григ. Гвозденица* ина-

че Ферихъ, и Аркинг. *Кашић* дубровчани, стекли су себи славно име своимъ књижевнымъ производима. *Борђе Хигія* са своимъ преводомъ *Виргилія*, *Хорація*, *Катула*, *Тибула*, *Проперція* наставио в дѣланѣ *Бетондића*, кои в *Овидіеве* хероиде превео. *Маринъ Златарић* превео в *Геснерове* идиле. У овомъ се вѣку књижевность и кодъ аустрійскихъ Србаля источне цркве подигла. Деспотъ *Борђе Бранковић* оставио в по смрти историю народа србскогъ; но ова и данасъ јоштъ у рукопису тае. Одъ *Мойс. Пушника* епископа имамо едно слово. Слављена имена овога вѣка есу: *Алексиѣ Везилић*, *Ј. Раић*, *Дос. Обрадовић*, *Григ. Терлаић*, *Пав. Јулинац*, *Христоф. Жефаровић*, *Захар. Орбелин*, *Налбановић*, *Ј. Авакумовић*.

У XIX. вѣку пресели се књижевно дѣлованѣ у кнежевину Србию, Хрватску, и Босну, и оживи съ већомъ снагомъ у Далмаціи, тако да се сада словесность на све стране весело развија.

Црква в имала свой языкъ, свою књижевность, свои списателѣ: али ово у нашъ кругъ неспада; и зато неможемо о томе ни говорити.

Изъ горе изложеногъ прегледа развитка србске словесности види се, да у нѣой три особита, разлучена, окружена књижества стое.

Прво се починѣ са споменницама языка изъ XII. в., достиже свой цвѣтъ у дѣлима краля Стефана, Архиепископа Саве, и монаха Дометіяна, па онда све већма и већма опада, докъ у онымъ маньимъ лѣтописима сасвимъ неизслаби.

Друго се починѣ са Ђорђеѣмъ Држићѣмъ, подиже се у А. Чубрановићу, Д. Ранђини и Дом. Златарићу, и достиже најлѣпшиј цвѣтъ свой у Мв. Гундулићу, Јун. Палмотићу и Игн. Ђорђевићу, па онда изнемаже, и у преводима Бетондића и Пѣрка де Сорго стинява се!

Треће се починѣ са разпалъиванѣмъ огня словесности по различнымъ покраинама, и осилава се и диже све до у наше дане.

Изъ овога се види, да се наша књижевность за извѣстна времена невеже. Књижество србско подобно ѣ цвѣтномъ бокору одъ три струка, одъ коихъ ѣ свакиј за себе изъ обштегъ корена изтерао.

И по овомъ органскомъ развитку морамо србску литературу у три періода подѣлити, одъ коихъ ће првиј садржавати *сша-ру*, другиј *дубровачку*, трећиј *нову лишерашуру србску*.

Првиј периодъ починѣ съ краемъ XII. вѣка, па трае до края XVII. столѣћа (1189 — 1699).

Другиј периодъ починѣ са половиномъ XV. вѣка, па тече до половине XVIII. столѣћа. (1450 — 1750).

Трећиј периодъ починѣ са XVIII. вѣкомъ па трае и данасъ.

У трећемъ періоду морамо по особитомъ значаю *три различна дѣла* или *епохе* разлучити. У првой епохи показуе се као языкъ књижества, съ мало изнимака, языкъ народный. У другой се появлуе борба языка црквено славенскогъ са языкомъ народнымъ о престолу у књижеству. У трећей се епохи борба ова сасвимъ свршена указуе, и на-

родный языкъ заузима, одъ свою припознатъ, природно свое мѣсто. Има и другихъ различуюћихъ знакова, али излаганъ овыхъ учинило бы, да смо пространин, него што намъ овдѣ валя да будемо, и зато ихъ само са овимъ простымъ споменкомъ прелазимо.

У онымъ околностима, у којима се мы са нашимъ књижествомъ налазимо, нѣ могућно свакога писателя у руке додати. И тако нека се нико нечуди, што овдѣ по гдѣкога писателя наћи неће, кои бы подпуно заслуживао, да се ту нађе. Осимъ другихъ нѣкихъ, особито самъ желио представити овдѣ узоре изъ *Шинка Минчешика* (рођ. 1475), изъ епиграма *Ивана Буника* млађега, и изъ историје *Бранковића* деспота. Трудіо самъ се око тога, да ихъ додасимъ, али ми е савъ трудъ био узалудъ. Међу тимъ, овимъ е ледъ пробіенъ; и ако кадъ потреба са собомъ донесе, да се ова књига по другій путъ штампа, то ће се много које шта дати допунити, много допунити.

Немогу пропустити, да и то ненапоменемъ, да е ова књига за школу одређена, па е зато изъ нѣ много које шта изостати морало, више цѣли ради, што бы у другой прилики у оваково дѣло доћи могло и доћи имало.

Као изворе, којима самъ се у старој литератури помагао, морамъ споменути пре свега преважно најновије г. *Шафарика* дѣло: *Památky dřevního písemnictví Jihoslovánův* у Прагу 1851. штампано. Изъ нѣга самъ узео: 1) *шежевно Кулина бана босанскогъ* одъ

год. 1189; 2) даров. писменно Симеона Неманъ ман. Хиландару год. 1198 — 1199; 3) живошъ св. Симеона одъ краля Стефана првовѣчаногъ; 4) живошъ св. Симеона одъ св. Саве; 5) даров. писменно краля Стефана првовѣчаногъ ман. Жичи одъ год. 1122—1128; 6) уговоръ кнеза дубров. Дандола са кралѣмъ Владиславомъ одъ год. 1235; 7) извадке изъ законика цара Душана; 8) извадке изъ 5. лѣтописа XV. XVI. и XVII. в. Осимъ тога имамъ усрдности г. Шафарика захвалити за одложакъ изъ Архиепископа Даниѣла.

Законъ винодолскій налази се штампанъ у III. књиги Кола по матичномъ глаголскомъ рукопису латин. буквама саобштењ одъ г. Ант. Мажуранића.

Лѣтописъ далматинскій изъ XII. в. преданъ е явности у Архиву за повѣстницу югославенску, књ. I. гдѣ се истый подъ насловомъ *хроника хрватска* изъ XII. в. по латинскомъ препису XVI. в. изъ *старе* едне књиге, *хрватски* т. е. глаголскии писмомъ писане, учинѣномъ изложенъ находит одъ г. Ив. Кукулѣвића. — Изъ истога дѣла књ. II. раздѣла II. извадіо самъ узоръ изъ *развода истріанскогъ* одъ год. 1325. гдѣ е одъ г. Дра А. Старчевића по *глаголскомъ* рукопису одъ год. 1546. латин. буквама предложентъ.

Све остале споменнике извадіо самъ изъ дѣла: *Србскіи споменици*, које год. 1840 у Београду изишло.

Аркадсела Кашкиа добыо самъ по усрдности г. проте Николаевића у Дубровнику.

Изводима изъ лѣтописа далматинскогъ, закона винодолскогъ, и развода истріанскогъ дао самъ я мѣсто латинскихъ кирилица писмена.



Првый періодъ.

Стара литература.

ХІІ. Вѣкъ.

1.

ПИСМЕННО КУЛИНА БАНА БОСАНСКОГЪ

одъ 29. Авг. 1189.

Оу нме ѿтца и сына и скетаго доуха. ѡ бань
босаньски коулинъ присезаю тебе кнеже крѣкашоу
и всѣмъ граѣаномъ доубероуаномъ, правы приѣ-
тель быти вамъ ѿдѣ селѣ и до вѣка, и правѣ гонѣ
дрѣжати съ вами и правоу вѣроу доколѣ съмъ живѣ.
і всѣи доубероуане, кнре ходѣ по моемоу влада-
нію трѣгоуюке, гдѣ си кто хoke, крѣвати, гдѣ
си кто мине, правокъ вѣрокъ и правымъ срьдьцемъ
дрѣжати е безъ всакоє зледи, развѣ що ми кто да
своекъ колокъ поклонѣ. и да нмѣ небоудѣ ѿдѣ

МОЮХЪ УЧЕТНИКОВЪ СНАЕ. И ДОКОЛЪ ОУ МНЕ БОУДЪ,
ДАТИ НМЪ СЪКЪТЪ И ПОМОКЪ, КАКОРЕ И СЕБЪ, КОЛН-
КОРЕ МОГОУКЕ, БЕЗЪ ВСЕГА ЗЪЛОГА ПРИМЫСЛА. ТАКО
МИ БОЖЕ ПОМАГАН И СНЕ СВЕТО ЕВАНГЕЛНЕ. Ъ РАДОЕ
ДНЪКЪ БАНЬ ПИСАХЪ СНЮ КНИГОУ ПОКЕЛОКЪ БАНОКЪ,
ОДЪ РОЖЬСТКА ХРИСТОВА ТИСОУКА И СЪТО И ОSMЬДЕ-
СЕТЬ И ДЕВЕТЪ ЛЪТЪ МЪСЕЦА АВЪГОУСТА ОУ ДЪВАДЕ-
СЕТЬ И ДЕВЕТЫ ДНЬ, ОУСЪУЕННЕ ГЛАВЕ НОВАНА КРЪ-
СТИТЕЛЮ.

2.

ДАРОВАТЕЛНО ПИСМЕНО СИМЕОНА НЕМАНЪ
МАНАСТЫРУ ХИЛАНДАРУ.

Год. 1198—1199.

ИСКОНН СЪТВОРН БОГЪ НЕБО И ЗЕМЛЮ И УЛОВЪКЫ
НА НЕИ, И БЛАГОСЛОВИ Ю, И ДАСТЬ НМЪ ВЛАСТЬ НА
ВСЪИ ТВАРИ СВОЕИ. И ПОСТАВИ ОВИ ЦАРЕ, ДРОУГНЕ
КНЕЗЕ, НИИ ВЛАДНКИ, И КОМОУЖДЕ ДАСТЬ ПАСТИ СТАДО
СВОЕ И СЪБЛОУДАТИ Е ОТЬ ВСАКОГА ЗЪЛА, НАХОДЕЩАГО
НА НЕ. ТЪМЪ ЖЕ, БРАТНЕ, БОГЪ ПРЪМИЛОСТИВЫ ОУ-
ТВЪРДИ ГРЪКЕ ЦАРЬМИ И ОУГРЕ КРАЛЬМИ, И КОГОЖДЕ
ЕЗНИКА РАЗДѢЛЕНЪ И ЗАКОНЪ ДАВЪ И ПРАВЫ ОУСТАВЫ И
ВЛАДНКИ НАДЪ НИМИ ПО ПРАВОУ И ПО ЗАКОНУ РАСТА-
ВЛЪ СВОЕЮ ПРЪМОУДРОСТНЮ. ТЪМЪ ЖЕ ПО МНОЗЪИ ЕГО
И НЕИЗМЪРЪНЪИ МИЛОСТИ И УЛОВЪКОЛЮБЕНЮ ДАРОВА НА-
ШИМЪ ДѢДОМЪ ОБЛАДАТИ СНЮВЪ ЗЕМЛОКЪ СРЪБЪ-
СКОВЪ. И ВСАКОЖЕ БОГЪ СТРОЕ НА ОУНЪША УЛОВЪКОМЪ
НЕХОТЕ УЛОВЪУИ ГНЕВАН. И ПОСТАВИ МЕ ВЕЛНЕГА ЖОУ-

ПАНА, НАРЕЧЕНАГО ВЪ СВѢТѢ КРЫШЕНИ СТЕФАНА НЕ-
 МАНОУ, И ѦВОВИХЪ СВОЮ ДѢДНОУ, И БОЛЬШЕ ОУ-
 ТВРДНХЪ БОЖНЮКЪ ПОМОКНЮ И СВОЕЮ МОУДРОСТИЮ,
 ДАНОВЪ МН ѠТЬ БОГА. И ВЪЗДВИГОХЪ ПОГНЕВШОУЮ
 СВОЮ ДѢДНОУ, И ПРНОБРѢТОХЪ ѠДЪ МОРЕСКЕ ЗЕМЛЕ
 ЗЕТОУ И СЪ ГРАДОВЫ, А ОДЪ АРЪБАНАСЪ ПИЛОТЬ, А
 ѠДЪ ГРЪУКЕ ЗЕМЛЕ ЛАБЪ СЪ ЛПАДНЕМЪ, ГЛѢВО-
 УНЦОУ, РЖКЕ, ЗАГРЪЛАТОУ, ЛѢВЬУЕ, ВЪЛНЦОУ, ЛЕПЕНИ-
 ЦОУ. И БОЖНЮКЪ ПОМОКНЮ И СВОИМЪ ТРОУДОМЪ ТА
 ВСА ПРНОБРѢТЬ, ПОСПѢШЕННЕМЪ БОЖНЕМЪ МИРЪ И
 ТИХОСТЬ ВЪСПРНЕМЪШОУ КЛАДНУШТВОУ МОЕМОУ ѠДЪ
 ВЪСОУДА ЗАУЕХЪ ПООЩРАВАТИ МЫСЛЬ СВОЮ И ПООУ-
 ЧАВАТИ ОУМЪ СВОИ ВЪЖДЕЛѢВАТИ И ПЕЩИ СЕ О ДОУШИ
 СВОЕЙ, ВЪ КОТОРОЕ УНСЛО ВЪУЧЕНЪ БОУДУ ВЪ ДНЬ
 СТРАШНАГО СОУДА, И КАКО БИ МОЩНО ВЪСПРНѢТИ МН
 АНГЕЛЬСКИ И АПОСТОЛЬСКИ ѠБРАЗЪ, И ПОСЛАДОВАТИ
 ВЛАДНУШНЕМЪ ГЛАГОЛОМЪ: ВЪЗМЪТЕ НГО МОЕ НА СЕ, И
 МАЮУНТЕ СЕ ѠТЬ МЕНЕ, ЯКО КРОТКЪ ЕСМЪ И СЪМЪ-
 РЕНЪ СРѢДЦЕМЪ. НГО БО МОЕ ВЛАГО И БРѢМЕ МОЕ
 ЛЬКО ЕСТЬ. МИНОУВШОУ ЖЕ ВРѢМЕНИ МНОГОУ ВЛАДНКА
 МОИ ПРНМИЛОСТНВЪ НЕПРѢЗРѢ МОЛЕНИЪ СЪПЛАСКАНИЪ
 СВОЕГО, НЪ ЯКО ЩЕДРЫ ТРОУДОПОЛОЖНИКЪ И МЪЗДОВЪЗ-
 ДАТЕЛЬ, ИЖЕ РЕЧЕ НЕСКВРЪННИИ СВОИИ ОУСТИ: НЕ-
 ПРНДОХЪ ПРНЗЫВАТИ ПРАВЕДНИКЪ, НЪ ГРѢШНИКЪ ВЪ
 ПОКАЗННЕ. И МНѢ ПО МИЛОСРДНЮ ЕГО ВЪНЕЗАПОУ
 ПРНКЛОУУШОУ СЕ ВРѢМЕНИ ЯСНО, И ВСА МИРА СЕГО
 УСТЬ И СЛАВА НИ ВЪ УТОЖЕ МН ВЪМѢМЕНА БЫСТЬ, И
 ВЪСОУ КРАСОТОУ ЖИТИЪ СЕГО И ДНЬНО ВЪЗРѢННЕ ЯКО
 И ДЫМЪ МН БЫСТЬ ВИДИМО, А ХРИСТОВА ЛЮБЫ ПАЧЕ
 ПРНВЕЗОВАШЕ СЕ КЪ МНѢ, АЩЕ И КЪ НЕДОНСТОНОУ.
 И ВЪНЕЗАПОУ ѠСТАВИХЪ ВЛАДНУШТВО МОЕ И ВСА МОЕ,
 РАЗАНУНАЪ МОЕ, ХРИСТОУ ИЗЪВОЛЬШОУ ТАКО И ПРѢ-
 СВЕТЪИ ГОСПОЖИ БОГОРОДНИЦИ, И СПОДОВИМЕ ГРѢ-

шьнаго свѣтаго нга его благаго, и ѡбщѣнника ме
 сѣткорн уѣстьнаго и ангельскаго и апостолаьскаго
 ѡбраза, малаго и великаго. семоу же конѣуавъшоу
 се о мнѣ, оустрою семоу бываемоу, ѡставихъ на
 прѣстолаѣ моемъ и въ христородованѣмъ ми вла-
 днѣствѣ лѡубѣвѣнаго ми сына, стѣфана великаго
 жоупана и севастократора, зетн ѡдѣ бога вѣнча-
 наго кнрь алехнѣ царя грѣуькога. и аще и недо-
 стоннѣ рабѣ христоу нареши се, симеонѣ мнихѣ,
 благословихъ и всакииѣ благословленіемъ, якоже
 благослови нсакѣ нѣкова, сына своего, еже посѣ-
 пѣишествовати емоу ѡ всакомъ дѣлѣ блазѣ оу вла-
 днѣствѣ своемъ, и благосрѣдоу быти на мнѣрь
 крѣстиѣнѣскы, и ѡ црѣквахъ пещи се и о слоуже-
 щихъ въ янхъ, и никакоже быти зазорноу ѡдѣ
 всѣхъ творьца и господа. по семъ же нзѣволеніемъ
 владимы моего, нсоус христа, якоже вѣщаваесть
 писаніе: никоторн же пророкъ въ ѡтѣуствѣ своемъ
 пріесть естъ, науесть поѣвизати се мыслью мою, нзѣти
 ми ѡдѣ знаніе моего, и дѣти, и постигнути нѣкое
 мѣсто, и тоу полоутии спасеніе. и неѡстави мене
 владимы мон и моего желаніе, пауе бо радоуесть се
 ѡ грѣшѣнницѣ каюции се. нзидохъ нзѣ ѡтѣуства
 своего въ свѣтоую гороу, и ѡбрѣтохъ монастырь
 нѣколи бывшии, зовомыи хиландарѣ, въведеніе све-
 тые и прѣславныи владимыице наше богородице, нѣ-
 же небѣ камень остаѣ на камени, ноу разкаленѣ
 ѡдѣноудѣ. и потроуднѣ старость свою, посѣ-
 пѣишествоующюу ми сыноу ми, велиемоу жоупаноу
 стѣфаноу, съподобѣ ме владимы мон быти емоу
 кѣтитороу. и уестьи его погнѣбшѣе възискахъ, и
 ѡбжогихъ и по нзѣволенію владимыице богородице. и
 да, ере неспросихъ парике оу цара оу призрѣнѣ,

ДА ДАХЪ ѿДЪ НИХЪ МАНАСТИРОУ ОУ СКЕТОМ ГОРѢ, СКЕ-
ТОН БОГОРОДИЦИ, ОУ МЫСЛѢХЪ СЕЛА НЕПРОБИЩА,
МОМОУШОУ, САМОДРАВЫ, РЕТИКАОУ, ТРЪННЕ, РЕ-
ТИВЪЩИЦА, ТРЪНОВЪЦЪ, ХОУА И ДРОУГА ХОУА, И ТРѢГЪ
ТОУНГЕ, И ДѢКА КИНОГРАДА ТОУНГЕ НАСАДНХЪ, И ОУ-
АНЪМНКЕ Д. ЕДѢМЪ ОУ ТРЪПЕЗѢХЪ, ДРОУГН ОУ ДАБЫШОРѢ,
ТРЕТН ОУ ГОЛИШЕВѢ, УЕТВЕРЪТН ОУ ПАРИЦѢХЪ, А ЗА
КОНЫМЪЖДЕ ОУАНЪМНКЕ ПО ДѢКА УЛОВѢКА, И ПЛАНИ-
НОУ БОГАУОУ, А ОДЪ ВЛАХЪ РАДОВО СОУДСТВО И УОУРЪ-
ГЕВО, А ВЪСЕГЕ ВЛАХЪ. Р. О. И ДАХЪ ѿДЪ БЫТЬКА, УЪТО
МОГЕ, И ОУ ЗЕТѢ КОБЫЛЕ И СОДИ. Л. СЪНОУДОВЪ. И АКЕ
КЪТО ѿДЪ МАНАСТИРЬСКИХЪ ЛОУДН БѢЖИ, ИЛИ ВЛАХЪ,
ПОДЪ ВЕЛНЕГА ЖОУПАМА ИЛИ ПОДЪ ИМОГА КОГА, ДА СЕ
ВРАКАЮ ОПЕТЬ. АКО ЛИ ѿДЪ ЖОУПАНИХЪ ЛОУДН ПРИ-
ХОДЕ ОУ МАНАСТИРЬСКЕ ЛОУДН, ДА СЕ ВРАКАЮ ОПЕТЬ. И
ВЪСА, ЕЛИКО ДАХЪ МАНАСТЫРЕВИ ОУ СВЕТОУ ГОРОУ, ДА
НѢ ТРѢБѢ НИ МОЕМОУ ДѢТЕТЕКН, НИ МОЕМОУ ОУНОУ-
УЕТЕВН, НИ МОЕМОУ РОДИМОУ, НИ ИНОМОУ НИКО-
МОУРЕ. АКО ЛИ КЪТО СНЕ ПРѢТВОРИ, ДА МОУ БОГЪ СОУ-
ДН, И ДА МОУ Е СОУПРЪНИЦА СКЕТА БОГОРОДИЦА НА
СТРАШЬНОМЪ СОУДИЩИ ѿНОМЪ, И ВЪЗЪ ГРѢШНИКЪ СИ-
МЕѦНЪ.

3.

ЛѢТОПИСЬ ДАЛМАТИНСКІЙ ИЗЪ XII. ВѢКА

Оу нме бога свемогућега, творца неба н земље.
Кралоюћн цесарь оу гради баснаїн, цесарства оу
крнме, оу ко се быху просвнтанн блаженн моужн

ерманъ енскоупъ и престола каинтоуаскога и при-
 стола камнжнѣ снцнани енскоупъ, и толикоуе поуто-
 ванъ и блаженъ моужъ бенедикъ, блнзоу горѣ цнцн-
 лнанске прнбываше, на антъ господннхъ трнста и
 педесеть и седамъ. и тада нзнде ннкн поукъ и мно-
 ство людн ѡдъ истока, кн се зовнхоу готн, людн
 ткардн и големо лютн, презъ закона, како днкн;
 кнмъ людемъ быхоу господа трн братннцн, кн быхоу
 сынове краля свнхолада, кнмъ братннцемъ быше
 нме: паркomoу брнсь, дроугomoу тотнла, третomoу
 стронла. брнсь, кон быше нанстарн (умаршн ѡтаць
 ннхъ), брнсь седе на престола и мнсто ѡтуеко, и
 поуе господоватн. тотнла и стронла тада оузгобо-
 рнше ѡкн два: помыслнмо, како съ помоѣю брата
 краля брнса мы да бысмо господство и високо нме
 добыли. и тако сѧ скнтоу и съ вольомъ краля
 брнса брата свога скоупнста конскоу и то велнкоу и
 пондоуста ѡдъ своѣ дндне. и ѡнн паркo прндѡста
 на краликство оугарско, и краля побнше и ѡтнхше
 краликство. и потомъ тога пондоше наприда, и
 прндѡше оу тарновнкоу съ мноствомъ вельомъ кон-
 ске. и звнднкшн то краля далматннскнх, кон прнбыв-
 каше оу уоудномъ и велнкомъ градоу солнкоу, посла
 после и лнстоуе краля нстрннскомоу да бы скоупно оу
 поспнхъ скоу моѣ свою, и да быста ѡба пошла про-
 тнва тнмъ згора реуенымъ, и снамъ ннхъ заедно
 ѡдтнматн се. и такон ѡна ѡба реуена краля скоупн-
 ше велнке конске, и ѡба заедно съ конскамн станше
 се и пондоше соупротнва снамъ конскамъ готомъ,
 и срнтоста се и станше блнзоу и соупротнвъ ннмъ. ска-
 кн данъ по ѡсамъ данъ меоу собомъ скарамоуѡахоу
 съ велнкнмъ ндне и дроуге стране внтѣжн и храбрын
 людн маньснна, зашто се много ткардо и немнко-

СТИВО БНАХОУ, ІЕРЕ Н СОУБАНЗЬ ШАТОРН ІЕДИНЬХ Н ДРОУ-
ЗНЬХ БЫХОУ. Н ТАКО ОСМЫН ДАНЬ КАРС҃АНЕ Н РЕУЕНИ ПО-
ГАНЕ ОРОУЖАШЕ СЕ Н ОПРАКНШЕ НА РЕУЕНОУ АРКАНЮ, Н
ПОУЕШЕ БОІ ОСМЫН ДАНЬ МЕОУ СОБОМЬ, ПОКАН СЕ СТА-
ШЕ СЮТРА ПРІА ТНРЕ ДЕРН ПО РЕУЕРНЬОН, БИШЕ СЕ
ТВАРДОМЬ Н НЕМНОЛОСТНКОМЬ АРКАНЬОМЬ ЕДИНАКЫМЬ
БОЕМЬ МЕОУ СОБОМЬ, СЬ МНОСТКОМЬ МАРТАЦЬ ІЕДНЕ Н
ДРОУГЕ СТРАНЕ, НЕЗНАЮЃН СЕ ДО ТОГАН ВРНМЕНА, КОМОУ
БЫ СЕ МОГЛО РЕЃЕ БОЖТИ, ЗАШТО НН ІЕДНА ОДЬ СТРАНЬ
НЕОУСТОУПАШЕ, Н БЫШЕ ВІДІТИ, ДА СОУ БОН ПОУЕЛН,
ЗАШТО ІЕДИНЬХ Н ДР҃УЗНЬХ ЖИВН ДОХАМАХОУ НА МНСТО
ОУБІЕМЫХЬ.

ДА ЛН ОУ ІЕДАНЬ УАСЬ ТОМОУ ННТКОРЬ НЕСУМНЬЃЕ,
НЕРЕ ПО ВОЛН ОНОГАН, КОМОУ ННТКОРЬ НЕ МОРЕ РЕЃН,
ЗАШТО ТАКОН ОУЃННН, ОНН ГОТН НЕМНОЛОСТНКН ДО-
БЫШЕ, ІЕДАСН КРОЗЬ ННКН ГРНХЬ, КОН ТАДА У КАРС҃А-
НЕХЬ ПРНБЫВАШЕ Н ПРЕЗЬ ИЗМА БЫ ПОБІЕНА СТРАНА
КАРС҃АНСКА, Н УБІЕНЬ БЫ КРАЛЬ ІСТРННСКЫН, Н МНОГО
ТНСОУЃЬ КАРС҃АНН ПО ДОВНІУ БЫ ПОДЬ МАУХЬ ОВРАЃЕНО,
Н ВЕЛЕ ХАРВАТЬ БЫ ПОБІЕНО, ДА КРАЛЬ ДАЛМАЦІЕ СЬ
МАЛО ВНТЕЗН СМАРТНОМЬ РАНОМЬ РАНИЕНЬ, УБЕНСЕ, Н
БЫ ПРННЕСЕНЬ ОУСЛАВНЫН Н УОУДНЫН ГРАДЬ СОЛННЬ, ОУ
КОМЬ ГРАДОУ БЫ ЗА РЕЃЕ ДАНЬ ОВБІЕНЫН ПЛАУЬ Н ТОУГА
МЕНЗРЕУЕНА. ПОТОМЬ ТОГА СВАКЬ УАСЬ РЕСТНШЕ МОЃЬ
Н КОНСКА ТОТНЛЕ Н БРАТА МОУ СТРОНЛА Н ПОУКЬ НННХЬ
УОУДНЫМЬ ЗАКОНОМЬ, СВАКЫН УАСЬ РЕСТНШЕ МОЃЬ Н КОН-
СКА: Н ТО ВІДНВШН ДА БЫШЕ РЕЃЕ ОДЬ РЕДА МНОСТКО
Н КОНСКЬ, ЗАЗВАШЕ БАРОУНЕ Н ПОГЛАВНЦЕ, Н КЬ ТОМОУ
СЕ ДОГОВОРНШЕ, Н СКНТЬ ВАЗЕШЕ ДА БЫ СЕ НМНЛЕ КОН-
СКЕ РАЗДІЛІТИ. Н ЗІЕДНННШЕ НА ТО ОВАМО СВЕ, УА
БЫХУ ВАЗЕЛН ПОГАНН, РАССУШЕ Н ПОЖГАШЕ, ДА НЕ-
МОГОУ ЛЮДН НН ДОБЫТ КЫН ОУЗРОКЬ У СКОЈЕ ВРАТІТИ СЕ. Н
ВАЗЕ ТОТНЛА КОНСКОУ СВОЮ, Н ПОНДЕ Н РАССУ ІСТРІЮ

и аквнаєю, и понде како моуна палеѣи и градоке
 расцнплюѣи, и приде оу италію на лнть господиньныхъ
 триста и сѣдмдесеть и мнѡо, ѹннеѣе ѹоудне и тварде
 арваніе съ латини. да, мнштарманіе ннштаръ моу се
 немогаше соупротнвнті, іере божѣ волаъ быше, комоу
 быше. и проиде къ сициліи, ѡбнцмши оу италіи и
 позгавши и разасапши многе граде, и оулице оу
 ѡтокъ сициліискыи, и по томъ мало врммена живи
 и ѡнде скон конаць оуунни, како моу быше рекао
 слоуга божіи бенедикъ. оу томъ стронаъ, братъ, ние-
 говъ, съ конскомъ своіомъ вазе краііекство ѡдъ нли-
 ріѣ, а то іестъ сва земля, ѹа іестъ съ оноу страііоу
 владеміѣ дерн до положіѣ; и ѡмъ твердими арванцми
 и зъ немилостивими конске ѡбнц, іере ниткоръ соу-
 протнвнті се немогаше. и приде оу боснѹ, и слнзе
 оу далмациюу, и рассѹ приморске граде: далмоу, на-
 роуиъ и богатин и лнпыи солнмъ, и градь скардоуиъ.
 и многе главне граде положн на землю, и небы моу
 задовољно, посла сына сѡго, кога іуре нмнше, и быше
 нмалъ и съ нѣмъ конске, да бы ѡбнцалъ и доіію зе-
 млю, и загорскоу, а томоу сымоу быше нме скіодадъ.
 и ѡдправн сына съ мноствомъ конске, и меоу тнмъ
 разоумнѣше цесаръ нзъ града цесарства, да іе стро-
 наъ посладъ сына съ мноствомъ конске оу доіію и оу
 горскоу землю, а ѡмъ да іе ѡстао оу прлннтѹс, а то
 іе оу босанске стране: и посла цесаръ нзвѣднті, и
 сталь є стронаъ разднлнті конске. нстнмо нзвѣднѣ-
 ше, покнднше цесароу, и цесаръ слбравъ конске и
 понде на стронла, кн сронлъ внднкъ конске, скоупи
 скоіе, и понде къ арванѣи, іере быше славна сардѹа
 и тнломъ шкын, и ѡгнѣмъ юнакъ, кн нере како сар-
 днть лавъ посеѣе се. и бы ѡдъ веѣе ранъ ѡбраниѣиъ,
 ке нехлюѣе, да ѡдъ варкн ѡстакаліенъ а ѡдъ ранъ

спрежени, паде съ кони, оутѣхъ немощи, и доспихъ оуцѣти га. а мѣстови видѣхъ то, оу кнѣзь ѡбратихъ, и много ѡдѣ нѣхъ сполучивши се и поущени се тѣлѣхъти, и ѡбранихъ се, и цесарѣва конска рогѣи землю и врати се богата оу цесарѣвѣ, съ величїемъ славою весела. потомъ тога слышавшии сѣолодѣ сыни строиловъ здѣхъ се съ конскими што карже може, за освѣтити смарть ѡтца своего, да юрь и цесарь, што вѣдоу выше, оуцѣнию, и пошлю. и онъ видѣхъ да юсть оуцѣнено, и да не море ѡбратити, заседе землю, и поуе на ѡтупно мѣсто господовати. и господоуѣи ими сына, и постави моу ние снанимъ. и бы краликѣство нѣгого косна и елдемїа дерн до полонїе, тако приморско како и загорско краликѣство.

ХІІІ. Вѣкъ.

1.

ИЗЪ ЖИВОТА СВ. СИМЕОНА ОДЪ КРАЛЯ
СТЕФАНА ПРВОВѢНЧАНОГЪ.

(изъ рукоп. ХІІІ. в.)

ВІІ. По снѣхъ же вѣсѣхъ кѣста въ константини градѣ нѣ царѣ-люти и крѣвопроливатели, и раздрѣшши миръ съ прѣподобными и скетыми. якоже раздѣнѣ оуста свои мысляхъше погальти и нѣхъ владѣуства, юже нѣкъмѣстн безоумни мѣ лѣстиже такового исправаенинѣ, нѣ хѣте ѡзлѣбѣти незлѣбѣаго и скѣтаго, нанесе на се и изыгнѣхъ свою и хѣуѣу на царѣство свое, и ѡпоустѣни на землю свою. пришьдѣ бо прѣподобни скѣти

С Читанка за выш. гимн. Св. І.

2

сүмешнъ съ оугърскимъ кралемъ, и донде града до
срѣдѣца рекомаго, и въ съкроушеніе постави юго
и въ опоустѣннѣ коньуюю. възвращышоу же се
ризѣ оугърскомуу въ своѣ юмоу владыуство, оми
же светы ѡтвращъ се ѡтъ него, нде съ силою сво-
єю на градъ перьникъ, и тѣь скроушинѣь силою
своюю и въ опоустѣннѣ сътвори и, и градъ стѣбъ,
и градъ земельнъ, и градъ вельбелюждъ, и градъ
жнтомиѣтскъ, и градъ скъпль, и градъ лѣшьскъ оу
дольнемъ полозѣ, и градъ градьцъ, и градъ при-
зрѣнь, и градъ славы нышь, и градъ скрълигъ, и
градъ равьнын, и градъ козьль. тѣхъ градовъ съ-
кроушь и до коньца ѡснованнѣ нхъ нскорѣннѣ, не
ѡста бо камн на камени, нже нескроушинѣ се.
нже и не въздѣнгоше се и до сего дьне. и земляе
нхъ и богатствѣнѣ нхъ и славоу нхъ приложи въ
богатство и въ славоу ѡтъуствѣнѣ своѣго, и въ
славоу вельможъ и людеи сконхъ. приложи же къ
земли ѡтъуствѣнѣ своѣго ѡбласть нышьвскоую до
коньца, лыплѣнь же и моракоу и глаголюмы краини,
призрѣньскоу же ѡбласть и полога ѡба до коньца
съ мегамн сконми. и прѣбываше въ благодарени
божини и въ молитвахъ днь и ношь. побѣди врагы
своѣ, ѡко монси амалнка, крьсть христовъ неѡ-
слабѣно прѣдъ оуниа носе, и тѣмъ побѣдоу воздѣн-
заіе на противныѣ варьварѣ. днѡклитиоу же и даль-
мациоу, ѡтъуство и рождѣниѣ своѣ, истокоую
дѣднноу скою, насилѣноу бывышоу ѡтъ рода гръ-
уьскаго, и съзидаи гради оу неи ѡтъ роукъ нхъ,
ѡко проглаголюеть се гръуьскаѣ ѡбласть, нмѣ-
же имена сии соуть: данъ градъ, сарьдонскѣи
градъ, дриковѣть, росафъ градъ рекомѣи скѣдѣрь,
градъ свѣухъ, градъ льцинь, градъ славыны баръ. мо-

торь же остави, оутверди въ ин и възмесь дворь
свои въ нѣмь, иже ю и до селѣ. проуеи же граде
испрокрѣи и раздрочи, и изъмѣни славоу нхъ въ
образъ опустѣниа, грѣхъскои нмѣ истрѣбѣи, да
немѣноуютъ се нмѣ нхъ отъиудѣ въ областѣи томъ,
а людѣи своѣи, иже въ нхъ, невѣрѣнио съхрани,
слоужити владыцѣи твоѣи съ страхомъ съ оуве-
ренымъ дѣломъ отъ светаго.

ХІІІ. Прѣбываше же блаженни сѣмѣи, безъ-
малѣиствоуи съ дѣтищеи своимъ савою. и безъмалѣ-
иствоуища въ монастыри своемъ, въ храмѣи прѣ-
светыи богородице, въ светѣи и мноуиствоуища
горѣ, въ кѣсакѣи правнѣи урьнѣиьскаго оустава дѣи
и моуи прѣстаиущи оуи, неоумѣицаиущиимъ
пѣниемъ, прѣоуиски, и тѣскии поуѣи текоуища,
и до конѣица забѣиуища земѣиьнаа, и тѣиини хъ прѣ-
стыиини хъ оишѣища, и на небеса оумѣи въперѣи-
щаа тѣломъ на земли стоѣища, оумѣи же и доу-
шею въ небесниини хъ прѣбѣиуищаа, долѣи же мно
самого христа прѣдѣи собою зрѣища, горѣи же съ
ангѣлы въдѣиуищаа, и испрѣиуищаа житиѣи своѣи
и жизни подобно дрекѣиини хъ светыиимъ правнѣи
сего иауѣиьникомъ, урьнѣиьемъ прѣподобниини хъ, и
смотрѣищаа къданнѣи троуѣиомъ нхъ прѣдѣи иодѣи-
заста се на оуиишеи, икоже и прѣспѣиити проуи хъ.
и спонѣиуищаа вѣиѣи много въ мѣиствѣи своемъ
светыи богородице и прѣиоудѣи мѣириѣи, доиѣи-
же нзкои се създакѣишоумѣи тѣлеса уловѣиьскаа
и свѣдоуищеи тѣиинѣи уловѣиьскаа, имоуи же въ
роуѣиуи всако дѣианнѣи животнѣиомъ, и своимъ ми-
лосѣиьднѣиьмъ свѣиствѣи конѣиуиноуи когѣиждѣи, и хѣиѣи на

оуныщеніе прѣвести трѣблаженнаго старьца, въздати
 ѹмоу хѹте ѡправьданиа ѹго за троуѹдѹ ѹго, и за
 нстаннїе тѣла и за оумноженїе слъзнаго истоу-
 щика и за всакоуе исправленїе добриѹ дѣтелъ,
 призвати и къ таннѣи трапезѣ, и напоити истоу-
 щика бесмрътнаго, и оудкорити на мѣстѣ хладнѣ
 пажити ѡмоу сьоудкараема къ дворѹ своеу сь
 оугождьшнми ѹго, кеселити се неспрѣстанно сь
 ангелы ѹго. кто бо ѹсть, реуе, уловѣкъ, нже по-
 жнкетъ и неоузнѣтъ сьмръти? и сего хѹте швити
 небеснаго уловѣка а землянаго ангела, потыща
 свою неизреуеньноюу мнѹсть, и лѣстеницю оуфо-
 тока въсходуу прѣподобнаго, юже самъ си про-
 оуготовѹа прѣдѹ, прѣдавъ владыцѣ своѹмоу, въ
 уасѣ нсхода ѹго прѣдѣстави ю ѹмоу, юже про-
 ѡбразоуе канмакъсѣ ѹванѣ, глаголаше: въсхѹдите,
 братїи и ѡтѣи. на нюже тыраше се светѣ не-
 постыдно въстоупникѣ шѣствовати къ зокоуцоу-
 моу и. въ снѣ бо вѣше науеъ боѹти прѣподобъ-
 ннѣ. и призвавъ сына своѹго сакоу науеъ гла-
 гѹлати ѹмоу, полнѣае слъзамѣ тѣло свое: ѡ лю-
 бимнѹе мон, прїспѣ вѣше ѡшѣствнѣ моѹго. се
 прѣдѣстонѣ христѹсѣ невиднѹмо и зоветъ ме. при-
 несѣи ми, уеѹо, матерѣ господѣ моѹго ісоуѣ хри-
 ста, да ꙗкоже ѡбѣщахъ се, да прѣдамъ къ роуцѣ
 ѹеу доуѣкъ мон. прїзовѣи мѣ, уеѹо, прѹта и братїю
 въсоу, да видѣтъ нсходѣ мон. юже бо прїблизѹ-
 ютъ се слоуѣгы господѣ бога моѹго и вѣи крѣпѣ-
 цнѣ, и гласѣ нхѣ и пѣснѣ нхѣ слышнѣа оушѣи мон.
 поспѣши, любимнѹе. и прїнесѣи бывѣши прѣске-
 тѣи, и въсѣмъ събранѹмъ званнымъ покоѹ радѣи трѣ-
 блаженнаго, прострѣ рогозѣнноу свою прѣдѣ светѹю,
 и дежаше, уаѣ прїишѣствнѣ ангельска. и снѣмъ сѣ-

дешинымъ окръсть телесе его, въ оуныни соушн-
 нымъ нмъ, жалеще светаго, глаголахоу юмоу съ рн-
 данннемъ многомъ: неѡстави насъ сирѣь, прѣпо-
 добне. нелиши насъ оученнѣ своего. кто бо на-
 ставитъ ны и къ комоу приеѣгнемъ? и выпль многоѣ
 испльнншемъ жалостно рыдаху. въ ннхъже и сава,
 присноцѣьты разлнуымнмъ цвѣтомъ дѣвѣста ско-
 юто, плаче жалостно, глаголаше: ѡ прѣнодобне,
 вждоу, ꙗко селенне твоиши къ господоу. нь не-
 забеннан и насъ въ молитвахъ своихъ, и мноость
 испроси ны оу христа бога. како бо пожнеоу безъ
 свѣтлаго ти лица? какъ бо ѡбнуан примоу, непа-
 сицае се добраго пастыра своего? кын ли ѡбн-
 уан примоу бесѣдѣ доушесннхъ? оу кого полоуѣоу
 оутѣхоу мою? кто нцѣлать ми доушесннхъ крѣдѣ?
 оумоли владыкоу своего, да примеш ми съ со-
 бою въ вѣчныя кроки. немогоу бо трѣпѣти разоу-
 ченнѣ, скѣте мои сладкыи. и всѣи ꙗко единнѣми
 оустн рѣше: поменн ны, прѣподобне, въ блаженн
 твои покон. ѡнь же въсклонъ се, рече: утѡ ѡбѣ-
 юти есте псѣалню? научѣте надъгробнѣмъ пѣннѣ.
 и вънезапоу бысть шоумъ, ꙗко подвижатн се мѣ-
 стоу, на немъже бѣхоу. и се пѣснь ангельская не-
 виднмо: слава въ вышнннхъ богоу и на земьли
 мирѣ, въ улобѣннхъ благоволеннѣ. трѣблаженн
 же пошше съ нмн въсемъ зрещемъ. и тако прѣдаа
 доухъ свои въ роуцѣ господьни славно. и бѣше
 лице его ѡсклаблено, ѡбразѣ нмѣю на себѣ неиз-
 рѣченнѣ. и днѣаххоу се всѣи зреще снхъ. и съ-
 коутавѣше тѣло блаженнаго съ псалмн и пѣсньмн,
 и положнше и въ гробѣ. и разндоше се кждо въ
 свои си, славеще ѡ снхъ ѡтца и сына и светаго
 доуха, нынѣ и прсно и въ вѣкы вѣкомъ. аминь.

ИЗЪ ЖИВОТА СВ. СИМЕОНА ОДЪ СВ. САВЕ.

(измеѣу 1208 и 1215 год.)

(изъ рукои. XVII. в.)

I. Нашъ светын монастирь сын, яко вѣдѣти вамъ, яко поустоу мѣстоу семоу бывшоу, ловиша скѣреми бѣхоу. пришьдышоу же къ ловиткоу господиноу нашему и самодрѣжцоу, царѣствоуюцоу късее сръбьскыи земли стефану немани, ловецоу емоу здѣ, и изволи се емоу къ поустѣмъ семъ здѣ мѣсте оустворити монастирь сын на покон и на оумноженіе единокыхъ унни. сего бо трѣблѣннаго по истинѣ господина ны и отца, да вѣдомо боудеть всѣмъ намъ же и нѣмъ, яко богъ творенъ наболиша уловѣкомъ нехоте уловѣуьсконъ гыбѣли, постави сего самодрѣжнаго господина царѣствовати късее сръбьскою землею, нареуеннаго стефана немани. и ѡбновѣвшоу ѡтъунноу дѣдннуу и болше оутвѣрдившоу божіею помѡщію и своею моудростію, данною емоу ѡтъ бога, и въздвиже погыбшоую свою дѣдннуу, и приобрѣте ѡтъ поморьскыи земли зетоу и съ градѡвы, а ѡтъ рабна пилота ѡба, а ѡтъ грѣуьскыи земли патьково, хвостно късе и подриміе, костьць, дръжьковинноу, ситинцоу, лабѣ, липпѣмъ, глыбоуниццоу, рѣке, оушькоу и поморакіе, загрылатоу, лѣвѣуе, бѣлнцю. таа къса моудростію и троудѡмъ своимъ сѣа къса приобрѣте, погыбшоую некогда ѡтъ насилїа своее емоу дѣднны, достоиннаа емоу сръбьскыи земли. и поспѣшеніемъ божіемъ миръ и тишинноу выпрїемьшоу владыуьствоу его ѡтъ въсоудѡу, къ истинноу бо

СЫН ДНЬНЬ И СТРАШНЬ БЫСТЬ ВЪСЪМЬ ЖИВОУЩЫМЬ
 ОКРЬСТЬ СЕБЕ, ВЛАДЫУСТЬКОУ БО ЕГО БЫВШОУ ЛЗ.
 ЛЕТЬ СЪХРАНЕНОУ И ЦЪЛОУ И МИ ОТЬ КОГОЖДЕ НЕ-
 ВРЪЖДЕНОУ. УТО БО СЕГО НАРЕУЕМЬ? ВЛАДЫКОУ ЛИ
 ПАУЕ И ОУУНТЕЛЮ? ОУТВРЪДИ БО И ВЪРАЗОУМИ ВЪСЪХЬ
 СРЪДЦА, И НАСТАВНИ НЫ КАКО ПОДОБАЕТЬ ПРАВОВЪРНЫМЬ
 ХРИСТІАНѦМЬ ДРЪЖАТИ ПРАВОУЮ ВЪРОУ КЪ БОГОУ. СО-
 БОЮ ПРЪКЪЕ. БЛАГОВЪРІЕ ПОКАЗА, ПОТОМЪ ЖЕ И НИЕХЬ
 НАСТАВНИ. ЦРЬКВИ ОСВЕТИ, МОНАСТІРЕ СЪЗДА, СВЕТИ-
 ТЕЛЮ КЪ СЛАСТЬ ПОСЛОУШАЕ, НЕРЕЕ УЧЕ, КЪ МИН-
 ХѦМЪ ЖЕ ВЕЛИКО СМЪРЕНІЕ И ЛЮБОВЬ ИМАЕ, НЕНАДЪ-
 ЮЩИМЪ СЕ НАДЕЖДА, ОУБОГЫМЪ ЗАСТОУПНИКЪ, НИЩНЫМЪ
 КРЪМНТЕЛЪ, НАГЫЕ КЪ ДОМЪ СВОИ ВЪКОДЕ И ОДѢВА-
 ШЕ, СИРЫЕ ВЪСПИТА, ВЪДОВИЦЕ ОПРАВДА, СЛѢПЫМЪ
 И ХРѦМНЫМЪ И НЕМОЩНЫМЪ И ГЛОУХЫМЪ И НЕУМНЫМЪ
 КЪ ИСТИНОУ МАТИ БЫСТЬ, И ПРОСТО РЕЦИ ВЪСЕ ТВОЕ
 ИМЪНІЕ КЪ ЗАНЫМЪ ИЗДА. ВТОРЫ БО АВРААМЪ БЫСТЬ
 СТРАННОПРІЕМЦЪ, ЗЕМЕЛЬНЫМЪ АГГЕЛЪ, НЕБЕСНЫ УЛО-
 ВЪКЪ. ТЪМЪ ЖЕ И БОГЪ ПРЪКЪЗНЕСЕ И, И ДАРОКА ЕМОУ
 ИМЕ, ЕЖЕ ПАУЕ ВЪСАКОГѦ ИМЕНИ. ИМЕНИ ЕГО ВЪСИ
 ЕЗЫЦИ ПОКЛОНИШЕ СЕ. САМЪ ЖЕ СЪЗДА МОНАСТЫРЕ. И
 ПРЪВО ОУ ТОПЛИЦИ СВЕТАГО ОТЬЦА НИКОЛЫ. И ДРОУ-
 ГЫ ТАМОЖДЕ СВЕТОУ БОГОРОДИЦОУ ОУ ТОПЛИЦИ. ПО-
 ТОМЪ-ЖДЕ ПАКЪ СЪЗДА МОНАСТІРЬ СВЕТАГО ГЕѦРГІА КЪ
 РАСКЪ. И ВЪСЪМЬ ТЪМЪ МОНАСТЫРЕМЪ СЪТВОРИ ОУПРА-
 ВОУ, ЯКОЖЕ ПОДОБАЕТЬ. ПОСЛѢДИ ЖЕ ТѢХЪ СЫНЪ НАШЪ
 СВЕТЫН МОНАСТЫРЬ СЪЗДА, ЕГОЖЕ И НАРЕУЕ КЪ ИМѢ
 ПРЪСВЕТЕМЕ ВЛАДЫУНЦЕ НАШЕ БОГОРОДИЦЕ БЛАГОДѢТЕЛ-
 НИЦЕ. СЪЗДАВЪ ОТЬ МАЛА И ДО ВЕЛИКА, И СЕЛА ПРЪ-
 ДАВЪ И СЪ НИЕМИ ПРАВДАМИ МОНАСТЫРЮ, ИКѦНИ И
 СЪСОУДЫ УЧЪСТНЫМИ И КНИГЫ И РИЗЫ И ЗАВѢСЫ И ЯЖЕ
 СОУТЬ ПИСАНЫ КЪ ЗАТОПЕЧАТЫНЪН ПОВЕЛИ ЕГО, ПАУЕ
 ЖЕ И КЪ ЦРЬКВИ НАПИСАНО НА СТѢНѢ, И СЪ КЛЕТВОЮ

и се заощюю, яко да никто испотворить егова
преданїа, якоже слышите и въ книгахъ смъхъ на пра-
дн о томъ слоко.

III. Испльниенюу же се емоу аз. момоу аз-
тоу въ дръжавѣ его, владыка же прѣимнаостыи
непрѣзрѣ моленїа его, еже изъ глаоуенны срьдця
въздыхаемое, нь яко шедрь и троудопрїемць и
мъздоподатель въсѣмъ хоте спасти се. приклїоу-
шоу бо се врѣмени вчно сынъ смотрѣльнымъ сынъ
моужъ въсоу мира сего славоу и усть нн въ что
же възнн, и красота жнзнн сее яко и дымъ моу
вндима бысть, хрстова же любви растѣаше въ
нїемъ, и разьгарааше срьдце его яко храмина емоу
оуготована и съсоудъ прѣхнсть доуховн его све-
томоу, нѣкоторымъ приложенїемъ въ оумъ его при-
ложншоу хрстоу и наставльшомоу н. и тако по-
славъ сълькоупн блатородноуо си дѣтьцоу и въсе
нзбраные си болше, малые и великые. и съвѣ-
ноупнѣе юе къ себѣ наустъ нмъ оуѣе глаголати:
уеда моя възлюбленна и въснтенна мною, се оу-
вндѣно бысть въсѣмъ камн, како богъ своимъ про-
мышленїемъ постави мене владыуствовать надъ
камн, и въ наустѣ каковоу прифѣрѣтохъ прѣбен-
дѣноуо земаю нашоу, и помощїю божїею и прѣ-
светые владыуице наше богородице, еликоу мощь
нмѣе, нешѣлннхъ се ни покоа дахъ себѣ, дондеже
вса направаю. и богоу поспѣшьствоуюшоу ми при-
ложнхъ къ камъ дълноу и ширноу, еже въсѣмъ
вѣдомо бысть. въсѣхъ же вась яко н. свою дѣть
въспнтѣхъ, даже и до селѣ, и наоуунхъ вы, како
дрѣжатн се правокѣрныє кѣры. мнѣшн же ннѣпла-
менинцн вѣсташе на ме и обндоше ме яко и пѣв-
амъ сътъ, нь нменемъ господьнымъ противлѣхъ се

НМЬ И ОДОЛѢХЬ НМЬ. ТѢМЬ ЖЕ И КШ, УЕДА МОА ВЪЗ-
 ЛЮБЛЕМАА, НЕ ЗАБЫКАНТЕ ОУУЕИІА СВОЕГО И ПРАВО-
 ВѢРНАГО ЗАКОНА МНОЮ ОУСТАВЛЕМАГО. СІЕ БО ДРЪЖЕ-
 ЦЕ НМѢТН ХОИРЕТЕ БОГА ПОМОЩНИКА СЕБѢ И ПРѢСВЕ-
 ТОЮ ГОСПОЖДОУ БОГОРОДИЦОУ, И МОЮ АЩЕ И ГРѢ-
 ШНОУ МОЛНТВОУ. МЕНЕ ЖЕ НИИИ ОТЬПОУСТИТЕ, ВЛА-
 ДЫКОУ СВОЕГО, СЪ МИРОМЬ, ДА ВІДНѢ ОУИ МОИ СПА-
 СЕНІЕ, ЕЖЕ ЕСТЬ ОУГОТОВААНЪ ПРѢДЪ АНЦЕМЬ ВЪСѢХЪ
 СВѢТА ВЪ ОТЬКРѢСЕНІЕ ЕЗЫКОМЬ И ВЪ СЛѢХОУ ВѢМЬ,
 ПАСТЕЪ МОЕМ. ВІЖДОУ БО, ЯКО ВЪСЕ СОУЕТИ УЛО-
 ВЪУСКОУ, ЕЛИКО НЕПРѢКОУДЕТЬ ПО СЫМЪТН. НЕПРѢ-
 БОУДЕТЬ БОГАТЪСТВО НИ СЫИДЕТЬ СЛАВА, ПРИШЕДЪШИИ
 БО СЫМЪТЬ ВЪСА СИ ПОГОУЕНТЬ. ТѢМЬ ВЪ СОУЕ МЕ-
 ТЕИ СВ. ПОУТЬ КРАТЪКЪ ЕСТЬ, НИЖЕ ТЕУЕМЬ, ДЪШѢ
 ЕСТЬ ЖИТІЕ НАШЕ, ПАРА, ПРѢСТЬ И ПРАХЪ. ВЪ МАЛѢ
 КАКАЕТ СЕ А ВЪ СКОРѢ ПОГЫБАЕТЬ. ТѢМЬ ВЪ ИСТИНОУ
 СОУЕТА ВЪСАУСНА. ЖИТІЕ БО СЕ СѢИИ И СЪИИ, И БО НИ
 ВЪ УТОЖЕ МЕТЕТ СЕ ВЪСАКЪ ЗЕМЪАНЫ, ЯКОЖЕ РЪШЕ НИИ-
 ГЫ: ЕГДА И ВЪСЬ МИРЬ ПРИОБРЕЩЕМЬ, ТОГДА И ВЪ
 ГРѢХЪ ВЪСЕАНИ СЕ, ИДЕЖЕ КОУПИНО ЦАРІЕ И ОУЕОЗИ. ТѢМ
 ЖЕ, УЕДА МОА ЛЮБЛЕМАА, ПОУСТИТЕ МЕ СКОРО, ДА
 ИДОУ ВІДѢТИ ОУТѢХИ ИСРАИЛЕВЫ. И СИИИ ОУКЪАТЫ ОУ-
 ВѢЩАВЪ НХЪ ДОБРЫ ГОСПОДИИИ И БЛАГЫ ПАСТЫРЬ, СИИИ
 ЖЕ ВЪСѢМЬ МНОГО РЫДАЮЩИИИИ И ГЛАГОЛЮЩИИИИ ЕМОУ:
 НЕОСТАВИ НАСЪ СМРЬ, ГОСПОДИ, ТОБОО БО ОСВѢЩЕНИИ
 БЫХОМЬ, И ТОБОО ИДОУЕИИИИ БЫХОМЬ, И ТОБОО ПРО-
 СЕЪТНХОМ СЕ, ПАСТЫРЮ ДОБРЫ, ПОЛАГАЕИ ДОУШОУ
 СВОЮ ЗА ОУЩЕ. И НИКОЛЖЕ БО ВЪ ТВОЕ ДЪШН ВЪСХИ-
 ЦЕМО БЫСТЬ ОУЕУЕ ВЪЛКОМЬ ОТЬ БОГПРѢДАННАГО ТИ
 СЛАДА ПАСТЕЕ. И ВЪ ВЪСЕ АИ. ЛѢТЬ ТВОИИХЪ СЪБЛЮДЕИИ
 БЫХОМЬ И ВЪСИИТЕИИ, И НИОГО ГОСПОДА И ОУТѢА НЕ-
 ПОЗНАХОМЬ РАЗКЪ ТЕБЕ, ВЛАДЫКО НАШЕ.

3.

ИЗЪ ДАРОВАТЕЛНОГЪ ПИСМЕННА СТЕФАНА
ПРВОВЪНЧАНОГЪ МАН. ЖИЧИ.

год. 1222 — 1228.

Си же скеты и прѣшквещенн храмъ спаса нашего ісѹса христа, азъ милостию божнією князь-уани краљъ стефанъ, и с прѣвѣзлюбленнымъ сніомъ сконмъ радославомъ прѣвѣнцемъ, іегоже и благо-словисмо бити емоу кралю въсе сніе дръжавѣ, въ семже храмъ спаса нашего здѣ да поставляютъ се въси краднѣ, хотеще быти дръжавѣ сѣн, и архіепискоупниѣ и пискоупниѣ и нгоуменнѣ здѣ да поставляютъ се и сніе жоупѣ приложихомъ по-ѡдъ власть сніен цръкви: кроушннльницюу, моравоу, борьуъ, лепеници ѡбѣ, бѣаница, лѣвоуъ, лоугомнра, раснма, и власн вси сніе кралевскѣ дръжавѣ. и сніе жоупѣ, уьто приложихомъ цръкви спаса нашего, съ снмъ да неммаю протопопѣ дворскѣ никорѣ ѡбластн. а цю доходи ѡтъ поповъ или ѡтъ влахъ или земельски люди, уьто є поповска внрь, уьто се оуземлѣ на людехъ, да се та вса оуземлю сѣн цръкви. а ннѣмъ пискоупннѣмъ не соу дошлѣ жоупѣ, да оузнма протопопа дворски половинюу бири поповскѣ, а іере є врьховнна пономъ, да ѡдъ тога неоуземлѣ протопопа уѣсты, нь въсе то пискоупъ да оуземлѣ. а снѣ. д. жоупѣ: иельшанница, пноука, ѡба нера, ѡдъ нспрьва нѣоулазнлѣ протопопа. да и иещѣ да соу ѡтъ протопопъ свободне н. д. намастирн кралевсци: скета богородница стоу-

ДЕНИНУСКА, И СВЕТЫ ГЕОФРГНІЕ ОУ РАСТЪ, И СКАТОГОРЬ-
СКИ МАНАСТІРЬ, И СВЕТА БОГОРОДИЦА ГРАДЬУСКА. ТЪМН
Д. МН МН САМЪМН МНН, НАН ГДЪ НМЪ СОУ СЕЛА ПОДЪ
КОМН ПИСКОУПНМН, ДА НЕИМАЮТЬ НАДЪ НМН ННКОРЕ
ОБЛАСТИ ПИСКОУПНІЕ. А О ПОПОВЬСЦЪМЪ ПОСТАВЛЕНН
СИХЪ МАНАСТІРСКИХЪ ОБЛАСТИ, И О ВСАКОМЪ ДОУХОК-
НОМЪ ИСПРАВЛЕНН, ПРЪДЛАГАЕМЪ ТА ВЪСА НА АРХІЕПН-
ПИСКОУПА. А О ПОСТАВЛЕНН НГОУМЕНЬСКОМЪ, ІЕГОЖЕ
ПО ПРАВДЪ ИЗВОЛИ КРАЛЕВСТВО, СЕГО АРХІЕПИСКОУПЪ
БЛАГОСЛАВЛЯЕТЪ БОЖЬСТВОМЪ, А КРАЛЬ ДАВАЕТЪ ЕМОУ
ЖЪЗЛЪ, И ЦЕЛОВЪ ІЕГО ПОСТАВЛЯЕТЪ ЕГО НГОУМЕНА. И
ПО ТОМОУ БОЖЬСТВУНН СЪ ЗАКОМЪ НАОУУНВЪШЕ ПО ЦРЬ-
КОВНОМОУ ОУСТАВОУ И ПРЪДАНН.

4.

УГОВОРЪ ІОВАНА ДАНДОЛА КНЕЗА ДУБРОВАЧ-
КОГЪ СА КРАЛЪМЪ СРБСКИМЪ ВЛАДИСЛАВОМЪ.

ГОД. 1235.

ВЪ МНЕ ОУЦА И СЫНА И СВЕТАГО ДОУХА. АЗЪ ЖАНН
ДАНЬДОЛЪ КНЕЗЪ ДОУБРОВЬУСКИ, СЪ ВСЪМН БОЛШРИ И СЪ
ВСОВЪ ОПКННОВЪ ГРАДЬСКОВЪ, КЛЪНЕМО СЕ ТЕБѢ, ГОСПО-
ДИНОУ КРАІЮ ВСѢХЪ РАШКИХЪ ЗЕМЪЛЕ И ПОМОРЬСКИХЪ,
ВЛАДИСЛАВОУ, ОУ ГОСПОДА БОГА НАШЕГО НСОУС ХРИСТА
И ОУ ПРЪСКЕТОУ БОГОРОДИЦОУ, ОУ УЪСТИМЪ И ЖНКОВЬ-
РЕЩИ КРЪСТЬ И ОУ СВЕТА БОЖИѢ ЕВАНГЕЛІА И ОУ ВЪСЕ
СКЕТЕ, ОУГОДНВЪШЕ БОГОУ ОТЬ КЪКА, БЕЗЪ ВСАКЕ МОУЖДЕ,
НЪ СВОИМЪ ХЪТЪНЕМЪ И СВОЮВЪ ВОЛОВЪ, УНІСТЪМЪ СРЪД-

цемъ и правохъ върокъ; кесъ всагога пронадства и
 зъле мислы, шкорѣ оутъ дньшнего дньс да ти смо
 прѣтсан правы, и да смо с товохъ еднотъ мисаню и
 еднитъ срьдцемъ неразлоууно до жикота нашего и
 твоего. и кто е твои прѣтель, да моу смо прѣте-
 лне, а кто твои врагъ приежне оу нашъ градъ нъ
 намъ, да ти немспакости нишаре оу насъ боуде. ако
 ли убо испакости, да е мы платимо, ако ли га не-
 платимо, да оного самого да ти дамо. ако ли тога
 неоуинимо, да е на насъ клетва снѣ. и ако ти се
 згоди кое наснаме, и приежнешни оу градъ нашъ къ
 намъ, да те примемо яко господина, съ всакохъ
 поустьню и съ всакимъ прѣмнемъ, съ всѣми твоими
 болярн, и с ѣмѣми всѣми твоими, кон се с товохъ
 згоде. и колико възлюбѣши прѣйти оу насъ, да си
 прѣбоудеши съ всакохъ поустьню, а зла да ти неоу-
 инимо никогаре, ни тебе самогоу господиноу, ни
 госпожи женѣ твоеи, ни дѣти твоеи, ни добытку твое-
 мою сакамоу, ни болярномъ твоимъ, и ни сакамоу
 никомоу твоему, ни добыткомъ нмъ: нъ пате да
 имашъ поусть и храни оу противоу моимъ нашимъ, яко
 и господина. и кѣга си къ схочеши понти нмамо оудъ
 насъ, да си погѣши свѣбодно съ сакою поустьню,
 и съ всѣми твоими, и съ добыткомъ сакимъ твоимъ,
 и ѣмѣхъ добыткомъ сакимъ, а мы да те испратимо,
 а зѣмли твоеи и градомъ твоимъ да неспакостимо,
 ни плазомъ, ни гоусовъ, ни ѡуникѣсть нъ таемъ, нъ
 пате да нмъ прѣмо яко и самѣмъ намъ, и да стоимо
 оу старнѣхъ мѣгахъ, а прѣс то до непосежемо ни-
 корѣ. а добытъ есѣ смо рекли дати, да ти дамо
 тиоукию перѣперѣ и пѣть десѣтъ лантъ скрълаа уи-
 стога и урленого, когаре ти самъ господинъ ѡбляю-
 биши. то половеиноу да ти дамо съга, пѣть сътъ

перьперь, и ѿноузи петь десеть аакть скрълаа, кое-
ре тебе оугодно боуде, а дроугоу петь съть перьперь
да ти дамо до божика. и ѿть тога да ти неоудръж-
но всега ни мала, нь да ти подамо все и оладьмено.
и цариньник твои да стон оу насъ некръгень ѿдъ
насъ никакоре. и что е твоѣ правна, да ти ю пода-
емо въсоу скръшеноу. и къга ѿдъ насъ оустръбоуеши
помоки по мору, и подемо ти на помокъ, да мы
простншь тога лѣта все, что нмамо законъ давати,
и ноульнень нашнмъ, конъ въсходемо твои земли,
царюу, аки и господинъ светопоуникынн дѣдъ
ти и господинъ светопоуникынн ѿць ти, къга нма
смо помаган, прѣцала мы ста. аки ли неоузмже-
мо нти на помокъ ти, то да си оузымаши все, како
ти е законъ. и такоге ти се и мы каљнемо, како ти
се соу и ты болше, послан нашн, келн, мѣѣи
боудуникъ и крѣвдинъ маньгеревникъ и петръ сръжннкъ.
и никотире оузокомъ да нераздроушнмо снѣ клетве
с тобою, нь да ю дръжнмо твѣдо. и ако ее коз
крамода оууннин негоу нами, да се соудомъ испра-
ваа, а клетвоу выноу да дръжнмо к тебе непомьно.
и како ховемо снѣ все хранити, что се пише оу
снѣи клетвѣ, тако да насъ богъ съхрани на семь свѣ-
тѣ и оу боудоукемъ. аки ли прѣстоунимо и едно ѿдѣ
сега, что смо оутокорми с тобою и оуписали здѣ,
да мы богъ съльме и смета вѣгородица и всн светн,
он се пишоу оу снѣи клетвѣ, на семь свѣтѣ и на
(о)номъ.

5.

ИЗЪ ЖИТІЯ СВ. САВЕ ОДЪ ДОМЕТИЯНА

ОДЪ 1864.

изъ рукописа дворске царске библіошеке, изъ XVI в.

И яко на много на веуери закѣснѣвшомъ, повелѣваетъ ігоумень оударити бѣло, недела бо еѣ ѡтъднѣи. вѣстаетъ ігоумень и съ нимъ юноша, и походитъ въ црѣковь на молантвоу. вѣстаетъ и воевода и соуцѣи съ нимъ, стоѣти въ црѣкви, не во сѣдѣхоу ѡтъ оуію своею ѡтпоустити его. пѣію же продльженноу соуцоу, и утѣію пакы на мношѣ проунтаемоу въсѣмъ сѣдѣщемъ въкоупѣ. и ѡиѣмъ вонномъ стрѣгоуцимъ его съ стратилатомъ, троуда же радн поутнаго, и оутѣшеніемъ пѣра оусноуѣшемъ въсѣмъ на мношѣ. и яко үвѣдѣ ихъ оусноуѣшихъ божьстѣннѣи юноша, бѣдрое око, вѣстаетъ ѡтъ нихъ и покланѣетъ се прѣдъ свѣтымъ жрѣтѣвникомъ вѣздаетъ обѣты своѣ госнодѣви. благословѣи се ѡтъ ігоумена поѣмъ єдино҃го старца поутѣнна сѣномъ свѣщенства, и вѣсходитъ на великѣи нже въ монастыри пѣрьгъ, и о себѣ сего затворъ благодарѣвъ бога реуе: вѣзнесоу те госноди, яко подіѣтъ ме. сѣтвор же свѣщенникъ молантвоу ѡтиѣмаѣтъ власы глави его, и въ рнзоу облауѣтъ его аггелѣскаго образа, растько нме сѣвомъ нзмѣнѣвъ. слѣзамн же многымн окропѣвъ землю, благодарѣныѣ и похвалѣныѣ гласы къ бо҃гоу вѣщае. яко желаніе срдца моего исплѣни ми глаголю и сѣврѣши. яко и оустнѣ

ДѢТИ СЕ СТАРЦЮ СВЕЩЕННОМУ ѿ МНОГАГО ЕГО ПЛАЧА. И СМЫ ТАКО БЫВШЕМЪ УТЕНІЮ СКОУАВШЮ СЕ И ВЪСЫМЪ ВЪСТАВИШЕМЪ ВЪЗЫСКАШЕ СТЯГОУЩЕН ГОСПОДИНА СВОЕГО, И СЕ НЕБѢ ГДѢ ВЪДѢТИ ЕГО. ПО ВЪСОНЖЕ ЦРЬКВН И МОНАСТІРЮ ИЩОУЩЕ И МАЛКЕЩЕ И НЕ ОБРАТШЕ ЕГО, МАУЕШЕ ДОСАЖДАТИ ІГОУМЕНОУ И БИТИ МННХЪ.

Коекода же оуставивъ малюу, глагола къ ігоуменуу и къ мннхѡмъ: УТО СІА НЕПРАВДА И БЕЗУБЪСТІЕ НАМЪ ѿТЪ ВАСЬ, Ѡ ОТЬЦН УБЪСТІИ! МЫН ОУБѢ ѠБРАЗА, ЕГОЖЕ НОСИТЕ, СТЫДЕЩЕ СЕ, ВАШОУ ЗЛОБОУ ПРЪЗРѢШЕ, КРОТЦН И УЛОУКОЛЮБЕНН БЫХѡМЪ КАМЪ. НЕПРЪВЪЕ АН ѿТЪ ВАСЬ ПРИШЪДЪ ДАРА ПРОСИТИ СЫН АБЪСТЫВН ДОСТОИВН СЫМЪРТИ, ЕДИНМОГО ПОКАЗАКЪ, РЕУЕ; И ДАРЪ ЕКО ИМУТО ЖЕ ПРЪОБЕНДЪВЪ, ѿТЪ ѿТЦА СЫНА ВЪСХЫТИВЪ ПОБЪЖЕ. ѿТЦА ОУБѢ И МАТЕРЬ КЪ СЫМЪРТИВН ПЛАУЪ, И НАСЪ КЪ ТРОУДЪ МНОГЫН ВЪЛОЖИТЕ, И НЫНѢ ПАКЪ НАМЪ ПРИШЪДШИМЪ ѿТЪ РОУКЪ НАШИХЪ СЪКРЫТЕ ГОСПОДИНА НАШЕГО. И НЕЩЕ СВОЕКОЛСТВОМЪ КОДИТЕ СЕ. УТО СИЩЕ ВАМЪ МОУДРЪСТВОКА СЕ? ЕКО ПОРѢУГАТИ СЕ НАМЪ? ДА ИЛИ ВАМЪ МНИТЬ СЕ, ВЪСОУЕ ТРОУДНХѡМЪ СЕ, И ВЪЗДОУХЪ ГОМЕЩЕ, А НЕ ГОСПОДИНА НАШЕГО ИЩОУЩЕ? НЫНѢ НИЗПАДОУТЬ ГЛАВЫ ВАМЕ. РЪЧТЕ, ГДѢ СЪКРЫТЕ ГОСПОДИНА НАШЕГО?

СІА ЖЕ ОУСЛЫШАВШЕ ѿТЪ СТРАТНААТА ЮНОШЕ, ЕКО КЪ РАТИ СОУЩЕ ГОТОВН, МОТЪ МАУЕЩЕ МННХЪ БИТИ НЕМНОГОСТІВНО. И ЕКО СІА ОУСЛЫША ИСКОМЫН, О НИЕМЪ ЖЕ ТОЛИКА МАЛКА ТВОРЪШЕ СЕ, ОУБѢМЪ СЕ, ДА НЕ НАКО ЗЛОБА ОУБѢИСТВОМЪ СКОУДЕТЪ СЕ, ПРЪИИКЪ СЪ ПИРГА ГЛОГОЛЕТЪ, СОУЩН НОЩН НЕЩЕ И МРАКОУ. И ЕКО ОУСЛЫШАШЕ ГЛАСА ЕГО, РАДОСТИ МНОГЫ ИСПЛЪМИШЕ СЕ, И ВСН КЪ СТАЛПОУ ПРЪТЕКИШЕ КЪ ВЫСОТѢ ЗРѢХОУ, АЩЕ БИ МОЩНО ТМЪ ѠТСТОУЩИТИ, И ВЪДЪВШИ

его оутышеніе прїемл. и прїемъ слово къ стратилатоу глагола; многомоудръ сын разоумомъ, и юныхъ разоумоу низкодини се, палеъ толкныи людїи нмїе съ собою въ странахъ тоуждїихъ выскола моудрьствоуешн. и къ благороднымъ юношамъ рече: обрада неоустыдѣсте се, бога како оубоукоуѣсте се? тако ли камъ лѣно єсть на таковое агглаское стадо въ црѣни въоруужати се. что сн камъ зло сътворише? аще оубо мене нїѣта, се азъ где бѣмъ. нынѣ неможете мене видѣти, заутра же оузрите ме, снхъ же оставите. смъ же оуслышавше страхомъ и стоудомъ ѡбѣсти бывшїе недооумѣахоу что отъшатн. и тако оумальаахоу, и ѡбѣстоуѣльше стражахоу стальп. и дню же освѣтающоу пакы прїиникъ съ стальпа прїзываетъ воеводоу и благородныхъ юношен, и являет се въсѣмъ аггласкымъ образомъ нноуьскымъ оукрашенѣмъ. ѡниже такоа оузрѣвъше его и въ таковѣмъ образѣ, недооумѣахоу, что ѡ себѣ сътворити възмоган быше. палуемъ же и рыданїемъ ѡбѣсти бывшїе на землю падахоу. єнже видѣвъ ихъ въ таковѣн послѣднїи горестн срьдца, къпрїемъ ихъ словесы своимн многымн, и оутышн срьдца ихъ, глагола: яко ꙗже ѡ мнѣ сицева тако богоу изволи се, нже бо ѡтъ ѡтъ на моего до здѣ проведи ме камн непостыжнѣюта, тыи и ѡтъ роуиь вашнхъ избеаки ме. вы бо хотѣете ѡтъ благаго поутн откратити ме, и мною господнюю скѣсемоу, яко оугоднаа ємоу сътворнсте, похвалити се; нъ господь мон, нашь же оуповає изыдохъ, помощникъ мн бысть, яко же сєє видѣте. тѣ и напредъ изведетъ животь мон по своєи того воли. всѣхъ же моихъ любвзныхъ ѡ сѣмъ нескрыєти чюаю, ни мѣлодоушнствовати, палує же съ мною бога

ПОХЕЛАНТЕ, СПОДОБЕЛЬШАГО МЕ СЕГО, ИЖЕ ОТЬ НАУСЕЛА
ОБРАЗА КЪЖДЕЛЪКШАГО. КЪЗЫШЕ ЖЕ ОУЕО МОЮ ЗНАЕ-
МОЮЮ РИЗОУ, И КЛАСЫ ГЛАВЫ МОЕЖЕ КЪЗЕРАТНТЕ СЕ СЪ
МИРОМЪ КЪ СКОМЪ СМ. И СІЕ ОБРАЗЫ ПОДАДНТЕ РОДНТЕ-
ЛЕМА МОИМА, И БРАТІИ, ЯКО КЪРОВАТИ КАМЪ, ЯКО ЖИ-
КА МЕ ОБЪЛАН ЕСТЕ. И БЛАГОДѢТІЮ БОЖІЕЮ НИОКА, САКА
ИМЕ МОЕ.

СНА ЖЕ РЕКЪ СЪКРЪЖЕ СЪ СТАЛПА РИЗОУ СКОЮ И
ЮНОСТНЫМЪ ЧИСТОТНЫМЪ КЛАСЫ ГЛАВЫ СКОЕЖЕ, СЪ НИМИ
ЖЕ И ПОСЛАНИЕ НАПИСАНИО КЪ РОДИТЕЛЕМА, ОУТАШЕНІА
ОБРАЗЪ НИМОУЩИ. О МНѢ НИ КОЕЖЕ СЪКРЪЖЕ НИЗТИ,
МОЛЕ, НИ ЯКО ПОГЫЕША ГЛАГОЛАЕЪ, НАУЕ ГОСПОДА
МОДНТИ МОДОУ, СЛЪМА МОДНТЕКАМИ КАЮ, НА ИЖЕ ИЗЫ-
ДОХЪ, ДОКРЪ ТЕУЕНІЕ МОЕ СЪКРЪШНТИ. КАМЪЖЕ СЛНКА
СЛАА О СКОЕМЪ ДОУШН ПОСКРЪБЪТИ, ПОПЕУЕНІЕ БОУДИ-
НИЖЕ ПАКЪ НАУНИАНТЕ ТАМО МЕНЕ КЪ ЖИКОТЪ ЗАШЕМЪ
КНДЪТИ. АЩЕ ОУЕО БОГЪ КЪСХОЩЕЪ, ЗДѢ КЪ СЕКТЪИ
ГОРЪ ДОЖДОУ И ВЕНДОУ ГОСПОДИНА И ОУЦА МОЕГО,
И СЕКТЫЕ И ЧЪСТНЫЕ СТАРОСТИ НАСЛАЖДОУ ТЕ, И
СЛАДКЫЕ И НЕВЪМЪСТНЫЕ ЛЮБЪКЕ ЕГО НАСЫЩОУ СЕ.
КЪСПОМЪНОУКЪ ЖЕ НИМЪ И МИНОГАА СУАГГАЛСКАА СЛОКЕСА
О ПРАВДѢ И МИЛОСТЫИ И О ОСТННѢ И О СОУДѢ, И ИЖЕ
СЕБѢ НЕОУГОДНАА НИЗМЪ НЕТВОРНТИ. ЯРНАОЖНѢ ЖЕ И СЕЕ
РЕУЕ: АЩЕ КТО ОСТАВНТЬ ДОМЪ, ИЛИ БРАТІЮ ИЛИ ЖЕ-
НОУ И ЧЕДА, БОГАТЪСТВО И СЕЛА И ПРОУДА, КЪ КЪЕМЪ
ЦАРЬСТВО НЕБЕСНОЕ НАСАЖДОУЕЪ.

ИЗЪ ЗАКОНА ВИНДОЛСКОГЪ

одъ 1280 год.

(изъ русск. манускрипта).

§. 23. **Ще** поудари то есть стража надъ виногра-
домъ и одъ земаль и одъ гоуманъ и одъ нимыхъ рнунъ
зекерхоу кихъ поудари положена, веровано, некеке
када бѹде ника шкода предъ нымъ уинити се,
кадини тада помагати, годн ако неказме никога
знаменъ одъ шкодника онога, и тадан ако покаже
верованнымъ сведокомъ кола предъ дворъ неводнесе
онога знаменъ при мерсе бѹде та кривца тоужналь
предъ двороу, кола ако испонде съ тымъ истымъ
кривцемъ тада предъ дворъ.

§. 27. **Ще** ако бы моужъ жени зекергалъ ховеран-
цоу или покриваюу зъ гадке ва зан коли, теръ бы се
могло приызати трини добрыми моужь-кола женими,
плати либаръ .50. ако в тоужба съ того; одъ кихъ
господинъ князь илии соаднин .40. она, кон е ва-
щина оуиниена .4. и .8. дер. да ако жена жени сверже
покриваюу выше реуеноу, плаћа .2. либре двороу, а
онен .2. окун. ако оубо оиде нисоу сведоци добри,
присези, ки тан, да ни то оуиниаль, вѹди простъ.

§. 32. **Ще** хѣре, ке сѹ остане по смерти оуини
и материни, или сынни ако нисоу осталн брати тымъ
хѣрамы, нмаю се аредитати или оставити тымъ
хѣрамы благо оуинно и материнно, уннеби всоу
слоужбоу оноу, коу ёсоу нимли слоужити двороу
отцы и матере нихъ. и тако е ако бы сынни осталн и
оумерли безъ реда.

§. 23. Оце ако бы ки држаль ошастно, то е. рмуь
никоу, ка бы ннуа была, н нма къ двороу прити презъ
заповиди дворске кола прощенъ, теръ бы се могло
нанти одъ господина, кола одъ негъ офиннала,
дръжанъ е платити кнезоу за приходакъ одъ єдногъ
.7. за всако лето, ко бы држаль то исто благо
ошастно, теръ .1. осоудъ солднин .40. на всако лето,
а оно ошастно нма се овератити подъ дворъ кнеза.

XIV. ВѢКЪ.

1.

ИЗЪ РАЗВОДА ИСТРІЯНСКОГЪ

ОДЪ ГОД. 1325.

(изъ рукоп. XVI. в.)

III. Н бывши въ ютро полн машин седоше въ цн-
митери скетого петра, юдин подъ смоквоу урмицоу,
а єдин подъ брестъ, н тоу да господинъ кнезь преда
всоу тоу господоу листи петроу словениннуоу зъ
граунца на негъ словоиннуоу, коу моу да, н скеѣаше
господинъ кнезь н господинъ маркезь, н вса госнода
н дещелани. н тако ндоше, а предъ ними старци зъ
голе горнице н съ крвоуны напридъ, н достн дроу-
гехъ доврехъ люди зъ дроугехъ мєсть, ки знахочу
правдоу н разкоди н термини мєю ними, коуда соу
наипрєко съ цєровлани. н яридоше на кожалъ брегъ,
н ѡиди приде жоупашъ, н вєсь комоуны съ цєроваль,
н тоу се прєгокарахоу цнѣа никехъ роубєжи одъ цє-
ровлани, рекоше єдна н дроуга странъ, да є ѡиди

правын ныхъ термень ѿдъ коуифнии, и тако ѿнди
 ѿсереднше, да нма при томъ ѿстатн, како је ѿдъ
 старехъ пришло. и ѿдъ тоу господинь менартъ на-
 прида издѣѣти, и старци кажоуѣи, и правын ластъ
 въ роуци носеѣи утоуѣи га, кн быше писанъ на раз-
 кодахъ прехъ на леть божихъ 1170, въ конь се
 оудржахоу записани вси разводи и термини ѿдъ коуи-
 фини голе горнице и крбоуиъ. ѿдъ тоу ндоше съ тога
 берега здолоу на вндамъ скетога Петра, ѿдъ тоу на
 велын грнхъ, и тако равно здолоу подъ берегъ ске-
 тога коѣана, и на вогрннъ мнелъ, въ комъ нан-
 доше стара зламенъ. ѿдъ тоу ндоше по старехъ
 зламенъхъ, и тако на орехъ пазарокъ. ѿдъ тоу по
 зламенъхъ на рожане долце и на дмниунцоу, на два
 топола. ѿдъ тоу по старехъ зламенъхъ на кантонъ
 скетога мнкоули, и тоу приде жоупанъ юри, и касъ
 комоуиъ полоуиски, и тоу показаше своея правнѣ,
 и тоу се сѣдиннше, да је ѿнди правын термень, и
 разкодъ ѿдъ коуифнини голе горнице и болоуискин.
 ѿдъ тоу ндоше на бело церю, ко је на берегоу за ске-
 тын мнкоула, и тоу нандоше стара зламенъ. ѿдъ
 тоу на кантонъ скетогъ мнхобила, ѿдъ тоу на омоло-
 но брдо, ѿдъ тоу како драгошевница стон, ѿдъ тоу
 на моулуоу потоунноу, и тоу придоше касъ ко-
 моуиъ пиѣанскын, и шъ нмнн жоупанъ анжоуль, и
 тоу показаше крбоуицы поли листи званимени людн,
 кн соу ѿнди ротоу ѿбѣржали, да ннгдаре ннсоу па-
 сли пиѣанци нн на горетинъ презъ коле комоуна
 крбоуискога, и скетын бартоломен быше касъ на
 крбоуискомъ, и жоупанъ млеша оужнгаше кандель
 и ѿскеѣваше, и тоу надъ смоккиѣи нмише скон
 дворъ. и тоу за скетын бартоломен та господа по-
 ставнше ѣданъ камникъ закопанъ; ѿбетесанъ на трн

роуѣн, и на всакомъ роуѣн ѣданъ крнжъ внсеуѣнъ,
и тако ѡдъ тога камнка ндоше равнѣ поутѣмъ, кн
гре къ светомоу андрею потокомъ на сопоть, ѡдъ
тоу на стрелауъ малъ, и тако ндоше ѡдъ тоу равнѣ
по терменнхъ на ѡкешенѣе брдо, ѡдъ тоу на скоуѣ
брдо на полъ страни, ѡдъ тоу юмши равнѣ потокомъ
на хрватинѣ стазн, ѡдъ тоу васпетъ по терминнхъ на
кожалъ брегъ, и тоу се свршоую термени ѡдъ раз-
водъ и коуѣннн ѡдъ голе горнице и крѣоуѣнъ.

2.

ИЗЪ ДАРОВАТЕЛНЕ ДИПЛОМЕ СТЕФАНА УРО-
ША III. ДЕЧАНСКОГЪ МАНАСТЫРУ ДЕЧАНМА
ДАНЕ.

год. 1330.

Ѡтъ ннхъ же племени н азъ грѣшныи и недо-
стонны рабъ христоу стефанъ краля и съ богомъ са-
модрѣжыць въсѣхъ сръбьскнхъ и поморскнхъ земель,
правноукъ светаго снмѣѡна немани, и вноукъ сте-
фана прѣвоуѣнъуаньнаго краля, и сынъ светаго и
крѣпкаго и прѣвысокаго краля въсѣхъ сръбьскыхъ и
поморскыхъ земель, стефана оуроша, сынъ и на-
слѣдникъ светаго корѣне нхъ, вѣтъѣ и ѡтрасль
ѣдннородна родителю моемоу светомоу, възлю-
бленъ въ сръдци юго пауѣ въсего жнкѡта юго, подь-
поръ и крѣпость старости юго. зламъ моимъ, кже по-
страдахъ, въ брьзѣ нзырекоу, не мое ради болѣзнь,
юже приѣхъ, нъ славы ради божиѣ, да вси слыше-

ще посьсемь наоучетьсе люблти господа, и божити се съ страхомь яко бога всемогущаа. тако оубо живущюу ми въ люблви родителскои и въ славе землянои веселещюу ми се всегда, нь злыи ѡкажи днѣи оль испрьва ненавиден рода уловѣйскаго възбѣхнвы братю продати прѣкраснаго нѡсифа брата своего, и вѣложнвы прѣдателю нюдѣ въ срьдце прѣдати господа своего на пропетнѣ, забывъ вса блага оучении и наслаждении, нхже наслади се ѡть оучителя своего съ светыми апостоли. тѣже и зде въсели се въ злонакнѣ и зломыслиныи уловѣкы, нхже въспнтѣше светы родителнѣ кралевѣства ми и само кралевѣство ми съ любовню срьдца яко братню и уѣда. нже ѡставльше бога и великоую любовь нашу забывше, наущеша по малоу свѣти злыи пльзеклы междуу мною и родителемь кралевѣствами, намь разлунѣи оубо съ льстнѣи тѣмлюще се. горьши и ѡкажнѣи невѣрныхъ тѣмнше се, нже порекнѣи оубо моемоу доброму житнѣю, съвѣщаниемь злымь и неподобнымь наведошеша его на такое дѣло страшное и неподобное, яко не оудобъ слышати ни въ оумь уловѣкомь вѣмнѣннѣи, створише ѡ мнѣ, иже створише. и послоушавъ нхъ въ скорѣ свѣта ѡуию моюю лиши ме непотрѣбъ ни испытѣи истинны и ни расоуднѣи испытно соудѣи, яко соудѣи божнѣи есть. и иеще къ семуу и въ затоуенинѣ вѣдасть ме и съ уѣды моиими, прѣдати ме дръжати въ константинѣ градѣ царюу андроникюу, рекше, яко по семь неимѣннѣи се имени моемоу, ни уѣдомь монмь, ни вѣдѣти землѣи ѡтѣуствнѣи моего. блага же богъ испрьва вса вѣды, и испытани сьрдца, оукрѣпнвы проданнаго прѣкраснаго нѡсифа, и створи нхъ цари многими языкомь, и надѣ

СКОЮЮ БРАТІЮЮ, ТЬЖДЕ СВѢДЫН ЛЮБЕВЬ Н ПРАВЬДОУ
 СРЪДЦА МОЮГО КЪ МОЮМОУ РОДИТЕЛЮ, ЖЕН ѿ МНѢ
 КЕЛНКОЮ МАЛОСРЪДІЕ СВОЕ СВѢТЬ ѿУНЮ МОЮЮ ВЪЗКРА-
 ТИТЬ ПРОСВѢТИ, Н ЯКО ѿТЪ САМѢХЪ ОУСТѢХЪ СМРЬТО-
 НОСНАГО АДА ИСТРЪЖЕ МЕ, Н ИЗВЕДЪ ПОСАДИ МЕ НА
 ПРѢСТОЛѢ СВЕТЫХЪ РОДИТЕЛЬ Н ПРАРОДИТЕЛЬ КРАЛЕВЬ-
 СТВАМИ, Н ЯКО ЦАРА Н ВЛАДЫКОУ ПОСТАВИ МЕ ГОСПО-
 ДИНА ВЪСЕМОУ СТЕЖАННЮ ѿТЦА МОЮГО, ЯКО НЕ ОУ-
 ТАНО СЕ ІЕСТЬ СІЕ СТРАШНОЕ ДѢЛО ВСѢМЪ ДРОУГОМЪ
 КРАЛЕВЬСТВА МИ, ЦАРЕМЪ Н КРАДАМЪ ѿКРѢСТЬ НАСЪ ЖИ-
 КОУЩИМЪ, Н ВЪСѢМЪ СТРАНАМЪ СЛЫШАВШИМЪ. Н БО-
 ГОМЪ ДАРОВАНИМЪ ВЪНЬЦЕМЪ КРАЛЕВЬСТВА СРЪПЬСКАГО
 ВЪНУТАМЪ БЫХЪ НА КРАЛЕВЬСТВО ВЪ ІЕДИНЪ ДЕНЬ СЪ СЫ-
 НОМЪ МОИМЪ ВЪ ЛѢТО $\neq$ S. ѿ. К. ѿ. МѢСЕЦА ГЕНАРА S.
 ДЕНЬ ИИДИКТА С. ВЪ ПРАЗДНИКЪ БОГОУБЛІЕННІА, БЛАГО-
 СЛОВЕННІЕМЪ Н РОУКОЮ ПРѢѿСВЕЩЕННАГО АРХІЕПІ-
 СКОУПА НИКОДИМА, Н ВСѢХЪ ІЕПИСКОУПЪ Н ВЪСЕГО СЪБОРА
 СРЪБСКАГО, ЯКО ЗЪКАТИСЕ СТЕФАНЪ БОГОМЪ ПОМИЛО-
 ВАНЪ Н БОГОМЪ ПРОСВѢЩЕНЪ КРАЛЪ ОУРОШЪ ТРЕТІИ
 АЗЪ ЖЕ КЕСЕЛЕ СЕ ДОУШЕЮ Н ТѢЛОМЪ ѿ БОЖЬСТВЕ-
 НЕМЪ ДАРЪ, ІЕЖЕ МИ ДАСТЬ ВЛАДЫКО МОИ ХРИСТЕ, Н СЪ
 ВЪЗЛЮБЛЕННЫМЪ СЫНОМЪ КРАЛЕВЬСТВА МИ МАЛАИМЪ
 КРАЛЕМЪ СТЕФАНОМЪ. УТО ТИ ВЪЗДАМЪ ВЛАДНКО МОИ
 ХРИСТЕ ЗА ВСА, ЯЖЕ МИ ВЪЗДАСТЬ. ЯКО ПАДША МЕ
 ВЪЗДВИЖЕ Н ОУТРЪЩЬКЕНА МЕ ѿЖЕНІИ Н КЪ ОУМЪ ВЪС-
 ПРИЕМЪ СТРАШНЫ УАСЪ СМРТНЫ.

3.

ИЗЪ РОДОСЛОВА ИЛИ ЦАРОСТАВНИКА ОДЪ АРХИЕПИСКОПА ДАНІЙЛА.

(изъ рукописа XV. столѣт.)

Се бо хощюу великое и дивное и страшное исповѣдати вамъ юдеса его вашемоу христолюбію. слышите правн и истиннь соуд божин ѿ сень благословенѡмъ кралю стефанюу оурошоу. якоже древаіе при ісусу навинну врагъ видѣ се снмъ погубимъ имлаостнишми и вьсакыми добродѣтелими него. и мнѣ се о нѣмъ нскоуьсь пріети яко о праведнѣмъ іовѣ и божіемъ попоущеніемъ о іовѣ нскоуьсь пріеть, и ѿ скотѣхъ еже и ѿ уедехъ, и самомъ тѣлеси его строупъ нанѣсе, а семоуже блаженномюу ни о скотѣхъ его ни пріе власти, нъ выну неѡстав се злоби свое хвален се и ненавидѣ христїанства. вѡфоружи безбожнихъ перси и агарѣныхъ на рѡд христїанскыи, яко іудеіе на господа. и въздвигшесе ѿ землѣ нхъ много множество. и вындоше въ великую романїю. и гоубеще христїане яко вльци не щедеще стада христова еже стежа уьстною си крьвию. и до самого града константинополы касяущи се и хвалеще се яко ни єдиномоу царствоу не постоятн прѣд силою крьпости нашен. и сташе въ великон романїи до к. лѣт. сын же блаженныи краль стефанъ оурошь, яко царь по истинѣ царь въ всѣхъ прїемлїа, и призва некоторою уєсть ѡтѣ тѣхъ безбожныхъ персь въ богѡдарованноую си дрьжабоу на похвалоу и на уьсть и на завнсть своемуу велиуьствоу

ОКОЛНЫИХЪ ЦАРЬ. И ПРИИШЕДШИИ ИМЪ ВЪ ЗЕМЛЮ СРЪД-
 СЕОУЮ, И ВИДѢШЕ СЛАВОУ И ВЕЛИЧЕСТВО И БОГАТСТВО
 ДАВНО ЕМОУ ОДЪ КОГА ЗАВѢСТИ И ЛѢСТИ ИСПАЛНИШЕ-
 СЕ И НАУЕШЕ МЫСЛИТИ НА ВСЕУСТЬЮЮ ЕГО ГЛАВОУ.
 СЪ ЖЕ ТАКО КРОТКИИ ДАВНДЪ ЦАРСТВОУЕ ВЪ БОГОДАРО-
 ВАННЪИ ЕМОУ ДРЪЖАВѢ. А ОНИ ПО ИСТИННЪ БЕЗБОЖИИ
 ПЕРСИ ИДОУЩЕ ХЛѢБЪ ЕГО ВЕЛЮДАХОУ НАМЪ КОКЪ МИ-
 ЩЕ ХОТѢНІЕ СИ ОУЛОУУНТИ Ѡ СЕМЪ БЛАЖЕННЕМЪ СТЕ-
 ФАНЕ ОУРОШОУ. И О ДРЪЖАВѢ ЕГО И Ѡ СЕСТЫИХЪ ЦРЬ-
 КВАХЪ НЕВѢДОУЩЕ ОКАЛНИ БОЖІЕ СИЛЫ И ПОМОЩИ И
 ЗАСТОУПЛЕНІА Ѡ СЕМЪ БОГОБЛАЖЕННЕМЪ. НЪ ГЛАГОЛЮЩЕ
 ПРИИДТЕ И ОУБѢЕМЪ И, И НАШЕ БОУДЕТЬ ДОСТОЯНІЕ ЕГО
 СЪИ ЖЕ ТАКО БЕЗЛОВНЫИ И КРОТКЫ ГЛАСЬ ГЛАГОЛЕ:
 ЛШЕ И ПО НАСЪ БОГЪ КТО НА НИ, НЕ НА ЛОУКЪ БО МОН
 ОУПОКАЮ, МО ПОМОЩЬ МОЯ ѠТЪ ГОСПОДА СОТВОРШАГО
 НЕКО И ЗЕМЛЮ. ОНИЖЕ БЕЗБОЖИИ ТАКО ЗАБЫШЕ И ИЗ-
 ГОУЕНЕНШЕ ОУМЪ СВОИ ПООУГАЮЩИИ СЕ ТЫЩЕТНЫИ НА
 ВЪСЕУСТЬЮЮ ГЛАВОУ ЕГО, И ЛАЮЩЕ ТАКО ХИ НА ПИТА-
 ЮЩЕ Е. А СИН НАДѢАШЕСЕ НА ПОМОЩЬ БОЖІЮ, И ВСѢ
 СРЪДЕУНОЕ ОУПОКАНІЕ ИМЪ КЪ ВЛАДИЦѢ ХРИСТОУ, И
 ПРОСТИРАЕ НЕ МАЛИ МИЛОСТИИ КЪ СЕТЫИМЪ ЦРЬКВАМЪ И
 КЪ ОУБОГЫМЪ И КЪ НИЩИИМЪ. СИХЪ МОЛЕНІА НИ ВЪ УТОЖЕ
 КЪМЪНИ, МО ВСЕГДА ЗА ѠТЕУЕСТВО СИ, НИ ТѢЛЕСИ СВО-
 ЕГО МИЛОУЕ ѠТЪ ТѢХЪ ЛАДНІА ТВРДНЫИ ГРАДОМЪ НАИ
 МѢСТОМЪ, ЯО ТАКО НЕБОПАРНИИ ОРЪА ПОСРѢДѢ НХЪ ПРѢ-
 ХОДЕ ШЕЛѢШЕСЕ ТАСНО. ОНИЖЕ ДО КОНЦА ПОГЫБѢЛИ
 СКОЕ НАПАЛНИШЕСЕ СЪ ОСТРЫИ СВОИИ ОРОУЖІЕМЪ,
 НАИЖЕ НАДѢАХОУСЕ, НАМѢХАШЕ НА БЛАЖЕННАГО СЕГО РОКЪ
 ИЗРЯШЕ ПОГЫБѢЛИ СВОЕ. ОНЪ ЖЕ ИЗЪ ГЛОУБНИИ СРДЕУ-
 НІЕ ВЪЗЫПЫКЪ КЪ ВСАМОГОУЩОМОУ ВЛАДИЦѢ. ВЪНЬИИ
 И ОУСАМШИ МЕ И КИЖДЪ НАСНАІА КОЮЮЩИИХЪ НЕПРАВЕД-
 НО, ПРИЗРИ СЪ НЕБЕСЕ И ПОСЪТИ И СОВРЪШИИ ИЖЕ НАСАДИ
 ДЕСНИЦА ТВОЯ. И ПРОВНДѢ БОЖІЮ ПОМОЩЬ Ѡ СЕБѢ И

съхраненіе, аще пооучишь своего отечества все уст-
 нѣ властели и немало своего сродства, и ѿпальну-
 шесе на тѣе безбожнѣ перси. съ своимъ хранениемъ
 и одолѣвъ побѣди, и оружїа ихъ внидоше въ сръд-
 ца ихъ, и лоуки ихъ сокроушишесе, и ни памети
 бысть безбожнаго ихъ гнѣва. оныхъ смръти прѣдасть,
 другы въ заточеніе осоуди, а проуиныхъ и немало въ
 робство срьескіе земли предасть. се видѣти бо-
 жїю помощь покровъ и заступлѣніе семоу блажен-
 номоу. видѣте и оудивѣте се яко уловѣши оуно-
 добнѣе се богомъ. и се слышавъ царь самодръ-
 жавнии великіе романіе андроникъ палеѡлогъ сїю
 великую помощь семоу блаженному, еже емоу
 носѡвстока владыка христось на сїе поганіе. и оу-
 дивнѣшесе прослави бога, и немалѣи молва и моленїа
 пославъ нъ семоу великому кралю استفану оуро-
 шоу глаголе: любовнии сыноу дръжавнаго ми цар-
 ствїа. слышахъ великоу ти помощь ѿт владѣны
 христа великому ти иралеуствоу на поганіе въсе-
 езыки, нъ пакы оубѣды высоуанство сес и богомъ
 данною ти дръжавоу на оставшоую усть поганихъ
 сїихъ. онъ же яко моудръ и хоудогъ моужь поваждае
 истрѣви на бежещи своемъ сродства храненіе по-
 оучишь слаткимъ благоу. и тако посла божїю помо-
 щїю въсегда призывае, оныже яко покорныи сыно-
 ве слоушающе своего уедолюбнаго ѡца и госпо-
 дина. въ тоу романїю идоше и сего блаженнаго
 унсти хотеце, и тамо хотѣнїе свое оулоутише
 ѡ поганихъ оныхъ яко ни доуши ѡнихъ избавити
 въ свободу, и гради ихъ до основанїа искорѣни-
 ше, а неправедное ихъ богатство себе расхытише,
 яко идивитисе и заморскимъ странамъ и царемъ о
 помощи и славы семоу блаженному, яко неза-

БЫСТЬ БОГЪ СЕГО БЛАЖЕННАГО, ПРАВЕДНАГО, И МНОГО
 ПРИНЮЩЕНІА СВЕТЫМЪ ЦРКВАМЪ И МАЛОМОЩНЫМЪ. И
 ТЫ ПРИНЮЩЕНІА НЕ МАЛН ПРОСЛАВИШЕ ЕГО. ЯКО ЖЕ
 ТИ СЕ ВРАГОУ СТРАШНОУ И ВСЕМЪ ДНЕНОУ: И НЕ ПО МНО-
 ЗѢ ВРѢМЕНІИ ПАКЫ БЛАГА И БОГОУГОДНАА МЫСЛЬ ВЪЗ-
 ДЕ НА СРѢДЦЕ СЕМОУ СКЕТОМУ И ВЪСЕЛЕНСКОМУ ЦА-
 РОУИУРЬ АНДРОНИКОУ. ВЪДЪХНОУВЪ БО БОГЪ ВЪ ОУМЬ
 ЕГО ЖЕВТИ ТАКОВОУ ТАИИНОУ ЦАРСКОУ СЕМОУ ВЛАГОУ-
 СТИВНОМУ КРАЛЮ СТЕФАНУ ОУРОШОУ, ГЛАГОЛЕ ЕМОУ:
 СЛАТКІИ И ЛЮБНЫИ ПАУЕЖЕ ВСЕСРѢДЮИИ СЫНОУ
 ДРЪЖАВНАГО МИ БОГОМЪ ЦАРСТВІА, ДРЪЗНОУХЪ Ѡ СЕМЬ
 ХРИСТОЛЮБЕНКОМУ ТИ КРАЛЕКСТВОУ СПОМѢНУТИ. ОНИ
 ЗЛОМЫСАИИ ПЕРСИ ПОБѢЖДЕНИИ ТОБОЮ. ВЪ БОГО-
 ДАРОВАНИИ ТИ ДРЪЖАВЪ И ВЪ НИХЪ СТРАНАХЪ ЕЛНКО
 СКОУАШЕ СЕ ѠТЬ ЛИЦА КРѢПОСТИ ТВОЕ. ЕЩЕ НЕКОТОРА
 НХЪ ѠТЪРАСАВЪ ОСТАВШИХЪ ЗѢЛО ВЕЛИКИ ТОУГЫ ТВОРЕТ
 МИ ДРЪЖАВН ЦАРСТВІА МИ, И МНОГО ПРОТЯЖИШЕ СЕ НЕ-
 МОГОХОМЪ ОДОЛѢТИ НИМЪ; ДА АЩЕ ВРѢМЕ ВЪЗМОУТЬ ТО
 КЕЛНКА НХЪ ЗЛОБА ЖЕВТ СЕ ДО САМЕ ГЛАВЕ МОЕ. МЪ ВЪ-
 ДѢХЪ ЯКО ПОМОЩІЮ И ПОСѢБСТВОМЪ ЛЮБЕНТЕЛѢ ТВОЕГО
 ХРИСТА КРѢПКЪ ЕСИ СИЛОЮ ТКОЮ ПОГОУЕНИ ПАМЕТЫ
 НХЪ; МОЛЮ ОУБѢ И ОУБѢЖДАЮ БЛАГОУСТЬИВО И ХРИСТО-
 ЛЮБЕНКО НИЕ КРАЛЕКСТВА ТИ. ПОТЯЩИ СЕ ЯКО ДА ВЪСКОРѢ
 ГИЗВОМЪ КРОСТИ ТВОЕ СМЕТЕШИ Е И ВЕЛИКОЕ ЖЕ НХЪ СОУ-
 СЕМОУДРѢМО ПОНОШЕНІЕ ѠТЪНМЕШИ ѠТЬ НАСЪ, ДА НИ ВЪ
 УТО ЖЕ ВЪМѢНЕТ СЕ. И СІЕ ГЛАГОЛЫ СЛЫШАВЪ ПРѢКЫСО-
 КИ КРАЛЪ СЫН ѠТЬ ТѢСТА СВОЕГО ЦАРА ГРЪКОМЪ И ЗА
 ТОЛНКОУ БЕЗМѢРНОУЮ ЛЮБОВЬ, ЕЖЕ НИЖСТА МЕЖДОУ СО-
 БОЮ, НЕ ЗАКЪСНОУ НИ МАЛО И ВЪ УАСЪ РЕУЕ СОБРАНѢМЪ
 БЫТИ КОСНОДАМЪ ВЪСЪН ДРЪЖАВН СВОЕ. И ТОМОУ БЫВ-
 ШОУ И ИЗБРАВЪ ВЕЛИКО ИМЕННІЕ, ВЛАСТЕЛН СВОЕ,
 ЕЛНЦИ СРѢДОЛЮБЪЗНИИ ЕМОУ. ОУКРѢПНВЪ СРѢДЦА НХЪ
 СЛОВЕСИ СЛАТКЫМИ И РАЗУМНЫМИ И УСТЬЮ МНОГОЮ

УСТЬИ НХЪ, И ВЪСА, ДАВЪ ЕДИНКО НА ПОТРЕБОУ НМЪ,
 ПОУСТИ НХЪ СЪ СЛЮЮ МНОГОЮ ИТИ ТЪЩИНО НА ПОГА-
 НІЕ ПЕРСН. И ПОСЛА ВЪ МѢСТО СЕБЕ ВЕЛИКОГО ВОЕ-
 КОДОУ НМЪ НОВАКА РЕКОМАГО ГРѢБОСТРЕКОУ. И ТѢ
 ЯНКОЛЖЕ НЕПРЪСЛОУШАШЕ ТАКОИ ЗАПОВѢДИ ГОСПО-
 ДИНА СВОЕГО И ПИТАТЕЛЯ. ЯКОЖЕ ПРЪВОЕ ПОСЛОУШАВ-
 ШЕ ИДОШЕ НА ПОБѢДОУ ТАКОВІЕ ЕРЕСН. И ТАКО ИДОШЕ
 ВЕСЕЛЕМА НОГАМА, ПОМОЩЬ ВЛАДЫКОУ ХРИСТА ПРИЗЫ-
 ВАЮЩЕ СЕБЕ. И ПРИШЕДШИМЪ НМЪ ВЪ ДРЪЖАВОУ ЦАР-
 СТВА ГРЪЧЬСКАГО ДО ГРАДА ГЛАГОЛЕМАГО ИРАКЛІИ. И
 ТОУ ОСТАВИШЕ ВОЕ СВОЕ. И ПРИИДОШЕ КЪ СВЕТОИМЕ-
 НОТОМУ ЦАРОУ КУРЬ АНДРОНИКОУ. И СЛЫШАВЪ ЦАРЬ
 ТАКОИ ШЕСТВІЕ НХЪ ВЪ ПОМОЩЬ ЕМОУ ЗВАО ВОЗРАДО-
 ВА СЕ И ВЕЛИКО ВЕСЕЛІЕ СЪТВОРИ ѿ ПРИШЕСТВІИ НХЪ, И
 ЛЮБЕЗНО ОУУРЪДНЪ НХЪ И ѿТЪПОУСТИ НХЪ СЪ МН-
 РОМЪ. И ТАКО ВЪЛЪЗШЕ ВЪ ДРѢВА И ПЛОВЪХОУ УРЪЗЪ
 УРЪНОЕ ИѦРѢ. И ПОМОЩІЮ БОЖІЕЮ ПРИКРЪМНИШЕ И
 НЕВРЪДНО ПРЪШЪДШЕ ПОУУННОУ ИЗЫШЪДШЕ ѿТЪ МОРА
 И ВЪИИДОШЕ ВЪ САМОУ ТОУ АНАТОЛІОУ ВЪ ДРЪЖАВОУ
 БЕЗБОЖНЫХЪ. И ВЕЛИЦЪИ РАТЫ БЫВШОУ МЕЖДОУ НМА, И
 НЕ ЮДИНОЮ НИИ ДВАЦИ ПОСѦБСТВОМЪ ЖЕ БЛАГАГО БОГА.
 И ВЪСЕ ПОБѢДИШЕ СЪСЕКАЮЩЕ ПЛОТИ НХЪ НЕУЕСТНІЕ,
 ЯКО И ТРАВОУ ПОЛЬСКОЮЮ, И ДО КОНЦА ПАМЕТЫ НХЪ
 ПОГОУБЕНКШЕ И ВЪСЕ БОГАТСТВО НХЪ И СЛАКОУ ВЪЗЕШЕ И
 ВЪСЕ ХОТѢНІЕ НСПЛЪНИШЕ ГОСПОДИНОУ СВОЕМОУ ПРЪ-
 ВЫСѦКОМУ. И СЪ ВЕЛИКОЮ УСТЬЮ ВОЗКРАТИШЕ ВЪ
 ДРЪЖАВОУ СВОЮ. И СЛЫШАВЪ ВСЕЛЕНСКІИ ЦАРЬ ГРЪ-
 КОМЪ АНДРОНИКЪ ТАКОВОУ ПОБѢДОУ НА ВРАГА ЕГО,
 ПОСЛА ВЪ СРЪТЕНІЕ НХЪ ВЕЛИКОЮЮ УЕСТЬ, И ПРИШЪД-
 ШИМЪ НМЪ КЪ ЦАРОУ ВЕЛИКОУ РАДОСТЬ СЪТВОРИ И ПРИ-
 ШЕСТВІЮ НХЪ. И ЛЮБЕЗНО ПОВЕСЕЛИВЪ СЕ СЪ НМЪ И
 ДАРЫ МНОГЫМИ ПОУЪТЕ ѿТЪПОУСТИ И. ДОШЪДШИМЪ ЖЕ
 НМЪ ГОСПОДИНА СВОЕГО ПРЪВЫСОКАГО КРАЛЯ, И ВЪЗВЪ-

СТИШЕ ЕМОУ ѿ ВСЯХЪ, ИЖЕ ПОСЛОУЖИШЕ ЕМОУ. И
ТОУ СИНЪ ГОСПОДИНЪ МОИ МНОГНЕ ХВАЛИ ОУМНОЖИ КЪ
ГОСПОДОУ БОГОУ СКОЕМОУ, И СИНЪ ДЛЖНОЕ УСТЬ
ВОЗДАТЬ ѿТВОУСТИ НХЪ КЪ ДОМЪ СВОЕ.

4.

УГОВОРЪ БАНА БОСАНСКОГЪ ТВРТКА СА
ОБЪИНОМЪ ДУБРОВАЧКОМЪ.

1867.

Въ нме ѿтца и сина и светога доуха аминь
ѿтъ порошнѣ божнѣ лѣтъ ҃. т. ҃. ҃. 3. лѣто и нашоу
господьствоу дї. лѣто мѣсеца нїюна по кннзѣ д.
днѣ: ми твртко мнлостню божнѣмъ банъ босньски
прндосмо оу нашоу коуѣоу оу градъ доуберовинкѣ,
и потврднсмо вѣре съ нашоу братнѣмъ и съ на-
шимн прнзѣльмн съ властелн съ доуберовѣчкимн, оу
конѣмъ е вѣрѣ бнлѣ съ нмн нашъ стрнцъ господнѣ
банъ стѣпанъ, ѿнѣнзи вѣре потврднсмо ми банъ
твртко и нашн властеле, оу нме кнезь блан добро-
воекнѣ, и тепунѣ сладое, и кнезь вѣлкота прнѣн-
нѣ, прнсегосмо на моѣхѣхъ и на светомъ еванѣлнн
кльнѣнѣ се, како да е наша коуѣа съ доуберовѣчн-
комъ една коуѣа, до вѣка, како е една коуѣа бнла съ
нашимъ стрнцемъ зѣ господнѣмъ зѣ баномъ стѣпа-
номъ, такози да естъ съ намн доуберовѣчннѣ една
коуѣа до вѣка вѣкомъ, до колѣ е насъ сѣме и ннхъ,
да се тѣзи двѣ коуѣнн неразѣвонта ннкъдаре до вѣка
вѣчннега, него ли да еста ѿбѣе една коуѣа, и кон

СОУ ЗАКОНЪ ИМАЛИ СЪ НАШИМЪ СТРИЦЕМЪ СЪ ГОСПОДН-
НОМЪ ЗЪ БАНОМЪ СТЕПАНОМЪ, И КОЕ ПИСАННЕ ѿНѢХЪ
ЗАКОНОВЪ И ѿНѢХЪ КНИГЪ ПОТВЕРДИСМО НАШОМЪ ПРИ-
СЕЖОМЪ И НАШИМЪ ПИСАННЕМЪ И НАШИМЪ ПЕЧАТОМЪ,
КАКО ДА Е МЕЮ НАМНЪ ЕДИНСТВО ОУ ВЪКЕ ВЪКОМЪ, И ДА
НЕХОЩЕМО ДОУБРОВНИКА ѾСТАВИТИ, И НИХЪ БРАТЪСТВА
ДО ВЪКА НИКЪДАРЕ, ДОКОЛѢ Е НАСЪ СЪМЕ И НИХЪ, БЕЗЪ
НИХЪ ЗЛОГА ПОУСТИНѢ, ѠТЪЛОЖИВЪШЕ, ЦЮ БИ НЕ БИЛО
НА НЕВЪРОУ ГОСПОДННОУ КРАЛОУ ОУГРЬСКОМОУ. А СЕ
ПИСА ДРАЖЕСЛАВЪ ДНѢКЪ СВОИОМЪ РОУКОМЪ МАЛОКО-
РИСТНОМЪ, РОДОМЪ БОИТЬ. ЗЕМЛА МИ Е МАТИ А ѠТЪ-
УСТВО МИ Е ГРОБЪ. ѠТЪ ЗЕМЛЕ ЕСМО, И ОУ ЗЕМЛОУ
ОУНИДЕМО. И ВСЕ ЗАКОНЕ И ПОВЕЛЕ И ПИСАННѢ, КОЕ Е
ИМАЛЪ ДОУБРОВНИКЪ СЪ СТАРѢМЪ ГОСПОДННОМЪ СЪ НА-
ШИМЪ СТРИЦЕМЪ ЗЪ БАНОМЪ СТЕПАНОМЪ И СЪ НЕГОВИМИ
РОДИТЕЛИ И СЪ ПРАРОДИТЕЛИ ВСЕГДА ТОГАЗИ ПОТВЕРДИ-
СМО МИ ГОСПОДИНЪ БАМЪ ТВѢРЬТКО.

5.

ИЗЪ ЗАКОННИКА ЦАРА СТЕФАНА ДУШАНА.

Одъ год. 1349.

(изъ рукописа одъ год. 1390).

СЪЖЕ ЗАКОННИКЪ ПОСТАВЛЯЕМЪ ѠТЪ ПРАВОСЛАВ-
НАГО СЪБОРА НАШЕГО, СЪ ПРЕСВЩЕННЫМЪ ПАТРІАР-
ХОМЪ КУРЬ ІОАНИКИЕМЪ, И ВСЕМИ АРХІЕРЕИ И ЦРЬКОВНИ-
КИ, МАЛИМИ И ВЕЛИКИМИ, И МНОЮ БЛАГОВѢРНЫМЪ СТЕ-

Фаномъ , н въсѣмн вѣдѣмн царства мн , малымн
же н великимн.

4. Н светителѣе да не проклинають христѣанъ за
сѣгрѣшеніе доуховно. да послѣдетъ двѣши или трѣ-
ши къ сѣгрѣшившомоу , да ѡблѣнутъ его : н аще
не послоушаеть , н не вѣсхоушетъ исправити се запо-
вѣдію доуховною , потѣмъ да ѡтлоуунтъ се.

20. Н люди , кое съ вѣховѣствомъ изидаютъ изъ
гробовъ , та ихъ сѣжнжоуть , този село да имѣють
враждоу , кое този оуунитъ . н аще боудеть попь
на то пришлѣ , да моу се вѣзметъ поповѣство.

28. Н по вѣсехъ црѣквахъ да хранеть се оубоимъ ,
како естъ записано ѡтъ хитторѣ . кто ли ихъ не-
оубѣхранитъ ѡтъ митрополитъ , или ѡтъ нгоумень
да ѡтлоуунтъ се ѡтъ сана.

57. Отроци н нероисн , кон сѣде заедно оу ед-
номъ селоу , всакая плата , кон приходн , да плакѣю
вѣсн заедно на люди . како платоу плакѣю , н ра-
ботоу работаю , такози н землю да дрѣжеть.

63. Село съ селѣмъ да пасе , коуде едно село
тоуде н дроуго , развѣ забѣль законитихъ н ливадѣ
да не пасеть нитѣ.

66. Потѣка между селѣмн н перьерѣ , а вѣлѣмъ
н арѣмѣмъ р. перьерѣ . н тезн потѣке цдроу поло-
вина а господароу половина , уѣе боуде село.

87. Аще кто оужежеть коую нли гоумно нли сламоу нли сѣмо по писме комоу, да съжегоуть его ѡгниемь.

103. Трьговци, кон гредѣ по царскон земли, да не колы никон властелнмь, никон любо улохмь забавити по силѣ, нли забавити коупаю, а динаре моу силѡмь наврѣи. кто се ѡбрѣте силѡмь растокарнѣ нли разбалавѣ, да плати. ф. перперь.

104. Скрылата и малѣ и великѣ коупаѣ потребнѣ трьговци да гредоу безъ забавѣ по земли царскѣ, да продаю и коупою, како моу трьгъ доноси.

109. И гдѣ се градъ ѡборитъ, нли коуда, да га напраке граждане того града, и жоупа, що естъ предѣль того града.

112. На концѣ скадѣ да нѣсть. аще ли се скадита два, да се вѣста. а ннѣ никто ѡтъ коннимь да нмь непоможеть на порьвицоу. аще ли кто потече, и поможеть на порьвицоу, да се кажоуть, роуцѣ да нмь се ѡтсѣкоуть.

(изъ рукописа одъ 1700 год.)

138. И кто прѣда сына нли врата оу дворѣ царскѣ, и оупроси га царь: ели вѣрнѣ? и рече тн: вѣроуи, колнко мене. ако кое зло оучини, да платимь я, кон самъ га даѡ. ако ли тако нма теорити, како дворе оу полате царскѣ, что съгрѣши, да плати самъ.

162 А що се где слоути, помоу нан гостоу, нан
трѣгокцоу нан калоу҃гieroу, ако нмѣ что оуѣме
гоусарѣ нан татѣ нан ком҃годе заоба, да ндоу соу-
дѣамѣ н кнеземѣ или кѣ цароу, да нмѣ платѣ соудѣ
н кнезюки нан царѣ, что боудѣ нзгоу҃емѣ. а царѣ да
нмѣ кнефалѣе н калстеле, конмѣ боудѣ поутѣ нрѣ-
данѣ н страже данѣ.

6.

УГОВОРЪ ВУКА БРАНКОВИѢА СЪ ДУБРОВЧАНИ.

около 1387.

Вѣ нмѣ о҃тца н сына н светаго доу҃ха о҃бѣща-
вамо се ми властеле града доу҃бровника кнезь ан-
дрѣа еннѣу҃ланкѣ, ннкола менѣу҃етникѣ, матен жоу҃р-
говникѣ, ннкола гоу҃ндоу҃ланкѣ, лоу҃ка боу҃инкѣ, петръ
сараковникѣ, жоу҃нѣ соркоу҃евникѣ, канме гоу҃у҃етникѣ,
вѣкѣ бобалевникѣ, андрѣа вѣу҃евникѣ, ламѣпре у҃рѣ-
вникѣ, господнноу҃ вѣкоу҃ бранковникю н господн марѣ
н ннхѣ снновомѣ грѣгоу҃роу҃ н гюргю н лазароу҃ н
дроу҃гон дѣци, конхѣ те нмѣти вѣ господа бога
вседрѣжнителя н прѣу҃нстоу҃ его матерѣ богородицоу҃
н вѣ силѣ у҃стнаго н животворещаго крѣста хрнстова
н кѣ. врѣховннхѣ апостоль н всехѣ светнхѣ, нже о҃тѣ
вѣка богоу҃ оу҃годнѣвшнхѣ, по томѣ н вѣ доу҃ше наше
вншереу҃еннхѣ властель, како да си постави госпо-
динѣ вѣкѣ н господа марѣ н ннхѣ сннове покладѣ,
коликѣ нмѣ драго боудѣ, оу҃ насѣ, н да соу҃ нмѣ
волинн оу҃ всако врѣме оу҃зетн га о҃тѣ насѣ, н да несѣ-

С. Читанка за выш. вѣш. С. I.

4

теоримо ѿваковоу покладоу ни єднога лоукавства,
 ни да га дамо нномоу комоу, тькмо господиноу ва-
 коу н госпоги марѣ н ннхъ синовомъ, или ѿни ко-
 моу рекоу. ако ли би дошло до тоган вѣремена, цѣ
 богъ недан, терѣ неоузможе господинъ вахъ дрѣ-
 жати землю срьпскоу, ноу га мжденоу оугри или
 тоурци, или тко нни, да ми примемо господина
 вака н госпогиу мароу н ннхъ децоу н ннхъ ризинцоу
 оу нашъ градъ на нашон вѣре безъ всаке соумне,
 колико кога годѣ ѿдъ нашихъ племенитнхъ гражанъ,
 н да несътворимо ннкое лоукавство или безаконне
 ѿ господиноу вакоу н госпоги марѣ н ѿ ннхъ деце
 н ѿ ннхъ ризинци н ѿ ннхъ вѣрнихъ, тко ш ними
 боуду, н ѿ ннхъ нманию, н ннкѣди да несътворимо
 ми, цо є прѣзь волю господина вака, н госпоге
 маарѣ, н ннхъ дѣце, ѿ ннхъ главахъ, н ѿ ннхъ
 нманию. н ако би дошла нѣкоу сила на градъ нашъ,
 цѣ богъ недан, прѣма уемъ небесмо могли бити,
 или оугри, или тоурци, или тко нни, н оуспросе ни
 господина вака н госпогиу мару н ннхъ децоу, н
 ннхъ нманиѣ, да нхъ недѣмо ни єдномоу уловѣкоу
 на свѣтъ, ако бисмо добнали ними вѣсь свѣтъ. ако
 ли ни боудѣ до толнѣ оучности, како небесмо
 могли оучинити, да смо свободни ми, н ѿни съ
 нами, а ми прѣво тога да ѿтпратимо господина
 вака н госпогиу мароу н ннхъ децоу н ннхъ нманиѣ,
 н тко ш ними боуду, камо реуѣ господинъ вахъ сло-
 бодно, н цо можемо, да нхъ ѿтпратимо, н ннкѣди
 да непомнслимо нѣкое зло или нѣкое лоукавство ѿ
 господиноу вакоу н госпоги маарѣ н ѿ ннхъ дѣци,
 н ѿ ннхъ нманию, ни да сътворимо кое зло ѿ ннхъ,
 н цо нѣ ними хотениѣ, ѿ ннхъ главахъ, н ѿ ннхъ
 нманию ннкѣди да не сътворимо, ако би ни вѣсь

сѣть гогорна, да оуѣниммо нѣкоє доуѣкство и неправдоу наи незаконне ѿ гласе господина вака и госпоге маарѣ и ннхъ дѣце, и ннхъ нманию, да не-примемо никомоу на сѣть за този, що не бнти на ннхъ зао, мѣ да нхъ такози съблюдемо, колико сами себе и свои градь, толико господина вака и госпою маароу и ннхъ дѣцоу и ннхъ нманне, и тѣхзи, тко ш ннми боудоу, всакомъ правдомъ, и истинномъ безъ всакога днѣволега оуѣмншлениа и дѣла. и ако оуѣхоже да си сътвори црковь по своимъ вѣре, свободно. и ако кемо ми внише писани властеле и наши последни прѣстоупити що ѿтъ властеле ѿдѣ внише писанихъ господиноу вакоу и госпоги маарѣ и ннхъ дѣци и ннхъ нманию и ннхъ вѣринимъ, да ни оуѣню внише писане клѣтки зде и въ боудущимъ вѣце, и да смо ѿтьлоуѣени тѣла господна, и да смо приуѣени къ нюде и ари и къ темъ, кон распешѣ господа, и рекоше, крѣвь его на насъ и на уѣдѣхъ нашихъ аминь.

И сикози прѣе посылникъ господина вака како що є записалъ господинъ вака властеломъ града доубровника, да този врьши господинъ вѣлькъ, ако внише неоуѣможе.

XV Вѣкъ.

1.

ПОКЛАДНО ПИСМО ОБѢИНЕ ДУБРОВАЧКЕ.

одѣ 1403. год.

Въ нме ѿтьца и сына и свѣтога доуѣа аминь
ми кнезь властеле и вѣса ѿпкина града доубровника

4*

ДАЕМО ВЪ СВѢДѢНІЕ ВСАКОМОУ МАЛОМОУ И ГОЛѢМОМОУ
ПО СЕМЬ НАШЕМЪ ОУПИСАНІЮ А ПОДЪ НАШОМЪ ЗАКОН-
НОМЪ ПЕУЪТІЮ, КАКО ПРИДОШЕ КЪ НАМЪ ОУ ДОУБРОВ-
НИКЪ ГОСПОДИНЪ СТАРАЦЪ ДМИТАРЬ И РАДОНЪ ПРИП-
УНИКЪ И БРАТНЪ ДИНАКЪ ПОСЛАНІЕМЪ СЛАВНЕ ГОСПОГІЕ
ІЕЛѢНЕ ГОСПОДИНА КОЕВОДЕ САНДАЛА А КІЕРЕ СЛАВНОГА
ПОМЕНОУТЬА ГОСПОДИНА КНЕЗА ЛАЗАРА, СЪ ЛНСТОМЪ
НІЕ ВѢРОВНѢМЪ, И ОДЪ НІЕ СТРАНЕ И НА НМЕ РЕУЕНЕ
ГОСПОГІЕ ІЕЛѢНЕ КІЕРЕ КНЕЗА ЛАЗАРА ПОСТАВНІШЕ ОУ
НАШЪ КОМОУНЪ ОУ ПОКЛАДЪ ДВѢ ТНСОУКІЕ ДОУКАТЬ ЗА-
ТѢХЪ, А ПОДЪ ОВН ОУВѢТЬ: ДА ІЕ КОЛНА РЕУЕНА ГО-
СПОГІА ІЕЛѢНА ОУ ВСАКО ВРѢМЕ САМА СВООМЪ ГЛАКОМЪ,
АЛН СВОИИ СЛОУГАМИ ПОСЛАВЪ СВОІЕ ЛНСТОВЕ А ПОДЪ
СВООМЪ ПЕУАТІЮ ЗАКОННОМЪ ОУЗЕТН ВЪЗДА, КАДЕ ОН
БОУДЕ ОУГОДНО, А ДА ОН СЕ НЕМОГОУ ОУДРЪЖАТИ НЛН НЕ-
ДАТИ ЗА НѢДАНЪ ОУЗРОКЪ, КОН БИ МОГАЛЪ НА СВѢТОУ
БНТИ, ПАЛУЕ ОБѢТОУЈЕМО СЕ ДАТИ НХЪ РЕУЕНОН ГО-
СПОГІА, НЛН КОМОУ БИ ОПОРОУУНЛА РЕУЕНА ГОСПОГІА
ІЕЛѢНА. АКО БИ ОН СЕ СМРТЬ ЗГОДНЛА, ОДЪ ЦА БОГЪ
ОУКЛОНИ, КОМОУ БИ ПО СВОЕМЪ ЛНСТОУ ОПОРОУУНЛА,
ОБѢТОУЈЕМО СЕ ДАТИ БЕЗЪ НѢДНОГА ОУЗЪДРЪЖАНІА. И
ЗА ВЕКІЮ УНСТОТОУ И ВѢРОВАНИЕ БРАТНЪ ДИНАКЪ ОБА-
КНІЕ ЛНСТЪ СВООМЪ РУКОМЪ ОУПИСА. И ХОТѢ ГОСПОГІА
ІЕЛѢНА КЪЦН ГОСПОДИНА КНЕЗА ЛАЗАРА ВНШЕ РЕУЕНА
КЪДЕ ГОДН БОУДЕ ПОСЛАТЬ ОУЗЕТН РЕУЕНЕ ДОУКАТЕ, ДА
ПОШАІЕ ОВЪ НАШЪ ЛНСТЪ, КОН НМЪ СМО ДАЛН ПОДЪ НА-
ШОМЪ ПЕУАТІЮ НСПИСАНЪ ИЗЪ ОВОГАН. АКО ЛН БИ ГА
НЗЪГОУБНЛА, А ОНА ДА ПОШАІЕ СВОІЕ ЛНСТОВЕ ПОДЪ
СВОИИ ПЕУАТЫИ ПО СВОИХЪ ДОБРѢХЪ ЛЮДѢХЪ, КАКО
КІЕ НАМЪ ЗАДОВОЛНО БНТИ, И ОУНТО СВѢТОУ, ІЕРЬ
ОНА ОУЗНМАІЕ ТЕН ДОУКАТЕ. ПИСА СЕ ОУ НЗЕБРАНОН ВѢК-
НИЦЪ БОГОУ ЛЮБИМАГО ГРАДА НАШЕГО ДОУБРОВНИКА.
АЪТО РОЖДѢСТВА ХРИСТОВА ТНСОУЩІНО И УЕТИРН СТА И

третье лѣто мѣсеца феврара 31. днь. а оуписа руско логофеть коже помилуи га.

2.

САВЕЗНО ПИСМО ХРВОЯ ДУКА СПЛѢТСКОГЪ И
ОБЪИНЕ ДУБРОВАЧКЕ ПРОТИВЪ КРАЛЯ БОСАН-
СКОГЪ ОСТОБ.

одъ год. 1404.

Ва нме ѿцъ и синь и светоу доухъ. ми господинь хравое, по многости божнен слави доуки спалици и всемогущи велики боевода кралекаставь боснаскоу, и ка томоу, и ми кнезь властеле и васа ѿпакниь богоу лоубнимаго града доуберованикь, ѿбнѣтоуемо едана старана другон, и такон стависмо и сложисмо васи заедано бнти соупротива кралоу ѿстон на неговоу погнѣнѿ и расоутии и прогананне вана кралекастава ваваснха, право призвавъ нме господина нсоуса христа. и зато ми господинь хравое ѿцели ѿбнѣтоую дѣнгноути вонске наше и послати є призь неретавоу оу хоумаску земалоу, и тоун ва нме христово проѣвити и прогласити господина пакла радишииъ краля боснаскога, и нашоу моѣию оу васемь оуздрыжати га, и помлгти га на васоу нашоу силоу. и ми градь доуберованикь такое ѿбнѣтоуемо заедано съ госаподинномь хравоемь вавасе оуунити, що моремо соупротивъ кралоу ѿстон оу помоѣь реуеномоу господиноу паклоу радишииоу по мороу и по соухоу повихъ мистихъ ѿболо насъ съ нлишми лоудами и съ ниним, кое

БОУДЕМО МОЊИ НАГМОУТИ НА ТО. А НА ВАСЕ ВИШЕ ПИСМО
 ѠБЕНТОУЕ ГОСПОДИНЬ ХРАВОЕ ГРАДОУ ДОУЕРОКАНИКОУ,
 И ТАКОЕ ГРАДЬ ДОУЕРОКАНИКЪ ГОСПОДИНОУ ХРАВОЮ
 ПѠСАТАКНЬ РОУЦИ НА СВЕТОМЪ ЕКАНАГЕЛНЮ, И НА
 УАСНОМЪ КРЪСТИ ХРИСТЕВИ ВАСЕ ВИШЕ ПИСМО, ЦЮ СМО
 ѠБЕНТОВАЛИ МЕЮ СОБОМЪ, ДА ВРЪШИМО И ДА ОУУН-
 НИМО, И МИ КАКОВЪ МИ ТАКО НАСЪ СЕМОУИ ѠБЕНТОУ НЕ-
 ПОЛИПАСТИ, А ТАКО СЕ ПОТВОРИЛИ ИЛИ ПОРЕУЕ, ДА Е
 ПРОКЛЕТЪ ѠДЪ ГОСПОДИНЬ БОГЪ И ѠТЬ ПРИУНСТЕ МА-
 ТЕРЕ БОЖНЕ И ѠТЬ ВАСИХЪ СВЕТИХЪ ѠДЪ ВНКЪ БОГОУ
 ОУГОДНВАШИХЪ. И ѠШАЉЕ ѠБЕНТОУЕ ДОУЕРОКАНИКЪ
 ГОСПОДИНОУ ХРАВОЮ НАШИМИ ПОСАЛАБНИМИ И НА
 НАШЕ ТРАЃЕННЕ ИСЛАТИ И МОАТИ НАШЕГЪ ГОСПО-
 ДИНА ПРИКЕСОКОГЪ КРАЛЮ ЖИГМОУНАТЬ, КАКО ДА ГЪ
 СТАВНИМО НА ВАСУ НАШОУ МОЊЪ ОУ МНОЕСТЬ ОУ РЕ-
 УЕНОГЪ ГОСПОДИНА КРАЛЯ, ЕРЕ ВЕЉЕ НЕРЕ КРАЛЬ
 ѠСТОЪ МОЊИ ЉЕ БИТИ ВРИДАМЪ И КОРИСТАМЪ РЕУЕНО-
 МОУ НАШЕМОУ ГОСПОДИНОУ. ПИСАНО ОУ ЗВЕУАИ ЛНТЬ
 РОШЕСТВА ХРИСТОВА ТИСОУЉНО И УЕТИРИ СТА И УЕ-
 ВАРТО ЛНТО МНСЕЦА ГЕНАВРА ПЕТИНАДЕССТЕ ДНЬ. ОУ-
 ПИСА МИЛИВОН ДНЪАКЪ.

 3.

ДАРОВАТЕЛНО ПИСМО ТВРТКА ТВРТКОВИЃА
 КРАЛЯ БОСАНСКОГЪ ДУБРОВНИКУ ДАНО.

ОДЪ ГОД. 1420.

По неизреуеному милосрдію и уловниколоу-
 бню владки моего слаткаго ми христа, и по неиз-
 реуеному и всемнлостивому его призрннню нже
 на краљество ми ѡакоже и на првнхъ монхъ прирѡ-

ДНТЕЛЪ ГОСПОДЬ КРАЛЕВЬ БОСАНЬСКИХЪ ТАКОЖДЕ БЛАГО-
 ДНТЬ ПРИСКЕТАГО СВОЕГО ДОУХА НА КРАЛЕВСТВО МИ
 ИЗЛНЪА И ПОСТАВИ МЯ ГОСПОДИНА ВСЕМОУ СТЕЖАННЮ
 МОНХЪ ПРИРОДНТЕЛЪ ГОСПОДЬ КРАЛЕВЬ БОСАНЬСКИХЪ,
 ЯКО БИТИ МИ КЪ ХРИСТА БОГА БЛАГОВЕРНОМУ И БО-
 ГОМЪ ПОСТАЛЕНОМУ КРАЛОУ ТВРТКОУ ТВРТКОВИЧОУ МИ-
 ЛОСТНЮ БОЖНОМЪ КРАЛЪ БОСНИ И К ТОМУ. И НАУЕХЪ ЗЪ
 БОГОМЪ КРАЛЕВАТИ И ПРАВИТИ ПРИСТОЛЪ МОНХЪ ПРИРО-
 ДНТЕЛЪ ДНЛЕ МИЛОСТИ, УННЕ ЗАПИСАННЪА ГРАДОВОМЪ
 И МНСТОМЪ, ВСАНОМУ ЖЕ ПО ДОСТОВАНИЮ ЕГО, И
 ТОУН ИЗНДОШЕ ПРИДЪ КРАЛЕВСТВО МИ ВСЕ ПОУТЕНИ
 ВЛАСТЕЛЕ И ПОКЛАСАРИЕ СЛАВНОГА ГРАДА ДОУБРОВНИКА,
 ОУ НМЕ МНЗЪ ДОБРЕ БЕНУОУЛИТЬ, И КНСЪ ПИРО ЛОУ-
 КАРЕВИТЬ, И ОДЪ КРАЛЕВСТВА МИ МНОГО ОУМНЛЕНО
 ПРОСИШЕ ИСКАШЕ, ДА БНСМО НИМЪ ПО ОБНУАЮ НИМЪ
 ПОТВРДНИИ И ОУСТАНОВИТНИИ, ЦО СИ СОУ ОМИ ПО-
 УТЕНОМЪ ДВОРЩИНОМЪ ИЗДВОРИИ, ЦО Е НИМЪ ДАНИО
 ВОЕВОДОМЪ САНДАЛЕМЪ МЯГОКЪ ПОЛЬ ДНЛА ЖОУПЕ КО-
 НАВАЛЬСКЕ, И ТАКОЖЕ, ЦО НМЪ Е РЕУЕНИ ВОЕВОДА
 САНДАЛЪ ДАЛЪ И ДРОУГОУ ПОЛЬ ЖОУПЕ КОНАКАИ И
 ГРАДЪ СОКОЛЬ ОУ МОН, ЦО Е БНЛО ПРВО ПЕТРА ПАВЛО-
 ВИЧА. И КРАЛЕВСТВО МИ ВИДНЪ ПОДОВНО ОУМНЛЕНО
 И ВСЕ ПОУТЕНО ПРОШЕННЕ ИМАВШЕ ЦНЛЬ СВНТЬ И
 ЗГОВОРЪ СЪ ВЛАСТЕЛИ И ВЕЛЬМОЖАМИ КРАЛЕВСТВА МИ,
 КОН СЕ ПРИ КРАЛЕВСТВОУ МИ ОБРНТОШЕ, ОБНАНДОСМО,
 ДА Е НИХЪ ПРВО БАЩИННО БНЛО, ПРИЗВАВЪ НМЕ ХРИ-
 СТОВО БНСМО МИЛОСТИКИ ГРАДОУ ДОУБРОВНИКОУ И
 НЕГО ВЛАСТЕЛЕМЪ ПО СЕМЪ НАШЕМЪ АНСТОУ ПОТВРДИСМО
 И ОУСТАНОВИТИСМО КА ВИКЪ И ВИКОМЪ ДОКОЛИ СВНТЬ
 СТОИ, ГРАДОУ ДОУБРОВНИКОУ ТОУ ВШЕ РЕУЕНОУ ЖОУ-
 ПОУ КОНАВАЛЬСКОУ И ОУ МОН ГРАДЪ СОКОЛЬ СА ВСИМИ
 СЕЛИ И ЗАСЕОЦИ, СЪ ЛОУДМИ СЪ ВОДАМИ СЪ ПАШАМИ ЗЪ
 ДРЕВМИ, ЗЪ ГРЪМНЕМЪ И СА ВСАЦИМЪ ДОСТОВАНИЕМЪ И

правими котари више речење жоупе номзвдальске и града сокола са всимъ, како нмъ се за то оудржи оу лнстнхъ воеводе сандала, да си соу волини господовати е држати и оужикати ва внки внкомъ, они и дитца и оуноууне и праоуноууне нмъ, како права и племенита господа и на все више писамно азъ господинъ краљь твртко твртковнѣ и съ влад-
 стелн и съ вельможамн краљевства ми съ воево-
 домъ воукмиромъ зъ жоупаномъ драгншомъ, съ кнеземъ юрнемъ консанѣемъ съ кнезомъ прнѣмѣемъ
 съ кнезомъ раднумъ радоевнѣемъ, съ кнезомъ батн-
 ѣемъ мирьковнѣемъ съ кнезомъ юрнемъ драгнѣевнѣ-
 емъ съ кнезомъ петромъ клешиѣемъ, съ воево-
 домъ нѣвкомъ съ воеводомъ навломъ юрневнѣемъ
 ротнсмо се на светомъ еванѣданю господини и на
 уасномъ крсти христови, тако снѣ више писано и
 нами потврѣно до дни и до внка невоуде нами
 потворено ни поколеннмо и нашимн послдннимн,
 пауе оу всемъ крпико и становито ва внки внкомъ.
 писасе оу подвнсокомъ мнсеца аевоуста шестнна-
 десте дань оу петакъ ва лнто рожаства христова тн-
 соущино и устнри ста и два десето лнто. а оуписа
 краљевства ми логофеть доушанъ.

4.

ИЗЪ КОПРИВНИЧКОГЪ РУКОПИСА.

одъ год. 1453.

Съ же вторн оурошъ прѣемлюеть краљевство,
 многъ си въ милостини, какоже нмъ ѿтъ краљь и
 царь никто ни прѣвѣе ниже по снхъ. где бо неслы-
 шаше се егова милостини и правда по всѣхъ езы-

цѣхъ? достызаетъ же и вѣстоуиѣ страны, галголю же іеросалимъ и синаю і егѹптьскою землю, и по вѣсон грѹтъскон и саокенскон землѣ, даже и ѡстроки помѡрскыѣ, и замѡрскыѣ, тамо вѣсоудъ егова млдстннѣ достнже, и ревнѡсть и люкѡвъ, пже ѡ боуѣ, ѡбщен се. и црѣкен сѣзидаше се, и болинце сѣуннше се, ꙗкоже тамо жнкоуцїиѣ быти вѣ оуднканїи, пошеже и богъ оуцнножн царство его, царствова бо лѣта мѣ. сѣзнда же вѣ ѡтъуствѣ скоемъ црѣкен ксанкыѣ и уствнмыѣ, и снхъ оукрасн, ꙗкоже и до нынѣ виднмо юсть, галголю же вѣ скетон горѣ келнкою алроу, домъ нрѣунстнмы богороднцы хнландарскыѣ, и скетаго прѣкомоуѣеннѣка хрнстова стефана прѣ градоу зкеуанн, еже юсть банска, ндеже и скетныѣ его моцн лежеть, и вѣсе стѣнн заатомъ оукрасн, ꙗкоже мнѣти се полнѣ нан позданїеннѣ быти. еше же и црѣкѣ епнскопїю градзуанскою, и оу прнзрѣннѣ мнтрополїю и скетаго стефана, и оу скопїю троероуунцоу, и скетаго гнѣмргїа на стравѣ, и вѣ нагорнуннѣ скетаго гнѣмргїа и вѣ солоуѣе скетоу ю тронцоу сѣзндавѣ и оукраснвѣ, и полнѣ вѣзденгѣ, и хрїсокоуаѣ оутврьднѣ оу царѣ грѹтъскнхъ, ꙗко да юсть вѣ ѡбладсть домоу прѣскетнмы богороднцы хнландарскыѣ. сѣзнда же и вѣ богосѣзданннѣ константннѣ градѣ црѣкен, и болинце вѣзденже. и кто можеть снхъ вѣ кратцѣ нзрещн, елнѣ сѣзнда и ѡбновн по ннннхъ землѣхъ, что же лн, юсть вѣ снхъ кѣснѣтн? ѡблѣе благоуѣстнѣ и богооугодно пожнвѣ, блаженнѣ конѣцъ постнзаетъ вѣ лѣто 8500. (6829 = 1321) родн же и сына два, стефана крааѣ деуанскаго оуроша третїаго, и константнна, нже вѣ зкеуанн градоу лежеть скетныѣ моцн его.

5.

ПИСМО СКЕНДЕРБЕГА ДУБРОВЧАНОМЪ.

одъ год. 1459.

Въ нмѣ ѿца и сина и доуха свѣтаго аминь. ми
господинъ гюрьгъ кастриѡтъ речени скендрьбегъ
данмо на виденнее всакомоу, комоу се достонѣ, и
предъ кога се изнесетъ ѡвн нашъ листъ ѡтворени а
подъ пѣчатю прѣстена моѣга знаменованаго мегю
нами съ комоуномъ доуерокъуцимъ за ѡбѣзи посылъ
поставе наше, що постави оу комоуни добровѣки
нашъ уелиниъ рѣниъ и господинъ павель газоуль а
по нашемъ заповѣди, кере примнхоу ѡдъ много по-
утенаго княза и властель и все ѡпъкниѣ властель
доуерокъусенихъ а по нашемъ дѣлкоу по ниньцоу
коуносаликию а съ нашимъ листомъ керованемъ ц.
доукать златихъ. и за всекѣ керованіѣ и дѣки
ниньць съ моѡмъ роукомъ писехъ оу гаддоу доу-
бровникоу а по заповѣди господина ми скендрьбегъ
писа се на лѣтъ рождѣства христовъ тисоукию и д.
ста и нѣ. на дни 21. юниа. а было кѣ всегдѣмъ поста-
ве ꙗв. и м. доукать, како се оу писмѣ оуинило.

6.

ЛИСТЪ БАЛШЕ ХЕРЦЕГА СВ. САВЕ.

одъ год. 1497.

Ми господинъ балша херцегъ свѣтаго сѣве-
синъ гласнѣтаго сѣменѡутиъ господина херцѣга вла-
дслава примнхъ ѡдъ господина княза и властеля

доуѣрокаучиныхъ персери рѣз. и динара и. доуѣрокаучиныхъ. и се ми даше сада оу заимъ доуѣроколно а паво да боуде и да има бмтн ѡвн нетн заимъ за поучноу платоу пракнжнiona за годннѣ, кое ходи сада, а има се скеръшнтн оу лнстнхъ хрнстовнхъ уѣзн. на г. днн агоста мѣсеца. и пакѡ н за ретемо годннѣ ѡво се пластнсмо на поучно нза и прѣдорню кеѣе кѣрокамѣ ѡвѣ нашъ лнстѣ ѡтворенн пѣуатнсмо нашомъ кѣроканомъ пѣуатню. пнсано оу доуѣрокинкоу на 1. днн ѡктоубра мѣсеца лѣто хрнстоуо уѣсз. и та се потннсахъ господннѣ каѡша херцегъ скетаго сакѣ н за кеѣе свндтѣлство моомъ роукомъ латннскн оупнсано, како ннже оудрѣжн.

XVI. Вѣкъ.

1.

ИЗЪ РУКОПИСА СЕЧЕНИЧКОГЪ.

около 1501 год.

Въ лѣто 4873. (6727 = 1219) поставашет се сакѣ архїєпископъ сръбскнн, сконнмъ же роуконоположенїемъ поставашетъ .а. єпископа въ халыскон землн, оу стонѣ въ храмѣ прѣскетнѣ богороднцѣ. в. єпископа оу стонѣ днѡкантискомоу поморїю, въ храмѣ архїстратнга мнханаа. г. єпископа въ дѣрѣ, храмѣ скетаго ннколаи. .д. го єпископа оу боуднман храмѡу свѣтаго геѡргїа .е. го єпископа въ расѣ, храмѡу свѣтнхъ апостолѣ .з. го єпископа оу стоудѣннцн, храмѡу прѣскетнѣ богороднцѣ .з. го оу прн-

зрѣноу, храмоу прѣсвѣтѣ богородице. н. го оу гра-
 уанни .ѳ. го оу топлици, храмъ светаго николи.
 .л. го оу брамнѣскоу. ал. го въ белградѣ, храмоу
 прѣсвѣтѣ богородице. .вл. оу моравцахъ, храмъ
 светаго архилѣа. повелѣ курь сава дръжати тврдо
 и непоколебимо скетою вѣроу.

2.

ИЗЪ РУКОПИСА КАРЛОВАЧКОГЪ.

около 1503 год.

Сынъ же его реуенны стефанъ, нже н деуанскы
 нмѣноуемъ, третѣи оурошъ, н съ създа црьковъ прѣ-
 красноу светаго възнесенїа на рѣцѣ быстрици на де-
 уанѣхъ, ндѣже уѣстны его мощи лежеть цѣли н не-
 вѣрдны, н сладкыѣ конїе нзавѣають до дньсь, нже
 всакоу мысль прѣвьсходнтъ добротою, црьков же
 его, нже за .sl. лѣтъ създа се мраморїемъ н велнѣ-
 сткомъ н нзванїамн разлѣчныхъ вѣдѣвъ нстоуканныхъ,
 нже недовѣзеть лѣто къ повѣданїю. вѣзор же црь-
 кѣхъ всѣхъ вѣдоке н ѡун зрѣщнхъ троѹждаеть ѡтъ
 зѣлныѣ свѣтлости мрамора, нкоже нѣкла звѣзда дѣн-
 ница нзъ оутра сїающїи. сынса же слоужбоу его н
 житїе грїгорїе цамѣвлакъ. глаголють бо, ѡтцоу его мн-
 лоутнмоу ослапнѣвшоу ради клетве мащехи его, е҃гоже
 прѣславнѣ богъ пакы зрѣти оустрон велнкымъ уюдо-
 творцемъ архїерѣѡмъ хрїстовѣмъ ннколаѡмъ, н прѣ-
 емннкъ країевства бывъ по оуекѣ скопѣани, н оубѣвъ
 болгарскаго цара мнхана на велбоуждїи, н црьковъ
 светаго възнесенїа създати тоу, ндѣже тѣньта его

БѢ, НЖЕ И ДО НЫНѢ СТОИТЬ, ВЪСЕН ЗЕМЛИ ТОИ ЗРѢНІЕ
ДОБРОТЫ ПОДАВАЕТЬ. СЪЖЕ РОДИ ДВА СЫНА: КОНСТАН-
ТИНА И ДОУШАНА. СЪ ЖЕ ДОУШАНА БЫСТЬ КРАЛѢ, И КРА-
ЛѢКЪСТВА ВЪНУША БЫСТЬ НА ЦАРСТВО СРЪБЛЕНІЕ И ГРѢ-
КОМЪ И ДАЛНИМЪ СТРАНАМЪ. СЪТВОРИ ЖЕ И ЦРЬКОВЬ ПРѢ-
СЛАВНОУ СВЕТИМЪ АРХІСТРАТИГОМЪ ОУ БИСТРИЦИ, ВЫШЕ
ПРИЗРЕНА, ЕНЖЕ ТЪУНО ПОДЪ СЛЪНЦЕМЪ НЕМИНЮ БЫТИ
НИУТОЖЕ, И ТАКОВА ДОБРОТА ГРѢХЪ РАДИ МОИХЪ БЛИЗЪ
ЕСТЬ РАЗОРЕНІА. ДОБРОТОЮ ЖЕ И ХОУДОЖЬСТВОМЪ ПРѢ-
ВЪСХОДИТЬ ДЕУАНСКОУ ЦРЬКОВЬ, КРОМЪ МРАМОРА, И
ВЕЛНУШЕСТВОМЪ ЛОУШАША ДЕУАНСКАА: ТЪМ ЖЕ И ГЛАГО-
ЛЮТЬ ЖИТЕЛІЕ СТРАНИ ТОЕ, ЯКО ПРИЗРѢНСКІЕ ЦРЬКВІЕ
ПАТѢСЪ, И ДЕУАНСКАА ЦРЬКВИ, И ПЕКЬСКАА ПРИПРАТЬ
И БАНСКО ЗЛАТО, И РЕСАВСКО ПИСАНІЕ НЕОБЪЯТАЕТЬ СЕ
НИГДЕЖЕ. ЦАРЬ ЖЕ СТЕФАНЪ РОДИ СЫНА ОУРОША ЦАРА,
БЫСТЬ .Д. ТІН ОУРОШЪ.

3.

ИЗЪ РУКОПИСА ХИЛАНДАРСКОГЪ

около год. 1552.

ВЪ ЛѢТО 7997. (6993 = 1485) ПРѢСТАВИ СЕ
ВОУКЪ ДЕСПОТЬ, ВЛАДѢВЪ .КС. ЛѢТЬ. ТО ЛѢТО ѠТЬ ХЕРДЕ-
ЛА ДОНДОШЕ СЫНОВИ СТЕФАНОВИ ОУ СРЕМЪ, ЪОУРАТЪ И
ЮАНЪ ДЕСПОТЬ.

ВЪ ЛѢТО 7998. (6994 = 1486) ПОСТРИЖЕ СЕ ЪОУ-
РАТЪ И НАРЕУЕНЪ БЫСТЬ МАХИМЪ. И ТО ЛѢТО ПРЕНЕСОШЕ
МОЩИ СТЕФАНА ѠТЦА МАХИМОВА И ЮАНОВА ВЪ ЪОУ-
ПНИНИКЪ.

ИЗЪ РУКОПИСА ДАВИДОВИЧЕВОГЪ.

ОКОЛО 1554.

(С. Лѣт. 1828 I.)

Къ прѣднимъ възератим се.

Сынъ же великаго жоупана немане, великанъ, великий князь, братъ прѣдковануаномоу кралю استفану и светомоу савѣ. съ же великанъ родн сына димитра жоупана, нже бысть много нареуени давидъ. създаже храмъ свѣтога богомолѣнїе на аномоу. съ же димитръ родн сына вратька, нже бысть великий князь. съ же вратько родн сына вратисавъ, нже бысть тѣсть князоу лазароу. съ же вратисавъ родн дѣщеръ мнлнцоу, нже бысть монахѣ. сѣ же мнлнца бысть ѡтъ плѣмене благоустьнаго сумѣона немане. вѣдана бысть въ женоу князоу лазароу. съ же князь лазаръ ходи въ иеросалимъ и въ светую гороу. бысть же ѡтѣуство его градъ прилѣпѣць. ѡтѣць же его прѣбавъ. създа же и великий храмъ равннцоу, нде же мощи его лѣжеть. сынъ же лазаръ родн .в. сына и дѣщерѣ .е. прѣви сынъ его استفанъ, нже бысть великий деспотъ сръбскон земаи, зѣтскон, босньскон и оугръскон. .в. сынъ его великъ, нже бысть дѣвѣтъвннкъ, немнею жени. прѣва дѣщи его мара, нже дана бысть великоу браньковнѣю .в. дѣщи дана оу-зетоу за бѣшоу .г. цароу шиншманоу балгарскомоу .д. на оугръ за гарѣнѣ цѣлнша .е. дана бысть цароу павлнтоу.

XVII. Вѣкъ.

1.

ИЗЪ РУКОПИСА ГОРНЬОВРЕЗНИЧКОГЪ.

около 1650 год.

Царь же константинь великимъ поставляетъ зета своего дикимѣа цара въ инкомнды, притекающа съ христіанствовати. дикимѣе же въ томъ царствѣ не прѣхмьсть въ благопокорѣніи, нь прѣхрати се на ндо-дослоуженіе, н начетъ моуунти хрстіаны. констан-тна же, сестра константинова, жена дикимѣева, родн дикимѣю сына, емоуже владси глаетъ его быше бѣан, н нарекоше нме емоу бѣла оурошь. родн констан-тіа н дѣщеръ нменемъ филонію, въ свѣтъмъ крѣще-ніи нареуенноую ирнноу, юже н моуун хрста радн послѣжде. сіа же уюдоуенствовакшіи многожди, н приведеъ къ хрстоу .рл. тѣмъ уаокѣкѣ.

2.

ИЗЪ РУКОПИСА МАГАРАШЕВИЧЕВОГЪ.

около 1699 год.

Въ лето 7209. (7029 = 1521.) паде соулатанъ соуанманъ на рекоу савоу са множаствомъ изманла-тима, н прехождоу рекоу савоу шко по соухомъ сирѣуъ по мостѹ на ѿмъ срема ннже вадланах (?) шко немоушно ни рѣкамъ тѣмъ нсманлатени оудрѣжа-ти. еже оугри нмѣахоу надеждоу на тнхъ силнихъ рѣкахъ, ѿпоустнше ѿтъ касоудоу слакин градъ бе-

лиградъ, нин же ѡкрѣстне градове. и лѣтнихоу шко
же орліе крилати, села и градове палшихоу. ѡле
уоудо таковое! тогда скръбъ земли тон, слюща
срѣмь. днѣна места ѡпоустнше, црѣкве и градове
разорише. а олѡвин бѣлиградъ неколиѡ оугри пре-
ддоше, и влидоше аугарени месеца аугоуста .кн.

А госпожда елена бывши деспотовица неколиѡ
остави славни градъ коупниниць, и да се бѣгствоу
преко реке доунава, за оутреною оу гороу. а
славноу и днѣноу землю деспотовоу тоурци попле-
нише, а лѣпн градъ коупниниць разорише, септем-
врѣа .ѡ.

Въ лѣто 7191 (1683) понде царь моу-
хамедъ съ вонскоу великъмъ и доѣ оу ако градъ
на коурѣвѣ дань. и посла везира на градъ бѣуь.
доѣ везиръ подь киѡкъ, посла цара татархана преко
раке воде, да плени землю нѣмаукоу. попленише и
поробише, и много села и градове ѡпоустнше. до-
ѣ везиръ са многоу силномъ вонскоу. и би бѣуь
у. дана, нища се неполоуи. стигоше нѣмцы, раз-
бише моу, ѡстало оутеу с везиромъ мѣсеца аугоу-
ста .кг. дань. везиръ доѣ оу бѣоградъ, посла царь,
те га оуморише, ноємврѣа .кз. дань.

Въ лето 1697 изиде царь моустафа оу влашкоу,
и паде на тисоу, и науини мость ѡнде. и преѣе ве-
зиръ оу баукоу, те оузеше титель, и плени сентоу,
много христїаньского рода порази, понде и доѣ
на сегоднѣ. стиге приица лоуи с немци, разби
моу вонскоу, и натѣра на тисоу, веѣе се само по-
дави. царь бивши на ѡнь поль тисе, виде таково
уоудо, ѡстави све шаторе и топоке, ѡде оу ве-
лиградъ месеца аугоуста .кз. дань.



Другій Періодъ

средня или дубровачка лишература.

I.

ЋОРЋЕ ДРЖИЊЪ

(рођ. око половине XV. в.)

1.

Милось сву напуно	Лѣпось, кá на сай свѣтъ
Тадъ свѣту Богъ изда,	Изврсна юшъ небы,
Тебе славна круно,	Кѹ бы моѣ' прославит',
Кадъ створи врхъ	Вазми, та ѣ у теби:
звѣзда.	Очима с' суначце,
И тымъ ти да име,	А анѣлъ позоромъ,
Назавъ те милосѣу,	Свѣтлый рай вѣначце
Да те сву са свиме	Гои т' рано зоромъ,
Уреси лѣпосѣу;	Сву славу да носи
С. Читанка за выш. гимн. Св. I.	5

Твѣ глава, кѣ цвата
 У русой той коси
 Як' пречиста злата;
 Громъ снѣга с' бѣля,
 Бистрія іошъ леда,
 Сву лѣпось одъ ѣля
 У нѣм' наравъ сгледа.
 Я сумнѣимъ, еда си,
 Вило, съ неба сишла,
 Айли с' вила, кѣ си
 Сай часъ изъ луга
 пришла?
 Ода свудъ просинешъ
 Як' зора съ истока
 Ты вило, гдѣ минешъ
 Танка и висока,
 Рече свакъ самъ себи,
 Позирай, позирай!
 На сай свѣтъ прѣ не бы,
 Нит' ѣе быт' лѣпшій рай;
 Брѣ дразимъ пролѣѣмъ
 Створи се туи есенъ,
 Процавити путь цвѣѣмъ
 Мирисомъ уресенъ.

Сладку рѣчь, айли гласъ
 Кадъ пустишъ іошъ
 вило!
 Туи све крозъ чудну
 слась
 Буде се смамило.
 Чувши іошъ твѣ пѣсни
 Разумне задости,
 Све онъ часъ увѣсни
 Умекой радости.
 Ето у све дѣло
 Анѣлъ си съ небеса,
 Цѣѣ тога, мѣ вило,
 Любавъ ме твѣ стеса,
 Лѣпось да т' у пѣсни
 И славимъ и пишемъ,
 Брѣ съ вельомъ любезни
 Врхъ звѣзда уздви-
 жемъ:
 Иштомъ ми удѣли,
 Тои, чимъ се озивашъ,
 Мой цвѣте премилый!
 Кѣ у мни пребывашъ.

2.

Ако л' бы рекалъ смилѣно,
 Да танцашъ дивно коло,
 Лѣпосѣу с' толи свршено,
 Достойно с' быт' охоло!
 Крозъ вилу, кѣйви вѣначацъ
 Цавти лѣпось меу вама,

Како и ясанъ мѣсечацъ,
 Кадъ сине меу звѣздама.
 Тко жели видит' даницы
 На небу кѧ е свѣтлосъ,
 Позри вилу у круницы,
 У кѡй е райска милосъ.
 Як' вита вла у гори
 Позоръ е нѣ узвышенъ,
 Свѣтлоску лице нѣ гори,
 Коіой самъ велми сниженъ.
 Ево іошъ тко жели видит'
 Превеликъ даръ съ небеса,
 Ну ниткоръ немой завидит'
 Видивши таи чудеса.
 Очи теи гдѣ вила има,
 Суначу кѣ кадъ сврне,
 Сву му свѣтлосъ узвазима,
 А мени животъ стрне.
 Расла ній само съ вилама,
 За ловъ да е створена,
 У поредъ ну е звѣздама
 И съ анѣлцы гонна.
 Крозь тои любовь нѣма крѣпосъ,
 Коіомъ бы могла смутит',
 Сръ за малъ хипъ да нѣ лѣпосъ
 Лювенъ стрѣлъ буде ѣтит,
 Охъ, чудно т' видихъ гдѣ точи
 Сузе низъ свое лице,
 Дѣтеще наго безъ очи
 Съ крылами како и птице!
 Тои быше Богъ одъ любви,
 Безумнымъ кѧ е тужанъ,
 И чухъ добро гдѣ прави,

Коіойзи я быхъ сужанъ.
 „Яко с' нут' крѣпосъ таи стече,
 Све су съ нѣомъ вышнѣ силе,
 Васъ ми лукъ скрши у пече,
 И мов злате стрѣле!“
 „А врукій пламенъ изгаси,
 У комъ васъ горѣхъ тврдо,
 Гнѣвно т' ме у свем' порази
 Опустивъ сасма грдо!“

II.

Х А Н И Б А Л Ъ Л У Ц И Њ Ъ

(писао око 1500—1525)

1.

изъ *Робинѣ*

Сказаня другогъ.

Робиня

Знай, да быхъ я мнила
 Богу сагрѣшити,
 Моя ти сва дѣла
 Нехтеѣ издрѣшити,

Видеѣи те съ вольомъ
 Одъ срца да мыслишъ,
 Како се невольомъ
 Моіомъ продумыслишъ.

А знати неишѣу
 Тко си, ни одъ кога,
 Ни просимъ, да вишѣу
 Чинишъ ме одъ тога.

Да, право за реѣи,
 По томъ, што бесѣдишъ,
 Трговца нич' веѣій
 Мени се ты видишъ.

Тко хоѣ' си, добра честь
 Свака те садружи
 За оцо, што болестъ
 Моя ти дотужи.

Съ добыткомъ сви трзи
 Твои изайдите,
 Твѣ желѣ у брзи
 Пуне се найдите.

Ако те ка̑ чека,
Богъ дай, да не касно
Люба те дочека
Поштено и частно.

Срѣћа ти се плећма
Овако несврни,
Нег' своимъ то већма
Крыломъ те огрни.

Богъ ће одвратити
Плаћомъ ти не маломъ,
А я ти платити
Немогу нег' хваломъ.

Већъ ако у плаћу
И ове примешъ садъ
Бесѣде, кѣ траћу
Прошения твoгa радъ;

Брѣ ти љу печали
Мое досказати,
Али т' ми дат', али
Помоћъ ми недати,

Буд' да се надію
У срцу моему,
Да ти прѣ додію
Нег' сгодимъ у тему.

Рѣхъ ти, да отацъ мой
Бусіомъ погину,
И прва бы ми тои
Шибa, ка̑ ме шину,

Кѹ іошѣ залихо
Млада неоћутихъ,
Колико да тихо
Шине ме по скутихъ.

Бре оца ради
Мени краљ ту шћету
И брату накнади
Малу іошъ дѣтету.

Найпрво ми брата
Обилно обдари,
И чини богата
Спензомъ и тимари,

И хтѣ, да га друже
Очеви дворане,
Лѣпо да му служе,
Конѣ да му хране.

Іошѣ га штовати
Већма се обѣта,
Да ће бановати,
Кадъ дође на лѣта.

А мени сто села
Записа и рече,
„Расти ми весела;
Кадъ врѣме дотече,

На ты мою віру,
Нѣомъ ти се обѣћу,
Я да ти намиру
Чесмениту срѣћу.”

За тымъ удовицу
Майку ми пожали
Съ сузами на лицу,
Теръ іой се захвали,

Кажући ме рукомъ,
Велећи: „Утишай,
Теръ овомъ ябукомъ
Дичи се и нишай,

И врху нѣ стражу
Имай помня твоя,
Ерѣ ю имамъ дражу,
Нег' да бы кѣи моя.

Я ѣу те чинити
Быт' майку веселу,
И туге забыти,
Кѣ т' быше доселу.“

Одъ тадъ е гоила
Майка ме блена
Каконо босила
Китицу зелена.

Зими стѣх' у граду
У влаѣене хижѣ,
А лѣтомъ на хладу,
Гдѣ славихъ бильиже.

При тихомъ Дунаю,
Тамо, гдѣно Сава
Рѣке се скаѣаю,
Заедно и Драва.

Ту быше гиздавыи
Перивой, тере гай,
Видивъ га ты, правый
Рекалъ бы да е рай.

Найвеѣе угодно
Быше ми ту станѣ,
Пространо, слободно
И мирно шетанѣ;

Ту ти ме на чрѣде
Дворкинѣ двораху,
И мое бесѣде
Помнѣиво вораху;

Ту мое све дѣло
Разбирати быше
Румено и бѣло
Цвѣѣе, кѣи мирише;

И перле, кое су
Одъ броя, низати,
И нажитивъ ресу
Злату подстризати;

И стерат' свилицу
По бѣлому платну,
Умѣшуюѣ жицу
Сребрну и златну.

Несрѣѣо, кѣ свега
Добра ме избави,
На што ми одъ нѣга
Спомену остави?

Ево се веѣѣ болю
Смышляюѣ прваню
Сласть, него неволю
Трпеѣи саданю.

И ова толико
Зледъ ми е горчѣя,
Разкоша колико
Срѣѣа ми бы прѣя.

Незнахъ, ча е брига,
Незнахъ, ча су труди;
Толико ме нѣга
Майчина разблуди.

А садъ се сваѣѣ чуди,
Да нисамъ саспѣла,
Толико утуди
Дружба ме немила.

У веселомъ здравю,
Весело свудъ хоѣхъ,
На мехку узглавю
Покойно покояхъ:

Сада за узглавѣ
Камень в студены
Мыслите, кѣ здравѣ
Може бытъ у мени?

Сладкомъ и обилномъ
Храняхъ се я пиѣмъ,
И са златомъ свилномъ
Решахъ се одѣномъ:

А сада премине
Данъ ми се кадгоди,
По законъ живине,
О трави теръ води.

Садъ нага и боса
Сила м' е, да хою,
Ютромъ, кадъ е роса,
И обданъ по зною.

Бръ врѣдне мѣ свѣте,
Мѣ младость кѣ носи,
Све ми су разнѣте
Одъ злыхъ мартолосои,

Пустиньомъ кѣ ходе,
Теръ зимну и гладну
Везану ме воде
У руху претамну.

Теръ кадъ ми года се
Бродити се рѣкомъ,
И доли пода се
Позрѣти поникомъ:

Умиру одъ срама,
Одъ яда умирамъ,
Ни могу ту сама
Да на се позирамъ,

Видѣши, гдѣ власе
Злате самъ изтргла,
И грдо низа се
Пустивши развргла,

Видѣши у страху
Лица проблѣдила,
Каконо у праху
Ябука презрѣла.

Я быхъ ихъ грдила
Рукомъ моѣмъ сада,
И себи задила
Горку смръть одъ яда:
Да 'во е узицомъ
Стегнута назаду,
Теръ ми предъ тужи-
цомъ

Утеѣи недаду.

И живемъ по сили
Прек' мога хотѣня,
Гдѣ ми смръть омили
Цѣх' горка живѣня.

О нека забудемъ
Муку и трудъ то'кій,
Чин', Боже, да будемъ
Он' камень жестокий,

О кѣ'но срдито
Море се разбія,
А онъ становито
Стѣни се несвія:

О ме се разбію
Горчина са тугомъ,
И свакъ часъ приспію
Єдна ми за другомъ.

Да 'во становити
Моѣи ми бытъ небы,
Якъ танцы той кити,
Кѧ стане о себи.

Ево ми заходи
На страну бесѣда,
Єре ю заводи
Боль, кѧ іой засѣда.

Да нека опета
Тамо се поврати,
Одъ гдѣ ю та клета
Болѣзанъ уврати.

Сгинувши Власко банъ,
(То бы име мому
Оцу), не веле данъ
Иваѣ по тому,

Да свое почаше
Краине простиратъ,
А стискати наше
Турцы, и насъ тѣратъ,

И села робити,
Давши имъ свакъ плеѣе,
Єръ се озубити
Неима тко веѣе.

Теръ тада быше чутъ
Свуда по русагу
Власково име слутъ,
Умѣнъ и снагу

Веляху: Сва хвало,
Власко, намъ сгину ты,
И намъ е до мало
За тобомъ сгинути;

Єръ када ты паде,
Намъ се становито
У рукахъ препаде
Мачъ и копѣ вито."

Веляше свакъ тако,
Свакъ сташе ухилѣнъ:
Да не свимъ еднако
Страхъ быше раздѣлѣнъ;

Єръ они, кѣ быху
Одъ края далече,
Погибѣль немниху
Да до нѣихъ дотече.

Каконо тко нѣма
Помню, ни се свѣди,
Докле предъ очима
Свое зло невиди.

И я ти се шѣети
Овой ненадіяхъ,
Коя ми долети,
Айме, кадъ немніяхъ.

Обычай быше мой
Исходитъ у шетню,
За нека мину зной
И вруѣину лѣтню,

Кудно се прелѣпный
Перивой простире,
И водицомъ крѣпи
Быстромъ, кѧ извире:

Ту свакомъ гиздавомъ
Дворениѣ гиздаве
Ишѣаху забавомъ,
Како ме забаве.

Плешуѣ по травицы,
Пѣсанце спѣваюѣ,
Пореда съ славицы,
Гласомъ извѣваюѣ!

Еданъ данъ ту сите
Различныхъ игара,
Сунце траковъ ките
Надвысивъ одъ сгара,

Воѣу подъ гранами
Падосмо све скупа,
Немнеѣ, да за нами
Несрѣѣа поступа,

Кѣ ме како лютый
Тѣй желетъ за мномя
ставъ

Мышляше тиснути
Долѣка стрмоглавъ.

Чему ѡ говоритъ
Инако, ни мнити
Оно, што има бытъ,
Негъ да ѣ ли быти?

Подъ свѣцомъ ориха,
Вода, гдѣ се точи,
Санка ми ноѣ тиха
Нападе на очи,

И небыхъ дубока
Юшъ санка заспала,
Да ме ѡ жестока
Боязанъ запала.

Ерѣ ми се учини,
Очито да виѣу,
Вуцы по планини
Конъ мене да выю.

Терѣ како кошута
Одъ стазе до стазе
Верихъ се странъ пута,
Да ме не запазе.

А они скупише
Хитро се по слѣду,
Терѣ ме обступили
И заду и спрѣду.

Я зада ни спрѣда
Номѣгуѣ поступитъ,
Сва жута и блѣда
Изъ гласа яхъ унитъ.

Чувши ме стекосе
Къ мени се све мое
Дворке и рекоше:
Што ѡ то господѣ?

Што си промѣнила
Лишца? што уведышешъ?
Кѣ си санъ видила?
Едва душомъ дышешъ!

Ту санка одустахъ
Сва пуна боязни,
Мыслеѣи тере стахъ,
Кое су то сказѣи.

Я тако мыслеѣи
Каконо вазета,
Изтече врвеѣи
Та гуса проклета.

Теръ насъ обѣстрани;
И ка́ чу да виче,
Али ю иврани,
Али ю посѣче.

Одъ саблѣ погиге
Несрѣѣна Маргита,
Брѣ ту до потрѣбе
Быше гласовита.

Смышляти немогу,
Како ми нѣ глава
Ту паде предъ ногу
Брезъ трупа, крѣвава.

Премъ тада изъ гласа
Хтѣше се да вапимъ,
За уедъ одъ паса
Нетрпит', кѣ трпимъ.

Да бы ми на повратъ,
Гласомъ бы вапила,
И главу тере вратъ
Сама имъ клонила.

А тадъ ме добы страхъ
Одъ смрти те зале,
У послухъ тере стахъ
И я, и остале.

Ту насъ извезаше,
За тымъ у планину
Біюѣ одагнаше
Каконо живину.

Прія быхъ нашла брой
Ноѣ на ведрини

Свимъ звѣздамъ, нег'моіой
Послѣднѣй горчѣни.

Пусте самъ све стране
Протекла и луге,
Вепри гдѣ се хране,
И звѣри те друге.

Обайдохъ све горе,
Бродихъ се прек'сто рѣкъ,
Нягдѣ ми ниткорѣ
Недоѣ помоѣникъ.

А гдѣ су, мимо дворъ
Кои ми хояху,

И ноѣ подъ прозоръ
Пѣсанце пояху?

Пѣсанце, у коиѣхъ
Веляху, да самъ я
Круна и дика нѣихъ,
И сунце, кѣ имъ ся.

Нека т' нѣимъ тащѣну
Сваку говорити,
За болѣ вашѣину
Моѣи намъ створити.

Айме, ча ми пруди,
Несрѣѣо прехуда,
Брѣ ми ненауди
Нѣихъ хитрость злоѣуда,

Поколу, презала
Несрѣѣо, у область
Горимъ си подала
Мене и мою часть.

Изъ сказаня трећегъ.

Власшелинъ.

Быо е до сега
Доба деръ до вѣка
Обычай овега
Града Дубровника,

И садъ е, кадгоди
Поглавитый кон

Човѣкъ га походи,
Ал' у нѣм' постои,

Нѣгову дошасѣу
Вазда се радоват',
И хваломъ и часѣу
Свакомъ га дароват'.

На кѣ стваръ одлученъ
Будући я данасъ,
Смуѣненъ самъ и мученъ
Умоіой мисли васъ;

Брѣ ми се, знамъ, хоѣе
Свршино васъ хвалити,
А' незнамъ како ће
Моѣи се то сбыти,

Моега языка
Будући моѣ мала,
А ваша велика
И крѣпость и хвала.

Да волю, а не рѣчь,
Хотѣйте вы мѣрит',
И, ако мало ничъ
Реку, незамѣрит';

Васъ свѣтъ Деренчина,
Твоєга іошъ дѣда,

И храбра и сми'на
У пѣснихъ повѣда;

Тихъ быше у свѣту
Сми'нъ и брзъ на дѣло,
То му е по свѣту
Славанъ гласъ понѣло.

Онъ мнократь одврати
Своихъ одъ погубе,
И Турке полати,
Як' соколъ голубе.

У своіой Туркомъ смръть
Носаше десницы,
У зубихъ како хртъ
Зецу предъ ловницы.

Допоконъ када се
Найде при скончини
Витезъ, стотима се
Витежки замѣни.

Зато га до данасъ
Текалъ е и теѣи
Вазда ће поштенъ гласъ
Высоко летеѣи.

Не манѣ сада ты,
Говоре, да си сми'нъ,
Да право млаѣхатый
Зовешъ се Деренчинъ.

Да се сѣх' и бости
Теби е брєвъ муке,
Да дѣла храбрости
Иду ти одъ руке.

Дѣла вашихъ дѣди,
И отацъ, и ваю,
Моіой се бесѣди
Изрѣши недаю.

Немогу я многе
Хвале ваше пети,
Кои самъ убоге
Рѣчи и памяти.

Говоръ ъу узтегнутъ
И стиснутъ у манѣ,
Тере се потегнутъ
На мѣсто прванѣ.

Наша су зачула
Господа, како в
Ядомъ тебе трула
Несрѣћа, господ,

Како си узице
Турачке допала,
И дуго сузице
У нѣой проливала;

Како се по трагу
Залети пакъ овый
Соколъ, да те драгу
Ловину улови;

Како те изнашадъ
Хитро в изкупилъ,
И съ тобомъ изнашадъ
Овдѣка доступилъ,

И тако заслужилъ
И то'ко достоялъ,
Да те в садружилъ,
И за свою поялъ.

Дичи се тымъ пиромъ
Градъ овый, да знате,
Колико да миромъ
Мирле му позлате.

И тога за знаменъ,
Коя годѣръ снага
Нѣговыхъ естъ раменъ
Сва вамъ се подлага.

Вамъ в завелити
А нѣму пословатъ,
Зато веселити
Хтійте и пироватъ!

И даре садъ ове,
Буди не богате,
Примъте одъ нѣгове
Волѣ обилате.

Чимъ дође до ваю
Съ властели своими
Поглавица наю,
Кои в надъ свими.

Деренчинъ.

Залихомъ еръ хваломъ
Славишъ насъ и питуешъ,
Обезомъ не маломъ
Мене обезуешъ.

И ова даница,
Моя и госпоја,
(Нека знашъ) дужница
Называетъ се твоя.

И листо Богъ да да
Будима доступитъ

Хоћемо дай тада
Дуга се одкупит'.

Меу то, хвала ти
Предраго, премило,
Доклѣ врѣме дати
Моѣ' буде на дѣло.

А твоіой господи
Да захвалимъ, виде,
Паметъ ненаходи
Достойне бесѣде.

Само имъ рецы, знамъ,
Господо, прѣк' міре:
Милошѣа прѣма намъ
Ваша се простире.

Кнезъ.

Воляхъ, да бы ваша
Милость походила
Мѣста ова наша
Другога цѣх' дѣла,

Него цѣхъ опаке
Несрѣће, кѣ чини,
Да свѣтле данъ зраке
Лице вамъ промѣни.

Но буди како хоѣ',
Весели мы смо садъ,

Да вамъ се сгода доѣ'
Господо, у нашъ градъ.

Гдѣ 'во смо сви ради,
Да вамъ се минута
Сва туга ослади
И жалость прелюта.

А наилише теби,
Госпоє неучна,
Носити на себи
Брѣмена так' мучна.

Само се тымъ болю,
Срце се тымъ стици,
Да наша моѣ волю
Неморе да слѣди.

Деренчинъ.

Веѣхъ нег' се подоба,
Веѣхъ нег' смо пытали,
Скупа и особа
Вы насъ сте читали.

Зато буд' велика
Теби, кнеже, хвала,
И вамъ, Дубровника
Господо остала.

2.

Граду Дубровнику.

Ли поклѣ юрѣ праву
Неизмѣрну твою,
Дубровниче, славу
Ставихъ се да пою,

Высокимъ радъ быхъ я.
Гласомъ зазвонити,
И твоє хвале ѣа
До неба понѣти,

Дубровниче, части
Нашега езика,
Кѣ цватешъ, и цваста
Вавда ѣшъ до вѣка:

Да 'во е млохавъ духъ
Одъ грла моего,
Ли немой вато слухъ
Одклонит' одъ нѣга;

Грло ако лиха,
И гласъ непростира,
Воля е залиха,
Кѣ га надомира.

Ты он' темельитый,
Дубровниче, си дубъ,
Кои, еръ обхити
У гори каменъ зубъ,

И пусти пакъ жила
Та доли, гдѣ жива
Извирухъ изъ гнѣиле
Вода га залива,

Крѣпко, становито
На сѣверу сѣди,
И сушомъ чрѣзъ лѣто
Ни вене, ни блѣди,

Нег' расте охоло
У высин', и меѣ
Гране свудъ около
То яче то веѣе,

Тако да остало
Ако е премъ чему
Ту дубъ, ли мало
Види се при нѣму,

Еръ пиѣу ту доли
У жилахъ неѣути,
Ни му тврдо толи
Темель се укрути.

Правда е темель твой,
Разумъ е твоѣ пиѣа,
Твѣ станѣ у покой
Почива нѣ циѣа.

Слободанъ и вѣчанъ
Нѣима си добро знай,
И одъ свихъ различанъ,
Кои су тебе край.

Благо твое мнози
И слобод' кѣ виде,
Подложни, убози
Тебе ненавиде.

Немоѣно еръ око
Трпѣти нѣима моѣ
Просвѣтлѣнѣ то'ко,
Теръ жели, да бы ноѣ.

И мнози могуѣи
Владавцы сви рабе
Охоломъ вруѣи,
Да тебе порабѣ:

Да ты се огледашъ
Помнѣиво одсвуде,
Пригоду теръ недашъ
По кѣи ти науде.

Види се, мой Боже,
У граду овему,
Што разумъ, што може
Доброта у свему.

Злу волю нань крѣпо
Подъ плашѣмъ како мачъ,
А да му задію,
Немогу наѣи зачъ.

Правдомъ станѣ тврди,
Пособу и любовъ,
Нань да се разсрди
Ниткоре н'има прав'.

Сили се озуби,
Чува се зле волъ,
А милошћу люби,
Кѣ ништоръ ній болъ.

Шъ нѣомъ ти се озира
На онихъ, кѣхъ годи
Разлико потѣра
Несрѣћа кѣ годи.

Доброте свое дилъ
Люби ихъ и мили,
И блага добаръ дѣлъ
Много кратъ удѣли.

Цркве тачъ наредно
Саградилъ е Богу,
Да звати праведно
Божій се станъ могу.

Ту нѣ, тко срдитъ
У бесѣдахъ клетыхъ
Сміо бы погрдитъ
Ни Бога ни светыхъ.

Штуй светыхъ и Бога,
И Божю стрми рѣчь,
Али се овога,
Чловѣче, града лич':

Гдѣ но и судъ даю
Племенитый и часть,
И на сагъ сѣдаю,
И сву имаю власть.

Осталога пука
Како се пристои
Свака врсть и рука
У послухъ сва стои.

Нити се тко бои,
Ни сумнѣи одъ кога,
Да само посвои
Власа му танкога.

Само тога циѣна,
Само, димъ, по тому
Мука и добыѣна
Сладка е свакому.

Ту су становите
Обзиде брезъ брже,
Чимъ тврде, чимъ шѣите
Гради се и држе.

Тымъ ярма никадаръ
На нѣму іошъ небы,
Тымъ вазда господаръ
Быо е самъ себи.

Самъ себи е ставилъ
Законе, по коихъ
Лѣпо т' е управилъ
Самъ себе и своихъ.

Нѣимъ се вѣхтѣлъ дати,
А веѣе никому
Водитъ и владати
У дѣлу свакому.

Судца е, кѣ съда
 На судъ, и закона
 Еднака бесѣда,
 Паче иста она.

А законъ е доста
 Правъ и пунъ разлога,
 Не манъ за госта,
 Него ли за свога.

Тымъ га свакъ почита,
 Тымъ су Дубровчани
 По све стране свѣта
 Люблѣни, штовани;

И тамо, гдѣ вѣра
 Объ десну стран' нѣга
 Наша се простира
 Преко свѣта свега,

До тамо, гдѣ веле
 Познѣ дойде данъ,
 Другѣй свѣтъ што веле,
 Овога свѣта ванъ.

И тамо са лѣва
 Нѣга, гдѣно вѣра
 Мало манъ саспѣва
 Наша и умира;

До тамо, штоно садъ
 Зову море веѣе,
 Кѣ мимо Цариградъ
 Свеѣъ воду ванъ меѣе:

Цариградъ, кѣ прѣти,
 Да римска кѣ быше,
 Силу ѣе надѣти
 И веле пойт' више.

С. Читанка за выш. гимн. Св. I.

Нѣговъ е васъ околъ
 Источного свѣта,
 За другу юре пол'
 Запада похита.

Боже, ты пократи
 Нѣму силу и моѣъ,
 Али га обрати,
 И кѣ теби чини доѣ!

Инако кршѣане,
 Я незнамъ сви бы ли
 Одъ едне ставъ стране
 Нѣму одолѣли.

А како ѣе моѣи,
 Еданъ ихъ недаюѣ'
 Другому помоѣи,
 Нег' ли га издаюѣ'?

Тога цѣѣъ свакъ прави,
 А право, на вѣру,
 Да мудро борави
 Дубровникъ у миру.

Нѣга ти свака врстъ
 Людѣй, и кѣ има,
 И коя нѣима крстъ,
 Люби и прийма.

Не само до ждрѣла,
 Доклѣно вѣра рѣхъ
 Мало манъ саспѣла
 Наша е за нашъ грѣхъ,

Да далъ юшъ тамо,
 Гдѣно се нехвали
 Разми законъ само
 Поганскѣй презалый:

6

До тамо, гдѣ море
Александаръ насу,
И чудно преморе
Тиро градъ и разсу.

Александаръ, кѣ бы
Одъ Срблыи краль, и кѣ
За тымъ васъ свѣтъ добы,
И зва се великій.

Ту кримижъ изъ воде
Вади се црлѣный,
Кѣмно се госпode
Одѣла црлѣни.

И тамо гдѣ Нила
Рѣке зяю уста,
Кѣй ишѣуи врил
Човѣчка моѣ сушта.

Гдѣ малымъ врѣменомъ
Истыи краль сазыда
Градъ, кѣ се именомъ
Нѣговымъ повѣда;

И тамо гдѣ града
Племенита дост
Само леже сада
Разтркане кости,

Съ кѣмъ нѣ се Римъ
бори
Одъ свѣта о станѣ,
Тере га разори,
И да му скончанѣ.

Буди да заплака
И онъ тога прѣя

И за тымъ іошѣ цака
Касно се насмѣя.

Мѣи пѣсни сбруити
Никакоръ нѣи моѣи
Све краѣ, честитый
Дубровникъ гдѣ обѣи.

Крозъ горе, крозъ луге
По свѣту свеѣъ миче
Трговце брезъ друге
Забаве ни приче:

По странахъ, кѣ гледа
Сунце на далече,
И кое прѣк' реда,
И съ редомъ кѣ пече,

Сви трге примаю,
Мирно кѣ доноси,
И кѣ они даю,
Онъ мирно односи;

Паче іошѣ тко ходи
По свѣту, настои
Свакъ, да какогоди
Име му посвои,

И да се повѣди
Нѣговъ, премъ да нѣе,
За нека свакъ види
Добро га свудіе.

Достоянъ е свуди
Овый градъ да слове,
Да га Богъ и люди
Вазда благослове.

И моя благословъ
Пѣсань, како може,
Дае му сада овъ,
Потврди ты, Боже!

Срѣнанъ и у своему
Теби ~~быль~~ угоданъ!
И народъ у нѣму
Одъ людѣй буд' плоданъ

Мудрыхъ, разбери-
тыхъ,
Обилныхъ добротомъ,
Храбрыхъ, узоритыхъ
И здравыхъ животомъ.

Куће му ветреси
Трусъ, да ни оганъ жеж',
Ни благо однеси
Гусаринъ, ни лупежъ.

Госте да бы штоваль,
И любовомъ опоишь,
А свое нѣговаль
И мирно покоишь.

Мирно и безтрудно
По свѣту путоваль,
Користно и прудно
Све после пословаль.

Здраво се одѣли
Здраво се заврни

Одтле, гдѣ су бѣли
Люди, и гдѣ црни,

Боже, ты уадри,
Напрѣдуй, весели,
Што влада, што тржи,
Што мысли, што жели.

Юшће му дай срѣху,
У пѣснихъ, мой Боже,
Да славу юшть веѣху
Къ слави му приложе.

А не како ова,
Кѣй бы веѣхъ пристало
Нереѣи ни слова,
Него ли реѣ' мало.

Лакомо заиста
Нѣга в хвалила,
Лагала да ништа
Нѣе ни вухлила.

Бда ли будешъ пакъ
И мени отворит'
Гласъ, кои буде якъ
Пети и говорит':

Ево се обѣху
Вѣромъ брезъ неволъ,
Да тегъ непохиѣху
Другѣй съ болъ волъ.

3.

Изъ писма Іерониму Маршинчику.

Да друго ово зло,
Одъ кога хоћу рећ',
Близу е долѣзло,
Ближе се неће већъ;

Ерѣ трудно може самѣ
Читоватѣ утећи,
Суспѣду юре храмѣ
Тко види горећій.

Затворенѣ тамо ѣа
Нечувешѣ у куту,
Морнаромѣ како я
Кои самѣ на путу,

Како е прикрыла
Родиотскій отокѣ
Чудна моћѣ и сила
Кѣ пода васѣ изтокѣ.

Зато ѣу да т' повѣ
Мѣ пѣсанѣ нѣкѣй дѣлѣ
Одѣ тога, што новѣй
Гласѣ намѣ е повѣдилѣ.

Петѣкратѣ е тусуѣсто
Людѣй царѣ сакупилѣ,
Невольнѣ то мѣсто
Сѣ кѣми е подступилѣ.

Толикѣ брой безѣ мѣре
Вѣроватѣ тко море?
Да ли су одѣ вѣре
Люди, кѣ говоре.

Одѣ оныхѣ, дѣ, лише,
Кѣ тимарѣ благоватѣ
И кѣхѣ одлучише
Войникомѣ пословатѣ.

Остали незвани
Купомѣ се сви палю,
Разлика поганы
Мѣста кѣхѣ но шалю;

Терѣ праве, рая дѣлѣ
Свакѣй ѣе добыти,
Землѣ само бадилѣ
У обровѣ да хити.

Поганству заисто
Свему и изтоку
Преславно то мѣсто
Село естѣ у оку.

Ерѣ трге, кѣ броди
Кѣ Цариграду воде,
Честократѣ находи
Гусаринѣ изѣ Роде,

Терѣ ниткорѣ неморе
Одѣ поганске руке
Оно тѣсно море
Бродити брезѣ муке.

Кому име она
Дѣвица сатвори
Сѣ влатога кѣ овна
Пустивѣ се обори.

Къ тому брезъ престаня
 У копно заходе,
 Робя теръ иманя
 Разлика изводе.

Тымъ ти се охолит'
 Буду Родіоти,
 А Турцы одолѣт'
 Немогу срамоти.

Зато се нечуди,
 Такова цѣль посла
 Да в множь одъ людій
 Брезъ броя ту дошла.

Четаръ ста и веіій
 Брой галій, теръ навій
 Ёсть, у кѣхъ бродѣи
 Войска се преплави.

Чудна в стварь листо
 Слушати начине
 И справе заисто,
 Кое се ту чине.

Найпрѣ су съ войсками
 Подалече стали,
 Гдѣно ихъ пушками
 Небы дохитали.

Одонде, теръ почанъ,
 Землю, кѣ копаю,
 Преда се межу ванъ,
 А за трудъ нехаю,

Тако, да землѣ прахъ
 Нѣ ту остао,
 Кѣ имъ нѣ по рукахъ
 Тисуѣкратъ пропао.

У кѣи ствари таковъ
 Начинъ су држали,
 Да гору на обровъ
 Землѣ су догнали,

Гору, димъ, съ кѣ
 одсгаръ
 Могу са высине
 Видити сваку стварь,
 У граду кѣ чине.

Вѣроватъ садъ онои
 Морешъ, ча чиняху
 Жиганти, када бой
 Съ бози битъ хтіяху,

Кѣ гору срдити
 Врхъ горе кладиху,
 По коихъ узити
 На небо хотиху.

Томъ ти се одъ града
 Горомъ заступаю,
 Кѣ свакчасъ одъ туда
 Мортари лупаю,

Тако да ни нова
 Куѣа естъ ни стара,
 Кѣи нису покрова
 Разтукли одъ сгара.

Многе су іошъ веле
 Ту пушке, кѣ зяю
 Пространо, кѣ, веле,
 Да свѣтомъ стресаю.

Теръ стѣну найвеѣу
 Са десна и лѣва

Изъ себе ванъ меѳу,
Кѧ видъ разорива.

Маньихъ е толика
Множь, да ній остало
Куѳе ни звоника,
Кѧ мила ни мало.

За тyme естъ пака
Тридесетъ хилѧда
Осталыхъ пушака
Кѧхъ сваку допада

Нѳ пушкаръ, оправно
Вазда кѧ ю носи,
И хита управно,
Камо се кадъ проси;

Тако да неклони
Главу иза мири,
Тко неѳе часъ оный
Да зубе оцѳри.

Янъичарѳй сила,
И спахѳй юшъ дѳю,
Кохъ гвожѳа цѳла
До подплатъ одѳю,

Кѧно се напѳида
Веѳекратъ макоше
Тако, да врхъ зида
Стѳге утакоше.

Немой мнитъ, кѧ рѳю,
Оправивъ листо тои,
Што ти сгоръ бесѳю,
Да стое у покой.

Мнози су, кѧ насутъ
Обровъ бы хотѳли,

Нека бы раванъ путъ
Ка граду нмили;

Кохмъ е дѳлати
Неволя то дѳло,
Кохѳи бо, теръ бати
Гоне ихъ немило.

Мнози су пакъ одъ
нѳихъ,

Та долъ дубоке
Кѧ дубу на поспѳхъ
Јме теръ потоке,

Подъ мире да дошадъ
Оганъ ту задуше,
Каконо Биоградъ
Еда ихъ разруше.

Затворенъ еръ оганъ
(Тако се говори),
Да гору ставишъ нанъ
Гвоздену, обори.

Съ другу странъ гра-
ѳани

Немысли да леже,
И стоеѳъ замани
Да ништаръ нетеже.

Кануне, шѳопите,
Спинѳгарде свеѳъ меѳу,
Турске мантилите
Кохми размеѳу.

И кѧми юшъ туку
Оныхъ, кѧ налиплю,
Да земљомъ, кѳу вуку,
Оброве насиплю.

Теръ оно, што съ потомъ
И крвю навргну,
У градъ они потомъ
По рупахъ узвргну.

Затымъ што разоре
Пушке и раззиђу,
Опетъ мало горе
Сложе и сазиђу.

Дрѣвѣмъ, землямъ,
каломъ,
Стѣнѣмъ, ко́ свакъ носи,
И стварю осталомъ,
Како се гдѣ проси.

Часа неспазную
Съ вечера, ни съ ютра,
Нег' се задублюю
И они изъ нутра,

Гдѣно се пакъ стаю
Са Турцы, кѣно рѣхъ
Да яме копаю
Противъ нѣмъ на по-
спѣхъ:

Ту ихъ унеблудивъ
Огнѣмъ, кѣ приправе,
И прахомъ задушивъ
Подъ землемъ оставе.

Велику, ди, помоѣхъ
Сужньи, кѣ имаю,
Рабеѣи данъ и ноѣхъ
У томъ имъ подаю.

Ни дѣца залуду
Несѣде, ни жене,

**Да у свакомъ труду.
Мужемъ су такмене.**

Чудеса сва, коя
Силанъ царъ ту твори,
Неморе рѣчь моя
Да ихъ изговори.

Помысли, кѣ свудѣ
Добыват' е учанъ,
Тратеѣ прахъ и людѣй
Замани, е л' мучанъ?

Зато, ди, да има
Свршену одлуку,
Прѣ станѣ са свима
Изгубит' изъ руку,

Него ли неподритъ
Тай градъ и разсуть,
Кѣ жели премъ пожрѣтъ,
Како змай прелютый.

Ако се измота
Тай конацъ, кѣ вуче,
Срце изъ живота
Кршћанству извуче :

Ако л' Богъ непусти,
Нег' му тай изкине
Залогай изъ усти
Прѣ нег' га позине:

Веѣху славу стократъ
 Роди ѣе дати тои,
 Нег' колосъ, кѣ поратъ
 Прекрочилъ быше нѣой.

III.

ПЕТАРЪ ХЕКТОРЕВИЧЪ

(1487 — 1572.)

Рибанѣ.

Првыѣ данѣ.

Витеже наредный
Бертучевиѣу мой,
Свимъ любкій и медный,
Кѣ знаю разумъ твой,

Кои насъ свихъ брани
У потрѣбе наше,
И безъ цкверни храни
Како злате чаше,

Кои насъ свихъ круни
По многа зламена,
Коиимъ смо препуни
Свакога поштена;

Найдохъ чтеѣ' лѣпу
 стварь,
Гдѣ мудри говоре;
Безъ измѣне ништаръ
Дуго статъ неморе,

И многа труяня,
Коя су опора,
Да буду скончана
Людемъ до умора.

И да е стварь прудна,
Тко ѣе уредѣ несахнутъ,
Узмакнувши трудна
Тежана, оддахнутъ,

Кѣ шкоду доносе
Кипу и живѣню;
И крѣпости, ко се
Свѣсти, и умѣню.

И зато юшъ пишу:
За шрудомъ дай покой
Тко неѣе на ирѣшу
Скрашиси живошъ свой.

Одлучихъ тога радъ
Минутыхъ овыхъ данъ,
Пуштавши све назадъ,
Кудгодѣ пойти ванъ.

Зиде оставивши,
Мештре, и тежаке,
Брашно приправивши,
И потрѣбе сваке.

Видеѣ' се заплетенѣ
У ствари премиле,
И чудно уметенѣ
Повольно брезѣ силе.

Кѣхъ нисамъ нигдарѣ
ситѣ,
Ни у санѣ, ни бдеѣи,
Мирниѣ могуѣ' бытѣ
Манѣ се трудеѣи.

На ту Ардалю мому,
Кои ме посвои,
Кѣ, правимѣ свакому,
Чудно ме опои.

Кѣмъ будуѣ' савезанѣ,
Кадѣ нѣга направлямѣ,
И градѣ, и грайскѣй станѣ
Велекратѣ оставлямѣ.

И све прѣятелѣ,
(Толи е онѣ якѣй),
Сѣ нѣими родителѣ
И разговорѣ свакѣй.

Будѣ' да кѣ га виде,
Толи имѣ драгѣ буде,
Кадѣ у нѣмѣ посѣде,
Тому се нечуде.

Негѣ ли буду правитѣ:
Нѣй у томѣ грѣхоте
Свака таѣ оставитѣ
Радѣ ове лѣпоте.

У комѣ свакѣй трудѣ мой
Толико ме слая,

Да ми серцу покой
То веѣй порая.

А све, ча се чини,
На Божю естѣ славу,
На помоѣ обѣини,
Мени на забаву.

На утѣху моихѣ,
Кои ѣе за мномѣ бытѣ,
Ерѣ е право своихѣ
Помагатѣ и любятѣ'!

Ли нехтеѣ' у мени
Скратитѣ мудрыхѣ свѣта,
Кои су хвалѣни
По свѣтѣ многа лѣта,

Премѣ да се слабѣ чую,
Одлучихѣ за три дни,
Да кудгодѣ путую,
Нека ме дома нѣй.

Терѣ за спунитѣ желю
Найдохѣ два рыба̀ра,
(Истину ти велю),
Найболя одѣ Хвара.

Паскоя едно̀га,
Добра мужа и права,
Николу друго̀га,
Млада и гиздава,

Еданѣ се Дебеля,
Другѣй Зетѣ называ,
Кѣмъ е плавь постеля,
Кадѣ лѣтнѣй ловѣ быва,

И ухо блазна,
А кадъ в жешкѣй зной,
Пиѣ добра вина
Срцу миръ и покой:

Чинехъ, да плавъ
справе,

И арборъ и ідро,
И весла да ставе,
И тимунъ и сидро,

И мрѣже танкога
Тега, кѣ падаю
Теръ до дна морскога,
И путемъ пливаю.

И на то убрану
Траву горске паше,
Личиномъ везану,
Да се рыбе страше.

Копитнякъ и ости,
И луча заметай,
И нѣмъ ѣе рыбе бости
Вечеръ возеѣ' узъ край.

Юшъ Паской доведе
Сына за потрѣбе,
Кои съ нѣмъ приседе,
Да буца на рыбе.

Сви узлѣши у плавъ,
Весело при плочи,
Макнувъ се како лавъ
Никола ванъ скочи.

Плеснувъ се рече: *нуш* —
Веѣъ слова нерече,

Свивши долами skutъ,
Теръ домоѣъ потече.

Како тко несправи
Пѣнез' пуну здѣлу,
Ал' незна гдѣ стави
Драгу рѣчь и милу.

Ниткоръ насъ немняше,
Да в іошъ у куѣи,
Кадъ се юръ враѣаше
Весело текуѣи.

Носеѣ' окрабѣицу,
И съ нѣомъ побукъ новѣи,
И стару мрѣжицу,
Кѣмъ вѣжине лови.

Затымъ танке соли,
Кѣ се купи лѣти,
Кѣ трате на столи
Люди племенити.

Паской му рече: „пой,
Канъченицу іошъ дай.“
Рѣхъ я: „дости в тои,
Веѣе тудъ непостай!“

Тай часъ се дѣлише,
Тако се бродѣи
Юначки упрѣше
Путь Кабла возеѣи.

Дошавши у Завалу
Первый ловъ почаше,
Гдѣ вѣлу ни малу
Рыбу неужаше.

Брѣ мрѣжу задѣше
У перво метанѣ,
Кѣмъ се утрудиле
Потезатъ заманѣ.

Затымъ попадаше
Колацъ одъ камика,
Мрѣжу провергоше
Спустивъ га долика.

Кѣмъ (нути чуда!)
Тай часъ ю оддѣше
И себе одъ труда
Берзо ослободиле.

Пойдоше напрѣда
Опетъ ю спуштаюхъ, —
Кудъ е рыбамъ чрѣда
Побукомъ буцаюхъ!

Тѣмъ ютро нехтѣше
Копитнякъ ни ости,
Мрѣжомъ бо ловиле
Тѣмъ рыбы задости.

Обилно за свима,
Ча небихъ я мнѣю,
Да нисамъ очима
Мѣими видѣю.

Юште наконъ тога
Едно ю меташе
Верхъ Кабла самога,
Гдѣ ино неуяше,

Негъ ли ухитиле
Зубатца за сриѣу,

Кѣ приличанъ быше
Едному телиѣу.

Кога неизплитѣше,
Како рыбы инѣ,
Негъ ли га ойдоше,
Да тако почиле.

Виде ми га тада
Згледатъ быше было,
Гдѣ е како клада,
Одъ педля му рыло.

Видитъ га лѣпѣта,
Чудиле се у истину;
Како мрѣжа умога
Толику тежину.

Вѣтаръ се подвизатъ
Тада поче одъ здола,
Валъ вала достизатъ;
И рече Никола:

Ник.

„Паско, неѣ намъ датъ
Смѣрацъ вѣѣ ловити,
А вѣме е рѣчатъ,
Ча е мени мнитѣ.

Ну идѣро направи,
Аргутлу изми ванъ,
И све ино справи,
Ходъмо на другу странъ.“

Пойдѣсмо идѣрѣи
Одъ бада онога
По мѣру пузеѣи
Путъ края другога

Паск.

„Нека скратимо путь“
Рече Паской, „ходи,
Кадъ в вѣтаръ у скуть,
Речимо штогоди,

Штогоди найдимо,
Немучимо данасъ,
Чимъ обеселимо
Господара и насъ.“

Ник.

„Я самъ вазда справанъ
Нѣга веселити,
И нѣму приграванъ
Васъ животъ служити.

Нудѣре почми ты,
Кѣ си разумнѣи
Уминуемъ, или
Одъ мене старѣи.“

Паск.

„Можъ ли се домыслитъ,
Пови ми, еда знашь,
Да прѣ хти размыслитъ,
Негъ ми одговоръ дашъ:

Нѣгдѣ се тужю,
Веле, быше еданъ,
Да в чудну имію
Несрѣћу на свой станъ.

Богатацъ будући,
Пунъ свога иманя,
Да у своіой кући
Допаде скончания.

Ерѣ га обступили
Злохотницы быху,
Оружѣмъ страшили,
Кѣ собомъ имѣху.

И да му уйде ванъ,
Бѣжа крозъ проворе,
Онъ оста савезанъ,
Ерѣ уйти неморе.

Што ти се садъ види?
Може ли быти тои
Истина, бесѣди,
Али в лажъ овои?“

Ник.

„Ако ти я буду
Повѣдитъ тои, што в,
Ча ћешъ да добуду,
Мой друже Паское?“

Паск.

„Пехаръ мушкатила
Знай да ћешъ добыти,
Сладка и сазрѣла,
Кѣмъ ти ћу служити,

Съ вольомъ, димъ, овога,
Кѣ насъ съ нѣмъ узчтуе,
Кѣ не бытъ, вѣмъ, с тога
Весель, да те чуе.“

Я рекохъ: „Не еданъ,
Да іошъ му два даруй,
Ако ти по васъ данъ
Изрече притачъ туи.“

Ник.

„О томе добыћу
Я ћу се минути,
И о томе пићу,
Да слышъ, ако ѣ' чути.

Знашъ, ко е богатацъ
Пунъ брига задости?
Онѣй озубатацъ,
Кому ты непусти.

Ако ѣ' знатъ, е ли тои,
Ча ти я казую,
Пошадъ му лустре зброй,
Кѣ сребро минуя.

Рыбамъ да е море
Домъ, то можъ видети,
На суху неморе
Ни една живити.

Рыбамъ злохотници,
Кѣ ихъ обступаю,
Есу сви ловници,
Кои ихъ хитаю.

Съ кога рыба гине,
Оружъ естъ онои,
Притњи и травине,
И побучи то'кои.

Одъ прозори будъ
знамъ

Ока су у мрѣжи,
Кѣ кадъ изтегну ванъ,
Крозъ нѣ море бѣжи.“

Када я послушахъ
Теи ствари, у тай часъ

Зачудивши се стахъ
Не мало смуѣнъ васъ.

И рекохъ: „браћо ма!
Свакѣй васъ ухванъ стой,
Да вамъ самъ я свима
Обезанъ чувши тои.

Одкле дойдохъ на
свѣтъ,

И по нѣмъ путую,
Одъ седамдесетъ лѣтъ,
Далечъ се нечую.

Кѣ ми старость даше,
И незнамъ одкуда,
Прѣдъ мною негаташе
Нигдаръ се таи чуда.

Гатку изречену
Я болъ на свѣтъ сай,
Ни лѣпше одрѣшену
Неслысахъ, негъ е таи.“

Затымъ доидрисмо
Съ аргутломъ у руку,
Како сами хтѣсмо
У найлѣплю луку.

Гдѣно е баштина,
Кѣ саде и рыю
Отца тере сына
Витези обію.

Дошадъ, угледасмо
Непознае гости,
На плавъ имъ посласмо
Свакихъ рыбъца дости.

Кѣ видити быху.
 Разумна говора,
 Наредно идиху
 Съ покровомъ одъ згора.

Они захвалише
 Цѣль дара ловнога,
 Теръ се премъ дѣлише
 Путь Града Новога.

И ваше тежаке
 Лова надѣлисмо,
 И шъ нѣими юнаке,
 Кѣ тоту видисмо.

Рѣхъ я: „друзи мили!
 Нахитасмо рыбе:
 Ча смо позабыли
 Све наше потрѣбе?

Врѣме е благоват',
 Ча се облѣнисмо;
 Ход'мо се поштоват',
 Каконо желисмо.“

Тай часъ потекоше,
 Теръ огань снѣтише,
 Варише и пекоше,
 Како сами хтѣше.

Туй се покрѣписмо
 На волю брезъ прѣше,
 И писмо, и исмо,
 Колико кѣ хтѣше.

На ону трпезу
 Каменну, кѣ стои,
 Гдѣно се витезу
 Такову пристои.

О колке, конъ воде,
 И сада постави.
 Тои свинѣ, кѣ доходе,
 И себи прицрави.

Подъ сѣнцомъ пригнуѣи,
 Сви се веселеѣи,
 Они потичуѣи,
 А я самъ сѣдеѣи.

Паской насъ помуди,
 Брѣ сѣдити неѣе,
 Рече: „добри люди,
 Бы сте ли што веѣе?

Хоѣете л' одъ мене
 Онѣй прѣсначъ велѣи,
 Ал' турту, кѣ жене
 Пеку на падели?

Ал' да вамъ яйникъ туй
 Принесемъ? Рецѣте;
 Ну се свакеѣй поштуѣи,
 Теръ се веселите!“

„Вазми свакеѣй ваю,“
 Рѣхъ, „брже, рыбаѣи
 Мѣшати нехаю
 Съ рыбомъ мрсне стваѣи.

Мени е овои достѣ
 По науку мому,
 Ниткоръ васъ непрости
 Тому ни овому.

Све е то печено,
 Не да се поврати,
 И на плавъ снѣшено,
 Неръ да се потрати.“

Видеѣ', да неѣу я,
 Ни они нехтѣше,
 Нег' да за другова
 Храпе одлучише.

Нѣкода мислеѣ' ста,
 Хоѣе л' реѣ', ал' неѣе,
 Каконо неѣѣста,
 Ка жели одъ веѣе,

А веѣѣ се уима
 Негѣ третомѣ пытама,
 Да мужа вазима,
 Ли съ помнѣомѣ искана.

Нѣко'ко мучавши
 Самѣ себе измори,
 А пакѣ се уставши
 Истомѣ проговори:

„Сѣакѣй вастѣ ме забы,
 Зашто ми неѣасте?
 Ну, реѣ'те, камо бы,
 Ча ми обеѣасте?“

Гдѣ ми е добыѣе,
 Кѣ съ трудомѣ мислеѣи
 Найдохѣ, али пиѣе,
 Кѣ добыхѣ идрѣи?“

Рѣхѣ: „Паско, потеѣы,
 Тры дай, како вѣсмо,
 Веѣѣ рѣчи нереѣы;
 Нехоте сгрѣшисмо

Изѣ манѣга суда
 Почми му точити,

Веѣѣй храни онуда,
 Кудѣ ѣемо ходити.“

Ник:

„Дости ми ѣе ѣданѣ,
 Нека знате, быѣи,
 Нисамѣ толи жеѣанѣ,
 Да ѣу три попити.

А сѣаному ваю,
 Кадѣ ихѣ наточите,
 По ѣданѣ придаю,
 Исто ми згодитѣ.

Учин'мо здравиѣу
 Оѣде мы на стару,
 Реч'мо почасниѣу
 Оба господару.

За нѣимѣ ѣешѣ ты мени,
 Я теби, ѣайко мой,
 До садѣ се некрени,
 Докле се спуни тои.“

Тадѣ Паской брзо е
 Самѣ на плаѣѣ потекалѣ
 Говореѣ': „добро е,
 Буди, што си рекалѣ!“

Брзо ти потече,
 А брзо се врати,
 „Сѣе се сбуди“ рече,
 „И дугѣ да се плати.“

Почасница :

Паск. „Нашъ Господинъ полѣмъ ѣзди, ѣзда да му е!“

Ник. „На глави му свиланъ клобукъ, сѣнца да му е!“

Паск. „У руцы му златне кнѣге, дружба да му е!“

Ник. „Предъ нѣмъ слуга пѣсанъ пов, на часть да му е!“

Паск. „Майка му е лѣпо име дѣла

Свѣтла сунца гледаюћи,

Люба му е златомъ вѣнацъ вила

Узъ коньица потичући.”

Ник. „Лѣпо ти е, браіо, погледати скока юначкога,

Гдѣно ми юнакъ поскакуе одъ каменка до ка-
менка,

Бѣла лица показуе иза шкитка перенога,

Иза шкитка перенога.”

Тадъ я окусивши,

Свакій се зачуди,

А они попивши:

„Хвала вамъ, рѣхъ, буди,

Кѣ тако поюћи

Мене веселите,

Разговоръ даюћи

Службу ми чините.”

IV.

МАУРЪ ВЕТРАНИИЪ ЧАВЧИИЪ

(род. 1482 умр. 1600.)

изъ „Ремеше.“

Стан'те звѣри, стан'те тице,
 И остальй Божій створе,
 Навлашъ рыбе плискавице,
 Кѣ пловете синѣ море.

Тужбе мое и неволю
 Да чуєте и болѣзни

.

Обрахъ дворе за покору,
 Гдѣ нѣ чути разговора,
 Да се съ дразѣмъ разговору
 И пучини синя мора.

За полаче обрахъ спиле,
 Гдѣ су стѣне и лицице,
 Гдѣ су хриди и гомиле,
 Куда лазе гуштерице.

Срѣдъ гомиле камените
 Само расту до два буса
 Одъ травице зламените,
 Ка се зове медна руса.

То су мои славни стани,
 Тетивика гдѣ се плете,
 И гдѣ црни съ мора врани
 Око мене свуда лете.

Грличице нїе чути

Око мене ни голубка,
Зачъ га соко подлабути,
Как' га чувъ, да загука.

И тичице нїй чут' ине,

Єръ кадъ приђе къ мени коя,
Одъ сокола та погине,
И остави перя своя.

Ну галѣбакъ дође бїлыи,

Теръ лупаре клюномъ пара,
На маркѣнти пакъ се крыли,
Како да ме разговора.

Драча ми є за ружицу,

А коптрана за траторакъ,
И коприва за любицу,
За наранчу сухъ яворакъ!

Ловоръ ми є за лемуне,

Троскотъ ми є за босилякъ,
А чесвина за четруне,
Коя смеђе зеленъ листакъ!

Навлашъ лѣти на вруѣини

Горко сунце кадъ све спраши,
Єръ нїй цвѣтка ни зелени,
Докле даждиѣъ землю скваси.

До коренка єръ све сахне;

Юшъ є туга веле худна,
Да душица ту издахне,
Гдѣ се пїє вода мутна.

Ну кадъ приђе прималѣе,

Теръ земљицу даждиѣъ скваси,

Сва зелена и све цвѣће,
Све изъ землѣ надворѣ лази.

И опетъ се све объяви,
Прѣко лѣта што присише,
Теръ се мой духъ опорави,
Дивѣ цвѣће гдѣ мирише.

Оштра зима кадъ ли приде,
Теръ се надне синѣ море,
Валови се свуда виде
По пучини како горе.

Теръ су туге, теръ су яди,
Гдѣ одъ *Оштра* и *Гарбина*,
Кадъ се море съ краемъ свади,
Вали яшу до врхъ стѣна.

Юшъ е туга и неволя,
Муня очи гдѣ заблѣшти,
И све трепти до врхъ школя,
Кадъ загрни и затрепти.

Юшъ е нѣка худа мрака,
И болѣзни и тужице,
Гдѣ отисну изъ облака
Надъ пучиномъ пѣвице!

Теръ се море огнѣмъ створи,
И съ валовимъ закрвави,
Како пак'о, теръ све гори,
Путъ отока кадъ се прави.

Ну я тада Бога молю,
И у звонце нѣко звонимъ,
Теръ ту тугу и неволю
Я одъ себе тако гонимъ.

V.

СТЕФАНЪ ГУЧЕТИЊЪ

около 1525.

изъ Дервишѣде.

Я самъ дедо ашикъ¹⁾ дервишъ,
 Кѣ ти изранѣнъ падамъ прѣдъ дворъ,
 Изид', ѣанумъ²⁾, да ме видишъ,
 И да чуешъ мой разговоръ,
 Ё ли сладакъ, а, што велишъ?
 Я самъ дедо стравлѣнъ дервишъ.

Одъ репате лѣпша с' звѣзде,
 И одъ сунца, и одъ зоре,
 Пунія си дике, и гизде,
 Нег' ли чичакъ посредъ горе,
 А сва у лицу ружомъ цаптишъ,
 Я самъ дедо смамлѣнъ дервишъ.

Побѣля си него груда
 Премъ ожета млѣка влашка,
 Али, ваймехъ! гнѣвна и худа
 Мое одъ мене срце башка³⁾
 Безъ милости свакачасъ држишъ,
 Увреѣенъ самъ дедо дервишъ.

А я тебе хоѣу болъ,
 Нег' ли животъ мой умрѣлый,

¹⁾ залюбѣмъ. ²⁾ душо моя. ³⁾ на страну.

Ну ѓузелукъ ¹⁾ твой ме колѣ,
И веоми ядно прли,
Чимъ се ништа ты неболишъ,
Зловолянъ самъ дедо дервишъ.

Нећешъ да ме хицъ ²⁾ пожалишъ,
А я за те гинемъ радо,
Што се тужнѣмъ дедомъ шалишъ
Сладка моя харамзадо, ³⁾
Кѣ лѣпотомъ многомъ словишъ,
Я самъ дедо яднѣй дервишъ.

Одъ пилава дража с' мени,
И одъ масла, и одъ меда,
Али погледъ твой лювенѣй
Смртно бode тужна деда,
Кадъ га охоло къ нѣмъ обратишъ,
Жалостанъ самъ дедо дервишъ.

Ты си райскѣй мелекъ ⁴⁾ лѣпѣй,
Кои слеће згара са небѣ,
Кѣ ме опои, и заслѣпи,
Да већъ незнамъ ништа о себи,
Срѣ ми у срцу свећъ ты сѣдишъ,
Занесенъ самъ дедо дервишъ.

.

Нѣсамъ чобанъ ни копице,
Юкъ, я нѣсамъ кириція,
Одъ кадуне я самъ виле,
Съ кѣмъ ме роди челебія ⁵⁾.
Да чему ме већъ негрлишъ?
Племенитъ самъ дедо дервишъ.

¹⁾ лѣпота. ²⁾ ни мало. ³⁾ неправедницо. ⁴⁾ духъ небескѣй. ⁵⁾ господаръ.

Я кадеръ самъ учинити,
 Ако ми се неуснѣвашъ,
 За найлѣпшу на свемъ свѣти,
 Подъ ченгіе ¹⁾ сѣда е пѣвашъ,
 И у бейтимъ ²⁾ да се славишъ,
 Разуманъ самъ дедо дервишъ.
 То ли неѣ' ме помиловатъ,
 Сръ самъ дедо сиромаше,
 Вала ѣу ти, даръ дароватъ,
 Кѣ подобанъ всъ за паше:
 Ако ты га мило примишъ,
 Милостивъ самъ дедо дервишъ.
 Све, што имамъ на овемъ свѣти,
 Тек'ю, ³⁾ лѣпу мою зграду,
 Я ѣу ти е поклонити,
 И око нѣ сву ливаду,
 Твой тесериѣъ ⁴⁾ да ту чинишъ,
 Добростивъ самъ дедо дервишъ.
 И то ако теби доста,
 Мѣ ябуко златна, нѣе,
 Да-ѣу т' кожу капланъ ⁵⁾ поста ⁶⁾,
 Кѣмъ се ресе све делѣе,
 Да нѣомъ пенцеръ твой уресишъ,
 Благодаръ самъ дедо дервишъ.
 Тиквица ти на даръ ова,
 Майсторѣе пуна сваке,
 Кѣ ми хоѣа мой дарова,
 Іошъ на бради неимахъ длаке,
 Негъ быхъ огланъ ѣузелъ ⁷⁾ голишъ, ⁸⁾
 Любешливъ самъ дедо дервишъ.

¹⁾ цитра. ²⁾ у пѣснама. ³⁾ манастиръ. ⁴⁾ веселѣ.
⁵⁾ тигрова. ⁶⁾ насторѣ. ⁷⁾ огланъ ѣузелъ лѣпъ
 безъ браде. ⁸⁾ голуждрава птица.

Юшъ кашику имамъ и штапъ,
 И то ъу ти даровати,
 Бенумъ ѣанумъ ¹⁾, чин'мо хесапъ,
 Могу ли ти што веѣъ дати?
 Нег' акоѣешъ и мой каишъ!
 Празнорукъ самъ дедо дервишъ.

- Али ашикъ дедо дае
 Заинъ олди ²⁾ сеи дарове,
 Занъ връ лѣпосъ твѣ нехае
 Нит' ѣе да се мени озове,
 Него на плачъ мой ругъ творишъ,
 Печалѣнъ самъ дедо дервишъ.

VI.

АНДРІЯ ЧУБРАНОВИЧЪ

(роѣ. у почетку XVI. в.)

1.

Изъ Бѣуике.

Вышній господъ, господичне!
 Честитѣмъ васъ вѣнцемъ круни,
 И желѣнъ ваше изцуни,
 Брѣ сте сунцу све приличне!
 Одъ оныхъ смо, госпо, страна,
 Одкле жарко сунце изтиче,

¹⁾ моя душо. ²⁾ залуду.

Клетва хоће, свѣтъ потиче,
Да неимамо нигдѣрь стана.

Нити смѣмо на едномъ мѣсти
Божіомъ клетвомъ да станемо,
Гдѣ ноѣмо, несванемо,
Ерь насъ причну црви всти.

Юрь два дѣла сегаи свѣта
Извилисмо одъ теи стране,
Ради наше брижне хране,
Як' цѣѣ медна пчела цвѣта.

И примили, госпо, у путихъ,
Пробіюѣи стране и луге,
Многе бриге, ядъ и туге,
Цѣѣа звѣри туи прелютыхъ.

И цѣѣ гусе, одъ кѣ рѣти
Недаду ми грозне сузе,
Мыслеѣ' тужной, што ми узе!
Спомена ме чини мрѣти.

Имахъ сынке, до четири;
Свакій бѣше, како руса!
Данчула ми одни гуса,
Ка ме у сну іоште тири.

Прѣдъ коѣмъ бѣгуѣ', планин' хвойке,
Быле су ми брашно ходе,
И поскупо хладне воде;
Я тримъ даюѣ' чедомъ дойке!

Съ кѣма къ мору припадосмо,
За пребродит' синѣ море,
Прѣ неръ гуса доѣе съ горе
Бродару се сви дадосмо.

И бродѣи се *Аливера*
 Иштомъ небы, вай! на брѡю.
 Изъ корабль любви мою
 Занѣ вихаръ одъ сѣвера!

А *Елеса*, мою дику,
 За бродидбу подахъ тужна,
 Леле! леле! веомѣ ружна!
 Да неосушу лица вѣну!

Само мени мой *Даніо*
 Одъ четири естъ остао,
 Како видишъ, убахъ, мао,
 Али майцы веома міо!

Кога са мношъ, госпо, обдари,
 И любви твоѣ надѣли,
 Тако тебе Богъ неухили,
 Одъ найдраже твоѣ хари!

Не чимъ станѣ мѣ достоя,
 Да великосъ твоѣ славе,
 Срѣ достоиншъ врху главе
 Круну носитъ свихъ госпоѣ.

А хоѣу ти безъ варчице
 Чесь и срѣѣу казивати,
 Тако ми се майкомъ звати,
 Моя госпо и царице!

2.

Робиньице.

Робиньице мы смо младе
 У сужанству уцѣвлѣне,
 У Дубровникъ пришли саде
 „Съ нашѣмъ родомъ раздѣлѣне.

Зато жельно свѣхъ молимо,
 Да будете мирно стати,
 Доклѣ жалось поброимо,
 Кою младось наша пати.

Племенита мы смо рода;
 Обѣ младе сестренице,
 Ну е хтѣла наша згода,
 Да смо сада службенице.

Майка насъ е племенита
 У Арменіи породила,
 И богата и честита
 Прегиздаве одгошла.

Тамо намъ е вазда была
 У Арменіи гизда свака:
 Сухо злато, бисеръ, свила,
 И копрена іошъ претанка.

Яохъ! посла насъ наша майка
 Съ ютра зоромъ кадъ подрани,
 Да беремо цвѣћа свака
 Шетаюћи по поляни.

Съ ютра зоромъ у пролѣће,
 Нека вамъ е, ваймехъ! знати,
 Мы почесмо свако цвѣће
 По ливади росной брати;

Брасмо босиль и любицу,
 И одъ пелинка цвѣће брасмо,
 Трендофіо и ружицу,
 Пакъ ливадомъ пошетасмо.

Теръ намъ срце уздысаше,
 Гдѣ ливадомъ у пролѣће
 По травицы мирисаше
 У сладости райско цвѣће.

Пріе сунца теръ у вору
 По ливади такои ходе
 Ођутъсмо на явору
 Врхъ свєра бистре воде,
 Гдѣ тихъ славиѣъ биљисаше
 Одъ веселя и любви,
 Брѣ даницу припѣваше,
 Да бѣ данагъ юшѣ необяви!
 Теръ сѣдосмо почивати,
 И почесмо одъ любви
 Тиху славу одпѣвати,
 Како виле у дубрави.
 Ну се наша радосъ скрати,
 Брѣ намъ, ваймехъ! сладке пѣсни
 Зла незгода сва обрати
 У жалости и болесни.
 Зачѣ по гласу изъ планине
 Гусари насъ ођутише,
 Теръ потайно на равнине
 Къ намъ небозѣмъ приступише!
 И тужне насъ ухватише,
 Теръ намъ, ваймехъ! бѣле руке
 Наопако обратише,
 Да намъ даду веѣ муке;
 И кликнусмо плачне у гласе,
 Да се чує до небеса,
 Подирає русе власе,
 Кадѣ насъ гуса таи завеза.
 Теръ су туге, теръ су яди,
 Гдѣ се ниткѣй необяви
 Храбрєнъ витезъ у ливади,
 Да сужанства насъ избави.

И све цвѣће и травица,
 У сужанству кадъ останамо,
 Обрати се земльн ница,
 Кадъ мы грозно проплакасмо.

И све птице одъ чемера
 Ядовито уздысаху,
 Гдѣ вѣнанице одъ бисера
 Съ главице намъ подираху.

Теръ бы мраморъ и живъ камн
 Разставилъ се у сто дѣла,
 Гдѣ полисмо ова сузани
 Наша тужна лица бѣла!

У сужанству толи плачне,
 Гдѣ гусари насъ везаху,
 Теръ жестокое ране мачне
 Срдашца намъ пробадаху;

И сада насъ свудъ воде
 Завезане и спућене,
 Як' овчице у поводе,
 Велики плачне и трућене;

Теръ намъ туге задаваю,
 И велику, ваймехъ! жалось,
 Гдѣ за пѣнезъ продаваю
 По пазару нашу младось!

Грозне сузе теръ ронимо,
 Толи плачне у жалости,
 Ёда ткога приклонимо
 И къ любви и къ милости;

Ёда милось тко некрати,
 Теръ се добра згода згоди,
 Да гусаромъ садъ насъ плати,
 И тужбе насъ ослободи!

А нитко се нехтѣ найти,
 По свемѣ свѣти, кудѣ ходисмо,
 Да насъ овой руси плати;
 Заманѣ сузе терѣ ронисмо.

Сръ е тужба, сръ е жалось,
 У сужанству гдѣ тугуе
 Болежљива наша младось,
 А нитко ю неодкупуе!

Тѣмѣ молимо милось вашу,
 О господо Дубровчани!
 Одкупите младось нашу!
 Тако да васъ Богъ сахрани! —

Нештедите ваше благо,
 За насъ тужне покрѣните,
 За што вамъ ѣе веле драго
 Наша майка захвалити;

Затои намѣ се умодите,
 Тере прѣнно, тере хрѣо,
 Одъ узица слободите
 Наше руке, наше грѣо!

Наша майка зятѣ предрѣга,
 Нека вамъ е сада знѣти!
 Неѣе штедит' свога блага,
 За еданѣ дукѣтъ до сто врати!

3.

П р е л и ц е.

Прелице смо, о госпове,
 Вуну пытат' дошле къ вами,

Да в дате прести нами,
Ако мека есь у коє.

Вретена су дуга одъ педи,
Кѧ имамо и дебела,
Гладка намъ су мотовѣла,
Чимъ се лѣпо преѣа уреди.

За на сврху пріє доѣи,
Похитит' се неѣе друго,
Нестоймо на нѣой дуго,
Брѣ трудимо у дни и у ноѣи.

На гребенъ се найпре ставля,
Єдно другомъ вуну глади,
Теръ изнутра меко вади
За основу власъ, кѧ валя,

Пакъ утакну средъ преслена,
Ратъ вретена врло хитра,
Нѣимъ врtimo пріє вѣтра,
Часомъ буду да предена.

Затѣмъ узамъ мотовѣла,
Нѣимъ мичемо сѣмо тамо,
И сву преѣу намотамо,
Коя буде како свила.

Кадъ видите наше дѣло,
Неѣете насъ много трудит';
И насъ ѣете саме нудит',
Преѣенѣ ѣе быт' вамъ мило.

Веѣе вуна да се укаже,
О владике! што чекате?
Негледамо тоили плате,
Нег' пріязни стеѣи ваше.

VII.

НИКОЛА НАЛЪШКОВИЊЪ

(умр. 1583. год.)

Разблудна вила.

Я самъ млада и гиздава,
 Юште нѣсамъ я видила
 Вилу, кой бы завидила,
 Еръ самъ одъ свѣхъ вила слава;
 Я самъ млада и гиздава.

Я самъ круна одъ свѣхъ вила,
 Све се виле мноме диче;
 Свудъ румено цвѣће ниче,
 Гдѣ самъ ступай мой ставила,
 Свакога самъ замамила,
 Туи ми крѣпосъ любовь дава;
 Я самъ млада и гиздава.

Мою младосъ я проводимъ
 У веселю и радости
 Съ моѣмъ дразѣмъ, кѣ находимъ;
 Еръ съ нѣговомъ я младости
 У покою живемъ дости,
 Како хоѣе любовь права;
 Я самъ млада и гиздава.

Зими, лѣти, и есени,
 А найлише у пролѣће,
 Ина мысль нѣ мени,

Нег' разлико брати цвѣѣе,
 Теръ одъ нѣга пакъ видѣт' е
 Урешена мени глава,
 Я самъ млада и гиздава.

VIII.

САВА БОБАЛИ МИШЕТИНЪ

(род. 1530 умр. 1585.)

1.

Б к а.

Охоло поклѣ татъ
 Обраѣа свой ступай,
 Самъ себи рекохъ: плач',
 Одъ нѣ друго неуфай.
Уфай!

Нику ми ты правишъ,
 Узмножавъмени цвѣль,
 Звѣрь ли е, цѣто велишъ,
 Али кѣ горска вил' ?
Вил'!

Уфанъ, горо, садъ
 Обеѣат' ты хоѣе
 Одъ мене, а горкѣ ядъ
 Дѣлит' се нехоѣе.
Хоѣе!

Вили той одъ вѣка
 Одлучихъ слуга быт',
 Службу мѹ нѣ дика
 Хоѣе ли облюбит' ?
Любиш'!

Хоѣе, дишъ, рец' ми тво
 Рану мѹ безъ лѣка
 Видати, овако
 Лювена болника!
Ника!

Любити, рец', кога?
 Ере самъ ванъ себе,
 Мене, али другога,
 Жудимъ знат' одъ тебе?
Тебе!

Теби ѣу захвалит'
 Славеѣи твѣ дике,
 Да любовь ован
 Хоће ли быт' у вѣке?
 У вѣке!

2.

Б о г у Б а к у.

О славный нашъ Бако!
 Ты с' блаженство наше свако,
 Ты на сем' свѣти
 Мѡшъ людемъ чинити,
 Свеѣъ ведро чело,
 Срце мирно и весело,
 Сладко предраго,
 Мило и благо,
 Да се цѣло сада лѣва,
 И да се спѣва!
 Да се игра, да се скаче,
 Поштованый веселяче:
 Ну тебе гдѣ нѣ,
 Нит' се ужива, нит' се смѣе,
 Нѣсу ту пѣсни,
 Ни сладке любовни!

IX.

МИХАИЛЪ БУНИНЪ БАБУЛИНОВИЧЪ

(умр. около 1590. год.)

изъ *Юкаше* чинъ IV.

Благій складе, кѣ процвѣта
 Горѣ у вышнихъ мило толи,
 Изъ божѣга
 Крыла тега
 А за покой сеган свѣта
 Послѣ сиде къ нами долѣ;
 Небеса се твоѣмъ владаю
 Моѣи право, и четири
 Быѣ дивна
 Тачъ противна
 Меу собомъ се угаѣю,
 Рать се свака тобомъ мири.
 И одъ тебе сва излазе
 Добра, намъ кѣ се чинѣ
 Веселити
 На семъ свѣти,
 У кѣ вѣку неулазе,
 Ты докле съ, але горчине.
 Ты найпрво редъ постави
 Станю одъ свѣта сметеному,
 И раздѣли,
 Не по сили,
 Нег' по правди и любви,
 Све на мѣсту да в своему.

Ты учини, свака звѣзда
 У свомъ быѣу мирна да е,
 Коя пруди,
 И ка уди;

Ты имъ начинъ и редъ изда,
 Да намъ свѣтлосъ свака дае.

Тобомъ намъ се данъ отвора,
 Тобомъ сунце намъ изходи,
 Кое реси
 Свѣтъ съ небеси,

Текуѣ околъ безъ умора,
 Кѣме на свѣтъ све се плоди.

Ты си узрокъ, да намъ тако
 У почетку одъ годишта
 Да пролѣће

Траву и цвѣће,
 Лѣто и осень воѣе свако,
 И зима намъ пруди иста;

Намъ у срце теи люмене
 Ты ужижентъ пламе чисте,
 Крозъ кѣ народъ
 Людскій на родъ

Свеѣтъ настои, да несвене,
 Негъ се увѣкъ продѣлитъ иште;

И разлике звѣри одъ горе,
 Птице, рыбе іошѣ толике,
 Меѣу собожъ,
 Само тобомъ,

Землю, небо, синѣ море
 Напуняю твоѣ слике;

Къ вышньоїзи се тобомъ страни
 Умиляне дижу ствари,

Ты с' гдѣ годѣрь,
 Свудѣ сладкій миръ
 У покою срца храни,
 Райски съ тобомъ сви су дари;
 Свакъ часъ нове ты радости,
 Милый складе! напуняшъ насъ,
 Ни насъ смета
 Таи проклета
 Сила одъ худе теи жалости,
 Ни чуемо съ тобомъ во гласъ.
 Напоконъ се тобомъ влада
 Градъ съ кралѣствомъ на свѣт' свакій,
 Съ тымъ закономъ,
 Съ правдомъ ономъ,
 Непогине съ кѣ никада,
 Нег' се сдржи крѣпакъ, якій;
 Безъ тебе бы законъ светый
 Нарави се васъ сметао,
 И найвецій
 Градъ къ несреѣи,
 И къ залудной тойзи штети
 И съ кралѣствомъ отишао.
 Гдѣ нѣ тебе, съ сыномъ мати,
 Ни отацъ, ни братъ съ братомъ вѣку,
 Як' узъ змию,
 Яохъ! несмію
 Часъ уедно постаяти,
 За све еръ свою виде слику.
 Нѣдно дѣло ній праведно,
 Ни разложно вѣкъ безъ тебе,
 За рѣт' болъ,
 Све неволъ

Свеѣтеръ муче свѣтъ передно;
И тои куша градъ одъ Тебе.

Чини ми се юръ да вію,
Гдѣ сметена войска врви,
Съ плачнымъ гласи
И съ уздаси

Сви до звѣзда, гдѣ вапію
И у сузахъ и у крви.

И гдѣ оходе миле стане
И невѣсте и дѣвице,
Наричуѣи
И плачуѣи,

Гдѣ све теку разкосане,
И одъ страха блѣде у лицу.

Слышит' ми се одъ свудъ чини
Тужне гласе све у яду,
Теръ звати ѣу
Добру сріѣу,

Кѡмъ самъ себи смръть учини
Менечео смилѣнъ граду.

Ну да Богъ да и тезѣме,
Да градъ овый остат' буде;
Тѣмъ се теби,
Отче од неба!

Молю, помоз', кѣ мѡшъ свѣме,
Да злобе инѣхъ не науде.

X.

ДИНКО РАНЬИНА

(1536—1607.)

2.

О д ѣ л ѣ н ѣ.

Поклѣ се одѣли

Одъ мене далече, пріятелю мой милый,
Вѣтри те и море свудъ здраво носили.

Болесь, кѣ свѣсь ми уби,

Све бы рек', да вели: Стварь, коя се люби,
Када се одѣли, полу се изгуби.

Виђу садъ, да душа

На свѣту овому ино вѣкъ некуша,
Разми ядъ, кѣмъ нашъ слухъ сметно се заглуша.

Право ти садъ велю,

Брѣ безъ твѣ пріязни, пріязнивый пріятелю,
Мало се вѣку я съ друзима веселю.

Ты с' храбрень у бою,

А на твѣ врѣдну свѣсь рѣти ово достою:
Да с' велми надишалъ свимъ душу свакою.

Одъ срца хвалѣна

Одъ твога при мени остае спомена,
И стат' ѣ. при мени сѣ вѣке времена.

Брѣ любовь, коме свѣсь

Одъ мудрыхъ веже се, на грло мое всь
Поставилъ, добро знай, неиздрѣшанъ премъ
тврдъ везъ.

2.

Єдному, кѣ ништо неучини, а шуђе
све хули.

Ядовный злече мой, У єдному быѣу
Завидось съ кимъ бѣсни, Нетрпи обычай.
За зле премъ толико
Несцѣни мѣ пѣсни,

Ак' у ныхъ нѣи сада
Онѣхъ све рѣчѣи,
Кѣм' старо нѣкада
Врѣме се тачъ дичи:

„Свѣтлусто суначце,
„Рожице, диклице,
„Лювено срдачце,
„Гримизна свилице,

„Зашто ме тачъ верна
„Остави мой венче,
„Крунице бисерна,
„Мой злаѣн' прстенче.”

У ова времена,
Мой худый тамниче,
Друга садъ имена
Наше пѣсни диче.

Єрѣ як' лѣсѣ у цвѣѣу,
Тачъ н'єдна на свѣтъ сай,

Такоѣрѣ и рѣчи,
Кѣме се юрѣ нѣкадъ
Стара свѣсь дичи,
У онѣни нѣсу садъ.

И ова садъ, кѣ веѣе
Єсу, знай, сцѣнѣне,
Сѣ времѣномъ быт' неѣе
Одъ друзѣхъ примѣне.

Разликии свѣтъ овый,
Кѣ трпи свою чєсѣ,
Све веѣи и нови,
Штогодъ на нѣм' єсѣ.

Тымъ нехтѣѣ ругъ
быти
Свѣмъ свѣвцомъ на
свѣтъ сай,
Кадъ што хоѣ хулити,
Прѣ добро размышляй.

3.

В р х ъ с р е ѣ е.

Гледай, среѣо, мога яда,
 Я веѣе кратъ быхъ у бою,
 Ну вѣкъ тако зледно у зною
 Неостахъ ранѣнъ како сада.

Веѣе пута путуюѣи
 Ихъ по дажди и злой снази:
 Ма нигда ме дажь нескваси,
 Како сада дома идуѣи.

Веѣе рѣка пѣшъ прегазихъ,
 И зла неимахъ у тай васъ рокъ:
 А садъ што хтѣхъ мао прит' потокъ,
 На злу мѣсту зло се упазихъ.

Много траву брахъ годишта
 Коню мому по ливади,
 Тоѣеръ гдѣ се драча сади,
 И нигдаръ ми небы ништа:

А садъ свѣсти съ нѣкомъ слѣпомъ,
 Убрат' хтеѣи еданъ цвѣтъ я,
 Скровно изъ круга зла ме змѣя
 Печи у срце злымъ налипомъ.

Я нѣахъ како добрый тай другъ,
 Кѣ несумнѣи нигдѣ гдѣ е,
 А неспѣняхъ, да се змѣе
 Подъ цвѣѣемъ вию у кругъ.

И нрѣе патихъ морске смеѣе,
 И вѣкъ прсѣ ме непоболи:
 А садъ, што ме мао валъ поли,
 Стужи ми се премъ зло одвеѣе.

Безъ потребе и у потреби
 Я веѣкратъ безъ зазора
 Пливахъ страшна чудна мора,
 И вѣкъ срцу зледъ ми небы:

А садъ што се (чудне ствари)
 У еданъ локанъ спустихъ мало,
 У руке ми веоми зало
 И у ноге грчъ удари.

Играхъ мнократъ я съ вилами
 У пустоши вихрѣхъ гора,
 И у темъ нечухъ вѣкъ умора,
 Якъ тай мраморъ тврдый камн:

А што садъ малъ съ едномъ стое
 Скокнухъ, тачъ ме стави у смеѣу,
 Да за веле дана неѣу
 Чутъ у мени снаге мое.

Много вода пихъ по свѣти
 Мутныхъ, и здравъ вазда юръ быхъ:
 А што быстре садъ се напихъ,
 За срце ме зло ухити.

Мнократъ мене желя занѣ
 Лѣти ловеѣ' проѣ' далече,
 Ну ме овако вѣкъ неупече
 Тай превруѣій зракъ сунчаний.

Патихъ муке, труде и яде
 И прѣ у нѣке добре мѣ дни;
 Ну вѣкъ, яо тужну мени,
 Трудниѣ неостахъ него саде.

Мнократъ русе брахъ край воде,
 И небы ми зло никаде:

А што утргнухъ одну саде,
Зло ми драча дланъ прободє.

Затон вєлє: Многишъ сатварь
У мао єданъ часъ створи се,
Кѧ пакъ, вѣруй, несгоди се
У васъ чоечій животъ нигдаръ.

Чудне ти си, среѧо, ѣуди,
Чоека гладишъ дуго врѣме,
А пакъ га у часъ єданъ злыме
Ядомъ твоя злєдъ утуди.

Нѣгда стое кола твоя
Право, а нѣгда долъ орте,
Лѣ се у около вазда врте
У нєреду безъ покоя.

Садъ си блага, садъ ордита,
Садъ у лєду, садъ у цвѣћу,
Нєкрепка си у твомъ быћу
И у свєм' вазда промѣнита.

Пузива су и плазива
Твѧ блаженства пуна смєћє,
Зато се уздат' нєћу вєћє
У обєћаня твѧ лажива

4.

Враѣ лова єднєго.

Єздеѣ' яєднєме
По єдној дубравѣ,
Вєлми се жєльєме
Мѧ мысаль постави.

Да бы ми како моѣ'
Кѧгодъ ловъ створити
Нрѣ нєгѣ данъ будє поѣ'
Друзиѧ свѣтити.

Напоконъ свим' славну
Уловихъ къ вечеру
Пловку, кѧ по травну
Пловаше вверу.

И онъ часъ потекохъ
Узамъ ню ва тѣме,
Тере ю зацекохъ
Съ направам' чудныме.

Пакъ съдохъ веселъ
туи,
Пунъ жельнога ктѣня
Благоват' траву онуи,
Кѹ оцатъ начиня.

Мачка у тои зла приде
У дѣлу химбену,
Теръ съ ражня туй скиде
Мѹ пловку печену.

И скровно засѣде,
Да нитко незна тои,
Теръ мой ловъ изеде,
Кѧ жуѣхъ толнкою.

Ну кѧ штишъ згодъ
овуи,
Знай добро вѣсь твоя,
Ако кадъ мачку туй
Ухитит' буду я,

Тако ми вѣкъ немиръ
У тузи неимати,
Чинит' ѣу на нѣ пиръ
Све мыше дозвати.

Нека зна туѣу стваръ
Тко на свѣтъ вазима,
Како вѣкъ онъ худъ варъ
Съ прѣваре свѣ прима.

5.

Марою Мажибрадиѣу.

На знанѣ предраго
Настоят' свакъ има
Веѣе, нег' на благо,
КѦ среѣа вазима.

Еръ знану нигда гласъ,
Юшъ да умре, неумира,
Да ну се свакий часъ
То више простира.

А богатъ могу рѣт'
Юшъ добро немине,
А онъ часъ му на свѣтъ
Сай спомена погине.

Богатацъ много в был',
Кѧхъ се садъ меу наю
Спомена сва сгубил',
Теръ се веѣъ незнаю.

А въкъ ѣе хвалѣна
Быт', ино неморе,
Меу нами спомена
Одъ Шишка и Ёоре.

Брѣ ствари каменне
Све на свѣтъ липсаю,
А само спомене
Одъ мудрыхъ остаю.

Тымъ пуститъ тай не-
мой
Путь, мали кѣ виде,

**По камъ си ступай твой
Упутиль, да иде.**

Зачѣ , ако свеѣеръ тай
Будешъ друмъ слѣдити ,
Круну ѣшъ вѣчну знай
На чело твѣ свѣти .

**И ако се достоя
Часъ добро чинити,
Пѣсма ђе вѣкъ твоя
На свѣту живити.**

6.

Завиднику.

Ако умъ тамный твой
Несцѣни мѣ. пѣсни,
Ній чудо велѣ тои
Злотворе несвѣсный;

**Зашто рѣчь крепосна
Нѣкоя говори:
Тко разумъ непозна,
Части му нетвори.**

7.

Права вредность.

Говори зао езикъ
Што хоће рѣчима,
Чиста се злата вѣкъ
Тамна арѣ неприма.

А дубъ, кѣ свѣ живе
Тврдо има у гори,

**Нигда моѣъ зле силе
Вѣтра га необори.**

Бывъ чиста твоя часъ
Ништа се небрини,
Безъ грѣха зао гласъ
Прикора нечини.

Нека т' пасъ худъ вѣ Тко здравъ прсъ завѣ,
Врхъ добра живота, Здрава га одмота.

8.

М о в с у н ц е.

Бѣше едномѣ на сунцу юрѣ сѣло
Сунце оно мѣ мило,
Подъ небомъ комъ слике
Нѣ былъ, нѣ сада, ни ѣе бытъ у вѣке.
Туи оба зансто
Просувши одъ коса нѣихъ злато пречисто,
За видитъ, тко е лѣпшій у лице райско томъ.
Узеше гледатъ се, гледавъ се теръ такомъ
Сунце мѣ толикомъ
Лѣпо се виѣаше,
Да нѣму чиняше
Сунце се томъ быти,
А сунцу сунце мѣ, кѣмъ зора мѣ свѣти.

9.

Ходъ къ мени.

Ходъ къ мени у тиху тко мору данъ и ноѣ
Све стои, немогуѣ къ жуѣнену краю доѣ:
И ходи, тко воде на волю неима,
Обилно да угоди свимъ желѣмъ своимъ;
И ходи, тко зими вруѣ оганъ иштуѣи
Неможе да себе студена завруѣи:

Зачъ у усти свудъ вѣтаръ я ношу идуѣи,
Средъ очи воденъ виръ, у орцу пламъ вруѣи.

10.

*Пріятелю своему Влаху
Л. Бунифу.*

Свѣтъ е овый разликій: тко мѡе, тко цвилн,
Тко гре зледъ да ствара, тко милось да дѣлн,
Тко чини заповѣдь, тко боланъ све боли,
Тко гледа, тко иде, тко греде, тко моли;
Тко учи, тко пише, тко говоръ тихъ зори,
Тко любовь немилу залуду све двори;
Тко е весель, тко в радъ, тко веѣръ зле волъ,
Тко съ туге противне све пати неволъ,
Тко псуе, тко вика, тко грѣши, тко кара,
Тко вили своіойзи за милось домара;
Тко слази, тко узлази, тко ништа нетвори,
Тко зледи своіоме другога све кори;
Тко иде добро чин'т', тко зледи стварати,
Ужива худъ чловѣкъ, а мударъ све пати.
Тымъ слась, кѣ пріят' мож', уживай на свѣтъ сай,
Поколѣ меу люди тако е обычай.

11.

*Како душа покоя ни у чемъ
неима.*

Животъ нашъ, кѣ на свѣтъ подложанъ есь среѣи,
Изъ желъ у жемо све греде ходеѣи.
Садъ жудимъ одну стваръ, за другомъ садъ гремъ
вруѣи.

Никако наѣ' желю найзадню немогуѣ'.
 Съ новыма све мыслим' мореѣни мѣ' паметь,
 Ка невь у ничем' мира наѣ' ни узет'.
 Тачъ на свѣтъ желями сврху дат' нехтеѣни,
 Умре се у желяхъ свакий частъ желеѣни.

12.

На клизавомѣ пушу лажа се пада.

Плавъ морска, свакий частъ по мору кон гре,
 Истомъ в еданъ данъ валъ морский прождере.
 Овца, ка изъ стада изъ свога лази,
 Брзо се вукъ нѣже изъ скрова зайзи.
 Ода цѣла еданъ судъ, ки често путуа
 На кладенцъ студений, брао се юрь скве.
 А тко гре босомогъ, гдѣ драча све нѣже,
 Трѣба в напоконъ, ободенъ да викине.
 Што хоѣу рѣт' ово, нехоѣу садъ рѣти,
 За съ туге небыти кому годъ на свѣти.

13.

Д у ш и.

Веѣъ невѣруй таптой лажи,
 . Преварена душо моя,
 Ни у чем' немож' наѣ' покоя,
 Да се желя твѣ утажи.
 Тачъ те врѣдну хтѣ створити
 Богъ, да умрла нѣдна сатварь

Неможе ти юръ никадаръ
Духу желю самирити.

Штогодъ мысли твоѣ икадаръ
Помыслише, све имише,
И твоимъ очимъ н'едну сатваръ
Незабранихъ, къ желише.

Робъ, конъ, слуге, благо
Уживаше желъ твоє,
И каменъ оно, коє
На семъ свѣту тачъ є драго.

Съ свитомъ свиле сваке носи,
Єде у сребру и у злату,
И у темъ н'едну добру плату
Мысли жельной твоѣ неизпроси.

Ну садъ поклъ крозъ свѣтъ светый
Знатъ ми одъ ствари да истина,
Да є све изпразность и таштина,
И чемеранъ трудъ памети:

Душо моя, рѣти могу,
Ишти, ишти свудъ гдѣ ѣшъ,
Нигдѣ мира найти неѣшъ,
Нєго у самомъ єдномъ Богу.

Свака на свѣтъ стваръ додіє,
Кѣгодѣрь се чоекъ чин'т' стави,
Нєго само зракъ любви
Божъ, коіой сврхе нїє.

14.

Умрлымъ говоренъ.

О умрли тамни люди,
 У што уфанъ вы ставляте?
 „Невидите, еръ злымъ блуди
 Сегаи свѣта васъ варате?
 Немойте се толи веле
 У тои злато ваше уздати,
 Еръ све оно, што очи желе,
 Све напоконъ врѣме крати.
 Животъ нашъ е сличанъ къ сѣни
 Коя велми брзо пређе;
 Мнократь чловѣкъ када сцѣни
 Починути, смръть му дође.
 И ако врѣме све украда,
 И дни ваши мало стое,
 Немо' да васъ трудъ прѣпада
 За чинити добро кое.
 Еръ се овый бытакъ мао
 Нашъ, да е друго реѣ', неприма,
 Него еданъ морскій вао,
 Кѣ вѣкъ съ краемъ миръ неима.
 Тымъ вы, свѣту кѣ дворите,
 Чимъ ви е сунце на источи,
 Благо вами ако очи
 За времена отворите.“

15.

(Изъ пооздравлѣнїа Муху Менчешѣу,
власшелѣну Дубровачкомъ.)

Ни ми манѣ одъ твоє мудрости похульнѣо быти
има, видеѣи, да пѣсни ставихъ се писати, знаюѣи
вы, врѣ писмо одъ пѣсни часна в велии стварь, а тои се
види по дарехъ и частехъ, кѣ су стари спѣваоцы
одъ госпѣде и кралѣва на свѣту имали. *Сципионъ*
Африканъ прилику *Енїа* спѣваоца, кога вазда у
свѣхъ чинѣнѣхъ одъ боя и мира за друга држаше,
чини у еданъ ками мраморанъ урезатъ, и пака врхъ
греба нѣгова постави, бывши га жива велицымъ бла-
гомъ даровао. Кралѣи одъ Египта *Менандру* спѣ-
ваоцу поклицаре послаше, велике му даре обеѣаюѣи,
да бы хтѣо животъ свой меѣу нѣима провести. *Аугу-*
сто родный данъ *Виргилїа* спѣваоца съ велицымъ
части спомениватъ свако годиште чиняше. *Еврипиде*
спѣвалацъ толико примлѣнъ бы прѣдъ кралѣмъ одъ
Мацедонїе, да нѣму части велике чиняше свакий данъ
собомъ га на трпези држеѣи и нѣму златанъ судъ,
кѣме онъ пїяше, у покложъ дарова, и много робя,
одъ Атене кои бѣху, милось му учини, да могу сло-
бодно на нѣихъ домъ изъ землѣ нѣгове отити.

Краль *Александро* великий, одъ Срблѣи госпо-
даръ, кои свѣтъ doby ваетъ, подступивши съ войско-
ме Тебу градъ грчкий, кѣ му се бѣше одвргао, у-
замши га напоконъ, посѣче шесъ тисуѣъ душа, а
тридести тисуѣа заробивши пака прода, войсцы дав-
ши слободу, да васъ градъ поплѣне, и пака развргу
мире му на землю: ништа неманѣ учини простити

своей кући сѣвасца *Нандара*, да ни ни у нѣмъ небу-
ду тѣпуть. Истинъ краљ *Левсандро* разбѣжавъ *До-
ри* краля, и нападши едѣтъ занлохъ васъ урешить
дрзавѣ наметѣтъ одъ оцѣне новозѣрне, сви остала
павѣа юнаномъ раздѣливши узъ га за себе и рече:
претъ се сви стваръ прошаши за у нѣмъзи хранили
Омерове пѣсни, коє у толикой великой части оцѣ-
няше, да ихъ вазда поредъ съ мачемъ нѣномъ глѣве
држаше. *Сиваци* сѣвасца *Домиріа* римскій краљ
часъ му велику створивши крунонъ га дарова и мно-
зимъ инѣми дарини одъ оцѣне не мале. *Николомео*
краљ *Омеру* сѣвасцу праву сагради, и у нѣмъзи
прилику нѣгову одъ мрамора постави. *Лисандро* одъ
Шпарте краљ рвуѣи Атену градъ, и знаюѣи ерѣ
онѣй данъ, кѣ бѣше намыслио дати му рваню найпо-
слѣдню, имаше се укупати *Собокле* сѣвсалацъ, про-
дѣли рокъ у тому днєви за несмести часъ, коя се
чиняше укупу нѣгову. *Стесикору*, кому, како Пли-
нію вели, доѣе пѣт' славѣцъ на уста нѣгова, када се
породи, дошадши у Катину, мѣштани тога града не
само га примише съ великомъ части, да ну му іюште
дѣо даше у владаню града, и у свѣхъ пѣнезехъ,
коє коваху, нѣгову прилику чиняху. Тои се исто
приводи мени видѣти бѣвши у тому граду; мои пріа-
телихъ помолѣнише мѣ еданъ тѣхъ еребранѣхъ нѣнеза,
у коихъ бѣше нѣгова прилика, и указане мѣ тако-
ферь пребѣ нѣговъ съ мраморомъ сазыдаѣтъ кодъ
врата одъ града, коя се именомъ нѣговымъ іюште и
данъ данашній зову. *Стесикорова* врата. Истому
Стесикору сѣвасцу *Фаларъ* посланный военодаръ
Агригентина прада чини цркву наю Бову сазыдатъ и
Иисру, нѣвовъ родный градъ, кѣ му тада непріатель
бѣше, уояла да части божапствене ямену нѣгову

вѣкъ буду чинити. *Опійно* спѣвалацъ, кѣ, како хѣе
мнози рѣти, стоеѣи на нашемъ отоку одъ Млѣта у-
чинни пѣсни одъ рыба морскѣхъ, кое поклони *Аишомю*
сыну цесара *Севера* римскаго, и има ударѣ одъ
нѣга златъ пѣнезъ по свакий оранъ пѣсни, и нѣгови
граѣани хотеѣ га почтити, одъ свѣтла мрамора при-
лику нѣгову срѣдъ града ставише, съ тезѣмъ пи-
смомъ одъгора:

Я есамъ Опійно свимъ сладкій спѣвалацъ,
Кога смрътъ завидна прѣ реда умори,
А да ми дилый рокъ смрътъ живетъ дадише,
Ни еданъ ми урмый небы вѣкъ такменъ былъ.“

XI.

ДОМИНИКЪ ЗЛАТАРИНЪ

(род. 1556.)

1.

Одъ коси прамени,
Съ кѣмъ злато губичесь,
Кѣ срце све мени
Стегоше у тврдъ везъ.
Очи, кѣмъ такій зракъ
Вышній е сатвориъ,
Да могу ноѣный мракъ
Обратитъ у данъ бѣлъ.
Лица, кѣмъ пролѣе
Румено и бѣло

Узмнажа свеѣъ цвѣе,
Теръ цавте весело.
Усти, кѣ обточи
Живъ нораль, и крыю,
Чистъ бисеръ съ источи,
Кѣмъ злато добыю.
Смѣхъ, кѣмъ се прекратит
Може зло дреселъ,
И тужну миръ вратитъ,
И драго веселъ.

Рѣчь блага, правый гласъ	Терѣ ине вѣдности
Одъ анѣлъ небесныхъ,	У теби сабрание,
Изврстанъ свимъ узрасъ,	Кѣ малѣмъ задости
И ходъ пунъ дика	Быше старъ подане,
свыхъ.	Чине ми усилилось,
Умъ высокъ, и крѣпосъ,	Госпоє, све мислитъ,
Премъ у цвѣтъ молодыхъ	Како ѣу у милосъ
лѣтъ	И любовъ твою притъ.
Поштенъ и лѣпосъ,	
Кѣ дослѣ неима свѣтъ.	

2.

Шала съ гиздавѣмъ пріятельомъ.

О гиздави господине,
 Кѣ подъ собомъ гледашъ звѣзде,
 Толико се твое гизде
 Движу горѣ у высины.

Врху неба голотнога,
 Воденѣмъ га зову друзи,
 Скачешъ выше негъ сви пружи,
 Цѣѣ Лесандра великога.

Ерѣ Лесандеръ сына имилъ є,
 (Што Берозо старый пише)
 Миросава, кѣ Бурише
 Дѣда твога прадѣдъ былъ є.

Одъ одога Миросава

Рѣт' ѣу штогодъ, и одъ тебе,

Нека гори сваятъ нѣкъ себе,

Кога мрази твоя слава.

Ну дай гусли, дѣте, овамо,

Брѣ ѣу спѣват' ствари лѣпе,

У толко црѣѣа скипе

Ты просишъ сѣмо и тамо.

Миросавъ в быо юнакъ

Съ мачомъ, съ батомъ, съ копѣмъ,

съ лукомъ,

И вазда му за клобукомъ

Сташе босиль и каѣунакъ.

Онъ могаше лава пести,

А съ крпущомъ убит' вола,

И могаше хлеба кола

Напрѣна ручку извести.

Двѣ греде за сулице

Нѣму бѣху, съ кѣмъ трчаше,

Куѣу сваку прескакаше

На самбече изкончице.

Веѣкратъ се стая съ царомъ,

И вазда му самъ у пече

Страховите войске изсѣче,

Што замахну двашъ маняромъ.

Одъ мужа тамъ племешта,

Свѣтлый кнѣже, ты палашишь,

Теръ съ разлогомъ языкъ плазишь,

На сва дѣа племства одъ свѣта.

Бани су ти и хорѣзи

Были одъ Босне братучеди.

А кралѣви стрѣцы и дѣди,
Кѣмъ ты сада дика еси.

При теби су люди штурцы,
Фурде, тамни свиколицы,
Како бѣше при младицы,
И при жѣисноу войну Турцы.

Одкле сунце свеѣъ по неби
На улачку конѣ тече,
И заходи, терѣ изтече,
Ненаѣ се сличанѣ теби.

Овий у нечемъ, у нечему
Онѣй добарѣ бы, и врѣданѣ;
Али небы зато нѣданѣ
Свршенѣ, како ты, у свему.

Ты си витезѣ, ты спѣвалацѣ,
Одѣ Омера болѣй стократѣ,
У лѣцѣхъ си самѣ Ипократѣ,
У бесѣдахъ сповѣдалацѣ.

Снагомѣ, кѣ ти жаравѣ пода,
Злымѣ одѣ страха чинишѣ блѣдитѣ,
Вукѣ си деспотѣ съ мачомѣ видитѣ,
Сѣ копѣмѣ Янко воевода.

Кадѣ припѣватѣ узмешѣ пѣсни,
У два игра станацѣ ками,
Рѣке стов, а вилами
Цѣѣъ любви свѣсъ узбѣсни.

Отмановиѣ Муратѣ сѣонѣй,
Одѣ задухе што га оздрави,
Бобане ти кмете остави
Сѣ четвртиномѣ и сѣ поклонѣ.

Изъ уста ти медъ извире,
 Кадъ съ мударцы што узбесѣдишъ,
 Теръ свихъ гладитъ браде видишъ,
 Слышеѣ' рѣчи твѣ безъ мѣре.

Лѣпъ си, здравъ си, племенитъ си,
 Богатъ, якій, мударъ, славанъ,
 Бускупѣ чинитъ справанъ,
 Усвемъ блаженъ и чипитъ си.

Грло мени веѣъ измукну.
 Ка се згоди бѣда ово?
 Да неможемъ кркнути слово,
 Нег' трѣбуе, да умукну.

А мы ѣмо, што остае,
 Тамо доспѣтъ до недѣлѣ,
 Жупе, села, и повелѣ,
 Кое имашъ, припѣвае.

У толико смѣрно веле
 Мене теби препоручамъ,
 И узгори лѣнкомъ кучамъ,
 Да ти тегнемъ у штопеле.

XII.

И В А Н Ъ Г У Н Д У Л И Ъ Ъ

(1588—1638.)

I.

Изъ Османа 1627.

1.

Иванъ прво.

Ахъ! чѣмъ си се захвалила,
 Ташта людска охласти!
 Све што выше стерешъ крыла,
 Све ѣшъ пака ниже пасти.

Вѣковите и безъ сврхе
 Н'е подъ сунцемъ крѣпке ствари;
 А у висоцѣхъ гора врхе
 Найпрѣ огняный трѣсъ удари.

Безъ помоћи вышнѣ съ неби
 Свѣта в ставносъ свѣмъ бѣгуѣа:
 Сатиру се сама у себи
 Силна царства и могуѣа.

Коло одъ срѣће у околи
 Вртећи се непрестае:
 Тко бы горѣ, ето в доли,
 А тко доли, горѣ устаетъ.

О дѣвице чисте и благе,
 Кѣ врхъ горе славне и свете;
 Сладкомъ власти пѣсни драге
 Свѣмъ пѣвѣцымъ наричете,

Нарецыте садъ и мени:
 Како източномъ цару младу
 Смрть витези несмилѣни
 Даше у свомъ Цариграду.

Знамъ, да бы се одпрѣ хтѣло,
 Да я пѣвамъ, вы кажете:
 Кѣ се онъ роди, срѣћно и мило
 Цару Ахмету прво дѣте,

И по смрти отца свога
 Съ кѣ помоћи, съ кѣ засѣде
 Врхъ престоля османскога
 Мустафа му дундо сѣде;

Кѣ ли се опетъ царско мѣсто
 Мустафи оте, тере у слави
 На престолѣ оно исто
 Султанъ Османъ царъ се стави;

И онъ млаѣханъ како пака,
 Желянъ старѣхъ славу срѣсти,

Подиже се на Поляна
Съ многомъ ошломъ, съ маломъ чести:

Али да тѣмъ пѣсни ове
Сасма дуге неизходе,
Сирти обяте вы иѣгове
Худе узроке, туине агоде.

Владиславе, полячкога
Славна краля славный сыну,
Чѣмъ твоѣ пунѣ слава многа
Свега свѣта величину,

На спѣваня ова обрати
Величанство ведра чела,
У кѣхъ ти иштемъ приказати
Недобытна твоя дѣла.

Кралѣвиѣу гласовитый
Юрѣ у смрти цара Османа
Свемогуѣомъ твоѣмъ добыти
Замнѣла е свака страна.

Тѣмъ съ мѣ трублѣ да свѣтъ слыша
Славу твою сваке часъ веѣу,
Ты свеѣѣ дѣлуй дѣла выша,
А я пѣт' ихъ ирестат' веѣу.

Ядна у срцу упомена
Цару Осману бѣше остала,
Да му е войска неброена
Одъ полячке руке пала;

И да земльѣомъ своѣмъ великомъ
Одъ тога се дигла глава,
Гласеѣ царскѣмъ добытникомъ
Кралѣвиѣа Владислава.

Или путникъ копномъ яше,
 Ил' поморацъ море броди,
 Владиславъ се кликоваше
 Славанъ царской при незгоди.

Госбе чинеѣ' дружба мила,
 И пастыри стада пасе
 Стренителя турскѣхъ сила
 Попѣваху у све гласе.

Юръ на крылѣхъ одъ вѣтара
 Гласъ по свему свѣту прши,
 Кѡ кралѣвичъ силна цара
 Копя сломи, саблѣ скрши.

У ведрини надъ облацымъ
 Съ истока му до запада
 Сунце уписа златнымъ зрацымъ
 Име, коимъ слава влада,

Кажуѣ', да онъ при Нѣстеру
 Источнога разби змая,
 Летеѣ' за нымъ у потѣру
 Сивый орѡ до Дуная.

Чѣмъ съ овога дѣте охоло
 Печали се, гризе и мори,
 Мыслеѣ', да свѣтъ васъ около
 Туѡмъ хваломъ нѣга кори,

Кличе: „Я ти, ахъ! никако
 Кралѣвиѣу незавидимъ;
 Суѣено в было тако,
 Добытникомъ да те видимъ.

Нит' ме веѣе срѣѣа мучи
 Теби добра, мени худа;

Бръ кому се што одлучи,
Вѣкъ неубѣгне тога суда.

Ну све ране срца мога
И муке су и жалости
Съ непослуха витежкога
И съ бойничке невѣрности.

Ахъ! неумрли витезови,
Гласовити Турцы стари,
Съ кѣхъ добыше васъ свѣтъ овый
Мои дѣди, ваши цари,

Гдѣ начини ваши бойни,
И дѣла су славна она,
У кѣхъ изгледъ естъ достойный
Витежкіехъ одъ закона?

Вы у труду дни водеѣи,
Снажна срца, сміоне образе
Казахоте, подносеѣи
Лѣтна сунца, зимне мразе.

У погубахъ крѣпцы узрокомъ
Одъ послуха вѣре чисте,
Тѣкомъ поля, горе скокомъ,
Рѣке пловомъ проходите.

Мыслеѣ', да е сваке зледи
Трпѣт' болѣ, паче умрѣти,
Нег' цареве заповѣди
Съ непослуха преступити.

Све пожуде, све похлепе
Виѣаху се ваше миле:
Яхат' бойне конѣ лѣпе,
И изъ лука тратит' стрѣле.

Паче свакиѣ у одлуцы
 За разкоше свое обра,
 Саблю о пасу, копѣ у руцы,
 Лукъ о плечѣхъ, коня добра.

Была су вамъ бранина у путу
 Безъ разлуке свака жита,
 А студенца быстра у скуту
 Пиѣа одъ воде племенита.

Коню и вама стрѣхе обѣне
 Стаху ношнихъ срѣдъ покоя
 Куѣарице оплетене
 Одъ храстовѣхъ танцѣхъ хвоя.

И войводе и витеза,
 И на копну и срѣдъ мора,
 И постеля и трпеза
 Бѣше кожа звѣри одъ гора,

Паче у сѣверъ посрѣдъ зиме
 Съдехъ мразно Подунавѣ,
 Стераше вамъ мнократь свине
 Снѣгъ постелю, стѣнѣ узглавѣ.

Одѣѣа васъ реси лана,
 Свита сама и препроста,
 А за оклопѣ у юнака
 Срце и прси бѣху доста.

Грѣхоте вы сва блага
 И сва племства, разми оно,
 Што добые сабля и снага
 Воюючи свеѣхъ сміюно.

Суѣхоте, да неволѣ
 Найвеѣе су статъ безъ рати,

И да е умрѣт' велѣ боле,
Нег' изпразно дие траяти.

Веляхоте, да кудѣлѣ
Жене преду дома у тини,
А юнацы неприятелѣ
Да затѣчу на равнини.

Држахоте за часъ свою
И найвеѣу дику и славу,
За вашего цара у бою
Изгубити русу главу.

Вапяхоте: смрти прѣка!
Неставлямо паметь на те,
Да се царство проестре, а нека
Животи се наше скрате!

Ахъ! блажена и честита
Коли доба ваша сцѣнимъ!
Ласно добыт' круму одъ свѣта
Бы съ витезми такъ храбренымъ.

Яохъ! а сада све е инако!
И войводе, и войницы,
Све е отишло наопако,
Невѣрни су свиколицы.

На бой иде свагъ подѣ силу,
Гр'е га лѣто, зима му уди;
А облаче влате и свилу,
Людска облича, жемске буди!

Теръ подѣ влатомъ дочѣмъ сяю
У направахъ безъ процѣне,
Неприятелѣ называю
Не на бѣсця, нег' на плаче.

Ходећ' землю, брочећ' воду,
 Да у ласти плову, хране
 Спрѣдъ едеке у поводу,
 Напрѣне задъ сехсане.

Свіони су нѣихъ шатори,
 Столи златни, на кѣхъ сѣде,
 Рыба у мору, птица у гори
 Ёстойске ихъ слѣдомъ слѣде.

На трпезахъ врху сага
 Дуге и обилне госбе чине,
 Піюћ', докле свѣсъ и снага
 Одъ вина имъ свѣмъ погине.

Пернице имъ равкошне су,
 Гдѣ у блуду сву ноћъ тону,
 У мирису и уресу,
 Проћ' нарави и закону.

Одъ момака и одъ дворана
 Свакій ограђенъ у около
 Яше у злату коня врана,
 Главу диже, гледа охоло,

Теръ се гизда, теръ се дичи
 Таштомъ славомъ од юнака:
 Васъ у виду и у рѣчи,
 А у створу ништа пака.

Ахъ! коликратъ пунъ немира,
 Видећ', еданъ одъ кршћана
 Гдѣ ихъ на ята гони и тѣра,
 Како овце на свѣхъ страна',

Викнухъ, скочихъ самъ на коня
 Бойникъ уедно и войвода,

При срамоти беззаконя
Непазеѣ' се одъ незгода.

Паче неостахъ, за осветит'
Те прикоре сасма грубе,
Враѣат' овѣхъ, онѣмъ прѣтит'
Немареѣи за погубе.

Ахъ! влочести и незнани,
Одъ шта сте се, рѣхъ, пренами?
Єда и вы, кѣ и кршѣани,
По двѣ руке нѣсте имали?

Єда и они нѣсу люди?
Єда и у васъ срца нѣе?
Што васъ страши? што васъ труди?
Турско старо сміонство гдѣ е?

Болѣ вамъ е смръть стигнути,
И у бою съ копѣмъ пасти,
Нег' ли тако погинути
Безъ замѣне и безъ части.

Ну заманѣ се снага мучи,
Єзыкъ вика, рука удара;
Єрѣ одъ овѣхъ страхъ се случи
Съ непослухомъ ямѣичара.

Спахоляни, кѣ срдѣ рати
Хрваху се іоштѣ сміони,
Кѣ ови почеше уступати,
Узмакоше прешно и они.

Ово узрочи, мѣ бойнике
Лешки мачи да посѣку,
И одъ крѣви друге рѣке
Край Нѣстера да протеку;

С. Чиганка за вѣщ. гимн. Св. І.

Паче, да та рѣка свудѣ
 Напуни се и заязи
 Тѣлесима мртвѣхъ людѣй,
 Кѣхъ полячка власъ порази.

Али хоѹ унапрѣда,
 Да мѧ рука свѣтомъ врти,
 И она сама заповѣда
 Врхъ живота и врхъ смрти.

Чѣмъ мы цари штете сваке
 И свега смо узрокъ вая,
 Кѣ частимо не юнаке
 Нег' хотиме одъ сарая;

И хоѹемо: тко одпріе
 Служеѹ блудно дни проводи,
 Съ непріятелѣмъ да бой біе,
 И да влада и господи.

Мы за узмножит' веѹе злата
 Негледамо ни една ина,
 Терѹ юначка што бы плата,
 Садѹ е царска трговина;

Али тргѹ се царскій тѣра
 И одѹ трговац' намѣстника,
 Гоне у войску скупѹ пастыра,
 А плата имѹ е одѹ бойника.

Тѣмъ пастыри изза стада
 Войводами подѹ овацым'
 Како хоѹешѹ да икада
 Удрити се смію съ юнацым'?

Не, не, источни бойни пуцы,
 Зачео самѹ дѣла веѹа,

У овой сабљи, у овой руцы,
Свѣта в удесть, ваша среѣна.

Царъ Лесандро премогућий.
У врѣмена старѣхъ лѣта,
Младъ ко и я воююћи
Добы царство свега свѣта.

А и Сулиманъ царъ храбрый,
Прадѣдъ славный мога дѣда,
Саблю опаса врсникъ мени,
И войсками заповѣда.

Два цара ова іошъ одъ давна
За изгледъ ставихъ желямъ моимъ;
Нѣхъ ѣу слѣдитъ дѣла славна,
Доклѣ васъ сай свѣтъ освоимъ.

Храбрене су ове справе;
Я знамъ, што ѣу, и што в трѣби.“
Преста, — и пунъ желъ одъ славе
Ствари узмножне заче у себи.

Царска блага небровна
У изтокъ однѣтъ мысао обраѣна,
И писма, у кѣхъ штію се имена
Одъ свѣхъ витезъ, кѣхъ онъ плаѣна;

А то, да ту, непавеѣи
Сипатъ пѣнезъ, одъ свуѣере
Кѣ узможе скупъ найвеѣій
Одъ юнака изабере;

Къ янѣичаромъ теръ савише
Веле веѣій брой изнова
По избору іошъ изпише
Одъ источнѣхъ витезова;

А и чете спахоляна
 Два кратъ веће съ тѣмъ, учини
 Съ нова скупа избрана,
 Съ кѣмъ ихъ сдружи и седини;

Нека се уздомъ томъ укроте,
 И послушни унапрѣда,
 Нештедећи свѣ животе,
 Лете, гдѣ царъ заповѣда.

Юште одлучи у свѣй водѣ,
 Подъ заклетву паче рече:
 Тко се укаже юнакъ болѣй,
 Да часъ предъ нѣмъ вышю стече,

На владаня царска своя
 Хтећи само да се узвысе,
 Кѣ добыю часъ срѣдъ боя
 Съ непріятельмъ хрвући се,

Теръ не пѣнезъ, блудъ и жене,
 Нег' ли само крѣпосъ гола
 Одъ милости путь и спѣне
 До царскаго буде стола.

Благодарствомъ овацѣмъ
 Свѣмогуѣ се изитъ нада,
 И у кратко прострѣтъ врѣме
 Съ истока се до запада.

Ову одлуку становитъ,
 Подъ заклетву и подъ вѣру,
 Найпрѣ учини онъ очиту
 Глави одъ паша Дилаверу,

Съ десетъ тисуѣ кѣ бояра
 У източной скупинѣхъ страни

Ланьску всенъ млада цара
Одъ полячке силе одбрани;

Тѣмъ царъ пашу великого
Хусейна смакну онада,
А узвыси славно овога
Да у свѣ мѣсто царствомъ влада.

Ну што нѣму незатая,
Юшъ и хоци своему объяви,
И хадуму одъ сарая
Бѣлѣхъ вила црной глави.

Пакъ свакому да се мучи
Мысô овога договора,
За користанъ свѣтъ одлучи
Боголюбствомъ скрыт' ю сдвора.

Зато гласе просу опета,
И свакому чини знати,
Да гробъ светца Махумета
На Меку ѣе поѣ' кланяти.

А одтоле путь краина
Поморскіѣхъ сврнут' рече,
Сидонскога Емираина
Съ одметнищымъ да посѣче.

2.

Пѣванѣ четврто.

Юръ богданскій воевода
Бѣше умукô, желанъ чути,

Кадъ одъ бойнѣхъ казат' сгода
Поклисаръ се царскій упути.

Кличе : „Чут' в страшно и плачно ,
Како Полякъ цара добы ,
И не люде , ну дивячно
Звѣринѣ ово гануло бы.

Тѣмъ , што иштешъ , ма бесѣда
Да ти каже ствари трудне ?
Иста ихъ земля приповѣда
Свѣмъ путникомъ у ноѣ и у дне ;

Земля в чула и видѣла ,
Чуй , виѣ' и ты предъ очима
Вѣчну жалось турскѣхъ дѣла ,
Кѣ законъ насъ остат' има.

Колик' окомъ мож' замѣрит' ,
Све бы витез' пуно равно ;
Войска , кѣ н'в моѣ' измѣрит'
Брой , кѣ чуо н'в се давно.

Обзируѣ' се на гомиле
Кости , кѣ свудъ леже околи ;
Суди , кѣ се стрше силе ;
Мысли , коя крвѣ се проли.

Сто взыка сто народа
У едно се ста съ по свѣта ;
Мачъ полячкѣй смръть свѣмъ пода ,
А гробъ ова земля клета.

Ну ерѣ велика чуда често
Вѣре ласно недостое ,
Мѣсто ѣу ти садъ по мѣсто
Указати , гдѣ тко стѣ в.

Прутъ подъ тобомъ глядай ріку
 До ѣа, гдѣ опетъ Нѣстеръ греде:
 Царъ преко нѣ свѣ велику
 Войску у ово полѣ уведе.

А Хотима града оно,
 Изъ далека гдѣ се бѣли:
 Яко Поляцы и сміоно
 Подъ нѣмъ бѣху се утврдили.

Нѣстеръ рѣка свѣмъ дубока
 Штиѣаше ихъ одъ сѣвера,
 Градъ браняше ихъ одъ истока,
 И брѣгови, кѣмъ нѣ мѣра.

Одъ запада яме чудне
 Бѣху издубли око себе;
 А небѣху одъ полудне
 Ине имъ тврѣ одъ потребе.

Бре изванъ тврда и яка
 Што се и сама мѣста виде,
 Одъ найболѣхъ спрѣдъ юнака
 Стаху у огню нѣихъ обзиде.

Ну да обране и одъ тога
 И друге имъ све су пале,
 Прси бы ихъ одъ самога
 Кралѣвиѣа сачувале.

Неиште се граѣа ина,
 Гдѣ Владиславъ славный поста,
 За сто гора и планина
 Онъ самъ свѣй ѣ войсцы доста;

Онъ самъ турской войсцы одолѣ,
 И одъ насъ мртвѣхъ горе уздиже,

И одъ крви рѣке проли
Одъ Нѣстера ширѣ и выше.

На главицы, врхъ насъ кѧ е,
Шатори се царски обстрѣше,
Около имъ на све крае
Капиція стража бѣше.

Подъ гвозденѣмъ буздохани
Шесъ тисуѣ' се овѣхъ наѣ;
Ерѣ стражницы они избрани
И царскѣхъ су врата зграѣ.

Везира овдѣ великога
Хусеина се шаторѣ пропе,
Десетъ тисуѣ' около га
Круже, носеѣ' бѣле оклопе.

Не далече шаторѣ царскѣхъ,
Кѧ одъ града слику држе,
Глава одъ чета янѣичарскѣхъ
Али-ага шаторѣ врже.

Съ нѣмъ юнака тріесъ тисуѣа
Доѣ за штитѣ царске главе,
Десница е нѣхъ могуѣа,
Огнѣнѣмъ се дилькамъ славе.

Ну е могуѣство свѣхъ липсало,
И сва слава потамнила,
Ако срѣдѣ нѣхъ неоте мало
Царску главу польска сила.

Тѣмъ Алія, вѣрный ага,
Замани ихъ кори и кара,
Чѣмъ свѧ сама сабля и снага
На обрану бѣше одъ цара.

Ахъ да слѣдеѣ' твѣ крѣпости
 Свакій е витезъ твой воевѣ,
 Не турачке, да ну кости
 Полячке бы были ово.

Спахоляна пакъ войница
 Бѣше скрыла мѣста даля,
 Кѣхъ гвоздена свеѣѣ десница
 Што достиза, хрва и валя.

Петнаесъ тисуѣ' бы нѣхъ броя,
 Съ гиздомъ коня яха свакій,
 Садъ, и тада врхъ нѣхъ стоя
 Глава Дервишъ юнакъ якій.

Якій юнакъ, али коли,
 Яо, похибанъ цару своему!
 Ёръ бы узрокъ овый охолый
 Свему распу турачкому.

Онъ съ юнацымъ своимъ узмаче,
 Цара остави онъ найпрвый,
 Онъ омасти найпрѣ паче
 Мачъ полячкій турскомъ крви.

Близу овѣхъ путь запада
 Множъ спяхія сташе опета,
 Мемія ихъ Хрватъ влада,
 Дваесъ тисуѣ' у сто чета:

Цѣви одъ гвожѣа шупля носе,
 Кѣ огнѣна зрна измеѣу;
 Врлиномъ се свудъ поносе,
 У погледу кажу смеѣу.

Витезови узъ нѣхъ приѣцы,
 Деліе стаху у три чете,

Пути обѣнѣхъ засѣдницы,
Издайство имъ очи прѣте.

Одъ разлицѣхъ звѣрій коже
Стеру имъ се сгаръ низъ плеѣи,
Дуго съ ницѣмъ неравложе,
Сабля в равлогъ ныхъ найвеѣій.

Мѣште Бога пѣнезъ служе,
Другъ у друга неузда се,
Самокресе тамно оруже
Одъ издав, носе увасе.

Съ нима се Омеръ свудъ потежа,
Штуе дружба главомъ нѣга,
Разбойника и лупежа
Кѡ найврлѣга и хуѣга.

Съ полудна се румелскога
Беглербега шаторъ просу,
Вовводства подъ влась свога
Песеть тисуѣ' подпуно су.

Быо в овый паша избранный
Юсуфъ Бошнякъ изъ Благая,
Кѣ прострѣ мостъ пространый
Преко рѣке одъ Дуная.

Сви у огню свои бойницы
Путь паляху мимоходе;
Тѣмъ нѣ чудо, да у свѣй рѣцы
Дунавъ подъ нымъ склони воде.

Скендер-паша съ Арбанаси
Съ лѣвога му края стоя,
Дванаесъ тисуѣ' ныхъ се гласи
Задоенѣхъ крви одъ боя;

Юнакъ съ дружбаомъ поносито
 На Поляке првый изтече,
 Кѣхъ съ Гашпаромъ преднѣ лѣто
 Дѣо затера, дѣо постѣче.

Али охолъ првѣмъ боіомъ
 Заманъ се уфа иматъ болю,
 Ако плати крви своіомъ
 Предню добыть на истомъ полю.

Соколовиѣъ паша одъ Босне
 Съ десне му в было пака,
 Срѣдъ войнице свѣ крѣпосне
 Съ шеснаесъ тисуѣъ ста юнака,

Соколовиѣъ унукъ царскій,
 И везира Махумета,
 Кѣмъ іошъ слове краи угарски
 Цѣѣъ вазеѣа одъ Сигета.

На конѣихъ сви Бошняцы
 Сяху свѣтло одѣвени,
 Заточницы хрли и яцы,
 Копяницы свѣмъ храбрени.

За четами босанскими
 Юнацы опетъ стаху изъ страна,
 Кѣмъ светого Саве име
 И херцега стои Стѣпана.

Херцеговце тко в видіо,
 Десетъ тисуѣъ брой имъ пода:
 Ъор-Хусеинъ паша в было
 И бегъ нѣима и войвода,

Тврѣа одъ жице саплетена,
 А оружя свѣмъ су пушке,

Челядь узрасла усрѣдъ стѣна
Стижуѣ' и хрвуѣ' звѣри лужке.

Ну одъ запада врхъ свѣхъ паша
Сдржа шаторъ земля равна
Махумета Карашака
Будимскога паше славна;

Юнакъ овый славно име
Стече у войскахъ, коє води,
И везиромъ велицыме
Юрь га зваху сви народи;

Паче до часъ чекаше се,
Да га веѣ нада свими
Царъ на прво мѣсто узнесе,
Хусейна смакне и сними;

Поклѣ врхъ свѣхъ воевода
Помилова іошъ га онада,
За любовцу кадъ му пода
Сестру и Будимъ, да нѣмъ влада.

Али отровна худа злоба,
Кѣ за туѣмъ распомъ смагне,
Наѣ варку у то добѣ,
Да изъ свѣта онъ се изагне.

Ова цару видъ заслѣпи,
Да га усили безъ разбора,
Да онъ Поляке самъ нахрини
Разбіяти срѣдъ табора;

Паче осуда была є така,
Турска войска да погине,
Кадъ опусти одъ юнака,
Кѣ є храняху надъ свѣ ине.

Самъ насрта скупне снле,
 Валя, удара, сѣче, и стрѣля,
 Доклѣ паде врхъ гомиле
 Одъ побіенѣхъ непріятеля.

Ахъ! да в така три бойника
 Наша войска іоуцъ имала,
 Небы нѣ се штета прѣка,
 Нег' полячка нарицала.

Али вѣчна дика и слава,
 И смръть иста бы му таде,
 Кралѣвиѣ Владислава
 Изподъ руке поклѣ паде.

Соко віе бржій одъ стрѣле
 Врхъ свѣхъ птица перя охоло:
 Али лети выше веле
 Орô сивый врхъ сокола.

Ну вай! худа кобна подя!
 Спомена ме хтѣ разжалит',
 Да ми в трѣби срѣдъ неволя
 Непріятелѣ силомъ хвалит'!

Ахъ! нехвалимъ непріятелѣ,
 Него крѣпосъ, кá подъ неби
 Свѣтлости има дана бѣлѣ,
 И гдѣгодъ ѣ, хвала в себи.

Вратимо се тѣмъ съ бесѣдомъ
 Казат' опетъ одъ царева
 Войства обилна мѣста редомъ,
 Напрѣдъ, назадъ, съ десна и съ лѣва.

Пази онамо, гдѣ уточило
 Къ треңему се полѣ брѣгу,

Мѣсто е оно дано было
Натолѣвскомъ беглербегу,

И тко подъ нѣмъ саблю прия,
Уврѣжи га срѣдъ два мора
Сивасъ, Морасъ, Амазія,
Бурса, Ерсумъ и Ангора.

Сви войводомъ нѣга гласе
Войводами нада свима,
Ну опетъ народъ свакій на се
Пашу одъ мѣста за главу има.

Натолѣвац', све пушкара,
Было шесетъ тисућа е,
Свакій е вѣранъ, и за цара
Сто живота дат' нехае.

Шаторъ узъ нѣхъ паша обстріе
Одъ везена платна лѣпа,
Одъ Фазинске Мангарліе
И обилнога одъ Алепа.

Юръ юнака съ собомъ обра
По стотину стотин' свакій;
Сви имаху коня добра,
Саблю бритку и лукъ якій.

Одъ шесъ тисућ' множь се узбуси
Карамана, и узъ нѣхъ сдружа.
Путъ одиру, живу у гуси;
Батъ, сабля и лукъ нѣхъ су оружа.

Толикій се брой коньика
Съ царомъ овдѣ доћ' потежи,
Кѣхъ Іордана пои рѣка,
А еврѣйска земля врѣжи;

Свакій хрбомъ вѣшто меѣ,
 Свакій лукомъ добро стрѣля,
 Безъ крѣпости, безъ одѣѣ,
 Витезъ на око, лупежъ сбыля.

Арапа се узъ нѣхъ често
 Три тисуѣ три кратъ стало,
 Кѣ никада едно мѣсто
 Необѣ држатъ ни за мало.

Челядь безъ стана и безъ части
 Гдѣ се дере, плѣни и штети,
 Боля скровно за украсти,
 Негъ ли очито за отети.

Далечина око устраша:
 Гледай, гдѣ се небо скуча,
 Діярбекирскій се ондѣ паша
 Съ десеть тисуѣ войске сбуча.

Оружѣмъ се сви обстрѣше,
 Съ конѣмъ потеѣ вазда лацы,
 Сви подъ перѣмъ, сви се рѣше
 Прави витези и юнацы.

Сами стекоше ову славу
 Супроѣ орлу одъ сѣвера,
 Недобытну слѣдеѣ главу
 Храбренога Дилавера.

Кѣ, нека му расте смѣнѣ,
 На прсѣхъ држа вѣку
 Одъ Славойке Аѣамкинѣ,
 Люби свое, златну слику,

Кѣ на копѣ добы и оте
 Сыну краля одъ Персѣ,

И замърне цѣѣъ лѣпотѣ
Кратка часа безъ нѣ нѣ;

Паче іоштеръ што е веѣа,
Одъ правога далек' знаня,
Држи, да она сва е срѣѣа
И божанство, кое кланя.

Турске крви усрѣдъ блата
Меѣу Лехе юнакъ скочи,
И оте орлу изъ ноката
Младый мѣсець одъ източи.

За кое дѣло Османъ младый
Хусеин-пашу диже, а нѣга
Врхъ везира свѣхъ посади
На владанѣ свѣта свега.

Код' нѣга се Армен' іоште
Петнаесъ тисуѣ' тврдо сгнѣзди,
Конѣ сухе и окоште,
Али хрле свакій ездѣ.

Оружя су стрѣле и луцы,
Кѣ инѣмъ мнозѣмъ и нѣихъ врсти,
А съ гвозденѣмъ шипи у руцы
Индіоске дуге трсти.

Пази, сунчя зрака злата
У облакъ бѣо гдѣ е упрла,
Онѣ паша одъ Багдата
Стѣ е, и узанѣ войска врла,

Абасъ бѣлой у хальни,
Кѣ одъ слѣдника посвеѣенъ е,
Онъ се у образъ приклонъ чини,
А високо срце пенѣ;

Горѣ одъ мора хвалинскаго
 Та до Бѣлезоре града
 Разлика су дружба многа
 Одъ народа, коими онъ влада

Сто паша е и сто бега,
 И витеза брой безъ броя
 Подъ знаменѣмъ бѣла стѣга
 Съ нѣмъ слѣдило крвѣ одъ боя.

Али погледъ садъ упути,
 Одкѣ бѣлый данъ налази,
 На врхъ оный подигнутый,
 Кѣ све равно полъ пази.

Онѣмъ източна ста бойница
 И у нѣ лицу сунце и зора,
 Гласовита Соколица
 Великога кѣи Могора.

У нѣ дружи дванаесъ она
 Дѣвойчица бойнѣхъ има,
 И могуѣа е и смѣона
 Цѣле войске затѣхъ съ нѣма.

Све у рукахъ копля носе,
 А у очію држе стрѣле,
 Вези одъ злата нѣхъ су косе,
 Яшу конѣ якъ снѣгъ бѣле.

Сабля о пасу, лукъ нѣмъ плѣмъ
 У многу имъ виси уресу,
 По прилицы по одѣмъ,
 Виле одъ гора видѣтъ све су.

Тѣмъ кралѣвска прегнѣдава
 Дѣкла срѣдъ нѣхъ рекъ бы да е
 С. Читанка за внѣ. ГИМН. Св. I. 11

Лѣпа божица одъ дубрава,
Кѧ у лову данке трає.

На разблуде она млада
Будъ охолу вѣкъ непрегну;
Бѣсне конѣ кроти и влада,
И текућій вѣтаръ стигну.

Срѣдъ оружя расте сміоно
Безъ боязни у животу,
И одъ жене неима ино,
Нег' само име и лѣпоту.

По планинахъ преко гора
Врле звѣри тражи и дива,
И слободна безъ умора
И тѣра ихъ и достива.

Кацыга іой реси тежка
Мѣште вѣнца златне коси,
Штитъ зрцало, и витежка
Оклопя су цвѣтъ, кѧ носи;

Вито коплѣ нѣ є игла,
А вретено бритка сабля,
На помоћъ се цару дигла,
Да полячка поля уграбля.

Якно руса, кѧ околи
Бодержлива драча одъ свуди,
Лѣпота се нѣ охоли;
Нека чезне, тко є жуди. . . .

Да одъ полячкѣхъ сила ова
Сама оста, гласъ пролѣта,
Срѣдъ добытнѣхъ витезова
Добытница недобыта;

И да и садъ іошъ обтѣче
 Сѣмо тамо по краини,
 Роби, плѣни, біє, сѣче,
 И одъ кршћана расапъ чини.

Видъ се напредъ непростира,
 Тѣмъ немогу указат' ти,
 Великога одъ Мисира
 Гдѣ е обѣіо паша стати,

Одъ Мисира, кѣ се има
 Съ кралѣвствима изтакмити.
 Толико бо неизмѣрными
 Мири около землѣ обхити.

На бой съ два кратъ стотин' триста
 Быо е дош'о войвода овый;
 Одъ египскѣхъ плодѣхъ мѣста
 Нѣгови су витезови.

Свакій у златной у одѣѣи
 Сребромъ кова коньске ступе,
 Непріятелю свомъ носеѣи
 Не оружя нег' ли одкупе.

Остатцы се ово бров
 Одъ старієхъ Мамелука
 Срце имъ сміонство згубило е,
 Тратит' злато не іошъ рука.

Нут' замѣри мѣсто, кое
 Прекопскога сдржа цара,
 Кѣ на помоѣ цару доє
 Съ трієсь тисуѣа своихъ Татара,

Гдѣ обноѣи, неосване;
 Безъ престанка, безъ умора

Плѣни, обтѣчуѣ' сваке стране
И одъ поля и одъ гора.

Сва подольска земля и руска,
Кѣ пожеже и пороби,
Татарину бѣше узка,
Доклѣ нѣга ячій добы.

Воевода кїовскій га,
Банъ Замоискій, съ плѣномъ стиже,
И учини, да ошетъ рига
У свѣй крви све, што диже.

Ну гдѣ оставлямъ одъ полудна
Прице? Гдѣ ли имъ мѣсто кажу?
Знаде брѣнтъ стварь е трудна,
Тѣмъ е болѣ да се утажу.

Источнога войска змая
Неможе се войска рѣти
Нег' пучина безъ дна и края,
За свѣтъ прикрѣт' и прождрѣти.

Глед' около ода свуди,
Што око види свомъ крѣпости,
Све бы пуно бойнѣхъ людій,
Све е садъ пуно сухѣхъ кости.

Све бы пуно огня жива,
Све е садъ пуно мразна праха,
Прутъ и Нѣстеръ што обтѣцѣва,
Съ црна мора до Угровлаха.

3.

изъ VIII. Пѣснѣ.

Хитрый хадумъ свѣмъ объяви
Весео погледъ, слику драгу,
Спрѣдъ на прси руку стави,
И у бесѣду кличе блугу:

„Дружбо мила, дни честите
Кѣ траете срѣдъ дубраве,
Уживайте и слѣдите
Лѣне игре и забаве.

Нитко неимай страхъ, ни чезни,
Срѣъ дошашѣ мое неѣ
Разврѣ' ваше танце и пѣсни,
Ни донѣт' вамъ горке смеѣ;

Паче у дружбу вашу, кѣ е
Многе срѣѣе, многе чести,
Гдѣ у миру свакъ дни трае,
Я ѣу за наѣ' миръ улѣсти:

Тѣмъ гиздава дружбо млада,
Овдѣ, гдѣ сте вы скупѣни;
Небуди вамъ мучно сада,
Дат' за мало мѣсто и мени.“

Кѣ изрече те бесѣде,
Гдѣ сынъ великъ дубъ простира,
Самъ безъ дружбе Турчинъ сѣде
Срѣдъ селяна и пастыра.

Милостиво за старона,
Любдрага селанъ обрати,

Тере поче овако га
Тврдѣмъ клетвамъ упрашати:

„Ахъ, тако ти Богъ съ высине
Вратио очимъ видъ жуѣный,
Врѣдныи и добрый домаѣине,
Племя твоє сповеѣ' мени,

А по царску славну главу,
Тако непѣ саблемъ моіомъ,
Кадъ истину скажешъ праву,
Неѣ' ме уврѣдитъ рѣчи твоіомъ.

Стари твои тко су были?
Рецъ слободно безъ обзыра:
Бсу ли они господили,
И изъ господства тко ихъ изтѣра?“

На ово у срцу смуѣенъ своему,
Кличе старацъ пунъ жалости:
„Споменѣиватъ невольному
Мучно в преднѣ честитости;

Брѣ кољно племенито
Одъ помоѣи тому нѣе,
Кога убожтво вѣковито
Подъ тежкіемъ робствомъ крыє.

Ну господаръ такій када
Заповѣда благо и мило,
Подъ заклетву терѣ ми сада
Одъ очи' се то ставило,

Одъ ничеса неѣу предатъ,
Све ѣу казатъ, ну, яохъ! болѣ
Нарѣщатъ ѣу, неѣ, сновѣдатъ
Старѣхъ моихъ све неволѣ.

Диже се искат' у свомъ дворѣ
 Лазаръ деспотъ одъ Србіе
 Два юнака по избору,
 Да уда за нѣхъ кѣри двѣ.

Лѣпу и младѣ Вукосавѣ
 Да Милошу Обилићу;
 А поносну и гиздаву
 Мару Вуку Бранковићу.

Одъ Марѣ се и одъ Вука
 Славный деспотъ Бураѣъ роди,
 Врхъ рашкога свега пука
 Наконъ уйца кѣ господи.

Одъ Бураѣа се и одъ Ђрипе
 Марѣ опетъ кѣ родила,
 Цѣѣ лѣпостѣ нѣ единѣ
 Кѣ облюбѣ царска сила;

Ну се одъ цара бѣху силна
 Облюбилѣ вѣѣма тада
 Плодне стране, мѣста обилна,
 Гдѣ съ Ђриномъ деспотъ влада.

Онъ на дворе кѣ нѣгове
 За царицу имъ кѣрь одведе,
 Посла имъ конѣ по сынове,
 И примамѣ ихъ, да га слѣде.

Подѣже се пакъ да стече
 Подъ оружѣмъ нѣхъ државе,
 И едѣа деспотъ живѣ утече
 Изпредъ саблѣ свѣ кравѣ;

А Ђрина изъ бѣлога
 Смедереѣа изагнана,

За наѣ' Бурѣа война свога
Путь угарскѣхъ поѣе страна.

Оваке му пакъ да гласе,
У Будиму кадъ га срѣте:
Тргай, тргай сѣде власе,
Тужный старче, съ худе штете.

Господство оте, и изпосѣца
Твое войске царъ огнѣный;
Гргуръ, Стѣпанъ наша дѣца
Робови су ослѣплѣни.

Чуй, кѣ ми су сынцы мили
По єдному садъ гласнику
Плачнѣй майцы поручили
Трудне гласе, сгоду прику.

Срце ѣе се твѣ на пола
Разцѣпити, майко тужна:
Твѣ два сынка, два сокола,
Два слѣпца су и два сужна!

Ты по свакој свѣта страни
Гледашъ, майко, на данъ бѣо;
Нама се в зракъ сунчаний
Млаѣхнѣмъ уграбіо.

Разлогъ бѣше: мы двоица
Да смо штапакъ ѣаѣку и теби!
Съ ѣаѣкомъ старцемъ ты старица
Да насъ водишъ, садъ в трѣби.

Али слушай сву несгоду
И нашъ тежкѣй ядъ немилѣй:
Съ очима смо и слободу
Сладку и драгу изгубили;

Царица насъ , майко драга ,
Сестра наша , кѣрца твоя ,
Предъ Муратомъ непомага ,
Кому любви бытъ достоя .

Паче и она , ваймехъ ! иста ,
Да намъ куфу изкорѣпи ,
Врломъ цару на свѣтъ приста ,
Засѣдно насъ съ нѣмъ ослѣпи .

Нит' іой гану срце тада
Тврѣ одъ стѣне , врлѣ одъ звѣри ,
Любавъ одъ два братца млада ,
Худу мысѣ да нетѣри :

Зато , ако тай путъ слѣдишь
Ты , да (лѣпе све госное
У Будиму кадъ развидишь ,)
Двѣ невѣсте наѣнешъ твое ,

Када будешъ майко тамѣ
Межу угарскѣмъ госпоѣми ;
Тужна майко , мысли само ,
Кѣ ѣнешъ хвале подат' нами .

Єда рѣтъ ѣнешъ : имамъ жива
Я два сына , два юнака
У кѣхъ стои и прѣбыва
Мога срца радось свака ?

Два сына имамъ , моѣ ѣнешъ рѣти ;
Ну два слѣпца , ну два роба ;
Отеше ми ихъ Турцы клети ,
И сада ми ихъ држе оба .

Съ несрѣѣнога сеган гласа ,
Кѣ му пода плачна любви ,

Старацъ деспотъ пунъ пораза
Смртно ублѣђе, рѣчь изгуби.

У жалости и у болести
Становитъ се орамори,
Али кô се пакъ разсвѣсти,
Єдва овако проговори:

Одъ када смо изгубили
Сва ина добра мы на свѣти,
Настоймо се турской сили
Сужњи у старосъ неучинити.

Вѣрна друго, са многъ ходи,
Путъ славнога Дубровника,
Гдѣ се госту у слободи
Држи вѣра свѣмъ велика.

Али Муратъ будућ' слышô
Ђурађъ деспотъ са свѣмъ благомъ
У Дубровникъ да в отишô,
Слободомъ се штитит' драгомъ,

Прешно одправи поклисаре
Къ Дубровнику свѣтлу граду,
Кнезу и вѣху шлюћи даре,
Да му у руке Ђурђа даду;

Или инако, онъ запрѣти,
У краву люту бою
Да ће на нѣхъ градъ подрѣти
Царску огнѣну саблю свою.

Ну Дубровникъ срѣдъ покоя
Кѣ одъ слободе круну стече,
Съ мыта одъ злата, съ прѣтнѣ од боя
Одъ вѣре се непорече.

Тако да истый царъ охолый
 Чудеши се тада кличе:
 „Цѣхъ твоѣ вѣре крѣпке толи
 Вѣкъ ћешъ живѣтъ, Дубровниче!“

И тако се премъ догоди,
 Юшъ Дубровникъ съ давньомъ круномъ
 Стои цѣхъ вѣре у слободи
 Међу лавомъ и дракуномъ.“

Круне угарске већий діо,
 Сву босанску кралѣвину,
 И гдѣ е херцегъ господіо,
 Власъ подасе турска укину;

Юшъ срѣдъ уста люта змая,
 И ноката бѣсна лава,
 Око тебе с' оба края
 Словинска е сва држава.

Робови су твои сусѣди,
 Тежке силе свѣмъ господе;
 Твоѣ владанѣ само сѣди
 На прѣстолю одъ слободе.

„У слободну граду овому
 Одъ зетовѣхъ тако рука
 Сачува се деспотъ, кому
 Я самъ унукъ одъ унука;

И одъ нашега свега трага
 Ненаходи се нитко иный,
 Разми ова кѣрца драга,
 Ка е разговоръ мой единый.“

Изъ XIX. Пѣваня.

Як' срѣдъ гора, кадъ изъ гая
 Вепаръ дивій ванъ се изтіра,
 Чѣмъ множь паса са свѣхъ края
 Кружи га около и обстира,

Смртно прѣтех' врлѣм' зуби,
 Изкречи се васъ и хроче,
 Тѣмъ да сміонство ловаць губи,
 Кѣ га тѣрат' найпрѣ поче:

И онъ се в крѣпко уставію,
 И свѣхъ чека; ну нѣ тога,
 Кѣ бы изъ близа удрит' смію
 На дивяка страшивога.

Проѣ' везиру несмію тако
 Клеті царски одметницы:
 А онъ стои крѣпко и яко
 Съ дрѣновицомъ у десницы.

Свакій голу саблю уѣдиже;
 Свакій прѣку смръть му жуди;
 Али ступит' ни еданъ ближе
 За удрит' с' нѣмъ се неусуди.

Али онъ у то штапъ дрѣновій
 У обѣ руке стиште и хвати,
 И гдѣ у скупу витевови
 Найвеѣемъ су, ту се обрати.

Якно сокѣ, кадъ га сила
 Ята одъ птица стисне одъ свуди,
 Оштре чапѣ, брза крыла
 Изъ высина се ореѣ' труди;

Сада ову тежко удара,
 Плахо ону садъ заноси,
 Теръ у исто доба одъ сгара
 Перъ снѣжи, а кръвь роси:

Такій е видитъ везиръ силный,
 Сѣмо, тамо скаче и лупа,
 Хрве ударацъ градъ обилный,
 Млати, хвиста, хуса и хрупа.

Саблѣ, штити, стрѣле, луцы
 Съ крвавѣмъ се даждомъ оре:
 Съ еднѣмъ штапомъ само у руцы,
 Гô толико човѣкъ море!

По везовѣхъ удри Шеѣа;
 Вѣрио се овый бѣше одъ сора,
 Вѣреници тѣмъ се обеѣа
 Честитъ на дворъ доѣ с' одора;

Али, ако га она узчека,
 Настатъ ѣе се мразна и нага,
 Ёрѣ по земљи рана прѣка
 У крови е прострла га.

Як' ружица, вила млада
 Кѣ у вѣнчацъ бере о зори,
 Онѣ повехну; нанѣ санѣ пада,
 У вѣкѣ му очи кѣ затвори.

Юшѣ Веліи стуче главу,
 И мождани све му проли,
 Кѣ тадѣ стрептѣ, и у краву
 Блату леже на тле долі,

Терѣ е видѣт' як' чесвина,
 Кѣ у дивіой никну гори,

Силный вихаръ изъ корѣна
Кадъ в подре и обори.

Ту изъ далек' Ферасъ пази,
Теръ изъ шупля гвожђа тиште
Зрно огньно, да порази
Славна пашу, тако иште :

Ну гвоздена цѣвъ раздрѣ се,
Смртно олово чѣмъ изтѣра,
Теръ Юсуфу смрът донесе,
А несгоди Дилавера.

Роди се овый у Пловдину,
А съ ненадне хуе чести,
Съ туђа ударца садъ погину
У туђему овдѣ мѣсти.

Мрући обрну къ небесиме
Очи и руке, да укаже
Родна града сладко име,
Издишући смртно ихъ заже.

Видећ' Дервишъ расапъ многій
Одъ своіехъ одъ бойника,
Сраманъ собомъ у налоги
Съ голомъ сабљомъ скаче и вика :

„Да ли в могућ', да ли в врѣданъ
Садъ одъ рука оволико
Одхрват' се човѣкъ еданъ
Хараюћ' насъ люто и прѣко ?

Ахъ, нашега руга и смеће!
Тко у вѣке да вѣруе
Злочество ово тамно одвеће,
Приповѣдат' ако узчуе ?

На страну се свак' уклони!
 Я самъ за свѣхъ указат' ъу,
 Одъ насъ юнакъ тко в сміон'и;
 И за убит' га начинъ наѣ' ъу.“

Васъ штапъ разбіенъ везиръ тада
 Меѣе; учиніо съ нымъ в доста:
 А саблю и штить съ тлихъ попада,
 Што одъ побіенѣхъ пусто оста.

Лѣву ногу напрѣдъ ставля,
 И нѣомъ мало поклекнива;
 Выше прси' штить управля,
 Главу узъ лакать скуча и скрыва.

Другомъ рукомъ саблю хвати,
 Бочу узъ десно свое колѣно,
 А бодезанъ къ срцу обрати
 Свомъ злотвору несмилѣно.

Управ' стои Дервишъ врлый,
 И одкрывено стегно храни,
 Десну бедру чуват' хрли,
 Справанъ скочит' къ свакой страни.

Врхъ лѣве се ноги уздржи
 Васколичакъ витезъ бѣсный,
 А уздигнуть лакать држи
 Бридке саблѣ врхъ бодезни.

Тиска вданъ проѣ' другому
 Оштра гвожѣа безъ милости,
 И смрът' врѣти овый оному
 Са свомъ моѣи и крѣпости.

Ну Дилаверъ веѣе у смеѣи
 Хрѣо за удрѣт' прѣче и яче

Васъ на лѣвой се уздржеѣи
Десномъ ногомъ напрѣдъ скаче.

Али Дервишъ десну страну
Хитро узмаче, и хтеѣ' сгода,
Бодезни одъ сгар' люту рану
У стегно му тай часъ пода:

Съ крви, кою тадъ угледа,
Срце узаврѣ у везира
Так', да у гнѣву свога врѣда
Люта е змѣя, пунъ чемера.

Тихо е море, кадъ прождира
Плавъ потопомъ одъ валова:
Мирно е небо, кадъ све стѣра
Срѣдъ вихара и трѣскова.

Главу, стегно, руке, прси;
Непріятелю свак' часъ раня
При живота свога сврси:
Назадъ се оный свеѣъ укланя.

Стиже га овый, и удара,
И нанъ се ори якно рѣка,
Кѧ низъ гору строю одъ сгара
Крши плахось бѣсна тѣка.

Али opakій себаръ нѣкій
Видеѣ' што се Дервишъ нада,
Дшлаверу пода прѣкій
Смртный ударацъ изза вада.

У затѣлякъ сѣкирицомъ
Онъ га удари съ якомъ силомъ,
Да съ крвавѣмъ ончасъ лицомъ
Паде сметенъ ница тѣломъ.

Свакъ нань срне одасвуди
 Съ голомъ сабълѡмъ у десницы,
 Врхъ нѣга е гора одъ людѣй,
 Скачу по нѣмъ свиколицы.

Вапіе Дервишъ плешуѣи га:
 „Ты, кѣ узъ цара бы найвышій,
 Душу у крви блѡй и рига',
 Подъ ногами моимъ сочиши.“

Ну неможе веѣъ овога
 Чутъ Дилаверъ прехрабрений,
 Бѣше издахѡ пріе тога,
 И остѡ якно мразъ студений.

II.

Изъ Арїадне.

Чинѣнѣ прво, сказанѣ друго.

Тезео, Арїадна, Свѣтникъ и скупъ бой-
 ника Тезеовыхъ.

Скупъ.

Ако у край рѣке Измена
 Племенитый гласъ простира
 Сладкоскладна грчка лира,
 Нека буду похвалѣна
 Херкулова славна дѣла.

С. Читанка за выш. гимн. Св. I.

12

Сгодити се вѣку неће,
 Да ће мучат' градъ Атене
 Славне добыти и храбрене,
 Съ кѣхъ садъ свѣтао и пунъ срѣће
 Краль в добрый, кѣ ю влада.

Пѣвати ће куѣи бѣли,
 Пѣвати ће виле одъ мора,
 И оне, кое посрѣдъ гора
 Воде о зори танчацъ милый
 При кладенцу у дубрави,

Теръ ће рѣти, кѣ порази
 Недобытанъ злу наказанъ,
 И кѣ по нѣмъ бы указанъ
 Путъ, по комъ се сміюно излази
 Нзъ захода сметенога.

Тезео.

Витези храбрени,
 О дружбо одъ труда
 И одъ части, кѣ мени
 У помоћ бы свуда,

Скоро ће сванут' данъ,
 Кадъ ћете доћи вы
 На жельный родный станъ,
 Поносно у слави,

Гдѣ свакій честитъ премъ,
 Загрит' вратъ има
 Любовцамъ дразіемъ,
 Сыновма милыма.

Кѹ радось избрану,
 Кѹ ћемо ћутит' слась,
 Оружѣ на страну
 Кадѣ стави свакій насѣ,

Кадѣ будемѣ съ вами я
 Покоянѣ видити
 Одѣ роднѣхъ оганя
 Дымѣ къ небу ходити.

Скупѣ.

Сладко є дѣцу свѣ,
 И сладко и мило
 Любовцу гиздаву
 Примити у крыло,

Али маня часѣ nebude
 Людемѣ, кои славу любє,
 За часѣ лѣпу кадѣ погубє
 Подносит' се виде и труде.

Гдѣ небеса найгнѣвнїя,
 Гдѣ свеѣѣ мора смућена су.
 Гдѣ у леду и у мразу
 Валѣ се съ валомѣ све разбія,
 Слѣдит' ћемо волю твою.

Тезео.

Доста смо поднїли
 Погубє и смеѣе,
 Врѣме є домѣ милый
 Да види свак' веѣе;

Да радось сваг' свою
 Ужива съ любви
 У миру, у гою,
 У играхъ, у слави.

Свѣшникъ.

Умарла крѣпось, димъ,
 Безъ снаге остае,
 Ако іой за трудим'
 Покой се недае.

Добыти грде све
 И срца гнѣве се,
 Ако вѣнцы одъ славе
 Чела имъ нересе.

Тезео.

На луку поѣте вы,
 И помня буди вамъ
 Одъ войске, одъ плавн,
 Я ѣу овдѣ остат' самъ,

Теръ дочѣмъ срѣдъ мрака
 Тмасту сѣнь студену
 Одъ златнѣхъ одъ зрака
 Стрѣляня иждену,

Дразѣмъ ѣу покоіомъ
 Срѣдъ лѣпе зелени
 Съ гиздавомъ вил' моіомъ
 Разсладит' све мѣ дни.

Скупъ.

Ахъ! блажени и честити
Да бы сви снѣ ваши были,
Ахъ! да съ воромъ данакъ бѣлый
Оба буде пробудити
Самиренѣхъ у покою.

Што цѣнѣнѣмъ одъ хода
Уставлямо одлуку,
Кѣмъ свѣтлый войвода
Шлѣ насъ свѣхъ на луку?

Чинѣнѣ друго, сказанѣ треѣ

Пелинко и скупъ рыба̀ра

Пелинко :

Невольнѣмъ путницима
Починути нѣ моѣи,
Драге и тихе снѣ друзѣма
И покоѣ сметаюѣи.

Скупъ

Ил' на изтокъ сунце сине,
Ил' у синѣ море заѣе,
Да одъ мыслѣй покой наѣе,
Кѣ му у труду стати чине,
Заманѣ иште, трогодъ влада.

Ну юръ звѣзде блѣде остаю,
 Бѣломъ рукомъ ясна зора
 Одъ кораля врата отвора,
 Срѣдъ истока ноя сяю
 Чистѣмъ златомъ нарешена.

Скуиъ

Зоро лѣпа, зоро бѣла,
 Златнѣмъ ступомъ небо уреси,
 Зракъ обяви,
 Данъ донеси,
 Ходи ведра, ходъ весела,
 Любовника старца остави.

Богъ сунчанный ставіо е
 Златну узду своимъ коньима,
 Юръ изъ мора зраке свое
 Меже, и къ небу путь узима,
 Да сне изагну тамне свѣма,
 Отворене трепте очи,
 Простри, простри зракъ съ източи,
 У комъ намъ си данъ донѣла.

Зоро лѣпа, зоро бѣла,
 Златнѣмъ ступомъ небо уреси,
 Зракъ обяви,
 Данъ донеси,
 Ходи ведра, ходъ весела,
 Любовника старца остави.

Ноѣ съ мѣсецомъ и звѣздами
 Скупивъ тмасту свѣ копрену
 Друго небо своимъ играми
 Иде уреситъ носекъ сѣну;

Цвѣтъ, на бусу кѣ в зелену,
 Сунце проси, росу пита,
 Ходи драга, ход' честита,
 Земля те се в ужелѣла.

Зоро лѣпа, зоро бѣла
 Златнѣмъ ступомъ небо уреси,
 Зракъ обяви,
 Данъ донеси,
 Ходи ведра, ход' весела,
 Любовника старца остави.

Тихъ кладенацъ ромонеѣи
 Зове свѣтлосъ дана драга,
 Славицъ перя свѣа чистеѣи
 Врху гнѣзда пѣсни слага,
 На пршанѣ хладка блага
 Сладко трепти врхъ одъ мора,
 Танце воде виле одъ гора,
 Решеѣ' цвѣѣемъ ведра чела.

Зоро лѣпа, зоро бѣла,
 Златнѣмъ ступомъ небо уреси,
 Зракъ обяви,
 Данъ донеси,
 Ходи ведра, ход' весела
 Любовника старца остави.

III.

Изъ Дубравке

Чинѣнѣ прво. Сказанѣ друго

Радміо и Рыбаръ

Рыбаръ. Честитый пастыру,
Ты пѣват' подрани,
Срѣ водишъ у миру
Покоянь свое дни;

Уфаня, яо, а ма
Несрѣха нестѣче
Побѣгух' изъ дома
Тукух' се далече.

Радм. Ткогодъ си, нецвѣли,
Ни твоим' несрѣхам'
Коби данъ веселый,
Кѣ е срѣханъ свима намъ.

Ну ако си ты рыбаръ,
Кѣ каже васъ чинъ твой,
Коя те чини стварь
Къ дубрави дох' овой?

Рыбаръ. За схранит' старось мѹ,
И оддахнут' безъ силе
У гнѣзду сладкому
Слободе премиле.

Приморя наша сва
У ништа сила сби:

Дубрава сама ова
Влада се по себи.

По нѣхъ свѣхъ срдита
Звѣрь трчи и хржи,
И стиже и хита
И у ноктѣхъ своихъ држи.

Овдѣ чут' вле звѣри,
Ни инога гласа нѣ,
Нег' што самъ жубери
Тих' славицѣ на грани.

Овдѣ нѣе сироте,
Кѣ сила потиште,
Небои се срамоте,
Тко ю самъ неиште.

Толико е владанѣ
Силно у насъ, да се ты
Жена, дѣца, иманѣ
Неможешъ твое рѣти.

Разлогъ, правда и мѣра
Свему е злато у насъ,
Продава нанъ вѣра,
Животъ се, душа, и часъ.

Ствари у насъ те нѣе,
Кѣмъ волянъ мош' се чут',
Куповат' трѣби е,
Ако хоѣ' оддохнут'!

Врста овдѣ свакоя
У часной забави
Срѣдъ мирна покоя
Весело борави.

Радм. Ты си доћ' мудро обрѣ,
 Пріятелю, подѣ сѣни
 Одѣ мѣста, гдѣ добро
 Гости су примлѣни;

Ерѣ одкадѣ найпріе
 Ниче ова дубрава,
 И одкадѣ се обстріе
 Безбѣднѣмѣ плотомѣ сва,

Вѣра у нѣой крѣпакѣ
 Станѣ нађе и стече,
 Сѣ кѣмѣ в слободанѣ свако
 Одѣ силе найпрече.

Тѣмѣ, госте, кадѣ срѣѣа
 Донѣ те пріятеля
 У овый данѣ, найвеѣа
 Кадѣ намѣ су веселя;

Найлѣпшій кадѣ пастырѣ
 Сѣ найлѣпшомѣ одѣ вила
 Сдружи се, и на пирѣ
 Дружба имѣ гре мила,

Танцы се хитаю,
 И пою ту пѣсни,
 И игре играю
 Сѣ разлике любезни:

Тѣмѣ слѣд' ме, пріятелю,
 Ерѣ быхѣ я узео,
 У обѣну веселю
 Да си и ты весео.

Рыбарѣ. Вѣранѣ другѣ быт' ѣу твой,
 Еда и я у момѣ труду

Драгъ покой у вашей
Дубрави на' буду.

О Дубраво, славна сѣна
У уресу прекрасному,
Лѣпа ти си мои' очима,
Драга ти си срдцу моему.

У веселой овой сѣни
Одъ честитыхъ твоихъ грана
Провести е мило мени
Діо найдражій моихъ дана:

Тѣмъ разпннѣмъ ирѣже мое,
И у завѣтъ вѣшамъ врие
На зелено дубъ твоє,
По комъ блази вѣтри ирше.

Сказанѣ седмо.

Горштакъ и Дивякъ, сатири.

Горшт. Ту ли си, Дивяче,
Кудъ ютрость одъ мене
Кріюѣи измаче
У гає зелене?

Еда те е срамъ, да пукъ
Смѣхъ тобомъ нетвори,
Теръ самъ ко пребѣнъ вукъ
Скитаѣ се по гори?

Таят' е залуду,
Чеса нѣ моѣ' скрыти,

По свачѣмъ я суду
Лѣпшій самъ него ты.

Дисаякъ. Лѣпшій ты, него я?
Тко в; тко ти вели,
Да в лѣппа шоя
Нег' голубъ пребѣлый?

Оваку тко другу
Види игдѣ наказанъ!
Пастыра по лугу
Нестраши на благданъ.

Гор. Ты страшишъ, а я не,
Съ грдоѣ немиле,
Одъ ове стране
Пастыре и виле.

Дис. Одъ жена и одъ людій
Гонѣнъ си свуда ты,
А мою свагъ жуди
Пріязанъ имати.

Гор. Я людемъ свѣмъ самъ драгъ,
И зато прѣ сунца
Юшъ ютросъ на данъ благъ
Зазванъ самъ за глумца.

Дис. Тебе су дозволи
За глумца пастыри,
Кѣ немашъ свирали,
Ни кѣ се, знашъ, свирѣ!

Гор. Свирале ево мѣ,
И ако ѣшъ за окладъ
Свирити са мноме,
Узми и ты свою садъ.

Див. Свирале несвири,
 Ни у то дни губи,
 Нег' съ главе роге сдри,
 Теръ у нѣ затруби.

Гор. А съ мѣшниц' твоієхъ
 Тыхъ писакъ разцѣпи,
 Теръ одсадъ у тай мѣхъ
 Недувай, нег' нѣмъ пій.

Див. О зори, кадъ мое
 Дипли се огласе,
 Тихъ славицъ запов
 Натѣцат' съ нѣма се.

Гор. Подъ дубѣмъ я када
 Засвирамъ у гаю,
 Пастыри и стада
 Съ веселѣмъ играю,

Див. Поѣ', горско звѣренѣ
 У горахъ заглуша',
 Нескладно свиренѣ
 Да се овдѣ неслуша.

Гор. Врѣи рѣчи и дава'
 Разумѣт' другій путъ,
 Свирино оба два,
 Кога в болѣ чут'.

Див. Почни ты найпріє
 Натѣцат' кѣ се хоѣ',
 Кѣ одъ насъ добыє,
 На пиръ ѣе глумацъ поѣ'.

И веѣа нека ти й
 Срамота и штета,

Узмимо пѣвати
Упоредѣ опета.

Свири.

Гор. Ни дигли ни твой гласъ
Задава страхъ мени,
Я почехъ оный часъ,
Ты ме опетъ измѣни.

Див. Сада самъ изусти,
Тко свирѣ болѣ одъ насъ;
Добытъ си, и пусти
Одъ глумца мени часъ.

Гор. Или ти е у вольи,
Или нѣе, статъ ѣеши ѣа,
Кѣ глумацъ наиболѣй
Дозванъ самъ на пиръ я.

Див. Тамо се итъ немучи.
Брѣ ко трѣ разпукла
Свирала твоѣ звучи
Нескладна и мукла.

Гор. А буче те твоѣ
Мѣшнице кѣ спила
По горахъ, изъ коѣ
Одъ вѣтаръ дме сила.

Див. Ахъ, када неѣеши рогъ
Дигнути сврхъ очи,
Поѣ, свиньо, у брлогъ,
А овдѣ нехрочи.

Гор. А ты, кадъ замукѣ
Юшъ нѣси, потрчи,
Губава жабо, у кѣ,
А овдѣ некрчи.

Див. Змію люта, прегризи
Отровный языкъ тай,
Болѣмъ се понизи,
А у несвѣсь неригаи.

Гор. Ригашъ ты злобный едъ,
Хуѣй свѣхъ живина,
Али опетъ упоредъ
Ходъ са мноми, зачина'!

Див. Непѣвай ты, негъ блей,
Козе ине гдѣ пасу;
Съ славицеи горскимъ, ей,
Нескладашъ се у гласу.

Гор. Ахъ нути, у што уфа
Црный вранъ несвѣсный,
Да бѣлога онъ куфа
Добытъ ѣе у нѣсни.

Див. Ракле ми двѣ дунѣ
Дарова изъ нѣдри,
Да одъ очи' свѣтлѣ'
Попѣвамъ зракъ ведрий.

Гор. Киту ми нѣкій данъ
Ябукъ да Любица,
Да іой хвалимъ прамъ златанъ
И уресь одъ лица.

Див. Кадъ мой сладкій гласъ зачина.
Како славиць кѣ се извѣя,
Нанъ дотеку изъ планина
Хоя, Леро, Долерія.

Гор. Кадъ мой языкъ пѣсни кликне
Како стаглиѣ, кѣ жубери,

Да ме реси, цвѣће никне,
Да ме чую, теку звѣри.

Див. Кукулява я два гнѣзда,
Кѣхъ пѣт' наравъ медно учи,
Хранимъ лѣпой, кѣй мѧ звѣзда
За вѣчну ме слугу одлучи.

Гор. Свега руда яганъчиѧ,
Двѣ матере кѣ посиса,
Пасемъ драгой, кѣй ме сриѧ,
Да самъ вѣчный робъ, записа.

Див. Рец', кѧ у гори звѣрь пребыва
Людске свѣсти и спознаня,
Кѧ се у быстрой води умива
И мѣсецу чиста кланя?

Гор. Каж' ми, птица оно кѧ е,
Кѧ свѣой смрти ложи дрва,
И изъ огня опетъ жива устаетъ
Перя и крыла стѣчуѧ прва?

Див. Садъ познат' мож' управ'
Одлуку твѣ луду,
Зашто се съ лавомъ нравъ
Затѣче залуду.

Гор. О жабо, съ крѣсови
Поѣ' кврчи и кришти,
Мой е данасъ пиръ овый,
Ты за се другій ишти.

(Оде).

IV.

Сузе сына размешнога. Изъ илача другога.

Ахъ, спознанъ пречестито!
Унутарня съ тебе зрака
Разведрена види очито
Право добро безъ облака,
Гдѣ в спасенѣ, гдѣ су мои
Сладцы и дрази свѣмъ поком.

Яо везъ, кѣ ме смртно веже,
Я непознахъ срѣдъ кривине:
Тако и море неутеже,
Тво му нори у дубине;
Ну на врху пакъ када в,
Трудъ му и мало воде дав.

Косе, кѣ звахъ златомъ пріе,
Яо, заблѣштенъ съ нѣихъ на близу,
Познамъ, да су люте зміе,
Кѣ садъ срце мое гризу;
А съ погледимъ свѣтле очи
Муња, изъ кое трѣсъ изскочи.

Оно лице, гдѣ ми сѣва
У ружицахъ зора бѣла,
Садъ в драча бодержлива,
И мѣ вѣчна ноћ немела;
А усти, кѣ мняхъ да медъ хране,
Чемеромъ су отроване.

Зрацы, кѣмъ се животъ дичи,
Зовући ихъ звѣзде свое,
Химбени су проводићи
Были одъ тамне смрти мое;

С. Читанка за выш. гимн. Св. I.

А посмѣси ведри и сладцы
Пуни града црни облацы.

Ахъ, и оставихъ мѣсто родно
Пробіюћи стране и луге,
И иштући, што е угодно,
Наѣдохъ яде, бриге и туге,
И у доба то сметено
Остахъ као дрѣво одсѣчено.

Ето животъ мой свѣдочи,
Какавъ свѣтъ е и што дае;
Кадъ се смѣе, плачъ узрочи,
А кадъ блазни, тадъ издае;
У уресну лѣпу суду
Сдржи налипъ и смртъ худу.

Цѣловомъ те 'сладцѣмъ' труе,
Грлећи те смртно убія;
У хвалахъ те истѣхъ псуе,
А у крѣпчинахъ свѣхъ превія;
Разлигъ образъ ставля на се,
Као звѣрь, ка се вѣтромъ пасе.

Тихо съ хитрымъ' засѣдами
Тѣра изъ срца свѣхъ боязни,
И унѣгуе съ прва и мами
Подъ приликомъ одъ пріязни,
Пакъ кô силникъ плеше и меѣе,
Тко се узда унѣ найвеѣе.

Тако и море у тишини
Съ края поморца у плавь зове,
А кадъ га има у пучини,
Скочи и узаври на валове,
И у потону, кѣ нанѣ ори,
Пріе смрти гробъ му отвори.

Ахъ, садъ имамъ паметъ хитру,
 Све в, што свѣтъ гледа и двори,
 На огню восакъ, дымъ на вѣтру,
 Снѣгъ на сунцу, санъ о зори,
 Тренуће ока, стрѣла изъ лука,
 Кѣмъ потегне снажна рука.

Ахъ, нѣ животъ людскій друго
 Нег' смућено едно море,
 Нег' плавь една, кѹ у дуго
 Бїю вали како горе;
 И срѣдъ овѣхъ нетомъ тмнна
 Чоекъ се роди, мрѣт' почина.

Бѣжи, кудъ знашъ, што хоѣ', чини;
 Западъ и истокъ васъ обходи;
 И безкрайной по пучини
 Свѣтъ кружећи Индіе броди;
 Крїй се у яме горскѣхъ хриди:
 Сирть свуда те слѣдомъ слїди.

И нѣ ствари, коя може
 Убѣгнути тога суда.
 У покою срѣдъ разкоше
 Стой безъ мысли и безъ труда;
 Бран' се оружїемъ, злато трати:
 Нећешъ їой се одхрвати.

Сирть негледа ничїе лице,
 Ђднако се одъ нѣ тлаче
 Сиромашке кућарице
 И кралѣвске те палаче;
 Она упоредъ меће и валя
 Стара и млада, роба и краля.

Ведре круне, тежка рала
 Ђдномъ косомъ она слама;
 Лѣпосъ, благо, снага и хвала,
 Све в предъ нѣомъ на огню слама;
 Глуха и слѣпа безъ озира
 Кудъ проходи, све сатира.

Сграде охولة, кѣ высѣше
 Нѣкада се до небеса,
 Садъ хрване по тлѣхъ леже,
 Гњоснѣмъ ступомъ стадо ихъ сплеса;
 А одъ унукъ се царскѣхъ хране
 Кости' горе неукопане.

Славне госпође и краљице,
 Кѣхъ лѣпости јошъ се хвале:
 Златне косе, драго лице,
 Лювенъ погледъ, кѣ су имале,
 Ахъ, виђ', што су у ово доба:
 Мало праха, у дно гроба.

Гдѣ су младцы прегиздави,
 Племенити и богати,
 Кѣ цѣняху нѣгда у слави
 Поредъ сунцемъ увѣкъ сяти?
 А што в одъ нѣихъ садъ остало,
 Нег' ли у земљи землѣ мало!

Гдѣ јунацы, кои снагомъ
 Лаве хрваше и медвѣде?
 Гдѣ разумни съ рѣчи благомъ,
 Кѣ дажђаху медъ съ бесѣде
 Господѣни срца умрла?
 Смртъ у пепео све в стрла!

Гдѣ они, кѣ се одѣ свѣхъ людѣй
 Добытницѣ огласише?
 Гдѣ ли узмножи, кѣхъ пожуди
 Кругъ малаханъ васъ свѣтъ быше, —
 И остали неброени?
 Сви су у лакту землѣ сбѣни.

Гдѣ су источна царства стара?
 Гдѣ господство одѣ Римляна?
 Сва подѣ плугомъ, кѣмъ свѣтъ хара,
 Одѣ врѣмена су узорана:
 Ёсть, тко нѣгда свѣтомъ влада,
 А незна му се име сада!

Мру кралѣства, мру градови,
 И нѣхъ племство трава крыве;
 А ерѣ в умрлыи животѣ овый,
 Чоекъ у срцу миранѣ нѣ;
 А свакий данѣ види очито,
 Да нѣ ништарѣ вѣковито.

Врѣме хара станацѣ нами,
 И жестоко гвожѣ изеда;
 А хоѣмо мы, да нами,
 Кѣ смо одѣ землѣ, сврхе неда?
 А ако животѣ нашѣ в сгледанѣ,
 Васѣ нѣ друго, нег' хипѣ еданѣ.

Што в было, прошло в веѣ;
 Што има быти, юшѣ нѣ тога;
 А што в сада, за часѣ неѣ
 Одѣ прошащѣ остат' свога:
 На хипу се врѣме врти,
 Ёданѣ хипѣ в све до смрти.

Ахъ, да у што можешъ рѣти,
 Да се уздашъ веѣе одѣ?
 Ёда у врѣме? Врѣме лети,
 И у доходу свомъ проходи;
 Сгледай, гдѣ си, свиѣ' се, тко си,
 Уфай, кай се, моли, проси.

Тко се роди, свакъ умрѣе,
 И бы, као ты, прѣе тебе;
 Да, као нѣму, и теби в
 Мртву быти одъ потрѣбе,
 Да за тобомъ роде опета
 Новый народъ, нова лѣта.

Али свакъ часъ гдѣ гледамо
 Мрѣти, и дѣцу у повою,
 Ахъ ја! зашто неимамо
 Выше главе свеѣъ смрътъ свою?
 Каъ часъ по часъ сгоду пави,
 Да те убѣе и порази.

Ну смрътъ ово нѣе, што чини,
 Да све умрле наравъ стиже;
 Смрътъ в оно, што истинный
 Вѣчный одъ рая животъ диже:
 Кратакъ уздахъ смрътъ в одъ свѣта,
 Смрътъ в од душе вѣковита.

Ахъ, еднака смрътъ в свима;
 Ахъ, и свакъ зна, да умрѣт' ѣе;
 Али съ мукамъ еднацыма
 Доѣ' свакому смрътъ, ја! неѣе:
 Добри ѣе и зли мрѣт' еднако,
 Ну у рай добри, зли ѣе у пакѣ.

Добри ће у рай, пунѣ уреса,
 Гдѣ у ведрини безъ облака
 Ся врхъ сунца и небеса
 Єдна свѣтлосъ у три зрака,
 Подъ престолѣмъ гдѣ вышньиме
 Стои удесъ, срѣѣа и врѣме;

Гдѣ у люблѣномъ своеме Богу
 Душа славомъ оповна
 Добро изврсно, радость многу
 Сасма ужива, свеѣъ блажена,
 Покой вѣчный, лѣпосъ праву,
 Миръ, доброту, знанѣ и славу.

Зли ће пасти у поноре,
 Дно пакленѣхъ црнѣхъ яма,
 Да ту у вѣке вѣка горе
 Срѣдъ жестоцѣхъ страшнѣхъ плама,
 Осуѣени у тамности
 Безъ уфана, безъ милости;

Гдѣ вмѣе отровне, змаи горуѣи,
 Зле наказни, срде врле,
 Хуѣе яде, немиръ люѣи
 Даю клетѣмъ, кѣ се прле;
 Гдѣ оре потопъ тешкѣхъ сила
 Дажди одъ огня, гради одъ стрѣла;

Гдѣ в вай смртный, кѣ свеѣъ колѣ,
 Горцы плачи, труди живи,
 Туге, печали и неволѣ,
 Срѣбе, омразе, смеѣе и гнѣйви,
 Шкрипня одъ зуба, кршня одъ рука,
 Вѣчна жалось, вѣчна мука.

Ахъ, ма́ душо, трепти и чезни
 Мысле́хъ, како́ животь страя;
 Мука е вѣчна, нѣ болѣзни
 Безъ сврхе су и безъ края;
 А у паклу нѣе уѣаня,
 Нег' скончанѣ безъ скончаня.

Лѣпа душо, ка́ у насъ сходишъ
 Неумрла, чиста и бѣла,
 Ты одъ живота данъ изводишъ;
 Вѣчна свѣтлосъ тва́ весела
 Неба е зрака, свѣта дика,
 Плодъ вышнѣга сунца и слика.

Анѣоска е тебе стража
 У животу обградила,
 Божя помня ты найдража
 И сладка си кѣрца мила:
 Онъ неумрлый, да те спасе,
 Умрлу одѣху узе на се.

Ахъ, да ли се несрамуешъ
 Племяство и свѣтлосъ твѣ велику
 Поцрнити, чѣмъ стануешъ
 Сбѣна у грѣху тамну и прѣку?
 Не, не, укажи, света одлука,
 Да си дѣло Божіихъ рука.

XIII.

І О Н Ъ П А Л М О Т И Ъ Ъ

(род. 1607 умр. 1657.)

(изъ Крѣстіаде)

1.

И ѿ в а н ѿ п е ш о .

А владоуцы одъ Сіона,
И светого темпла главѣ,
Кѣхъ завидось усіона
И страхъ леденъ смртно даве,

Оне ноѣи премъ страшиве
Проведоше врѣме бдѣѣи
Съ мысли опаке и сумньиве
Непокойни сви стоеѣи.

У томъ быѣу нѣимъ се чини,
Да Исукрста іоштеръ виде,
Како у многой величини
У солимскій градъ узиде.

Кое множество дѣце праве
За нѣимъ стунѣи, челядь коя,
И нѣгове дике и славе
Съ веселѣма пѣснимъ' поя!

Еднимъ гласомъ чую одъ свуда,
Пачекъ истомъ тичу рукомъ,
Неизброена хвалитъ' чуда,
Коя учини предъ свѣмъ' пукомъ.

Гдѣ юръ свѣтло нѣга име
И доброта райска лети
Поредъ съ гласомъ неумрлыме
Препѣвана по свемъ свѣти.

Што ће учинит' ? премъ чита
За свой поразъ дѣла пазе,
Пророчанства знаменита
Гдѣ на сврху свою излазе :

Одъ божѣга рода нѣма
Краль да ће се породити,
По дошапћу кога има
Власъ господска нѣхъ свршити ;

Да сіонскій градъ сцѣниѣный
И поносна црква славна
Бит' ће тада у несцѣни
Съ тлѣмъ пореда стрена и равна ;

Обычаи да ће старе
Обраћене бит' у ништа,
Нит' ће частит' сѣне отаре
Веће одъ крви светилишта.

Изгубѣни зато веѣма
У злой сумњи и у страху
Посрѣдъ свога свакогъ дома
Болни, блѣди, скровни стаху.

На истый начинъ дробне пчеле,
Срѣдъ раного кѣ пролѣћа
Теку мирне и веселе
За купити медъ изъ цвѣћа :

Кадъ нариши ѣма мразна,
Теръ се облаци небо скрѣе,

Силна дажда и поразна
Плахе рѣке да проліе,

Сметене се и забѣне
По улиштѣхъ крыю и тае,
И засве су заклопѣне,
Гнѣвно небо страхъ имъ дае.

Бѣше врѣме, у сну миломъ
Трудни умрли кадъ бораве,
И доходномъ даму бѣломъ
После и дѣла сва оставе,

А нечистѣхъ юрѣ неманій
Огнѣвнита войска ноћна
Бѣше изашла пакла вани,
Злѣмъ варками яка и моћна.

Кудгодѣрѣ се она обрати,
По свѣхъ путѣхъ ктѣ да саспе
Злобу, нехарѣ, смеће, рати,
Буне, омразе, штете, распе.

Кужне образе, гнде слике
Вазели су дуси врли,
И на чете страшне и прѣне
Брусалемъ васѣ обстрли.

На тврде се дѣо грађе
У страхоћи многой пружи,
Врху темпла дѣо увађе
Силнѣмъ коломъ кое обкружи.

На высине кућа сѣде
Множѣ велика браће люте,
Дѣо обступи и обсѣде
Свеколике града путе.

Срѣдъ пролѣтнѣхъ тако дана
Хрлѣхъ птица ята честа
Изъ полуднѣхъ кадно страна
У хладнѣя бѣже мѣста,

Врху морске чимъ ширине
Оне тѣку стрѣловите
Одлучене да краине
Брзѣмъ тѣкомъ прѣ ухите;

На край, кѣ се нѣмъ помоли,
Први паду и навале
Црнѣмъ крылимъ, теръ околи
Све прикрыю пуге жале.

Скровнѣмъ едомъ спрва тую
Худа пакла срде влобне
И помало господую
Свѣсти хибамъ нѣхъ подобне.

Теръ пожудне свѣхъ поразу
Безъ престанка окомъ раде,
Тврдоглавство, сумню, омразу
Слаба у срца сѣю и саде.

Сномъ свезанѣмъ мнози людимъ
У страшивъ се начинъ кажу,
И виѣненѣмъ ташто худымъ
Неприличне сгоде лажу.

Мнози узимлю чина хитра
Човѣчанска лица на се,
И просиплю бржи одъ вѣтра
По свемъ граду горке гласе.

Садъ овега, садъ онега
Одъ могуѣхъ лете у дворе,

И на правый родъ Вышнѣга
Неизречена зла говоре.

Кажу црно мѣште бѣла,
И колико хуѣ знаю,
Сва нѣгова добра дѣла
У грѣхъ тежакъ обраћаю.

Гнѣвне, тихе, помне, лотре
Безъ разлуке бунит' трче,
Тлапе, хине, сную, мотре,
Злобе, еде, мраве, срче.

Да гре Исукрсъ прѣкъ и срдитъ,
Гласе блѣдеѣ' и трептеѣи,
Нову вѣру за потврдит',
Старе отаре съ темпломъ ждеѣи.

Да има у руцы гвожђе охоло,
Све заклоне да разори,
Да сва црква юрѣ около
Страховитѣмъ пламомъ гори.

Одъ црковнѣхъ іошѣ дворника
Хине образе и одѣху,
И на врата свѣхъ вѣѣника
Срну, носеѣ' ядѣ и смеѣху.

Якѣмъ гласомъ нѣхъ у вѣѣе
У високо темпло зову,
Ако роднѣхъ мира неѣе
Штету видѣт' сви готову.

Истыи глава войске црне
Неправедна ради сбора
Цркве у врата силомъ срне,
Снажнѣмъ махомъ кѣхъ раствора.

Одъ ударца тежка и прѣка
Златни вези шкрине и звече,
И гласъ якій силна звука
Разлега се ѣа далече.

Тымъ се ода свудъ неправедный
Скупъ староста сборитъ справля;
Ни ноѣ тмаста, ни мракъ ледный
Нѣхъ ступае неуставля.

Како да су съ варкомъ прѣкомъ
Непріятельи кѣ немили
Ноѣно съ худѣмъ издавникомъ
Изненадке градъ примили;

Теръ да све су тврде обране
Са свѣмъ вратимъ освоене,
И да войске оружане
Сѣку, жегу, робе, плѣне.

Пути одъ града сви су пунѣ,
Нѣгдѣ улазе, нѣгдѣ изходе,
Едва у страшной зна се буни,
Одклѣ, зашто, камо, ходе.

Дусѣ жельни свачѣ штете
Преображени путомъ греде,
Свѣмъ даваю злобне свѣте,
Сиплю отровне свудъ бесѣде.

Они съ главнямъ огнѣнѣма,
Срѣба и смеѣа гдѣ се плоди,
Свѣте и кажу путе свѣма,
Да слободно свакій ходи.

Юште изъ главе еда пуне
У неизмышлѣнѣ начинѣ меѣу

Пламя чемерный одъ набуне,
За узмножит' смртну свѣту.

Неставляю память на та
Ньихъ чинѣня люди тужни,
Свакій у гнѣву слѣпомъ врата,
Свѣмъ неразборъ влада кужный.

У тои хитрѣхъ дванаесъ слуга
Яма огнѣиѣхъ краль неправый,
На дванаесъ божійхъ друга
Хрло упути, и одирави,

Да кушаю са свомъ снагомъ
Крозъ разлике свѣте штетне:
Єда се одъ ньихъ кѣгодъ драгомъ
Воеводи своему одметне?

Они, ерѣ имъ ове бое
Богъ све сказѣ бѣше одъ пріе,
Проѣхъ чемеру справни етоє
Одъ паклене люте зміе.

Неотворене варкамъ свѣсти
Кажу, и срце толи снажно,
Да ніе яко ньихъ замести
Све худобиѣ множество лажно.

Заманѣ стрѣля нымъ протива
Сва химбенства злобникъ старый,
И све слике промѣнлива,
Да ихъ одврже и превари.

Ерѣ све одмеѣу влє засѣде
Витезови боголюбни,
Сѣхъ кѣмъ ихъ хрве, сѣхъ коѣмъ греде
На ньихъ расапѣ змай погубный.

Самъ изъ врѣдне дружбе ружанъ
Искаріотъ Юда изпада,
И паклу се чини сужанъ
На свою волю, кѣ нѣмъ влада.

Юда, сбора славна и света
Куга и прикоръ вѣковитый,
Юда, издайства тамна и клета,
Страшанъ изгледъ свему свѣти!

Овый нѣгда крѣпке вѣре
Бзусове радъ любви
Благо и родне свое мире
И роѣаке драге остави,

Небескога воеводе
Учини се другъ любѣный,
Справанъ слѣдитъ у све сгоде
Нѣговъ ступай божанственный.

Пачехъ желанъ при потрѣби
На нѣгову часъ и славу
Устручѣ се тада небы
Исту изгубитъ свою главу.

Ну почетка лѣпа овако
По мало се каятъ узе,
И за свршитъ наопако
На мысли се зле попузе:

Пунъ желѣня премъ несвѣстна
Мысли у дне, мысли у ноѣи,
Сврѣъ закона трудна и тѣсна
Тежкій ярамъ као ће моѣи?

Съ тога узрока красти улѣзе
У лакомомъ тамномъ грѣху

Благо убожко и пѣneze ,
 Кои предани нѣму бѣху.

Ну видеѣи да множь така
 У руке му неулази,
 Похитнога срца опака
 Злу похлепу да залази,

Предный животъ живѣт' жуди
 Срчеѣи се, да залуду
 Толи дуго врѣме труди,
 Ни бы плате своему труду.

Драго убожтво нѣму нѣе,
 Трудна лѣта водит' неѣе,
 Тымъ побѣгнут' немни прѣе,
 Не безъ тежка зла ни смеѣе.

На ове мысли попузанута
 И одпрѣе слаба у свѣсти
 Црнѣхъ глава скупа люта
 У свое варке гредѣ увести:

Не съ веселѣмъ манѣмъ, него
 Кадъ лавъ врлый и страшивый,
 Гладъ срдитый кога е стегѣ,
 Да челюсти празне криви,

Плаха у пашу теѣ' елѣна
 Подъ високомъ горомъ види,
 И съ наштена весео плѣна
 Съ хрлиномъ га многомъ слѣди.

Галилеа Сотре слику
 Хитра неманъ спрва хини,
 Кѣ нехарномъ издавнику
 Бѣше у крви и родбини.
 С. Читанка за выш. гимн. Св. І.

И немогуѣ' злоторѣ' врлыи
 Ока сажет' съ мысли клете,
 Съ овомъ рѣчимъ къ нѣму хри
 Да га сасма сконча и смете.

„Ты се у глухе ноѣи доба
 По пустошной скиташъ гори,
 Одъ студени ноѣне злоба
 Прѣ времена да те умори,

И мож' трпѣт' зла толика,
 И тако се допустуешъ,
 Да твѣ лѣта сваколика
 Служишъ, тужишъ и болуешъ?

Кѣ непаметъ? несвѣсь коя
 Силуе те и наводи,
 Да робуешъ безъ покоя,
 Гдѣ си роѣенъ у слободи?

Кѣ подложанъ, како таманъ
 Да се тучешъ свеѣъ двореѣи,
 Одъ кога в уфат' заманъ
 Сличну трудимъ плату стеѣи.

Ты еднога слѣдомъ слѣдишъ,
 Кѣ на тепло руку стере,
 И ставля се, као самъ видишъ,
 На смакнуѣе старе вѣре.

Кога изметъ све челяди,
 Одъ никакве руке и сцѣне
 Множтво людѣй дворит' ради,
 И некрѣпке слѣде жене.

А найпрви главе одъ града,
 Сви закони како просе,

Нераздружна пуни склада
Нань омразу смртну носе.

Юръ се купи сборъ праведный,
За неправда да се дйла
И за животъ тай нередный
Нѣму пода смръть немила.

Юръ ће обилну плату дати
За мотрени свѣ химбена,
Видеѣ' као се слабо уздати
У влась мноштва потиштена.

Мало му ће дат' помоћи
Неприлична хваста и слава
Одъ велике силе и моћи,
Кѹ разумѣт' людемъ дава.

Скрыт' га неће густы облацы,
Да неприми смртну муку,
Ни начини друзи опацы,
Кѣмъ добыва гласъ у пуку.

Нецкни, нестой, неизгуби се,
Силне одъ смрти бѣж' на врѣме,
Ако уреда неуклони се,
Изгинут' ѣешъ заедно шъ нѣме.“

Съ овѣмъ злобнѣмъ бесѣдами
Свѣхъ превара творацъ чини,
Да се крвникъ злый помами
У омрази, у врлини.

И видеѣ' га предобыта
Съ главнѣмъ лупа нѣга огнѣномъ,
Теръ му тай часъ съ очи' одлѣта
И съ ноѣномъ се мѣша сѣномъ.

Съ очи' одлѣта, ну далече
 Негре напасъ неспилѣна,
 Веле веѣу него стѣче .
 Снагу и крѣпосъ невиѣена.

И тако се стере и віе
 Око нѣга и настои,
 Да унѣ улази найпосліе,
 Душу и животъ терѣ му свои.

Тымъ, раздеженъ кужнѣмъ пламнѣмъ,
 И наказни ребѣ чемерне,
 Поче мыслит' собомъ самымъ
 Мысли опаке и невѣрне.

На память му духъ нечистый
 Ставля животъ неугодный
 И погубе безъ користи
 Кое подѣ труднѣмъ стѣгомъ подни.

Заповѣди, кое обилне
 Одъ божѣга прими сына,
 Чине му се оштре и силне
 Преко мѣре и начина.

Того одъ быѣа онѣ се одриче,
 И чимъ мысли зле пробира,
 Клетва хоѣе, судѣ протиче,
 Да издавникѣ неима мира.

Тачѣ доброга на учителя
 Сву подѣ ноге любовъ ставля,
 Терѣ га охолѣхъ непріятеля
 Крвнѣ у руке издат' справля.

Ахъ несрѣѣнный, ахъ смаѣнный,
 Надѣ смаѣне све на свѣту,

У злой мысли заслѣпный,
Да не познашъ твою штету!

Ахъ, разгледай добро, кога
Толи опако хоѣ издати;
Неодрицай се створца свога,
Врат' се къ твоему Богу, врати!

Разабери, промисли се!
Кѹ часъ дослѣ стекѡ вси,
Другъ любѣный бровѣи се
Славна краля одъ небеси,

Коликатъ си твоѣмъ ушима
Божанствене слушао рѣчи
И разгледѡ лице очима,
Людска наравъ кѣмъ се дичи.

Кѹ множь, чѣмъ се Богъ одкрыю,
Славнѣхъ чуда видію си?
Одъ кѣхъ ■ ты кѣгодъ дѣю
Нѣга вольомъ дѣловѡ си!

Невиѣнѣмъ грѣхомъ вѣку
Сада приишъ све твѣ дике,
Найхуѣга да те реку
Надъ све остале издавнике.

Коя несвѣсь влада тобомъ?
Кѡ похлапа премъ немила,
Съ едовитомъ толи злѡбомъ
Свѣсь в твою обуймила?

На што те су бѣсне желѣ
И лакоме твѣ потакле,
Надъ све божѣ непріятелѣ
Злый крвниче, клетый шакле?!

Што е животъ твой омръзъ ?
 У кѣ тежко зло се упрти ?
 Што твѣ душа плахо и брзо
 На поразе вѣчне срти ?

Што се у бѣсу крвномъ опи ?
 Као нетрептишъ съ твѣ невѣре ?
 Да те небо неприклопи,
 Да те земля непрождере !

Да потопна вода прѣка ,
 Да пламъ огньнъ несхара те ,
 Да звѣреня сваколика
 Ненапире гнѣвна на те .

Пази, у коє срнешъ смеѣе,
 Коє стѣчешъ садъ нечасти ,
 Како губишъ хвале и срѣѣе,
 Съ кога врха радишъ пасти ?

Чесь, у лудой коя одлуцы
 Изъ рука ти садъ излѣта,
 Жудѣти ѣе мнози унуцы
 Доклѣ буде сврха одъ свѣта.

И радъ тога сву твою желю
 И твѣ уфания ташта, коя
 У изпразномъ садъ веселю
 Заче охоло паметъ твоя,

Разпршат' ѣе вихаръ плахѣй,
 И кадъ узмнишъ быт' найвеѣй,
 Найгорой ѣешъ на замахи
 И у найхуѣой быт' несрѣѣи.

Ахъ, доколѣ мож', отѣра'
 Неправедну мысао изъ прси'

И злу напасъ, кѧ те обстира,
Да те вѣчнѣмъ зломъ замрси.

У то злѡбни редовницы
Съ худѣмъ главамъ одъ граѣана
Бѣху дошли свикѡлицы
Срѣдъ скровита цркве стана.

Врху сѡбора набунѣна
Кайфа прву власъ држаше,
Кому митра посвеѣена
Сѣде праме покрываше;

Онъ врхъ златна стола сѣди
Одъ свѣхъ инѣхъ найвышега,
А остало се вѣѣе изреди
Съ обѣ стране око нѣга.

Меѣу нѣимъ се невиѣене
Врте одъ пакла бѣсне срде,
И држе ихъ разгоене,
И у омрази плахой тврде.

Свака свога обрала е,
И у нѣгово срце улази,
Теръ га нукатъ непрестае,
Правду и разлогъ да непази.

Врху стварій мнозѣхъ они
Меѣу собомъ разложажу,
На рогоборъ усіони
Мири одъ цркве сви бучажу.

Едни суде и говоре,
Съ гнѣвномъ рѣчимъ и немиломъ
Исукрста да уморе
Или съ варкомъ или силомъ;

Єдни опака даю свѣта
 Проѣхъ начину и проѣхъ путу,
 Да се' животъ скрати опета
 И Лазару ускрснуту.

А то ере нѣга ради
 Тои замѣрно пазеѣ' дѣло
 Дохоѣаше множь челяди
 Подъ божѣга сына крыло.

Съ друге стране веѣій дѣло
 Страхъ и тежку сумню каже,
 Да набунѣнъ пукъ неміо
 Супроѣхъ себе наравдраже.

Зашто бѣше витезъ славный
 Занѣо людство, комъ нѣе броя,
 Кровь божанственъ говоръ ставный
 И кровъ дѣла райска своя.

Ну Никодемъ бѣше умѣтный
 Одъ найпрвѣхъ града глава,
 Кому самомъ пакѣ штетный
 Крѣпко срце нескончава.

Пребываше съ вѣромъ многомъ
 Блага у свѣсти мысао нѣму,
 Ну се опрѣт' самъ съ разлогомъ
 Несуѣаше вѣѣу свему.

Онъ се указа у незнани
 Непрѣитель Богу спрва,
 Кога мнократъ, а замани,
 Засѣдами таштѣмъ хрва.

Ну кадъ добро позна, да в
 Краля одъ неби породъ правый,

Посланъ смирит' наше вас
Човѣчанскоѣ у наравѣ,

Како еданъ слѣпацъ, кому
Иза тмина бѣо данъ сине,
Поклони се творцу своему,
Ходеѣ' путемъ одъ истине;

Потайно га узе слѣдит'
За нестеѣи съ нѣга омире,
И вле люди нераведит'
На готове свое пораве.

Ну кадъ виѣе зло приступно,
Кѣ се очито нѣму прѣти,
Безъ озира да сви скупно
Праву животъ хоѣе отети,

Веѣъ нехотѣ танти се,
Него сміоно прѣдъ свѣмъ сборомъ
Ста на ноге, и одкры се
Съ овѣмъ мудрѣмъ премъ говоромъ:

„Стваръ е, о коіой бесѣдимъ,
О сіонски главе избрани,
Како добро сви видимо,
Свѣтля него зракъ сунчаний.

Ни ѣу истине веѣе крыти,
Гдѣ е корысть родна града,
Да знамъ главу изгубити.
Ваше одъ руке овдѣ сада.

У овому сви човѣку,
Ако память праву имате,
Божю наравъ, райску дѣку
И пазите и позна'те.

Онъ Богъ, онъ е сынъ вышнѣга
Края, кому свѣтъ се кланя,
Старѣхъ пророкъ кажу нѣга
Зламенита припѣваня.

Старѣхъ пророкъ, кѣмъ учини
Складно пѣватъ сгаръ духъ светый,
Да ѣе божій сынъ единый
На се людску путь узети.

Нека ѣаѣку свомъ вѣчному
Припоручи люди тужне,
Кѣхъ у грѣху обѣеному
Змай паклѣный држи сужне.

Изпуня се све на нѣму,
Свето писмо што пророчи,
Нѣе разложитъ одъ оному,
Што свачѣе пазе очи.

Немоѣни су оздравѣни,
Глуси чую, слѣпи виде,
Губавцы су очишѣени,
Нѣмъ говори, сгрченъ иде.

Изъ тѣлеса людскѣхъ бѣже
Изагнане зле напасти,
Свудъ су обилне обилѣже
Одъ нѣгове райске власти.

Нѣе немоѣи на свѣтъ, кою,
Гдѣ е крѣпко срце и вѣра,
Крозъ десницу и рѣчь свою
Свемогуѣу неизтѣра.

Нѣе зледи, кѣу неутажи;
Нѣе болести, кѣу неуставля;

И да е лѣпшій даръ и дражіѣ,
Душу одъ грѣха іоште оздравля.

Трема, кô в стваръ свѣмъ познана,
Милый животъ мртвѣмъ врати,
Одъ кѣхъ Лазаръ четиръ дана
Укопанъ се виђе стати.

Съ дѣла овега тачъ замѣрна
Пукъ зачуѣнъ нѣга слѣди,
Сама е ваша свѣсь невѣрна,
Самѣма се вамъ невиди.

Предъ свѣмъ, кѣ су права суда,
Ствари су ово изванъ мѣре,
До висоцѣхъ овѣхъ чуда
Людска крѣпосъ недопире.

Моѣ велика божанствена,
Смръть и наравъ кâ силуе,
Заедно шъ нѣме сединѣна
Све ово чини, све дѣлуе.

Коликатъ се нѣму опрѣсмо,
Садъ съ бесѣдомъ, садъ съ варками?
Коликатъ га схаратъ ктѣсмо
Садъ съ оружѣмъ, садъ стѣнами?

Ну се брзо на тлѣ упаци
Свака изпразна наша одлука,
Еръ нѣ мѣста людской снази,
Гдѣ воюе божя рука!

Одъ срдите наше обѣсти
Онъ се густѣмъ покры облакомъ,
И свой животъ чини оплести
Райскѣхъ двораъ войскомъ якомъ.

Коя у прсѣхъ нѣихъ свакога
Съ бѣснѣмъ едомъ стои скровна,

Свѣмъ заступа праву истину,
И память є свѣмъ отела,
Съ тврдоглавства да цогину,
Да на опака срну дѣла.

Нехтѣ у дуго стат' скровена
Срчба, кѣ имъ срце вари,
Негъ охоло, негъ огнѣна
Ванѣ изиде и удари.

Опакъ, срдитѣ, неразборитѣ
Сборѣ васколижѣ скаче и вина,
Како тай часѣ да се оборит'
Црква имаше сваколика.

Якѣ срѣдѣ гвожѣа трѣсковита,
Чимъ се пазе прахомъ лютимъ,
Скровна сила огнѣнита
За изит' яка тѣснѣмъ путимъ,

Све што веѣой у тѣскоѣи
Намѣра се и находи,
Толико се съ веѣомъ моѣи
На пространо тиска и ходи.

Ну нечини силна маха,
Съ кѣмъ охоло на дворѣ срне,
Подложнога доклѣ праха
Сву множѣ у пламѣ необрне.

Съ усіонѣме дымомъ таде
Обѣ и странанѣ трѣсѣ удара
Да разори тврде сграде,
Цѣле войске раздре и схара.

Запанѣна на далеко
 Сва се около земля стреса
 Съ буке страшне, съ кѣ бы рекѣ,
 Да се оре сва небеса.

Разпршане и сметене
 Тадъ све видишъ противнике,
 Ньихъ обране развалѣне,
 Стрена оружя и бойнике.

Не инако силно вѣѣ,
 Премъ поспѣшно на све штете,
 Све подъ ногое ставля и меѣ
 Мудра знанца добре свѣте.

Злой челяди тои нѣ дости,
 Пуни срѣбе неприклоне,
 Ёдовитой у плахости,
 Изъ цркве га юште изгоне.

Кадъ несвѣсна рогобора
 Неразложне преста буке,
 Узе Кайфа, глава одъ сбора,
 Изговарат' свое одлуке:

„О господо племенита,
 Нѣданъ се одъ васъ непрепада',
 Што се одврже и одскита
 Одъ насъ овый луѣакъ сада.

Као се изгуби, као се смами,
 Како злотворъ нашъ химбеный
 Съ обычайнѣмъ преварами
 Срце и память нѣму обѣни!

Наше вѣре сдѣну и славу
 Онъ толико дослѣ люби,

Да ктѣ мнократь свою главу
За нѣ любовь да изгуби.

Противника паче истога,
Подъ стѣгъ кога садъ побѣгну,
Съ темельитѣхъ сто разлога
Веѣкрати снаѣе, стегну.

Садъ га слѣди намъ протива,
И то му в часъ и дика;
Така у рѣчи моѣхъ пребыва
Вухвенога виленика.

Пунъ паклѣне хитре злоѣе,
У нѣму се кѣ находи,
Онъ затравля кога хоѣе,
И у дружбу свѣу приводит.

Вѣровати неслично в,
Да в сишао съ неба сгара
Смирит' людске непоков,
Кои овако люди вара.

Кѣ свѣхъ сатрт' насъ негледа,
Да могуѣство свое узмножи,
И прииѣва и сповѣда,
Да в избранный породъ божій.

Сврѣ' законе Мойсесове
На очи наше кѣ се суди,
И обычае ставля нове,
Да ихъ препрости слѣде люди.

Прѣдъ свѣмъ пукомъ кѣ говори,
И хвали се премъ очито,
Да в дошао, да разори
Ово темпло гласовито.

Темпло, кое юръ сграждено
 Бы по божіой заповѣди,
 У кое благо неизбровено
 Потратише наши дѣди.

Юшъ да тога грѣха нѣ,
 На кои се непостави:
 Злобе опаке праштат' смѣ,
 И съ грѣшници дни борави.

У найхуѣхъ людій станѣ
 Насртати неима срама,
 И разметат' дни свечане,
 И градъ бунит' супроѣъ нама.

Коя овдѣ всѣ доброта?
 Коя е ово нова вѣра?
 Кои начинъ одъ живота?
 На што се ова стваръ простира?

Юшъ ѣе съ варкамъ, съ кѣмъ се упути,
 За умножити свое моѣи,
 Градъ васколикъ подигнути,
 Да намъ буде врха доѣи.

Чеса васъ градъ? Съ власти прѣкомъ
 И съ помоѣи пакла худа
 Одъ светинѣ подъ приликомъ
 Онъ толика твори чуда!

Да, држеѣи начинъ овѣй,
 Има учинит', да се склоне
 Израелски сви градови
 Подъ неправе свое законе.

Тако да ѣе вѣра избраѣа,
 Коя одъ насъ надъ све остаѣа

Много вѣна бы држана,
Не безъ вѣчно наше хвале,

Быт' у напрѣдъ неспѣвѣна,
И погрѣенъ законъ старый,
Света црква порушена,
Похарани слави отари.

Тымъ сви данасъ едне одлуке
Безъ страха му одредимо,
Кое достоин, тежке муке,
Сви га на смръть осудимо.

Доклѣ имамо моѣ и врѣме
Погасимо пламень, кои
Съ велицѣмъ се вломъ нашѣме
Свакчасъ веѣй ствара и гон.

Брѣ кадъ буде снагу стеѣи
За дат' нами вѣчно смеѣе,
Дворове ѣе све пожеѣи
И полаче све найвеѣе.

Добри ако смо мы трпѣти
Ова дѣла недостойна,
Неѣе тога вѣкъ поднѣти
Царъ великій Рима бойна.

Онъ ѣе послат' свое бойнике,
Да намъ съ многомъ нашомъ мукомъ
Власъ и землѣ свеколике
Оружаномъ отму рукомъ.

По свѣмъ свѣту да прогнани
Вѣковитый вай кушамо,
И у нѣдномъ мѣсту и страни
Мирна стана неимамо.

Судъ е свѣстанъ и праведанъ
И користанъ надъ сво ине,
Да за осталѣхъ умре еданъ,
Да васъ народъ непогине.

Овый говоръ мой добаръ е,
Тко забавит' да може му?
Ове хвале, ово ударѣ
За божанство врат'мо нѣму.“

Ове рѣчи Кайфа дава,
Чимъ неправый сборъ свѣтуе,
И на сврси као свѣхъ глава
У незнани пророкуе.

Еръ за ино съ неба съ горѣ
Ніе дошао сынъ Вышнѣга,
Негъ да смртимъ свомъ умори
Смртне злобе свѣта свега.

Тымъ сви пуни бѣсти худе
И чемера паклѣнога
Немилосну на смртъ суде
У людскому тѣлу Бога.

Сви еднаку мысао имаю,
И у злу су сви едни,
Ну начина наѣ' незнаю,
Да се таи стваръ скровца учини.

Како еданъ злотворъ, кои
За свѣ дѣла прѣка и худа
Животу се свому бои
Одъ оштрога права суда;

Чимъ напунѣнъ страха и туге
Бѣжи одъ правде, кѣ га тѣра,

Нѣпробія вода и луго,
Свакчасъ за се торъ се обашра.

Наглаѣмъ окоу изъ далече
Густу дубѣмъ гору види,
И да у нѣмъ нрѣ. утече
Хрѣмъ тѣкомъ свой нутъ сайди.

Али кадъ къ нѣой ступи ближе,
Ненадна га срѣтне рѣка,
Кѣ му жуѣмъ нутъ прѣстиже
Съ пласѣмъ валимъ сила и нрѣка.

Тымъ запанѣмъ мыслитъ станѣ
Одъ свудъ тежко зло пазѣмъ,
Управъ друге каа ѣе стране
Безъ корабль моѣ утѣмъ.

Тако сцѣнѣмъ бытъ слободни
Сіонски главе прѣмъ немили,
Бывши па злу смрть угодни.
Божій породъ осудили.

Да та осуда худа и злобна
Изврши се немне прѣ;
Сврхе и пута ну подобна
Нѣмъ срдитомъ суду нѣ.

Одъ разлѣнѣмъ мыслѣмъ вали,
Сумню чине свѣмъ велику,
Да у зло ков небы упали,
Изъ кога изитъ неѣе вѣку.

Кадъ изданный клетый Юда,
Кѣ се одъ дружбе ноѣно украде
Не безъ свега вѣѣа чуда
Къ нѣмъ приступа изненаде.

Трептећи га сви примаю
 Блѣда и тамна съ мысли прѣке,
 И мѣсто му за часъ даю
 Међу прве редовнике.

Пуни сумнѣ терѣ жестоке,
 Одъ дошашѣа одъ нѣгова
 Клепе знати праве увроке,
 Ка сгодила стваръ се нова?

Тымъ за чут' га муче стое,
 А онъ охоло сврѣе и прѣчи
 Свудъ огнѣне очи своє,
 Пакъ говори ове рѣчи:

„Знамъ, честита о господо,
 Да opakій Галилео
 Веле вамъ е страха подѣ,
 И жестоко сиѣхъ е смео.

Онъ законе старе угодне
 Смета, и диже свѣмъ области
 Съ многомъ штетомъ землѣ родне,
 А съ вашоме маломъ части.

Тымъ васъ видимъ сединѣне
 Тврдо мыслит' и сборити,
 За грѣхъ власти уврѣѣне
 Као ћете се осветити.

Безъ никакве ваше муке,
 Даръ ако ми сличанъ дате,
 Я вамъ га ѣу дат' у руке,
 Да веѣхъ страха неимате.“

Рече, а вѣѣ све весело
 Обеѣа се и завеза

За издавно нѣму дѣло
Даръ сребриѣхъ трієсь пѣнеза!

Трієсь пѣнеза неправедну
Плату крви, кое небы
Заплатило каплю одну
Све, што васъ свѣтъ сдржи у себи.

Као се шъ нѣме сговорише,
Якъ слободни одъ свѣхъ зала
До врата га допратише
Даюћи му мноштво хвала.

Онъ се оцета къ свѣй дружини
У високе врати горе,
На уздану да учини
Одъ свѣхъ зала зло найгоре.

2.

Пѣванѣ двадесѣти и едно

Юръ у крыло синя мора
Блѣдо сунце пристунаше,
А вечеръ се изза гора
Съ мркломъ ноћи приближаше,

А тѣлеса іошъ прибѣна
Свакій на свомъ крижу стаху,
И іошъ управъ нецвилѣна
Свога укоца неимаху.

Ова дѣла неподнесе
Ариматскій Іозефъ милый,
Младацъ, кому многе уресе
Благодаранъ Вышній удѣли.

Међу врѣднѣхъ людѣй сборомъ,
Онъ у сѣдѣнѣ бѣше првѣй,
Свѣтѣ дѣлимъ и говоромъ,
И и одъ высоке куће и крви.

Врху тога мношъ дузага
Одъ немале обидности,
И брой великъ злата и блага
Уживаше у радости.

Ну да вѣчну часъ дебуде,
Врѣднѣй витезъ и храбрѣнѣй,
Съ крѣпкѣмъ срцемъ ктѣ да буде
Исукрстовъ другъ любѣнѣй.

Видѣхъ чуда гласовита
Слѣдитъ га узе са своимъ моѣмъ,
Справанъ у све стране одъ свѣта,
Шъ нѣмъ на сваке труде цѣмъ.

Зато бывши дружба ина
Одъ страха га оставила,
Крыюхъ се срѣдъ планина
И срѣдъ пустѣхъ гадъ и спила.

Онъ се ништа нестрашехъ,
Дође у дворе Пилатове,
Слободно му говорехъ,
Али съ цѣномъ, рѣчи ове:

„О могућѣй свѣтлыи бане!
Гласъ е, да ты благъ и мѣо
Данаска си съ твоѣ стране
Научителю мому быо.

И да крвѣнѣхъ редовникѣмъ,
Кѣ су права обидили,

И за злобу смрти пракомъ,
Беззаконо уморили,

Протио си се већекрати,
И настоио, ну залуду,
Съ благомъ рѣчимъ омекивати.
Тврда пука несвѣсъ худу;

Знашъ, да онъ смртну муку прими,
Што за обрану одъ истине
Опирѣ се често нѣими,
И што е карѣ нѣихъ кривине:

Допусти намъ, што можъ саде,
Мртво тѣло упоати,
Смири у тому наше иде,
Разговоръ намъ тай некрати!

Цѣла и нова посрѣдъ гроба
Я љу нѣга поставити,
Кѣ саградихъ скоро доба,
Знаюћ', да имамъ и я умрати.

Понтио рѣчи ове одврати:
„Колико быхъ веће уживѣ,
Да вамъ могу садъ подати,
Кое просите, тѣло живо:

Вы богови одъ истине
Свѣдоцы сте срца мога,
Да самъ држао све начине
За неуморит' праведнога.

И мени е благосъ мила,
И знамъ поштит' вышнѣхъ што е,
Ну предобы злоба и сила,
И пожуде смете мое!

Кою охућехъ данасъ муку,
Немогућ' му дат' помоћи
Набунѣну супроћъ пуку,
Кому е трудно врха доћи!

Кадъ одолѣ градъ онакѣй,
Пођ'те, теръ га укопайте,
И, ко разлогъ иште свакиъ,
Напокою часъ му дайте!"

Рече, а Јозефъ друмъ управи
Што се може поспѣшнѣ
На несрѣћный брѣгъ крвавый
Садъ честите Калваріе.

Шъ нѣмъ Никодемъ мире бѣде
Града изходи солимскога,
И онъ у срцу мучанъ веле
Ради смрти мештра свога.

Јуръ се обадва приближати
Починаху пуни смеће,
Одкѣ смртно угледати
Могаше се мѣсто веће.

На гори се виђе нѣма
Оружанѣхъ чета людѣй,
И копячамъ охолома
Брѣгъ обастртъ одасвуди.

Бръ пропета да тѣлеса
Неомрцыне блага дана,
Кѣ пунъ славе и уреса
Светковаше сіонска страна;

По наредби редовника
Съ крижа ихъ дигнут' бѣше гори

Дошла изъ града множь бойника,
И укопат' ихъ на истой гори.

Ту два кривца, кѣ прибѣни
За злочинство свое стаху,
Юшъ ядовно измучени
Животъ съ смртимъ провоѣху.

И твореѣи плачь прелютый,
Да ихъ васъ пукъ чути буде,
Желю имаху издахнути
И съ тѣмъ доспѣт' смртне труде:

Пазеѣ' челядь несмилѣна,
До по себи немру сами,
Прибѣю нѣхъ колѣна
Претежкѣма копячами;

Тере видеѣ', да су умрли
Съ крижа ихъ мртвѣхъ одбѣю,
И у препросту яму храни
Вржене ихъ уконаю,

Ну божѣга пазеѣ' сына,
Издахнуо да е веѣе,
Уставля се нѣхъ вриина
И мртва га гредит' неѣе.

Теръ као милосѣ имаюѣи,
Одъ брзе се смрти чуде,
Блѣдо тѣло гледаюѣи
И нѣгове ране хуре.

Гласъ е, да су мнози дружбу
Райскѣхъ дворанъ ту видѣли,
Гдѣ на плачну бѣху службу
Сгаръ съ небеса долѣтели.

И у снѣжаной гдѣ одѣи
Око смртна крижа лѣте,
Божанствену крвѣ купеи,
Кѹ цѣѣаху ране свете.

Терѣ у чашахѣ гдѣ влакенихѣ
Сѣ многомѣ части свакиѣ по се
Скупѣну ю путѣ блаженѣхѣ
Свѣтлѣхѣ страна горѣ носе.

Тадѣ се еданѣ одѣ бойника
Кому бѣше Лонгинѣ име,
Срца изнаѣе тврда и прика
Меѣу осталѣмѣ бойнициме.

На хрлу се онѣ затѣче
Коню сѣ оштромѣ сулицоме,
Терѣ отвори, терѣ просѣче
Свете и славне прси шѣ нѣоме.

И около се свакиѣ чудени
Люте изѣ ране, кѣ му пода,
Тутако се виѣе теѣи
Измиѣшана крвѣ и вода,

Да по дѣлу знамо тому
Као смо крвимѣ одкупѣни,
А по виру воденоме
Одѣ кривина умывени.

Радѣ кладенца чудна толи
Свеколике ближнѣ траве
Огрезнуше, и на поли
Блѣде остае и краве.

Чимѣ чудеса таи свакиѣ пави,
Јозефѣ, кажуѣ много смѣнѣ,

Међу оружъ густо улази,
На крижъ свѣтый теръ се њеиъ.

Ту сузани обилныма
Полъваюъ лице и крыло
Съ Никодемоуъ сбиъ и слина
Драга мѣштра мртво тѣло.

Кое слимѣно поставили
Срѣдъ платна су сиѣжаного,
Истыи вечеръ нѣ купили
Бѣху цѣна посма того.

У платну га носе бѣломъ
Крозъ бойника дружбу худу,
Съ упоиѣме да га цѣломъ
Поставити у гробъ буду.

Овдѣ сада долетите
Сва младости вышнѣхъ двора,
Краля одъ неби да дружите
Упоинога до мрамора:

Свакии одъ васъ сгаръ донеси
Киѣ цѣна разликога,
Мртво тѣло да се уреси
Спасителя свѣта овога.

Свакои бы разлогъ быо
Да у овему сада быу
Тко е свѣтъ цѣнемъ наресио,
Покрывенъ е васъ у цѣну.

Божъ тѣло донешено
Бы предъ плачнѣхъ жена дружбу,
Кое тачъ горко и сметено
Поновише свою тужбу,

Да на болне нѣхъ говоре,
 Кѣмъ прилике нѣ подати,
 Свеколике ближнѣ горе
 Чужу се разлѣгати.

Судію бы, да се околи
 Свако полѣ брѣгъ и страна
 Справля цвѣлитъ съ многомъ боли
 Свога створца упокана.

Тужна майка жалостива
 Съди живца врхъ камена
 Разкосана, болежливa
 И чемерно уцвилѣна.

Не безъ вая усіона
 Срѣдъ ядовна свога скута
 Наслонила бѣше она
 Свога сынка издахнута.

Теръ грлѣи мртво тѣло
 Цѣлива очи садъ сажете,
 Садъ крваво блѣдо чело,
 Садъ пробѣне прси свете.

За тезѣмъ се замышлѣна
 Люте у ране запавила,
 Кѣмъ га е челядъ несмилѣна
 Свега, ваймехъ, изгрдила!

И тачъ горке муке и смеѣе
 У своему срцу ѣути,
 Да изъ нѣ яднѣхъ уста веѣе
 Гласа и тужбе нѣ чути,

Одъ болести негъ велике
 Стои тако непомѣтна,

Плачна образа, блѣде слѣже
Мрзной стѣни сва прилична,

Кодъ нѣ вѣрихъ скупъ дружица,
Вапиюѣи тужне у гласе,
Прси рання, грди лица,
И просуте трга власе.

Одъ нѣхъ едне чимъ сметене
Безъ престанка сузе и плачу,
Млакомъ водомъ поднижене
Божъ тѣло перу и плачу.

У свѣжаныи поставъ едне.
Кѣмъ га завит' мртва имаю,
Изабране и наредне
Множъ помасти поставляю.

Разметнутѣмъ ова прами
Крвава му тре колѣна,
Жестоцѣма надъ ранами
Са свѣмъ тѣломъ наслонѣна.

Прободене руке и ноге
Грли му она и цѣлива,
И надъ нѣма грозне и многе
Рони сузе и пролѣва.

Све болесне, све дреселе
Радъ нѣгове смрти прѣке,
Туже, уздышу, яуче и цвѣле
И валяю плачне рѣке.

Одъ божѣга едва тѣла
Раздѣлит' ихъ люди могу,
И они пунѣ плача и цвѣла,
И они кажуѣ болесъ многу.

Ну тажеѣи тужинѣхъ жена
 Жалось све што болѣ знаю,
 Укопного срѣдѣ камена
 Краля одъ неби поставляю;

И у достойной стократъ сѣѣи
 Хотѣи се одѣлити
 Светомъ гробу поднижени
 Натѣчу се поклонити.

Тада женска дружба избрана,
 Нехотеѣи сама остати,
 Томъ га виѣе упопана,
 На станъ болну майку одпрати;

Али злбни и немили
 Жидовскога пука главе
 Юшъ небѣху уставили
 Страхъ ни мысли свѣе неправе,

Бръ се мнократъ сгоди нѣма
 Одъ истога нѣга чути,
 Да одъ мртвѣхъ опетъ има
 Онъ на свѣтлось ускрснути,

И да кнѣиге старе и свете
 Старѣхъ пророкъ томъ цѣваю,
 Коѣхъ они писма и свѣте
 Слѣпи одвеѣе непознаю.

Цѣѣа тога злю смѣненіи
 Шлю бойнике оружане,
 Нека обстеру гробъ каменный,
 И у ноѣ и у дне да га бране.

Одъ нѣговѣхъ да кегоди
 Ученика смѣномъ власти

И вы веіій подігните
 Пѣсни мое ромонъ оді,
 Спасителя теръ славите,
 Наше одъ кога добро изходи!

Онъ, да веіе изъ дубоке
 Круте ноіи буде извести
 Старе свеце и пророке
 На обеіане райске чести,

Бѣше сиао, духъ безъ пути,
 Надъ паклѣне доіи стране
 Меіу стѣне, меіу люти,
 Гдѣ данъ бѣо вѣкъ несване.

Гдѣ усіоный, гдѣ страшивый,
 Непреставный мракъ кралюе,
 Гдѣ несходе люди живи,
 Плачь и смеіа гдѣ стануе.

Овдѣ одметна и опака
 Црна браіа перебуваю,
 Кои могоше добра свака
 Уживати горѣ у раю.

Ну еднацы дочимъ быти
 Створителю свому раде,
 Себи поразъ вѣковитый
 Съ охоластимъ своіомъ граде.

Брѣ разсрчбе пунъ огнѣне
 Краль одъ неба свемогуіій
 Свѣхъ заклои оборене
 У паклѣный язъ горукіій!

Туй грѣшника душе тужне
 И они тужни нада свима

Држе у црнѣхъ ямахъ сужне,
Вѣчне муке даюћ' нѣма.

Ове душе укопане
Радъ чинѣня худа свога
Найдублѣ су посрѣдъ стране
Одъ понора паклѣнога.

Ту тко улѣзе, веће вѣку
Неима уфая моћ' излѣсти,
Него у огню страшну и прѣку
Трпи горке све болести;

Огню, съ дымомъ усіоньме,
Кои жеже а несвѣти,
У никое доба и врѣме
Кои неће догорѣти.

Огнѣнога врху круга,
Гдѣ грѣхъ свою плату стѣче
Мирна и тиха мѣста друга
Простиру се на далече.

Ту ни еднога нѣе плама,
Ни се друго зло находи,
Изванъ тмина и ноћъ сама,
Кѧ подъ земљомъ свудъ господи;

Душе избранѣхъ одреѣене
На небеске юрѣ покое
Одъ неправѣхъ разлучене
Ту траяху врѣме свое.

Грѣхъ старога родителя,
Не нѣихъ дѣло худо и прѣко
Райскога ихъ одъ веселя
Уздржаше ѣа далеко.

Оне инога неимаху
 Вая, муке, ни горкости,
 Ни се опета доѣ' хараху
 На свѣтъ овый пунѣ жалости,

Ванѣ што бѣше іоштерѣ нѣма
 До тои доба забранѣно
 Меѣу дусимѣ небескима
 Лице уживат' божанствено;

Ту стояху ецы свети,
 Кѣ словеси добрымѣ дѣлаи,
 Безѣ кривине юрѣ на свѣти
 Годишта су своя провели.

Живѣт' путемѣ одѣ нарави
 Само бѣше нѣхѣ забава,
 У пріятельству, у любви
 Овце пасуѣ срдѣ дубрава.

Правду любит', и частити
 Великога краля одѣ неби,
 И ниткому нечинити,
 Што небы увѣ човѣкъ себи.

Ту небесомѣ дружбе угодне
 Светѣхѣ пророкъ перебуваху,
 Дѣла и ствари кѣ доходне
 По градовѣхѣ приѣваху.

И они, кѣ су свете и знане
 Юрѣ законе людемѣ дали,
 И кѣ су ихѣ своє одѣ стране
 Добровольно послушали.

Жена и людѣй дружба врѣдна,
 Кѣ законе божѣ облюбѣ,

И множь дѣце, кѣхъ передна
У неврѣме смръть погуби.

Сви чекаху данъ суѣный
Са свѣмъ срцемъ, са свомъ свѣсти,
Да ихъ породъ божанственный
На небеса буде одвести.

Ту пророчни дуси свети
Крозъ високо свое знанъ
Разбираху по памети
Съ помнѣомъ божъ обѣанъ,

Теръ бровѣи вѣке и лѣта,
Дохитаху, да су веѣ
Близу доба таи честита,
Кадъ ѣе доспѣтъ' свое смеѣе.

Тымъ познаюѣ', да ѣе изити
Скоро изъ тамне ноѣи блѣде,
Срѣѣне узеше говорити
У веселю сѣи бесѣде:

„Ето срѣѣный данъ долети,
У кои ѣе бытъ' подано
Божъ лице намъ видѣти,
Добро уживатъ' свѣмъ чекано.

Ови съ неба великога
Радъ горюште свѣ любви
Пунѣмъ духа пресветога
Намъ небескѣй краль обяви.

Ови друзѣмъ умрлыма
Навѣстисмо мы нѣкада,
Да съ пожудамъ сваданьима
Народъ му се людскѣй нада.

Права свѣтлосъ къ нами греде,
 Племя краля одъ небеси,
 Да насъ у рай горѣ одведе,
 Да насъ вѣчномъ чести уреси.

Онъ е быо, нитко иный,
 Кога нами веѣкрати
 Подъ приликомъ вышній учини
 Бойна одъ лава припѣвати.

Кй самъ еданъ за све ине
 Подложи се на смрътъ прику,
 Нашъ противникъ да погине,
 Кй намъ оте прѣдню дику.

Лавъ одъ крви славна Юде
 Земљи у помоѣ посланъ сгара
 Непріятелъ наше худе
 Разби, добы, сплеса, схара.

По све свѣта четирь стране
 Сви се умрли веселите,
 И вы срѣне душе избране
 Кое се овдѣ находите.

Ето вы сте садъ блажени,
 А нами су сасма веѣ
 Вышњи двори разтворени,
 И удѣлѣне райске срѣѣ.

Юръ као е одъ насъ навѣштено,
 Скоро ће се догодити,
 Да се има све створено
 Подъ небесомъ веселити,

Да ће одъ райске честитости
 Славни быти свудъ билѣзи,

Одъ велике да радости
Узиграт' ѓе горе и брѣзи,

Якъ яганыцы тихи и млади
Лугомъ слѣдеѣ' свѣ матере
Скачу травной по ливади
И веселу игру тѣре.

Юрѣ в врѣме приступило,
Да съ кладенцымъ быстре рѣке
Медъ пресладкѣй, млѣко бѣло
Буду ронит' свеколике,

И вы хриди о каменне
Свакомъ сластимъ да течете,
И одъ раскоше неизречене
Да зламенѣ свудѣ кажете!"

Срѣѣни дуси и блажени
Ове рѣчи говораху,
А у нутра се тмасте сѣни
На нѣхъ радось веселяху.

Затворени тачѣ граѣани,
Бойна войска кѣхъ подступа,
И нѣхъ мире, ну замани,
Тресковитѣмъ огнѣмъ лупа,

Засве да се мало бое
Одъ пораза погубнога,
Чимъ у тврѣи якоѣ стое
Сачувана града свога;

Ако войску помоѣника
Изъ далека видѣт' буду,
Кѣ ѓе охолѣхъ противника
Сатарисат' силу худу,

Пунъ радости, пунъ веселя
Гласъ до неба дигну таде,
Да нѣхъ истѣхъ непріятеля
Срце ледный страхъ попаде.

Срѣдъ радости овѣхъ ето
Славный осветникъ сеган свѣта
Васъ горуштѣмъ срцемъ свѣтѣ
Ступа на прагъ пакла клета.

Бѣху врата ту гвоздена
Несмотрна гда чина,
Яка, силна, утврѣна
Изванъ мѣре и начина.

Ничя крѣпось, ничя сила
И никаква власъ подъ неби
Нѣмъ кренула и оборила
Да вѣка ихъ на тлѣ небы:

Али породъ Превышнѣга
Крозъ моѣ свою божанствену
На срамоту пакла свега
Томъ ихъ тегну, нѣма крену.

На кренуѣ силно и яко,
Кое учини божя рука,
Замнѣ небо, земля и пакѣ
И ста свуди страшна бука.

А кадъ сіоный ромонъ чуше
Изъ огнѣне тай часъ стране
Сви се дуси зли сунуше,
Да паклѣна врата бране.

Сгаръ до паса людске слике
Ношаху они, а низдолѣ

Бѣху звѣри гредѣ и прѣке,
Едовити змаи охоли.

Тѣмъ режѣи, страховите
Свакѣй одѣ нѣхъ гласѣ испусти,
И ста пламе огнѣните
Изъ немилѣхъ метатъ усти.

Тмасти язи, блѣде спиле
Одѣ паклѣне ноѣи скровне
Све се бѣху задымиле
Одѣ нѣхове парѣ отровне.

Али све тои бы залуду,
Ерѣ сынѣ краля небескога
Смете силу прѣку и худу
Злобна пука проклетога.

Онѣ несамо тадѣ разтвори
Врата одѣ пакла своѣомѣ власти,
Негѣ ихъ ѡштерѣ сасма обори
И учини на тлѣ пасти.

Сметена се тадѣ угледа
Црна куѣа и немила,
Терѣ тутакѡ тмаста и блѣда
Ноѣ се одѣли изъ нѣ крыла.

Ерѣ каконо язный ками,
Кѣ горунтомѣ пламу одсѣва,
И ноѣнѣма кѣ тминами
Своѣмѣ зракомѣ одолѣва,

Кралѣвскога посрѣдѣ стана
Сѣ съ начиномѣ тачѣ лѣпыме,
Да далеко изѣерана
Тмина утѣче сва прѣдѣ нѣме:

Тако породъ божанственный
 Виѣнъ густой у тамности,
 Све разагна мркле сѣни
 Неизреченомъ свѣмъ свѣтлостн.

Као виѣше дуси клети
 Посрѣдъ яма своѣхъ Бога,
 И нѣмъ мрзеѣ' образъ свѣтый
 Свѣтлый одъ лица сунчаного,

Препадени тай часъ свише
 Подъ утробу грде куде,
 Теръ се одъ страха уклонише
 У найдублѣ яве худе.

Ту скровени едовиту
 Твореѣ' режню, завѣяху,
 И замани свою очиту
 Штету и поразъ свой плакаху.

Како у старой кадъ планини
 Полудивя челядь стое,
 Зимномъ леду и врлини
 Подложена све дни свое,

Изъ далече ако упазе
 Оружанѣхъ войску людѣй,
 Изреѣени гдѣ пролазе
 У юначке чете туди,

Свакій одъ нѣхъ оѣе одъ страха
 Спилу свою, теръ се упути
 Не безъ тѣка брза и плаха
 У найвыше стѣне и люти,

Съ мнозѣмъ чудомъ теръ одъ толе
 И съ боязнимъ погледаю

Бойне конѣ, пѣшце охоло,
Крозъ нѣхъ мѣста гдѣ ступаю.

Али чисте душе избране
Божанствепой при свѣтлости
Веселе се по све стране
Сузеѣ' многе одъ радости,

Теръ држеѣи путъ высина
Подигнуте руке обов
Хвале Бога господина,
Кѣ нѣхъ яде погледѣ в.

У веселю пакъ велику
Све што болѣмъ редомъ знаю,
Супроѣ' своему слободнику
Греду, и нѣга сусрѣтаю.

Ни една се одъ нѣхъ ту неморе
Наситити, гледаюѣи
Райско лице и позоре,
Гдѣ зракъ сѣва премогуѣи.

Све га мирне, све веселе
Поздравляю съ многомъ части,
И рѣчи му ове веле
Садружене съ чудномъ сласти:

„Као примамо сада тебе,
Свѣтла части одъ небеси!
Кои туге и потрѣбе
Наше утѣшит' дошао еси,

Съ премъ великомъ кѣ милости
И намъ и свой людской крви
Срѣѣ враѣашъ и радости,
Кое изгуби ѣаѣко првый,

Кои къ дворимъ небескима
 Свѣту справне чинишъ путе,
 Да за твоѣмъ ступаима
 Слободно се люди упуте.

Твой намъ образъ божанственный
 Ся надъ сунцемъ одъ източи;
 У твоѣмъ лицу рай жуфеный
 Уживаю наше очи.

Къ намъ си дошао, али кое
 Поднесао си ты на свѣти
 Труде, муке, непокое,
 Одъ кѣхъ и овдѣ гласъ долѣти.

Тко е свето твоє тѣло
 Изранію люто толи,
 Чіє гвожђе тачъ немило
 Крвь пречисту твою проли?

Тко се людской у нарави
 Нашао толи тврде ѣуди,
 Да па тебе руку стави,
 Тебе уморитъ да се усуди?

О валови синя мора,
 Суху землю кѣ пашете,
 И већкратъ се выши одъ гора
 Путъ небеса подижете,

Срѣдъ кога сте яза скрыли
 Вашу охолась, вашу силу,
 Кадъ створитель вашъ премилый
 Смрть поднесе тачъ немилу?

Чему нѣсте у тои доба
 Подигнули потопъ врлый

Врху землѣ пуне злоба,
И све грѣшно людство стрли?

Ты ли, божій славный сыну,
Теи жестоке ране поднѣ!
А да мы смо по начину
Сахранѣни и слободни.

Мы одъ таке нѣсмо сцѣне,
Ни съ намъ людскій народъ иный;
Съ твѣ доброте неизречене
Ты честите насъ учини!

Ты цѣћа насъ веле изтуди,
И поднесе тежка дѣла,
Драгъ покою одъ свѣхъ людѣй,
Вѣчный уресу свѣхъ анѣла!

Нашъ ѿ, нашъ грѣхъ небескога
Родителя уврѣдио,
А ты вса цѣћа тога
Съ крижа твою крвь пролио.“

Ове рѣчи у веселю
Срѣдъ заклопне тамне стране
Своему драгомъ спасителю
Говораху душе избране.

За тезѣмъ се све дѣлећи
Изъ мрзеће стране блѣде
Къ вѣковитой райской срѣћи
Осветника свога слѣде.

Срѣће душе, слобоѣене
Одъ свѣтовнѣхъ труда веће,
Ни подложне на промѣне
Одъ неставне слабе срѣће.

Людскій ѣако првый ходи,
 Кѣ за старо свое дѣло
 Юштера се неслободи
 У небеса дигнут' чело,

За нѣмъ стари оцы знани,
 И пророцы свети греду,
 Бѣлѣмъ платномъ повезани
 Поноситу главу сѣду.

За пророцымъ лѣпѣмъ редомъ
 Иду избране дружбе остале,
 И съ веселомъ све бесѣдомъ
 Слободника свога хвале.

Заплакаше зло тадъ они,
 Кѣхъ за грѣхе нецвилѣне
 Држи пакѣ усіоный
 Дно пропасти свое огнѣне;

А то ере тужни уфая
 Одъ слободе неимаху,
 Негъ вѣчнога срѣдъ скончания
 У огню вѣчномъ боловаху.

Краль проклѣтый навластити
 Худа одъ пакла са своимъ дружбомъ
 Уздысаше огнѣнито
 Съ лютомъ смеѣномъ, съ горкомъ тужбомъ,

Добрѣмъ душамъ завидѣи
 Злобный силникъ и неправый,
 Рай, кѣ Богу противѣи
 Онъ срамотно нѣга остави.

У тао свога бранителя
 Дружаху оне у радости

На разкоше, па веселя,
На неизмѣрне честитости.

И чимъ греду и ступаю
На блаженство райско шъ нѣме,
У гласъ меденъ припѣваю
Свето и славно нѣга име.

Срѣѣне душе, кое живѣти
У вѣчной ѣ горѣ слави;
Гдѣ немогу веѣе умрѣти,
Гдѣ се ужива покой правый.

Весели се кудъ проходе
Повѣтарце благо шъ нѣма,
Далек' пласи вѣтри одходе
Съ тресковитѣмъ облацыма.

Паче и вышнѣи ведри двори
Одъ веселя билѣгъ даю,
И горуштѣхъ звѣзда кори,
Кои радосъ нѣхъ гледаю.

Поздравля ихъ бѣла зора
Узъ драгъ жуберъ злацѣхъ птица,
И кѣ бѣше иза гора
Свѣтла изашла юрѣ даница.

XIV.

ВЛАДИСЛАВЪ БРЕ МИНЧЕТИНЪ

(умр. 1686.)

(изъ Трублѣ словинске пис. 1663).

— Царъ Солиманъ са своимъ силомъ
 Истокъ, западъ заедно сдружи,
 И съ веіемъ свѣта дѣломъ
 Дође Сигетъ да обкружи.

Одъ Сигета градъ по срѣди
 Быстре воде стои на сами,
 Паче у мирномъ блату сѣди
 Кѡ у прстену драгій ками.

Яка е собомъ грађа охола
 Съ дѣла одъ руке и нарави,
 А іошъ яча, банъ Никола
 На нѣ обрану што се стави.

Справля пави, мосте зиђе
 Врхъ Дунава, Тисе и Драве,
 Страшномъ войскомъ да прѣ прѣ
 И превезе бойне справе.

Подъ теготомъ одъ бойника
 Сва се около земля тресе,
 А банъ славный зла силника
 Нїедне прѣтнѣ нехае се.

Ты спомено, кѧ на свѣти
 Бранишь крѣпось бойнѣхъ людѣй,
 И да неостану у забыти
 Нѣихъ юначства гласишь еуди,

Ты прикажи смѣна дѣла
 Одъ хрваня витежкога,
 Кѣ юнаке смръть немила
 Схара съ прѣка боя онога.

Да, дай одкри дѣо найманѣй,
 Люто бѣнѣ кѣ прошло е,
 Нека слуша свѣтъ саданѣй,
 Што вѣкъ старѣй дѣловао е.

Сповѣѣ', коя кровь се проли
 У множ' силнѣхъ приступишта,
 Кѣ храбрено банѣ одолѣй,
 И сби турске силе у ништа.

Кѣ одъ еда царѣ заприштенѣ
 Ил' освану, ил' се омркну
 Трудномѣ мысли одъ свудѣ стиштѣмѣ
 У несвѣсномѣ гнѣву цркну.

Съ мудрѣмѣ свѣтомѣ везирѣ славнѣй
 Сгоду царску хитро мучи,
 Паче на бой да су справни
 Воеводамѣ свѣмѣ наручи.

Васѣ кѣ исчезнутѣ нѣима рече,
 Како тврдо царѣ закле се,
 Да свѣмѣ сютра главу сѣче,
 Ако Сигетѣ неузме се.

Кадъ бы ютро, истомъ зора
 Сину, и данъ развану се,
 Ето турскѣхъ изъ табора,
 „На оружъ“ вапитъ чу се.

Безъ крзманя, безъ обзира,
 У сто чета войска скочи,
 Да на разсапъ срне одъ мира
 Пріе негъ сунце данъ заскочи.

Соколовиѣ Мехмедъ паша
 Све оружъ уедно скупи,
 Са свѣхъ страна силе узмнѣжа,
 Градъ да обстере и подступи.

Донѣ огнѣне трѣске умрле,
 Страшнѣмъ огнѣмъ кѣ пуцаю,
 Да бы у прахъ све сатрле
 Тврѣ, Сигетъ кѣ чуваю.

Съ клетѣмъ ступомъ приближа се
 Утопнѣхъ на край вода
 Вапюѣи у све гласе,
 Да се смртный юришъ пода.

Съ голомъ сабломъ у десницы
 Онѣхъ гони, овѣхъ тѣра,
 Да нахрипе свиколицы
 На погубу тврдѣхъ мѣра.

По юначеству, ил' по сили
 Свакій витезъ гре напрѣда,
 Ну када су приступили,
 Гдѣ се онуѣ проѣи неѣда,

Ста урнебесъ ѣа до неби,
 Сто и сто тисуѣ глѣ вѣка,

Земля одъ буке вкти у себи,
Тѣкъ узпрегну ближня рѣка.

Васъ се у дыму градъ затвори,
Све обуйма магла црна,
Изъ кѣ дажди, одклѣ се ори
Градъ огнѣнѣхъ смртнѣхъ зрна.

Нахриплюе свакъ на мире,
Тко узлази, а тко пада,
Овый е мртавъ, оный умире,
Оный ранѣнъ гре назада.

За сто рука десномъ самомъ
Сѣче, и срне свудъ банъ првый,
Обстртъ гвожѣемъ, дымомъ, пламомъ,
Васъ у праху, зною и крви.

Рѣк' бы, дажди трѣсковима,
Чимъ све обходи мира крае,
А на ударце, кѣ у штить прима,
Гора одъ гвожѣа рек' бы да е.

Мири крвимъ поливени
Безъ првога стое уреса,
Видећ' се одъ свудъ обкружени
Граѣомъ мртвѣхъ одъ тѣлеса.

Ма ето уредба сгара съ неби
Давно одреѣенъ часъ доніе,
Бой почетый да по себи
Одъ Сигета већъ доспіе.

У огнѣный се прахъ утруни
Смртна искра, кѣ учини,
Да се оіня све напуни,
Да пламъ тврѣу сву разчини.

С. Читанка за выш. гимн. Св. І.

Расте огань, а одъ свудъ врви
 Войска, у кѹ банъ се уплака,
 Теръ пламъ гаси людскомъ крви
 Исвѣченѣхъ одъ Турака.

Али страшну силу огняну
 Моѣ умрла кѹ да уздржи,
 Ако сгара тврду стѣну
 И найяче зиѣе пржи?

Тымъ банъ славный, трѣсь одъ боя,
 Видеѣ' поравъ свой очито,
 Са свѹмъ дружбомъ мала броя
 Хтѣ одлучит' становито

Непредат' се, прѣ умрѣти,
 Бит' се доклѣ дыхат' могу,
 И свой животъ посветити
 Светой вѣри, части и Богу.

Мао остатакъ дружбе сдружа,
 Съ нѣма изъ града на дворъ скаче,
 Съ оружіемъ срѣдъ оружа,
 Изпрѣдъ огня меѹ маче.

Умути се у скупъ лютый,
 Одъ множества се непрепада,
 Само у срцу болно ѣути
 Дружбе поравъ, разсапъ града.

Гдѣ су яче турске силе,
 Ту як' муня хрлѣ тече,
 Конѣ, люде, копя, стрѣле,
 Крши, ломи, плеше, сѣче.

И то множество банъ охолоый
 Покла, удави, ступомъ сплеса,

Да се обзидагъ васъ у околи
Наѣ мртвѣхъ срѣдъ тѣлеса.

Изъ захода смртне обзиде
Са свомъ моѣи изит' иште
Ну скупъ веѣй одъ свудъ иде,
Кѣ га сасма веѣ притиште.

Подпире се, хрве, и уздиже
Выше себе мртвѣхъ горе,
Али у дуго трудъ га стиже,
И уздржат' се веѣ неморе.

Пада сунце свѣхъ бойника,
Подъ теготомъ простртъ пада,
И свѣи слави до вѣкъ вѣка
Истокъ наѣ срѣдъ запада.

Неосвеѣенъ ну незаѣе
Срѣдъ тамнога смртна мрака,
Доклѣ еданъ живъ се наѣе
Правовѣрнѣхъ одъ юнака.

Пунъ достоинства къ небу одхри
Славно честитъ нада свиме,
Свѣту оставя гласъ неумрлыи,
Душу Богу, слави име.

Има живѣт' тымъ до вѣка
Драгъ на земљи и на неби,
Дика одъ писма и языка,
Міо вышнѣму, славанъ себи. —

XV.

ИВАНЪ БУНИЊЪ ВУЧИЊЕВИЊЪ

(род. 1658.)

1.

О умрли ташти люди
 За часа се лакомите,
 У той хлапњи и пожуди
 Веће благо да скупите?

Знайте, знайте, да найдраже
 Ваше стоке и похране
 Неће бити скоро ваше,
 Нег' за вами тко настане.

Голѣхъ васъ е породила
 Изъ утробе ваша мати,
 Голѣхъ ће васъ земля и гњила,
 Стара майка, упоати.

По смрти се инѣ броди,
 Друзѣмъ моримъ, на иѣ краѣ,
 Гдѣ овый пѣнезъ непроходи,
 Гдѣ се злато непознаѣ.

Благо умрло нештите,
 Коѣ плѣсанъ тре и стара,
 И иманѣ нежелите,
 Црвѣ и хрѣа коѣ хара.

Божя рука сгара съ небя,
 Ка редъ свему створу дае,
 О човѣче, юшъ и теби
 Све потрѣбе дат' моѣна е.

Одъ божѣга провиѣня
 Звѣри е свакой дана храна,
 Богъ да начинъ одъ живлѣня
 Бѣлѣмъ птичимъ зрна врана;

И сумнѣите, да остави
 Слугу вѣрна, кѣ све уфанъ
 Съ темельитомъ вѣромъ стави
 Само у Божѣ смилованъ?

Не, не, не, не, надъ звѣздами
 Блага му се многа хране,
 Злато, бисеръ, драгій нами
 Лѣпшій, источне нег' е съ стране:

Зато благо оставите,
 Кѣ е уврокъ одъ свѣхъ злоба,
 Негъ за оно прионите,
 Кое прати прѣко гроба.

2.

О несвѣсне и махните
 Людске свѣсти сасма у себи,
 Кѣ знат' и умѣт' свѣ цѣните,
 Што е подъ небомъ и на небя;

Опака ти е ваша вѣра,
 Кѣмъ се разумъ вашъ подноси!
 Крива ти е ваша мѣра,
 А неправи све разлози!

Вы держите темельито,
 Да нѣ чуда на семъ свѣти,
 Кое може бытъ скровито
 Вашемъ знаню и памети,

А незнате слабе и трудне
 Да сте веѣма, нег' ли очи
 Ноѣне птице у полудне
 Супроѣъ сунцу одъ источи;

И да раззнат', што е истина
 По ученю лаживому,
 Нѣ дано, негъ съ высина
 Обявлѣна кадъ е кому.

Права истина сгаръ доходи,
 Право е добро Превышиѣму,
 Инуда се ненаходи
 Правый разумъ, негъ при нѣму.

За часа ти е, свѣсти охоло
 Гледат' звѣзде съ полуноѣи,
 И небеска пазит' кола,
 Загонетат', што има доѣи?

Када незнашъ, надъ звѣздами
 Да е створитель многе власти,
 И да ти е подъ ногами
 Яма вѣчне одъ пропасти?

За часа ли е искат' теби
 Узрокъ свему, кадъ ти нѣ
 Познанъ вышній сгара съ неби,
 Свѣхъ узрока узрокъ кѣ е?

Чему ти в крѣпость знати
 У каменю, рѣчи, и трави,
 Кадъ неумѣшъ извидати
 Твою душу зле нездрави?

Умѣтонство чему ли ѣе,
 Мѣре одъ землѣ и одъ небеса,
 Кадъ ти гробу доста бытъ ѣе
 Четирь лакта за тѣлеса?

Ахъ, чіємъ се охолите
 Людско знанѣ и мудрости?
 Име право достоите
 Предъ вышнѣмъ одъ лудости!

Виѣте кѣ сте заблѣштене,
 Слабе, слѣпе, и неяке,
 Ако нѣсте просвѣтлѣне
 Одъ небеске сгара зраке.

Спознайте се, кѣ заходи
 Одъ правога свакій друма,
 Кѣ съ разлогомъ само ходи
 Умрлога одъ разума;

И да знанѣ право извира
 Выше края свѣхъ одъ свѣта,
 Гдѣ видъ людскій недопира,
 И гдѣ разборъ недохита.

XVI.

ИГНЯТЬ ЋОРЃИ

(1675 — 1731)

I.

Уздаси Мандалѣне.

1.

Изъ Уздысаня шрећег'.

Вѣко-створацъ любви, и ћути,
 Вѣчномъ нѣму слично што е;
 Све, што може погинути,
 Прѣдъ Неумрлѣмъ препросто е;
 Вѣчну душу ћути и любви,
 Кѣ за освоит', себе изгуби;

Кѣй за животъ дат', у зною
 И у крви свой угаси.
 Ахъ виђ', душо, цѣну твою,
 Ахъ, спознай се, колика си:
 Ёрѣ васъ уресъ одъ небеса,
 Замѣна е твога уреса!

Ахъ и уресъ твой остави,
 Кѣмъ замамит' могла е Бога,
 Нѣгда слѣпа при любви
 Одъ уреса тѣлеснога
 Мандалѣна, свога лица
 Затравлѣна любовница.

Али у кратко позна врѣме,
 Кѣ лѣпости есу праве,
 Теръ сузама текућѣме
 Смакну съ лица све направе,
 Да нѣ крѣпосъ выша устане
 Врхъ таштине поплесане.

Видѣ небо, кадѣ іой съ чела
 Одѣ направа облакъ мину:
 Кадѣ нѣ прође зора бѣла,
 Тадѣ е райско сунце обсину:
 Вође у души провре, каде
 Нѣ лѣпости цвѣтъ опаде.

Теръ кô мѣсецъ, кадѣ прострле
 Нанъ су свой мракъ кобне сѣни,
 Све притеже къ себи умрле,
 Да га пазе зачуђени:
 Тако и она тамна и блѣда
 Рай притеже, да е гледа.

Свупнѣхъ капаль' влажну силу
 Сгаръ лѣваше хридна спила,
 Кô да и хридь плачну узъ вилу
 Бѣше цвилит' научила,
 И грезняше страна свака
 Кућнѣмъ даждомъ безъ облака.

Ромонито чѣмъ падаше
 Вода низъ врхъ пуклой стѣни,
 Сва на едно протѣцаше
 У наравный судъ каменный,
 Комъ чиняху свудъ околи
 Тврду ограду станци голи.

Еврѣйкѣнѣя едномъ млада
 Конъ езера тога сѣде,
 Теръ унь упрѣ пуна яда
 Уцвилѣне свое погледе,
 Велехъ: „сузе, яохъ, смуѣне
 Тебе узмноже, скраѣаю мене.

Плаче даждомъ хридь у спили,
 Да ты растѣт' будешъ съ тога,
 О езеру, друже милый
 Мога цвила покорнога:
 Плачемъ и я; ну смуѣный
 Гине у сузахъ животъ мени.

Ты, камене, плачешъ тако,
 Засве плакат' неимашъ трѣби,
 Еръ ты вѣранъ доба у свако
 Живіо си кралю одъ неби,
 И едина бы твâ желя
 Съ жельомъ твога створителя.

Теби онъ рече: землю реси
 Величиномъ врха твога:
 Ты се уздигну путь небеси,
 И прослави створца Бога:
 Ни се тужишъ, што те удара
 Самосилнось злѣхъ вѣтара.

Заповиѣ, да те пзгряди
 Съ своимъ страхономъ дивячь тмаста,
 И да т' чине заклопъ тврды
 Заплетенѣхъ жиле одъ хроста.
 Нареди ти: ставанъ сѣди!
 А ты обслужи, што онъ нареди.

А я, ваймехъ“ — пакъ изпусти
 Уздахъ изъ дна срца свога;
 Рѣчь утопи нъой срѣдъ усти
 Рѣка плача ненаднога,
 Теръ у мыслѣхъ задубѣна
 Оста врху стѣне стѣна.

На skutъ руку свою наслони,
 А на руку плачно лице,
 Пазекъ воду, гдѣ ромони,
 Протѣчући низъ литице:
 Кадъ у води тои пазећи
 Назре слику свою по срѣћи.

Лице у лицу кадъ неугледа,
 Кѣмъ одъ лѣпѣхъ сѣва у брою,
 Негъ образа сухоръ блѣда,
 И безъ слике слику свою,
 Сплете руке, главомъ стресе,
 Пакъ вапити подиже се:

„Лѣпось свака на свѣтъ оди
 Поправъ има рѣтъ се у створу
 Зидъ на снѣгу, снѣгъ на води,
 Вода у рѣци, рѣка у мору,
 Сгледна свѣтлосъ, ка скраћа се,
 Бѣгућъ уресь брзъ на часе.

Гробъ позлаћенъ, штетна мама,
 Медный чемеръ, смрътъ жуђена,
 Пѣна, магла, вѣтаръ, слама,
 Пламъ, хипъ, санъ, гласъ, прахъ, дымъ, сѣна,
 Съ мало славе и годишта
 Земля изъ землѣ, ништа изъ ништа.“

2.

Изъ Уадисаня Четвертогоъ.

* * *

Ноѣ изиде, теръ у спили
 Врхъ тамности тамнось сѣде;
 Приклопише мракъ немилый
 Придошасте сѣни блѣде;
 А хукаху изъ литице
 Мукаѣмъ гласомъ ноѣне птице.

Ноѣни страси бѣху стисли
 Иштомъ хриди сеи дивячне,
 Кадъ одъ тмине тамніе мысли
 Духъ стиснуше виле плачне,
 Теръ нѣ память силомъ плаху
 Глухѣмъ коломъ превіяху.

У нѣ свѣсти скупной оне
 Ноѣнѣмъ мукомъ якомъ стѣчу,
 И досадамъ силе сміоне
 Свудъ насрѣху, свудъ в обтѣчу,
 Нукаюѣе, да промѣни
 Нѣ живота путъ хвалѣный.

Юръ нѣ срце ядовито
 Оштре, благе, ротне, изправне,
 Лако, плахо, скровно, очито
 Дубу, вію, страше и блазне;
 Да покоя неима, а када
 Одъ нѣхъ бѣжи, у нѣ упада.

Тако плавим' силу чини
 Брзѣхъ вѣтар' плаха нѣмѣна;
 Тако и срна по планини,
 По све стране затѣчена,
 За утѣх' ловце, лава клета,
 За утѣх' лава, ловце срѣта.

Тѣра ихъ она, терѣ бой бѣе,
 Заваѣена собомъ сама,
 Доклѣ една преблазни е
 Добросличнѣмъ преварама,
 И засве одъ нѣ невриилѣна
 Даи достоя быт' чувеня.

Веляше іой: „Ахъ, устави
 Сузе, и себе неумори!
 Одъ поборе редъ е правый
 Мѣру држат' у покорн:
 Неће Вышній, Мандалѣна,
 Да погинешъ прѣ времена.

Ломе дубѣ вихри штетни,
 Стрѣла огнѣна хридь раствори;
 Доста е вѣтрицъ премалѣтнѣй,
 За отрунит' цвѣтъ у гори:
 А ты ломишъ твой цвѣтъ млада
 Трѣскомъ, вихромъ труда и яда?

Марта, твоя сестра знана,
 Такій животъ, знашъ, неживе,
 Нег' франацкѣхъ прѣко страна
 Стерух' руке милостиве
 Свудъ помоћи дѣли, и свуда
 Бога гласи, твори чуда;

Бѣж' изъ спиле! Крѣпось свака
 Непознана, крѣпось нїе:
 Тамна е зора срѣдъ облака,
 Тамно е злато, кѣ се крѣе,
 Сини дакле, и одкри свѣту
 Чудо одъ чуда, лѣпось свету.

Стварь замѣрну врхъ свѣхъ стварій,
 Вышу одъ сунца сунцу обяви:
 То всь тебе, кѣ превари
 Пунъ превара свѣтъ неправый,
 И подъ ноге врже твоє
 Све, што у нѣму прелѣпо е.

Држава те родна зове,
 Коя у теби свой лѣкъ наѣ' ѣе:
 Тко юрѣ жудѣ твѣ цѣлове,
 Садѣ твой ступай цѣливат' ѣе:
 Тко те изѣбра нѣгда и смете,
 Садѣ своєю у душу примит' ѣе те.

Ахъ, видеѣ' те (кѣ веселе!)
 Узиграт' ѣе горе у себи:
 Китни cedри, вите еле
 Приклонит' ѣе врхе теби:
 Уставит' ѣе тѣке обѣене
 Быстре рѣке зачуѣене.

Тадѣ васѣ изтокѣ съ чистѣмѣ дари
 Ит' ѣе у теби частит' Бога:
 Одисат ѣе пуни отари
 Дыма облаке мириснога,
 И горѣт ѣе безѣ престаня
 Лузи арапски на сто оганя.

Кланяти ђе народъ желанъ
 У сто ступа твоѣ уресе:
 Подъ ногамъ ти пакѣ издѣлянъ
 У мрамору кривитъ ђе се,
 И казатъ ђе потлачену
 Твоѣмъ ступаюмъ хвасту и сцѣну.

Сятъ ђе писмо златно оздала:
 Ово е вѣщымъ посвеѣна
 Землѣ еврѣиске круна и хвала,
 Господична Мандалѣна;
 Ка предобы млада у лѣта
 Свѣтъ и себе веѣу одъ свѣта.

Звѣримъ спила, крѣпось слави:
 Што цкнишъ веѣе? што цкнишъ одѣ?
 Твога изгледа зракъ гиздавы
 Поредъ съ даномъ стератъ ходи:
 Тако еръ добро, разлогъ вели,
 Свему свѣту да се удѣли.“

* * *

Невѣрнице, што е твѣ слава?
 Варка одъ мысли срѣдъ таштине.
 Што е твѣ хвала прегиздава?
 Дахъ одъ уста безъ истине.
 Што е твѣ свѣтлосъ, што е твѣ сцѣна?
 Плодъ врѣмена, плѣнъ врѣмена.

* * *

Све твѣ быѣе, све твѣ иманѣ
 Кѣмъ се гиздашъ надъ сва ина:
 Здравлѣ, якосъ, племство, знанѣ,
 Благо, лѣпось, величина,

За знат' све, што собомъ носе,
Оди са многъ, виѣ' напосе.

Славно е благо: ну неблага
Одъ блага е хваста и слава;
Нестечено духъ примага,
А стечено желю издава,
Теръ насъ чини съ добра мала
Тамнѣмъ сужнымъ свѣтла каа.

Славна е лѣпосъ: ну по мени
Познамъ славе нѣ лаживе.
На се мрзи, тко ню сцѣни,
Брѣ шѣ нѣ умира, тко у нъой живе.
И еднако, ваймехъ, труди,
И тко е има, и тко е жуди.

Славно е стеѣи знанѣ умрло:
Ну то знанѣ колико е?
Брѣ юшѣ да се свудѣ прострло,
Небы знало, нег' свѣтъ што е.
А свѣтъ што е найпослѣ?
Стварѣ, ка' свакчасъ есь, и нѣ.

Славно е носит' царску одѣху,
И быт' дворенѣ съ круномъ горѣ;
Ну не тебе, нег' твѣ срѣху
Двори само, тко те двори:
И у ваѣхъ за вай тежѣ
Твоя дворба съ срѣхомъ бѣжи.

Драгосъ копни при врѣмену,
И у себи се сама изеда;
Племство удѣли потиштену
Срѣха, а врѣдну многократъ неда:

Тко има веле надъ иныма,
Одъ веле се страшит' има.

Пріятељство е мале вѣре,
А здрављъ е слабо дости,
Веселъ се за часъ стере,
Младось лети путь старости,
И честократъ непомага,
Нег' е штетна снажну снага.

Ну іошъ и да е права твоя
Свѣтлось, свѣте прехимбень;
Іошъ да даре твѣ безъ броя
Съ врхомъ проспешъ у скуть мени.
Еда у крылу таке чести
Живѣла быхъ безъ болести?

У найвећой честитости
Ова бы ми мысао устала:
Доклѣ, ахъ, доклѣ сеи радости
Уживат' ѣу? яохъ, одъ мала:
Тѣмъ неуживамъ по разлогу,
Ерѣ неуживат' брзо могу.

Ахъ, кѣ вѣтаръ вѣтре у бою,
А валове валъ разбія,
Мени у честу непокою
Благе срѣће чесь горчія;
Ерѣ одъ добра изгубѣна
Плачна остае успомена.

Сама е ставнось горѣ у раю,
Ерѣ рай Богъ е, кѣ неумире:
Туи сва добра непрестаю;
Туи свеѣъ нова слась извире;

Туи свеѣъ стѣче, све што жели,
Опитъ славомъ духъ весельй.

Туи неизречнѣхъ ситъ е дара,
И тѣхъ дара духъ ситъ нѣ.
Ситъ е, еръ тоне срѣдъ добара;
Нѣ ситъ, еръ му недодіе.
Теръ све имаюхъ съ тѣмъ дарима,
Жуди имати ихъ, засве ихъ има.

Туи вракъ сунца божанствена
Незапада блаженѣме;
Туи вломъ смрти смртъ сатрена,
И безъ крыла лежи врѣме:
Туи се у вѣчномъ стану обѣха
Вѣчномъ пуку вѣчна срѣха.

* * *

Съ тѣмъ умукну: ну хибена
Мыс'о опета нѣ свѣсь рани,
Говорехъ іой: „Мандалѣна!
Плачешъ, трудишъ, бдишъ замани:
Ташто е дѣло, знай, пустити
Што есь, за оно, што има быти.

Земля е теби предъ очима;
А тко е, тко зна, што е горѣ?
Себи небо, а людима
Свѣтъ дарова, тко свѣтъ створи.
Земля твоя зансто е,
Може и небыт' небо твое!

Добро е, добаръ што Богъ дав,
И нѣ грѣха туи ни єднога;
Злоѣа е сцѣнит', да злоѣа е
Насладит' се даримъ Бога:

И достоянъ дара нїе,
Даре уживат' тко неумїе.

Садъ уживай, чѣмъ ведрѣме
Зракомъ младось твой прамъ злати.
Бога любит' свеѣъ вь врѣме,
Нїе свеѣъ врѣме за уживати.
Мучно вь умрле стѣхъ радости:
За стѣхъ небо хтѣтъ вь достїи.“

Тако мысао ню заводи
У заходе ярѣка свѣта.
Тѣра вь она; ну доходи
Истѣрана мысао опета,
Докле пуна сумнѣ, и муке
Къ небу уздигну гласъ и руке.

* * *

Поѣте ахъ поѣте, мысли одъ мене
Крѣпке у вашой некрѣпчини!
Мысли у тмїни пороѣене,
И премъ сличне слѣпой тмїни!
У што уѣате? кудъ пршите?
Што хоѣете? што просите?

Прѣ нег' стрѣла сунце хрїи,
Прѣ нег' сунце вѣтри слїде,
Брже одъ вѣтра гре трѣсъ врлїи,
Брже одъ трѣска погледъ иде:
А вы, о мысли, брже веле
Вѣтра, трѣска, сунца и стрѣле.

Враѣате се вы бѣжеѣи,
Вы миръ кажухъ бїете ме,
Вы стерете тѣкъ мучеѣи,
Глуше одъ ноѣи ноѣно у врѣме,

Да мнократи, яохъ, неспѣни
Ма свѣсь иста, да сте у мени.

Ніе времена, моѣи ніе
За справит' се, да не идете,
Брѣ хрлите справе пріе,
И сву траву размеѣете,
Терѣ гдѣ немни, духъ васъ срѣта,
Брѣ садъ нѣсте, садъ сте опета.

Кѣ небу идете, ну безъ крыла;
Валъ безъ пави переходите;
Вы безъ очи, вы безъ тѣла
Све гледате, све ѣутите;
Вы ѣуѣнѣ, вы вамъ исте
Крыла, тѣло, павѣ, очи сте.

Прѣднѣмъ быѣу момъ прикладне
Лице изъ лица превраѣате:
Благе, миле, хуре, ядне,
Садъ блазните, садъ раняте;
И хитрина ваша чини,
Што ніе другой моѣ хитрини:

Да ніе скровно, што се жрые,
Да што в далеѣ, близу в очима,
Да што в прошло, прошло ніе,
Да непроѣе, што проѣ има,
Да узбуде, што быт' неѣе,
А што ѣе быт', да естѣ веѣе.

А у себи што сте пака,
Нег' врхъ воде празно писмо,
Часъ одъ часа, мунѣ зрака,
Искре одъ огня, кѣмъ живисмо,

Вѣтаръ, кой прши и лѣти
По просторѣхъ одъ памети.

Плодъ одъ душе, за ню смести
Кровъ промѣне свое разлике,
Рѣчь безъ гласа, гласъ одъ свѣсти,
Слика одъ ствари, стваръ безъ слике,
Често штетна, злобна и тмаста,
Свеѣъ неставна, свеѣъ прошаста.

Манъ у помняхъ мой духъ вене,
Манъ васъ тѣрамъ изъ памети;
Бръ кадъ тѣрамъ васъ изъ мене,
Моя на васъ мыс'о лѣти,
А кадъ мыс'о на васъ пада,
Васъ, о мысли, мыслимъ тада.

II.

Изъ Салтѣра Словинскогъ

3.

Пѣсань XXVIII.

Нос'те Богу сынци Божи
Сынке одъ стада младе овниѣ:
Чась му и славу свакъ приложи,
Засве онъ славомъ вѣчномъ свиѣ,
Свакъ му име штуй, нѣговымъ штиѣ,
Прострѣть светѣмъ прѣдъ дворовымъ.

Єрь іошъ морске язъ дубине
 Неимаше свой край стрмыйъ,
 Кадъ гласъ вѣчне величине
 Незавапи, нег' загми:
 Да се, кудъ онъ заповѣда,
 Вода съ землѣ дѣли уреда.

Кадъ врхъ воднѣхъ яза пуче,
 И тврдъ вапай забесѣди,
 Режня одъ мора смѣрно умуче,
 И обслужи, што онъ нареди,
 Теръ се указа пунъ крѣпости
 Гласъ неизмѣрне великости.

Ако вѣтаръ дубъ у гори
 Страховитѣмъ хукомъ слама,
 Ако давнѣ чедре обори
 Надъ висоцѣмъ планинама,
 Знай, да вихаръ врши и слѣди
 Гласъ свемоѣне заповѣди.

Єрь либанске Богъ ѣе чедре
 Подрѣт' силомъ плате врле,
 Да путъ вышнѣ стране ведре
 Як' телиѣи скачу и хрле,
 Кадъ ихъ завіе, и захити
 Снажный сѣверъ, югъ срдитый.

Паче и горе съ мѣста свога
 Кренут' ѣе се кадъ онъ рече,
 И кѣ породъ іоднорога
 Предъ вѣтромъ ѣе трчат' прѣче
 Китный Либанъ, и угодный
 Изкорѣпѣнъ Сиріонъ плодный.

Гласъ Божіи пламъ облака
 У трѣскове цѣпа огнѣне:
 Теръ и мунѣ ствара, и свака
 Правде оружія божанствена,
 Када подъ громъ, кѣ се чув
 Свѣй освети стрѣле кув.

Богъ неплодну пустошь стрѣса
 Славномъ рѣчи, кою изусти:
 Кадъ узхоѣ онъ съ небеса,
 Узплодитъ ѣ Кадесъ пустыи;
 Да процвѣта, и прораѣа
 Воѣа одъ инѣхъ дража и слаѣа.

Гласъ Божіи скоте одъ звѣри,
 Зачне, изхитри, справи, изведе;
 По нѣмъ нецкни при матери,
 Негъ на пашу елѣнъ греде.
 Божѣмъ гласу скровно нѣ
 Мѣсто одъ дубравъ найгустѣе.

Свакъ у цркви славитъ ѣ га,
 Еръ потопомъ дажде дѣли,
 Да сва земля вене съ тега,
 Теръ се по нѣой пукъ насели,
 Видеѣ изъ нѣ крыла избрану
 Съ обилности цавтѣтъ храну.

Краль господинъ у вѣчному
 Кралѣству ѣ столовати;
 Господинъ ѣ пуку своему
 Недобытну якоѣ дати;
 Господинъ ѣ пукъ нѣговымъ
 Смиритъ дразѣмъ благосовимъ.

Буди тройству часъ неумрла
 Съ хваломъ пуномъ дикѣ и склада,
 Срѣ се слава своя прострла,
 Одъ кадъ свѣтъ е, ѣа до сада,
 И живѣтъ ѣе вѣкъ срѣдъ рая
 Безъ скончаня, сврхе и края.

4.

Пѣсань LXVII.

Богъ устани: предъ нѣмѣ се
 Разбѣжите противницы;
 Бѣж'те вышнѣи злохотницы
 Погледъ, кѣмъ се пакѣ трѣсе;
 Паче сви безъ уточишта
 Тѣмъ погледомъ поѣте у ништа.

Како сѣверъ разтѣрива
 Побѣгуѣй дымъ на часе;
 Како восакъ разтапа се
 Предъ вруѣиномъ плама жива:
 Тако и лице судца одъ стара
 Све грѣшнике смакни и схара'!

А безгрѣшной у слободи,
 Тко си добаръ и праведанъ,
 Кушай срцемъ миръ нареданъ,
 Госбе части, танце изводи:
 Ну съ тѣмъ мысли упореда,
 Да, што чинишъ, све Богъ гледа.

Пойте Вышнѣмъ и нѣгово
 Име у пѣснѣхъ разгласите,
 У срце га сви примите,
 Цѣѣь ерѣ васъ е помиловѣ,

Кадъ свѣтъ смрти предобыту
Смртъ поплеса вѣковиту.

Господинъ се онъ называ,
Надъ сва имена слове именовъ:
Ахъ съ радости неизреченомъ
Предъ нѣмъ, вѣрна душо, ужива',
А некъ трне и смета се
Тко кривину ѣти уза се.

Некъ се смета познаюћи,
Да е сиротамъ ѣдко истинный
Богъ, кѣ тужне брани и чини
Удовицамъ судъ могућий,
Теръ педепше све немиле
Людѣй опацѣхъ грабше и силе.

Онъ е у раю, ну юшъ има
Презамѣрный станъ у свѣту,
Инокупну цркву свету,
Наречену своимъ вѣрнымъ,
Да у нѣой буду едно уфати,
Любит', слѣдит', вѣровати.

Нѣихъ онъ снажно свеколике
Изъ паклѣна робства избавля;
И што е веѣе, неоставля
Ни свое исте одметнике,
Нег' ихъ къ себи зове изъ гроба,
У комъ леже, грѣха и злоба.

Наднебескій крало, када
Ты предъ нама войвоѣаше
Прозъ пустыню, теръ слѣѣаше
Чудотворный путъ нѣкада,
Узтресена сва земля е
Оѣутѣла твѣ ступае.

Синай гора препадена
 Стрептъ, пазехъ твѣ чудеса:
 Предъ тобоме сгаръ съ небеса
 Здаждъ мана премедена,
 Ка твой народъ при неволяхъ
 Израелскій задоволяхъ.

Да ну съ векомъ ты крѣпости
 И опетъ ѣшъ сгаръ пролити
 Благодарный и особитый
 Светотайныхъ даждъ милости,
 Некъ огрезне нѣмъ одина
 Црква, нова твѣ баштина.

Ты ѣшъ, кагдагодъ обнеможе,
 Ню покрѣпитъ вѣдно и яко:
 Твое овчице вѣме у свако
 Пребыватъ ѣе у нѣой, Боже,
 Поклѣ у нѣой си сладку избрану
 Свѣмъ потребнѣмъ справѣо храну.

Ты ѣшъ, некъ се свудѣръ чую,
 Твоимъ гласницымъ власъ донѣти,
 Да, кудъ жарко сунце свѣти,
 Новый законъ навѣштую,
 Теръ га и видеѣ смрътѣ уа се
 Прехрабрено личе и гласе.

Ухититъ ѣе кралѣи руку,
 И увѣтитъ се меу собоме,
 Са войникомъ безбройноме
 Поразъ донѣтъ вѣрномъ пуку:
 Нуѣ скоро предобыти
 Цркву плѣномъ наресити.

Вѣрни о люди, срѣдъ пламена
 Юшъ за вѣру да и умрете,

Изъ пламена изит' ѣте
Голубица неоквръжна,
Коіой сребромъ пера мила,
Коіой горе златомъ крыла.

Паче и кральи противницы,
Кадъ ихъ удре влась небеска,
Предъ врлиномъ бича и трѣска
Спознат' ѣе се свиколицы,
И побѣлѣт' обраћени
Кѣ Селмонской снѣгъ на стѣни.

Црква опѣена гора в света,
Гора, у коіой Богъ господи,
Врхомъ ясне звѣзде изходи
Нѣ высина къ раю узпета,
Туста, обилна, моѣна свима
Напунит' насъ даровима.

Туста в гора, душу еръ сваку
Туи сладости райске сите,
У инѣхъ горахъ несумньите,
Люди, обилнось наѣ' еднаку.
Ово в гора, у кѣй свое
Вѣчно станѣ Вышній обрѣ в.

Десетъ тисуѣ' своихъ анѣла
Радостива чета охоло,
Быше уресна Богу кола,
Коя га су сгарѣ донѣла,
Кадъ намъ законъ дат' долѣти
На синайскій врхъ пресветый.

Таки опета Ты се увведе
Ето къ небу, Господине,
Чѣмъ добытникъ вѣчне тмине
Изе изъ робства твѣ прадѣде.

И на вѣрне проли одсгара
Врхсунчанѣхъ потокъ дара.

Теръ и онѣхъ призна къ себи,
Худовѣрно кѣ живяху,
Кѣ у цркви несцѣняху
Да пребыва краль одъ неби,
И да унуѣненъ по любви
Меѣу умрѣмъ Богъ борави.

Господъ блаженъ све дни буди,
Сахранѣня Богъ нашего,
Онъ насъ путимъ свѣта овега
Провести ѣ срѣтно свуди,
Богъ спаситель, нашъ Богъ, кѣ в
Выше смрти краль свачѣ.

Поразитъ ѣ онъ неправе
Противничке силе у ѣду;
Свѣхъ, кѣ грѣшнѣмъ друмомъ греду,
Ударитъ ѣ поврхъ главе,
И за косе наежено
Оборитъ ихъ бѣне и стрене.

Рекѣ в Вышній: Басанскога
Юръ мой подъ мачъ краля обратихъ,
И воденѣмъ распомъ стратихъ
Фарауна срдитога:
Тачъ мѣ рука рассутъ има
Злобне, кѣ су слични нѣма.

Некъ твой ступай омака се
Васъ у крви, пуче вѣрный,
И нѣомъ твои пси чемерни
Жеданъ ѣзыкъ масте и красе,
Кадъ по земљи на далече
Изъ злотворскѣхъ рана узтече.

Славе, части, круне твое,
 Кадъ ты у ѿаѿковъ дворъ се узведе,
 Твѣ якости свѣтле изгледе
 Рай запанѣнъ видіо е,
 О мой славный крало и Боже,
 Смрть и пакѣ кѣ преможе.

Тадъ предъ тобомъ, кѣ садъ горѣ
 У пресветомъ сѣдишъ мѣсту,
 Складно у скупу красну и честу
 Дворба иѣаше, кѣ ти удвори,
 Гласъ одъ уста свой дравима
 Дружеѣ жицамъ меденыма.

Меу млаѣанѣмъ дѣвицами,
 Коє у бубнѣ удараху,
 Ову пѣсань сви пѣваху:
 Дай благосовъ створцу съ нами,
 Нова цркви, кѣ си изврѣла
 Родомъ старога Израела.

Туи быяху отцы свети
 Кѣхъ твѣ якось изе изъ тмина,
 Родъ младога Бенимина
 Цѣѣѣ веселя ванъ памети,
 И шъ нѣмъ главе препогуѣе
 Одъ Юдине царске куѣе.

Туи господа и войвода
 Избори се бѣху стали,
 Кѣмъ Забулонъ, кѣмъ Нептали
 Гласовито племе пода,
 Тебе славеѣтъ, кѣ твоѣмъ крѣи
 Новъ да законъ, смакну првый.

Вѣнче одъ рая, ахъ нареди,
 Да твѣ снажна рука изъ нова
 Све потврди, што дѣлова
 Ты међу намъ нѣгда и среди:
 То есь, врхъ твѣ цркве твога
 Пошльи духа пресветаго.

Поклѣ у темплу кралѣи овому
 Носит' ѣе ти даре выше
 Дара одъ онѣхъ, кѣмъ частише
 Юрѣ те у темплу солимскому;
 Само, о ѣаѣко нашъ узданный,
 Заштити га, чува' и брани.

Тко запина намъ засѣду,
 Рекъ бы у трѣху звѣрь скровена,
 Ты га узпрегни; ерѣ скупѣна
 Войства и пуцы на насъ греду
 Тере бѣсне, як' огнѣни,
 Бацы у краве разжежени.

А то да бы отѣрали
 Изъ твѣ вѣрне кралѣвине
 Тко очишѣенъ одъ кривине
 Надъ сребромъ се свѣтли и хвали.
 Ахъ, нироде ты разметни,
 Кѣ бой ишту худый и штетный.

Поклисари тадъ приклони
 Изъ Египта къ теби прит' ѣе,
 Етіопскій трагъ хрлит' ѣе
 За предат' се твоимъ законѣ;
 Тебе частит' жельно одвеѣе
 Све невѣрне државе ѣе.

О земаљске кралѣвине,
 Кѣмъ се справля чесь толика,
 Пойте одъ Бога слободника
 Недохитне величине;
 Пойте, пойте могуѣга
 Надглавника свѣта свега.

Онъ, кѣ якось свою свѣдочи,
 И бой бѣе, кадъ в трѣба,
 Яшуѣ' врху неба одъ неба,
 И врхъ сунца одъ источи;
 Онъ ѣе викнут' снажно свуда,
 Свое разгласит' власти и чуда.

Нѣму, ерѣ за свой пригрліо в
 Израелскій народъ новій,
 Свакѣ дай хвалу, свакѣ га зови,
 Свакѣ нарыщай славе свое,
 Свакѣ, тко позна, да га онъ створи,
 Шлыи му драге пѣсни узгоріи.

Величанство нѣгово се
 У облацѣхъ види и снага;
 Вихарѣ, муня, громъ еднага
 Нѣму послухъ даю и носе:
 Замѣрніи ну в опета
 Срѣдъ райскога скуна света.

Израела онъ новаго
 Богъ в и стражникъ неизмѣнитый;
 Онъ ѣе укрѣпит' и уснажити
 Нелагоднось пука свога.
 Благосовѣнъ онъ в у себи
 И подъ небомъ и на неби.

Вѣрна цркви, ѣаѣка слави,
 И ѣаѣкову сына слику,
 Духу одѣ душа любовнику
 Части и хвале сваѣ приправи,
 Како вѣцымъ минутѣме,
 Садѣ и одсадѣ по све вѣѣме.

5.

Пѣсань LXXVII.

О мой пуче, слышатъ хри
 Што ти уста мѣ нареде,
 Уши пригни, терѣ пригрии
 За твой законѣ мѣ бесѣде.

Брѣ науке мѣ ѣу отворитъ
 У причицахъ ставнѣхъ одѣ,
 Обявитъ ѣу и говоритъ
 Одѣ давнинахъ што се сгоди.

Одѣ старине то все наше
 Све, што чусмо по бесѣди,
 И све, што намѣ сповѣдаше
 Мудросвѣсни отцы и дѣди.

Сгоде славне нада свѣма,
 Кѣ нескрыше срцу у свому
 Они познѣмѣ сыновима
 И породу дошастому.

Навѣштуюѣ вѣрно дости
 И хвалеѣи по истини
 Чуда, коя свѣмѣ крѣпости
 Самодржаѣ райскѣй учини.

Якобову онѣ колѣну
 Да свѣдочбу свое любви,

Кадъ свой законъ за спомену
Израелскому пуку остави,

И нареди іошъ, нека се
Свакчасъ законъ тай темельи,
Да га своіой дѣцы гласе
Боголюбни родительи.

И да унуцы, кѣ ѣ устати,
И родит' се, све то чую,
Теръ што чуше сповѣдати,
Своим' породим' навѣштую.

Нек' сви у Бога уфат' буду,
Вѣрнѣмъ милосъ кѣ нештеди,
И непусте, ни забуде
Дѣла и вѣчне заповѣди.

Поклѣ инако быо бы свакій,
Премъ кѣ и свои стари быше,
Злый нараштай и опакій,
Кѣ разлюти Бога одвише.

Злый нараштай, кѣ кривѣме
Желямъ срце свое дарова,
И нередбамъ небескѣме
Злобномъ душомъ невѣрова.

Ефраимовъ родъ нѣкаде
За изгледъ намъ буди одъ тога,
Кѣ побѣгну ружно и паде
Срѣдъ арваня витежкога,

Засве у бойну супротиву
Да онъ прѣѣ снажнѣхъ рука
Натежуѣи брѣъ тетиву,
И стрѣляюѣ вѣшто изъ лука.

Теръ се изгуби, еръ затая
 Увѣтъ, съ Вышнѣмъ кои ухити,
 И уступи и нехая
 По закону Божѣмъ ити.

Ахъ у срце свое неудѣля
 Чуда, ка му Вышнѣй обяви,
 И своего створителя
 Доброчинство заборава.

Чуйте све, што нѣхъ дѣдима
 Египскога цѣхъ пораза
 Надъ полянамъ танеоскима
 Чудотворнось вѣчна указа.

Продрѣ море, чете избране
 Тудъ проведе, и у проходу
 Подигну имъ съ обѣ стране
 Тврдъ у налогъ плаху воду.

Нѣхъ садружи свѣмъ помоѣи,
 Нѣхъ облакомъ у дне обѣни,
 Нѣмъ за жарко сунце одъ ноѣи
 Съ неба посла ступъ огнѣный.

Небеска е рука силна
 У пустыни хридь просѣкла,
 Да ихъ напои вода обилна
 Яко изъ пунѣхъ яза изтекла;

Еръ изъ станца кадъ се извади
 Быстро врѣло, срѣдъ слободе
 Протекоше по ливади
 Ромоните рѣкомъ воде.

Ну нехарный пукъ неузпреже
Кривованя тѣкъ своега,
На разсрѣбу негъ поджеже
У пустыни той Вышнѣга.

Ротнѣмъ срцемъ сви настане
Подкушиват' моѣхъ нѣгову,
Набунише се и пыташе
Свомъ животу храну нову.

Брзи къ Богу псовкам' проѣи
Кровъ безпутно рѣше смѣнѣ:
Еда намъ ѣе Вышнѣй моѣи
Госбу средит' срѣдѣ пустынѣ?

Знамо удрене да изъ люти
Воду отвори свѣмъ десницомъ,
Теръ се виѣ огрезнути
Земля чудномъ поплавницомъ.

Ну нѣе врѣданъ прострѣт' руку,
И съ неба намъ крухъ донѣти,
И трпезу гладномъ пуку
Страни у пустой приправити.

Чуюѣхъ' творацѣ, гдѣ се боле,
Мѣште смирит' ихъ да сиде,
Срѣбомъ плану, кѣ на охолое
Свое у доба главе увиде.

Свое у доба, кадѣ нѣгово
Разжалѣнѣ веѣхъ неузпреже,
Нег', кѣ пламенѣ, Якобово
Тврдоглаво множтво ужеже.

А то, у нѣга ерѣ неимаше
 Вѣру срцемъ безъ темеля,
 Ни се у свога поуздаше
 Могућега схранителя.

Тѣмъ, буд' да га разжалише
 Онъ за тадаръ бичъ остави;
 Съ стране одъ неба теръ найвыше
 Допушта имъ дажъ гиздавый.

Заповѣдъ облацыма,
 И небеска врата отвори,
 Да крухъ райскій дажде нѣма,
 И пресладку ману одгорѣ.

Премда човѣкъ туи благова
 Крухъ анѣлскій, іошъ Богъ къ тему
 Посла даре врхъ дарова
 И обилне встойске му.

Вѣтре източне диже и принѣ,
 И доведе югъ съ полудне,
 Да затѣра по планини
 Къ пуку избраномъ хране улюдне.

Сдаждѣ, кѣ прахъ одъ равнице
 Тадъ множь мяса изъ высине,
 И лѣтуштѣ перѣмъ птице
 Быше у начинѣ одъ пржине.

Оне еврѣнскѣхъ срѣдъ табора
 Занесене тѣку у плаху
 Около се свѣхъ шатора
 Брѣмъ ятомъ пролѣтаху.

Гостише се и наситише
 Лачни умрли у потрѣби,
 Богъ имъ донѣ, што просише,
 И нѣхъ желя заманѣ небы.

Али имъ предный грѣхъ непусти,
 Ни на псовке веѣ се оглуши,
 Терѣ съ естивомъ юощъ срѣдѣ усти
 Разсрѣбомъ ихъ свѣомъ придуши.

И за поразѣ тяжій и ячій
 Меѣу нѣима по све стране
 Побѣ снажнѣхъ и потлачи
 Цвѣтъ младости изабране.

Са свѣмъ тѣме тврдѣ у злоѣи
 На кривине ступи изъ нова,
 И Божіе чудне моѣи
 Пукъ заслѣпѣнъ невѣрова.

Тѣмъ кѣ магла, дымъ и сѣна
 Живлѣнѣ се нѣхъ разчини,
 И нѣихова лѣта стрена
 Проминуше у брзѣни.

Кадѣ ихъ одсгарѣ убѣише,
 Исаху га смѣрно у страху,
 Враѣху се, чѣмъ се страше,
 Терѣ поспѣшно кѣ нѣму нѣаху.

Призиваюѣ на умѣ, да е
 Онѣ едина помоѣ своя,
 И да Вышнѣй обрана е
 Одѣ свакога непокоя

Ну нѣхъ мысѡ, яохъ, съ рѣчима
 Неугаѣа се, ни у тои врѣме,
 Улаяше само устима,
 И языкомъ химбенѣме.

Тврдѣмъ срцемъ и усіонымъ
 Прави съ Богомъ неживише,
 Ни небескѣмъ подъ законимъ
 Службеницы вѣрни быше.

Тко ово чуетъ, свакъ мни, да ѣе
 Богъ ихъ рассутъ своимъ трѣсковимъ:
 Ну добростивъ онъ податъ ѣе
 Нову милосъ грѣсимъ новымъ.

Онъ съ обилнѣмъ милосрѣемъ
 Свой уклони бытъ слѣдеій,
 И предъ злохамъ нѣхъ найгрѣѣмъ
 Свѣ разсрѣбу нехтѣ ужеѣи.

Паметуюѣ, быѣе умрло
 Да путь има слабу уза се,
 И духъ, кои сгледно и хрло
 Бѣжи у назадъ невраѣа се.

Тѣмъ бы смилѣнъ, чѣмъ срчише
 Толикратъ га свѡмъ обѣсти,
 Чѣмъ пламъ нѣговъ пробудише
 У пустыньскомъ сушномъ мѣсти.

Чимъ сврнуше на зло изъ нова,
 Чѣмъ кушаше нѣга опета,
 Често дражеѣ Израелова
 Помоѣника славна и света.

Све то злобна напасъ доидъ,
 Сръ немаше на памети
 Въчну якосъ и данъ оидъ,
 Кадъ изъ робства быше отети.

Кадъ египской по држави
 Богъ замърна дѣла у створу,
 И зламеня страшна обяви
 Танеоскомъ по простору.

Кадъ за скупно похарати
 Жефомъ свое противнике
 У текущу крвь обрати
 Замућене дажде и рѣке.

Кадъ да изведу свѣхъ до мала
 Посла обаднѣхъ муха облаке,
 И пробуди жабе изъ кала
 За рассути люди опаке.

Кадъ лѣтине све у пуку
 Преда црни, да ихъ отима,
 И тежачку стоку и муку
 Неброенѣмъ пруговима.

Поби градомъ лозе угодне,
 И у пусту голеть створи,
 И разкошне воѣке плодне
 У студеной слани умори.

Съ градовита огня учини
 Животинамъ доѣ на манѣ,
 И невѣрско све поплѣни
 У даждивомъ пламу иманѣ.

Разлети се, теръ неодољ
 Срцу огнѣномъ, негъ найбрже
 Врхъ мѣштана све неволѣ
 По худобскѣхъ рукахъ врже.

Путъ изравни своѣ срдности,
 Да слободно на нѣхъ пада,
 Нѣхъ животу смръть неопрости,
 Нѣхъ живине закла и стада.

Првородне све до скоро
 Крваво удри тѣ по глави,
 И Камовѣхъ срѣдъ шатора
 Све првине страшно удави.

Теръ як' овце вуцым', тада
 Свой пукъ оте мѣста изъ тега,
 И у начинъ кротка стада
 Провъ пустыню проведе га.

Множтво проѣ безъ боязни,
 Чѣмъ се у вышнѣй уфа обрани:
 А црлѣный поноръ язныи
 Непрѣятелъ прождрѣ и занѣ.

Пакъ свое драге Богъ уведе
 Свою у землю посвећену,
 До ове горе, кѣ посѣде
 Онъ десницомъ своѣмъ стѣчену.

Трагу изпрѣдъ нѣхъ сву неправу
 Отлѣ изагна съ бойне силе,
 И подложну ту државу
 Разлучи имъ право у дѣле.

Нѣхъ настани по колѣнѣхъ,
 Некъ имъ слоѣе часъ до вѣка,
 У шаторѣхъ заплѣнѣнѣхъ
 Одъ побѣнѣхъ противника.

Али учини тои залуду
 Сахранитель благодарный,
 Ёръ непаря наравъ худу,
 И грѣшенѣ пукъ нехарный.

Разѣдише и кушаше
 Опетъ якосъ Превышнѣга,
 Славный законъ нечуваше,
 Кѣи свѣдочи светѣмъ нѣга.

Грдеѣ' срѣѣу, кѣ су стекли,
 Одврнуше свое ступае,
 И кѣ съ небомъ бѣху урекли,
 Преступише погоѣае.

Ахъ чѣмъ у нѣхъ злоѣа нова
 Злоѣе одъ отацъ своихъ едначи,
 Светыня се сва нѣихова
 Кѣо лукъ злочесъ изопачи.

Богъ се огнѣви съ райске стране,
 Гдѣ по брдѣхъ пакѣ штую,
 И гдѣ слике издѣляне
 Съ створительомъ замѣнюю.

Теръ кадъ зачу вапай грдый,
 И гласъ тамнѣхъ светилишта,
 Израеловъ родъ погрди,
 И доведе сасма у ништа.

Затѣмъ шаторъ, гдѣ власъ своя
 Меу людемъ в боравила,
 Пунъ огнѣна непокоя
 У разсрѣби врже изъ Сила.

У сужанство сву колику
 Преда якосъ свога пука,
 Да му лѣпосъ, славу и дику
 Иностранна сатре рука.

Нѣихъ затѣче ставне у грѣху
 Смртнѣмъ мачемъ изъ высина,
 Нѣихъ потиште, премда бѣху
 Нѣговъ народъ и баштина.

У пепео младце обрати
 Тадъ противне пламъ деснице;
 Тада неима тко плакати
 Посѣчене дѣвойчице.

Небы удове, кѣ бы свою
 Процвилила дѣцу таде,
 Тадъ подъ бридко гвожђе у бою
 Посветитель убѣнъ паде.

Да ну, иза сна кѣ велика,
 Господъ нашемъ при забыѣу,
 Уста у начинъ заточника,
 Кому узаври срце у пиѣу.

Насъ освети, а влобнике
 Ружномъ боли удри одзада,
 Да нѣихъ прикоръ живи у вѣке,
 И срамота незапада.

Іозефову нехтѣ куфу,
Ефраимово необра племе;
Нег' да круну свою могуфу
Унуцыма Юдинѣме.

Теръ Сіонску гору узѣ в
За лѣбѣный станъ честитый,
И дворъ у нѣой сградіо в
Поредъ съ свѣтомъ темельитый.

Дворъ пресветый, дворъ охолый,
Станъ украсно надъ сва ина,
Страховито станѣ, коли
Єднорозѣхъ одѣ живина.

Затѣмъ себи служеѣгега
Давида нѣа стада диже,
Иза скотниц' узе нѣга,
На кралѣство теръ га уздиже.

Нека мѣште стада тога
Пасе и влада по начину
Родъ Якоба слуге свога,
Облюбѣну свою баштину.

Тѣмъ краль пастѣръ нѣихъ пасѣ в
У срчаной праведности,
И кѣ умѣше руке свое
Водіо ихъ у мудрости.

Дайте тройству, кѣ васъ влада,
Славу, душе свеколике:
Кѣ бы съ прва, буди сада,
А кѣ сада, буди у вѣке.

III.

*Изъ живота славного пророка
и краля Давида.*

6.

II. Будући онъ наймлађиј међу браћомъ, бы одъ отца поставлѣнъ за настойника више домаћѣхъ стада, гдѣ за крѣпостно данке проводити и хвалити наредно Превышнѣга, научи вѣшто ударати у Салтѣръ, и складати боголюбне пѣсни. Неманѣ указа туи велекрати свою избориту снагу и срце юначко, удирући бо му на овце разлика грабежа звѣреня, онъ голѣмъ рукама опираше се нѣйма, задавльиваше лаве и медвѣде, теръ имъ изъ крвавѣхъ челюстѣй силомъ изкидиваше плѣнъ попаденый.

III. У то Саулъ, кои тада выше пука израелскога кралѣваше, сгоди се, да цѣѣа свога непослуха паде у омраву Божю, кроцѣѣъ часа заповиѣ Богъ своему пророку Самуелу, да поѣе у градъ одъ Бетлема и да у очиној кући помаже светомъ помасти Давида на мѣсто Саулово за краля. Тако бы учинѣно, и та стваръ потая се за кое доба.

IV. Нетомъ Богъ остави Саула, нарипи га духъ нечистый, кои га толикомъ унутарньомъ зловольности предушиваше, да га честократи ваѣаше изванъ зебе. Зато бывши му напоменули дворани, да Давидъ сасма хитро у Салтѣръ удараше, дозвога тай часъ у дворъ кралѣвскій, и нѣговѣмъ ударанѣмъ и пѣснима уве, кадъ бы га зловольность притисла, унутарню муку разговорно ослаѣивати.

V. Не до веле донѣ згода, да се Филистем или државниці одъ Палестине, сусѣди израелско-

га кралѣвства, подигнуше съ оружанѣмъ четамъ на Саула, коѣмъ Саулъ съ войникомъ своіомъ поспѣшно изтече супротива. У палестинской войски имаше горостасанъ заточникъ, на име Голіятъ, кои за много дана излазаше на полѣ, позиваюѣи на мачъ и на копѣ, ако бы имъ ишло одъ срца, витезе Саулове. Нитко несміяше изити на позовъ, припаденъ страховитѣмъ възрастомъ и могуѣомъ десницомъ врловитога Голіята, тако, да Саулъ быяше личбомъ обоѣо оному, тко бы толико снажна израелскога противника погубіо, свою хѣрь за жену, и съ хѣромъ богатства неизречена. Самъ Давидъ наѣ се, засве да у првъй цвѣтъ одъ младости и іошъ невѣшъ воеваню, кои се услободи изтеѣи на заточиште супроѣ горѣреченомъ бойнику, теръ съ помоѣи небескомъ, у кою се саму уздаше, погоди га каменомъ изъ праѣе у срѣдъ чела, и тако на землю оборена истѣмъ га нѣговѣмъ мачемъ посѣче, теръ нѣгову главу приказа Саулу. Ово бы найпрвъй узрокъ, съ коега Саулъ поче Давида ненавидѣтъ и прогонити, покли Евріенкинъ диклице, радостиве цѣѣа рати довршене и предобыта непріятеля, изводеѣи кола, бѣху Саула при Давиду погрдице и зачеле у танцу оваку пѣсанъ:

Свѣомъ тисуѣу витезова
Ако Саулъ сабълѣомъ страти:
Сманну сабля Давидова
Толико ихъ десеткрати.

За кою стваръ онъ одъ тада настоя Давида и своіомъ рукомъ и туѣомъ погубити. Ну замани, еръ свемогуѣа обрана съ Давидомъ бѣше, коя надахну іошъ и Іонату, првороѣенога сына Саулова,

да га са своѣмъ душою облюбѣ, и да му буде по-
мѣнявый стражникъ и помоѣникъ узъ оца, нека небы
нѣдномъ скровномъ засѣдомъ изгинуо.

Х. И другій изгледъ одъ благоѣе и милости
опетъ указа Давидъ према опакомъ Саулу. Овыи
заборавлѣнъ одъ преднѣга добротинства Давидова и
поджеженъ злѣмъ душою, коѣмъ у свѣсти патѣше,
бѣше се подигнуо изъ нова съ бойницѣма за тра-
жити нѣга по пустыни одъ Цыфа, у коіой бѣше
оѣтуіо, да у истину боравляше. Али нетомъ узазна
Давидъ кралѣву люту одлуку, подигну се слободно
у дружбѣ Абизеа свога сестриѣа, а сына Сарвіе
сестре свое; теръ преко глухе ноѣи приступи къ
таборима прогонительскѣмъ, и увуче се у шаторе
Саулове, нечувенъ одъ ниткога. Туи нападши краля
гдѣ спи, и видеѣи Абизеа сасма наоштрена за погу-
битъ га, удържа десницу свога друга говореѣи: У-
стави се и непрости руке на краля божіомъ помасти
забилѣжена, и знай, да доклѣ годъ онъ одъ свое
непогине, неѣе по мени никада погинути. Нека ме
тѣра и прогони, одлученъ самъ пріе сваку неволю
поднѣти, негъ убойствомъ одъ краля, съ небеса
помазана, небеса уврѣдити. Одѣли се дакле и съ
собомъ понѣ отолѣ копѣ и судъ воде, коя стаху
Саулу наконъ главе, теръ кадъ се подалѣ одмакну,
живну слуге Саулове, и вратеѣи имъ, што бѣше изъ
кралѣва шатора изнео, указа очито, да онъ Саулову
смрть и круну, како га злогласницѣ потвораху,
неискаше.

Третьй Периодъ

Новая литература

Эпоха первая.

I.

ПАВЛЕ ВИТЕЗОВНИЪ

умр. 1713

(изъ дѣла: „*Оддѣленѣ Сигетско*“. Дѣлъ. III.

Путникъ и Ска.

Одкуда е овъ хаметъ? Одкуда то гробовъ?

Єда ли то заметъ Сигетовъ е? *Овъ е!*

Држимъ на прилику котъ да гласи єче,

Теръ ми нѣгдо нѣку рѣчь изрече: *Рече.*

Овдѣ нѣко Божѣ створенѣ се крые;

Одговара: гласъ, е како пріе: *И е.*

Яви се, гдо си годъ, чія-й то рѣчь была,

Кѣ ме-й на овъ приходъ забавила? *Вила.*

И люди су нови, и виле овдѣка;

Нека име повѣ, ако е кѧ? *Ека.*

То ли ми, Еко, ты, драгъ и планинъ славо,

Дошла си напроти? Еко здраво! *Здраво.*

Ступи ближѣ Вило! видишъ ме како самъ

Намѣрилъ се въ дѣло ово самъ: *Ово самъ.*

Ступи, дай се гледатъ, неухаяй мимо:

Ал' рецъ, гдѣ ѣу я статъ? То просимо. *Симо.*

Нутъ заповѣди те твоихъ рѣчѣй слѣдимъ:

Ово самъ: али те јошъ невидимъ. *Видимъ.*

Знамъ старе наваде да и сада имашъ:

Кѣ те видитъ раде непрощимашъ. *Шшимаши.*

Лудо е просити (вели се рѣчъ здавно)

Што ни-ѣ моѣ добыти; то-ѣ оправно. *Равно.*

Негъ ти даръ обѣтамъ, славна Еко моя!

Пусти ме, да пытамъ за нѣкоя. *Коя?*

Пытатъ ѣу, што-ѣ было: ты казатъ обѣтай.

Тере себи, вило, даръ допытай. *Пышай!*

Ал' што ѣу чинити за поменъ, нареди,

Гдѣ ѣнешъ говорити одъ обѣди? *Сѣди.*

Негъ бы јошъ радъ знати брезъ сиде и руха,

Што имамъ држати радъ послуха: *Уха.*

Чуданъ ти-ѣ ратинъ свѣтъ, и чудне наваде,

По кихъ на 'во Сигетъ градъ допаде! *Паде.*

Охъ како јакѣй градъ (чудно споменутъ)

Мора трпити садъ расутъ! *Расушъ е.*

Кѣ су му пушѣтали рати въ овой странки;

Круто ти су мали ти останки! *Танки.*

Гдѣ му-ѣ прва сила? гдѣ му е сподоба?

Кѧ га-ѣ на то дѣла зла худоба? *Доба.*

Самъ турскѣй поглавникъ приде подъ те виде,

И съ нѣмъ многѣй войникъ за наприде? *Приде.*

Чудно ти-ѣ чинила срѣѣа, садъ се слѣе,

Она турска сила да га бие? *И е.*
 Траве почерниху одъ крви велике:
 Свудъ се, знамъ, точиху капль прѣке? *Рѣке.*
 Тулика градъ хрвећ' турска величина,
 Шта показа найвећ' с' непочина? *Чина.*
 Како градъ ужгаше? То су чудне ствари!
 Ёда оганъ даше яничари? *Чари.*
 Кулико врагъ може и съ рукомъ и съ усти!
 Али те прикоре Богъ припусти? *Пушти.*
 То су, кѣ насъ страше бичи брезъ утѣхе
 Ничемуrne наше за прегрѣхе! *Грѣхе.*
 Што в сада Сигетъ Туркомъ? покидобъ в
 Съ овуликомъ буркомъ посталь гробъ? *Робъ в.*
 . . . Добро се држаше въ Сигетской трудности,
 Съ нѣме, кѣ равнаше банъ, младости. *Досши.*
 Гдо-й помоѣ ѱошъ творилъ? гдѣ како сѣна стогъ
 Срѣдъ пламена-й горѣлъ тѣ Сигетъ небогъ? *Богъ.*
 Кѣ бы сила бану, ал' срѣѣа не боля,
 Да доѣ томъ стану, гдѣ-й неволя? *Воля.*
 Каковъ се чиняше Туркомъ тай банъ тужанъ,
 Када прот' нѣмъ сташе оборужанъ? *Ружанъ.*
 Како в одганялъ Турке? в ли канећ',
 Гда-й Сигетъ помагалъ вѣру бранећ'? *Ранећ.*
 Да банъ бие яко, видеѣи Куртъ Зимо,
 Кудъ в яхалъ, ако пыталъ смѣмо? *Мѣмо.*
 Добро се в чуват' што се многи бое;
 Тешко в купуват' здравъ свое! *О е.*
 Ёл' царъ на 'ве стране, и на 'ве прилике
 Допелялъ избране све войнике? *Нике.*
 Онъ якѣй Делиманъ, ваздаръ на бой ганѣнъ,
 Ё ли одъ смртныхъ ранъ былъ обранѣнъ? *Ранѣнъ.*
 Мора свако дойт' на дворъ смртнога умора
 Ил' в гдо прѣко горъ, или прѣк' мора? *Мора.*
 С. Читанка за выш. гимн. Св. I.

... Кога 'но юнака 'з нашихъ гласъ повѣда
Лютого и яка котъ медвѣда? *Вида.*

Што в нѣму была Хайкуне храбрена,

Да се рече вила оружена? *Жена.*

Чеса в было нѣой, да се-й помужила,

И по войски турской проит' смила? *Мила.*

... И она-й ту пала одъ крви и пота,

Нач' се в пушѣала слѣпота? *Лѣиоша.*

И нѣой мечъ смрътъ зада кодъ другихъ войника:

Што в мужу сада та владика? *Дика!*

Много-й учинила (нека речемъ потомъ)

Ал' в то добыла лѣпотомъ! *И пошомъ.*

Дична-й становито любовъ те госпое:

Ал' заистинито ако то є? *То є.*

Да бы се садъ якихъ тако женъ искало:

Кулико б' се такихъ женъ имало? *Мало....*

По свой той тврдини градъ уеше змѣ,

Теръ се у зидини Турчинъ смѣ. *И є.*

Видимъ (туго наша!) въ граду, не котъ прѣя,

Гдѣ алаче паша, и делѣя. *И я.*

Врѣднога онъ уби заисто кршѣана,

Кога везиръ любѣ 'зподъ тумбана. *Бана.*

Гдѣ га погоди онъ, да опаде нице,

Зрномъ, ал' оштриномъ сулице? *У лице.*

Я мняхъ (котъ гласъ ходи, али ни-й свѣдока),

Да га зрно сгоди покрай бока? *Ока...*

Али то у дике божѣ пустимо дворъ:

Ты на рѣчи нѣке іошъ одговор'! *Говор'.*

Кѣ се-й одъ храбрости хорватске сгодило

Хотенъ, се-й дости видало? *И дѣло.*

Има градъ турска власть, кога ни-й кушила,

Нити га в на часть спросила? *О сила.*

Хвалити на вѣке, кѣ држаху бое,
 Бана и войнике де вѣдно е? *О е!*
 Ти витези мили по земљи са свиме,
 Гласно су пустили свое врѣме! *Име.*
 Кѣ е годъ састала ту смртна прилика,
 Палме е процвала свим' младика! *Дика.*
 За вѣру се биху, за кѣ главе даю:
 Въ ком' се настаниху сада краю? *Раю.*
 Кѣ имъ е госпоа веленъ вѣнацъ 'звила,
 И пѣсамъ одъ боя нѣм' справила? *Вила.*
 Знамъ да су старице нѣхъ майке цвилѣле,
 И жалость сестрице имиле! *И миле!*
 Богъ ми имъ дай покой, вѣчне свѣће пламенъ,
 И створи съ нѣми свой добаръ знаменъ! *Аменъ.*

II.

Т О М А Б А Б И Њ Ћ

рођ. ок. 1680 умр 1750.

изъ дѣла „Цвѣтъ разлика мириса духовнога“

Пакао.

Велика е паклена дубина
 И јошъ већа нѣгова ширина.
 Много дубля него синъ море,
 Кое с' нигда измѣрит' неморе.
 И дубля е одъ сваке пропасти,
 Ђръ неима никакове сласти,
 Пакао е мѣсто страховито,
 Божанствене правде становито,

Гди онъ ставля и люде и жене,
 Све грѣшнике тужне осуѣне,
 Све грѣшнике свое противнике
 И врагове свое одметнике.
 Нѣ, брате, на свѣту жалости,
 Нити има такове тамности,
 Нити има такове пропасти,
 Ёрь су онде вражіе области.
 Нѣ разумъ нигда разуміо,
 Ни мудрый се човѣкъ домысліо,
 Какъ ѿ, друже, паклена тамница,
 Кою створи вѣчнѣга десница.
 Страховита подъ земльомъ пропасна,
 Теръ одъ Бога пакао зазвана,
 Ёрь у нѣму страшный оганъ гори,
 Кои увѣкъ осуѣне мори:
 Ёрь жестоку имаде вруѣину,
 И доисто велику жестину.
 Тко бы мога' изтомачит' сада,
 Тко ли, брате, разумѣт' икада
 Того огня престрашну вруѣину,
 Те вруѣине опаку жестину?
 Та ѿ мука много ядовита,
 Меѣу другим' мукам' страховита.
 Толико ѿ оный оганъ жестокъ,
 Да га неима ни западъ ни изтокъ.
 И кровь нѣихов' чини извирати,
 У костима мозакъ сажижати;
 И велике муке нѣим' даюѣи,
 А никада необлакшаюѣи,
 У нѣм' бы се гвожѣ растопило,
 И каменѣ у прахъ обратио.

Да упаде велика планина,
 Ил' Велебиѣъ, или ти Промина,
 У нѣм' бы се одмахъ разкинула,
 Да бы тврѣа и одъ туча была.
 Колико с юрѣ страшно видети,
 Колико ли мучниѣ трпѣти,
 Садъ на свѣту клачине ужгане,
 И веома пеѣи угрѣяне,
 И жераве врло разпухане,
 И све стѣне огнѣмъ угрѣяне,
 И остале све муке одъ свѣта,
 Кѣ су были одъ првога вѣка;
 То при Паклу наймана мучица,
 Ка' при огню наймана искрица,
 Ал' при мору наймана капљица,
 При свем' свѣту наймана травица.
 Такве муке кадъ бы у паклу были,
 Нѣима бы се лагахне чинили,
 Ка'но тѣлу сламицу посити,
 Подъ кѣмъ се неморешъ уморити.
 Осуѣне давно бы стратио,
 И давно ихъ у прахъ обратио,
 Ал' е вѣчный самъ Богъ одредіо,
 Пакленому огню наредіо,
 Да имаде у вѣке горѣти,
 Осуѣне у вѣке морити;
 Да ни еданъ нигда неумира,
 А никада да неима мира:
 Нити умрѣт' нигда неѣе моѣи,
 Неимадуѣ' никакве помоѣи.
 Што у пака' долази то веѣе,
 То се оганъ разжиже то жеѣе,

Брѣ е и пеѣ то веѣ ужгана,
 Што е веѣ дрва набацана:
 А у паклу што е веѣ людѣ,
 Све то веѣ онде ватру буди.
 Тешко ономѣ, ко туте пребыва,
 И такову баштину ужива,
 Болѣ бы му было neroѣну,
 Нег' у паклу тужну поставлѣну.
 То е плаѣ опакихъ грѣшника,
 Заповѣдѣй Божѣихъ преступника.

Ни ватрена мука нѣ сама,
 Него и ледѣ и велика слана.
 Онде мучи превелика зима,
 Ка у себи чудну студень има;
 Коя чини све вѣтре пухати,
 И снѣгове големе падати;
 Коя чини рѣке студенити,
 И юшѣ живе воде леденити;
 И крупице често ударати,
 Брезѣ престанка све мрази падати;
 Ка неима края ни почетка,
 По све вѣке, у вѣке, до вѣка.
 Све извире, нигда неувире,
 Нити има никакове мѣре;
 Све изходи, нигда несаходи,
 Све походи, нигда непроходи.
 Отровна е, неимаде лѣка:
 И дурат' ѣе у вѣке до вѣка.
 Яохъ ономѣ, ко туте пребыва,
 И такове баштине ужива.
 Болѣ бы му было neroѣну,
 Нег' у тому леду поставлѣну.

То є плаћа опакихъ грѣшника,
Заповѣдй Божіихъ преступника.

Іошъ су, друже, ту веће тамности,
Укоизимъ неима свѣтлости,
И ова є мука страховита,
Много већа него огнѣвита.

Душу чини све удиль цвилити,
Брѣ іой неда већъ Бога видити,
Ова тамность гора мркле ноћи,
Коіой мѣсець недаде помоћи;
Све є тмина, алъ неима зоре,
Єре у ньой сванути неморе.

Толико є тамна у вѣке вѣка,
Да неима никада доспѣтка.
Да бы у ню сунце завирило,
За Исусомъ ков є цвило,
Сунце бы се онде растужило,
И свою бы свѣтлость изгубило.

Туте сунце нигда незавири,
Нити бѣла зора незасвѣтли;
Ни Даница туте недоходи,
Ни никаква свѣтлость непроходи;
У тымъ тминамъ жестоко цвилеѣи,
Осуѣене душе прогонеѣи,
И велике муке нѣимъ даюѣи,
А никада необлакшаюѣи.

Болѣ бы му было neroђену,
Негъ у такимъ тминамъ поставлѣну.
То є плаћа опакихъ грѣшника,
Заповѣдй Божіихъ преступника.

Ко є муке такове видію,
Покору є у вѣке чинію,

Да бы такихъ мука неимао,
 Ни у такихъ мукахъ пребывао.
 Те бы муке у радости было,
 Кадъ бы годъ dospĭтакъ видиле;
 Али друже ту нѣ dospĭтка
 По све вѣке, у вѣке, до вѣка.

Вѣчность има врата пригвоздена
 Терѣ Божиимъ ключемъ затворена,
 И само се онда отвораю,
 Када душе у пака' примаю.
 Срѣ е Божя правда наредила,
 На врати е паклу одредила,
 Кои годъ унутра улазе,
 Да веѣ надворъ нигда неивлазе.
 Нѣ вѣчность дана недѣльица,
 Нит' е мѣсець, нит' е годиница;
 Нѣ она хиляда година,
 Него, брате, у вѣке до вѣка.
 У вѣчности толико допире,
 Колико нигда ни Богъ неумире.
 Я немогу вѣчность изказати,
 Ни нѣзина вѣка приказати;
 Нити могу свега свѣта люди,
 Ни анѣли, кои но су мудри;
 Срѣ е вѣчность како оно коло,
 Терѣ се врти паклу наоколо,
 Све почима, нигда недospĭва,
 А у паклу у вѣке пребыва,
 Яохъ ономъ, ко туге упане,
 Срѣ нигда веѣ неустане;
 Срѣ ѣ туге яохъ! говорити,
 А у паклу у вѣке горѣти:

Докле ћемо овде уздысати,
 У тамници овой сужнявати?
 Кадъ ли ће намъ зора забълити?
 Кадъ ли сяйно сунце завирити?
 Кадъ ће намъ се та Богъ умолити,
 Теръ насъ страшномъ смрти поморити,
 Да у мукамъ овимъ неживемо,
 И да за се тужни незнадемо?
 Тадъ врагови нѣма одговоре:
 Юшъ ће бити вама све то горе.
 Сръ се овде нигда неумира,
 А никада неимаде мира.
 Већ мучите јдне слуге наше,
 Ово куће и ваше и наше,
 Кое ћемо увѣкъ уживати,
 У жалости свакој пребивати.
 Юшъ се нѣма врагови ругаю,
 Нека муку юшъ већу имаю:
 На свѣту сте изпразно пѣвали,
 Лѣпше и лѣпше юштера играли.
 Мы хоћемо пѣвати и сада,
 „Нећу Бога видити никада!“
 О грѣшнице, жалостна пѣваня,
 Жалостниг' юштера уфаня.
 Када чую ове разговоре,
 Одъ жалости у пака' заноре,
 Вапюћи онде све то горе,
 Сръ имъ мука доспѣти неморе.
 То е плаћа опакихъ грѣшника,
 Заповѣдй Божіихъ преступника.
 Колико е на свемъ небу звѣзда,
 Кое човѣкъ неизброи нигда,

Да толико годин' буду были ,
 И паклену тамницу поднѣли ,
 То бы нѣма све за ништо было ,
 Кадъ бы икадъ досиѣтакъ видало .

Колико е у свем' Раю светыхъ ,
 И колико у Паклу проклетыхъ ,
 Да толико годин' буду были и т. д.

Колико е на горам' листовъ ,
 И колико на травам' цвѣтовъ ,
 Да толико годин' и т. д.

Колико е зрна у пршинам' ,
 И колико длака на живинам' ,
 Да толико годин' и т. д.

Колико е крупиц' у планинам' ,
 И каплѣца дажда у равнинам' ,
 Да толико годин' и т. д.

Колико е у огню искрица ,
 И колико у мору рыбица ,
 Да толико годин' и т. д.

Колико е летуѣнихъ птичица ,
 И колико на свѣту мравица ,
 Да толико годин' и т. д.

Колико е оса и пчелица ,
 И колико малыхъ комарица ,
 Да толико годин' и т. д.

Колико е свуда живиница ,
 И колико снѣга пластунѣца ,
 Да толико годин' и т. д.

Колико е на свѣту створеня,
 Одъ конзихъ нѣ успомена,
 Да толико годин' буду были,
 И паклену тамницу поднѣли:
 То бы нѣма све за ништо было,
 Кадъ бы годъ доспѣтакъ видило.
 Алл, друже, ту нѣ доспѣтка,
 По све вѣке, у вѣке, до вѣка.
 Еръ е вѣчностъ као едно коло,
 Теръ се врти паклу наоколо;
 Све почима, нигда недоспѣва,
 А у паклу у вѣке пребыва;
 Све походи, нигда непроходи,
 Све изходи, нигда незаходи.
 Изписати нигда нитко неће,
 Нег' прилику свакиј свою меће;
 Да бы писа' и дневи и ноћи,
 Изписати нигда неће моћи;
 Нити могу свега свѣта люди,
 Ни анѣли, кои'но су мудри,
 Колика е паклена дубина,
 И колико нѣгова ширина.
 А у вѣку толико допире,
 Колик' нигда ни Богъ неумире.
 Тежко ономъ, ко туте пребыва,
 И такову баштину ужива.
 То е плаћа опакихъ грѣшника,
 Заповѣдй Божіихъ преступника.
 Птица мала, да бы долетела,
 И када бы све воде попила,
 Едну каплю кадъ бы она пила
 У хиляду хиляда година,

Теръ да бы имъ ткогодъ доказао,
 И у паклу нѣма приказао,
 Да ѣ' имъ тада довршити вѣчность,
 Имали бы меѣу собомъ радость.

Малый дѣтиѣ кад'но бы преліо,
 И на друго мѣсто самъ преніо
 Сва езера одъ морске дубине,
 У коизимъ неимаде міре,
 Теръ да бы имъ ткогодъ доказао и. т. д.

Малый црвакъ кадъ бы подгривао,
 И сву гору свѣта прегривао,
 Само едномъ да бы угривао,
 Кадъ бы хиляд' година лежао,
 Теръ да бы имъ и т. д.

Малый мравакъ кадъ бы прелізао,
 Прѣко свега свѣта прегмизао,
 Ипшо едномъ кадъ бы корачіо,
 Кадъ бы хиляд' година свршіо,
 Теръ да бы имъ ткогодъ доказао
 И у паклу нѣма приказао,
 Да ѣ'имъ тадай довршити вѣчность,
 Имали бы меѣу собомъ радость.
 Али вѣчность нигда недоспѣва
 Яохъ ономъ, тко туте пребыва.
 То е плаѣа опакихъ грѣшника,
 Заповѣдій Божіихъ преступника.

III.

АНДРІЯ КАЧИЊЪ

изъ дѣла „Разговоръ угодный народа
словинского

(1756)

1.

Пѣсма одъ краля Владимира.

Горко цвили сужанъ Владимире,
У тамницы краля бугарскога.
Горко цвили, данакъ проклиняше,
У кои се на свѣтъ породію.

Сцѣни яданъ, да нечуе нико;
Ал' то чуе Косара дѣвойка,
Лѣпа кѣрца краля бугарскога,
Кои быше рода словинскога.

Пыта нѣга Косара дѣвойка:
„Што е теби, мой сужню невольный?
Али ти е майка омилила?
Али ти е жао завычая?

Али ти е гладакъ додію?
Ал' тамница, ядна куѣа твоя?
Ал' на ногу негве до колѣна?
Ал' на руку тежке лисичине?

Ал си чуо, мой сужню невольный!
 Да с' удае вѣрна любя твоя?
 Теръ проклинѣшъ данке и године,
 И старицу ядну майку твою.“

Говори їой сужанъ Владимире:
 „Прођи ме се Бугарко дѣвойко!
 Нїе мени жао завычая,
 Нити ми е омилила майка,

Нит' е мени гладакъ додіяо,
 Ни тамница ядна кућа моя,
 Ни на ногу негве до колѣна,
 На на руку тежке лисичине,

Нит' с' удае вѣрна любя моя,
 Ёръ се досадъ нисамъ оженію,
 Нити ћу се яданъ оженити,
 Ёрбо ћу ти брво погинути

У тамниці краля бугарскога,
 Самуела, да га Богъ убїе.
 На вѣри е мене преварио,
 У тамницу тамну поставїо.“

Јошъ му вели Косара дѣвойка:
 „Та рецы ми мой сужню невольный!
 Одъ куда си? одъ кое ли землѣ?
 Одъ кога ли рода и племена?“

Говори їой дѣте Владимире:
 „Ја самъ сужанъ одъ Херцеговине,
 Дворио самъ краля словинскога
 У Трѣбиню граду бїелому.

Што ме пыташъ за родъ и за племе,
 И то ћу ти повѣдити право;

Я самъ, секо, рода господскога,
Ал' самъ сужань краля бугарскога.

У мене в блага небровно,
Моя бы ме изкупила майка;
Ал' ме кралю неда на одкупе,
Него ишће русу главу мою!“

Тѣшила га Косара дѣвойка:
„Немой цвилит' мой сужню невольный!
Я самъ кѣрца краля бугарскога,
Самуела, господара твоя.

Расплитат' љу жуте косе мое,
Любит' љу му скута и колѣна,
Ноге љу му сузам' поливати,
Живымъ љу га Богомъ заклиняти,

Да те пусти изъ тамнице тамне,
И пошалѣ старой майцы твоіой,
Нек' се твоя обвесели майка,
Кадъ угледа Владимира сынка“.

Пакъ одшета бѣлу двору свому;
Теръ се сама собомъ разговара:
„Што самъ гoderъ видила юнака
Словинскога рода и племена,

Я невиди лѣпшега юнака
Ни лѣпшега, ни присталиѣга,
Нит' га може породити майка,
Одъ младога сужня Владимира.“

Пакъ улѣзе у дворе бiвеле,
Люби баби скута и колѣна,
Ноге му в сузам' обливала,
Овако е баби говорила:

„Даруй мени сужня Владимира,
 За моего вѣрна заручника,
 А тако ти свѣтле круне твоє!
 И тако ти сынка Родомира!

Чини ми се, мой милый бабайко!
 Да ће бити рода господскога.
 Дворіо в краля словинскога,
 Лѣпо збори, понизно говори.

Опрости га изъ тамнице, бабо!
 А тако ти срца коня твога,
 И тако ти бритке хорде твоє!
 Бръ в лѣпо момче херцеговче.“

На то се в краљу насміяю,
 Косари в тихо говоріо:
 „Ніе оно момче херцеговче,
 Већъ в оно краљу Владимире!

Я немогу друго учинити,
 Валя ми га теби даровати,
 Сва в твоя слика и прилика,
 Слави нѣга Крбава и Лика.“

Кадъ разуми Косара дѣвойка,
 Да ће бити краљица словинска,
 Одъ драгости сузе проливаше,
 Свому баби руке целиваше.

Одъ тамнице ключе узимала
 Тамниці в врата отворала,
 Владимира сужня дозываше,
 Теръ овако нѣму говораше:

„Устани се, краљу Владимире!
 Теръ отари горке сузе твоє,

Ево тебе заручница зове,
Лѣпа кѣрца краля бугарскога.“

Кадъ е сужанъ рѣчи разумію,
Низъ образъ е сузамъ оборію,
Благосливлѣ Косару дѣвойку
Веће, него свою милу майку.

Пакъ изађе изъ тамнице тамне,
И отиђе къ двору дѣвойчину,
Лѣпо га е тасте дочекао,
За здравлѣ се съ нѣмѣ упытао.

Зове къ себи бугарске терзіе,
Да му кров са златомъ хальине.
Облачи га у скерлетъ и злато,
Сійну сужанъ кано сунце жарко.

Племенитъ е советъ учинію,
Господу е на советъ сазвао,
Вѣнча нѣга съ Косаромъ дѣвойкомъ,
Поврати му круну и кралѣство.

Ту веселѣ велико быяше,
Неможе се, побре, рећи више.
У двору су бубњи и свирале,
А прѣдъ дворомъ дивно коло игра.

У колу су Бугарке дѣвойке,
Коло води сека Косарина,
Лѣпе она пѣсме изводила,
Сваку пѣсму секи припѣвала.

Да е кому погледати было
Самуела, краля бугарскога,
Како свога зета целиваше,
Целиваше, и благосливяше.

„Ходи съ Богомъ, драго дѣте мое!
 На путу ти добра сръѣа была!
 Пуно самъ ти, сынно, сагрѣшию,
 И старицу майку разцвѣлю,

Држеѣи те у тамницы тамной,
 Мореѣи те и жеѣомъ и гладомъ;
 Узми, сынно, заручницу твою,
 Поведи е къ бѣлу двору твоему.

Поздрави ми словинску господу,
 И старицу милу майку твою,
 Кою но самъ врло уврѣдио,
 Бреззаконѣ свако учинію.“

Свими дѣліямъ пѣсма на поштенѣ,
 Богъ намъ дао здравлѣ и веселѣ!

2.

Пѣсма одъ Кров.

Одъ када су цари постанули
 У Ђдрени граду біелому,
 Ніе веѣа войска сакуплѣна,
 На витеза бана Скендербега,

Што сакупи Муратъ царе силный.
 Купію е годину данака.
 Када ли е сакупио быше,
 Диге войску на Крою біелу.

Колико е Тиранъ полъ равно,
 Изподъ Кров града біелога,
 Свега су га Турцы притиснули,
 И попели бѣле чадорове.

Кадъ ли войска починула быше,
 Силный Муратъ бѣлу кнѣзю пише,
 Теръ в шалъ кройскомъ капитану,
 По имени кнезу Вранянину.

У кнѣзи га Муратъ поздравляше,
 Теръ овако нѣму говораше:
 „Лѣпа поздравъ млади капитану,
 Вранянину одъ старине бану,

Кою шалъ господаръ одъ свѣта,
 По имени Муратъ Сулимане,
 Бритка Сабла Бога великога,
 И буздоханъ светца Мухамеда.

Видіо си, кнеже Вранянине!
 Силну войску подъ Кройномъ градомъ,
 Бы ли лашнѣ вѣзде преброіо,
 Него войску цара честитога.

Ово есу свати витезови,
 Лѣпи свати Мемеда мовга,
 Кои су се довлемъ потрудили,
 По Крояну ліпу дѣвойку,

Кою' но самъ давно замѣріо,
 Замѣріо и прстеновао
 За мовга сына найдражега,
 По имени Мемеда младога.

Вранянине кройскій капитане!
 Ил' ми предай Крою поноситеу,
 Или чекай свате витезове.
 И приправляй господске дарове,

Изъ бостана румене ябуке,
 Русе главе твоихъ витезова,
 Сви су мои свати поносити,
 За друге ти нехаю дарове.“

Нѣму кнеже кнѣигу одписуе,
 У кнѣизи се старцу подругуе:
 „Небудали, мой старче невольный!
 Нѣ Кроя за Турке дѣвойка!

Ерѣ одѣ давна има господара,
 По имену Кастріотиѣ бана,
 Кои бы се прѣе потурчио,
 Него бы е теби даровао.

Ходи кѣ мени, кадѣ е теби драго,
 И сви твои свати витезови,
 Лѣпе самѣ имѣ даре приправіо,
 Црна праха и тежка олова.

Поздравля те Крояна госпоя,
 Заручница Кастріотиѣ бана,
 Лѣпе ти е даре приправила,
 Бритку саблю Юре господара.“

Када га е царе разуміо,
 То е нѣму и помучно было,
 Али му се ино немогаше,
 Веѣъ господи тихо бесѣђаше:

„Ево Врана кнѣигу одписуе,
 У кнѣизи се мени подругуе:
 Да ми неѣе поклонити града,
 Докѣ е нѣму на рамену глава.

Ал' ево му тврду вѣру дамъ:
 Ако ми га ухватити Богъ да,
 Црне ѣу му очи извадити,
 Жива ѣу га на мѣхе дерати.

Валя, да мы рано уранимо,
 Теръ на Крою складно ударимо.
 Ко ухвати кнеза Вранянина,
 За пашу ѣу нѣга учинити.“ —

Ющъ небыше зора забѣлила,
 Завикаше цареви телари:
 „На нозе се Турцы витезови!
 Да се иде Кроя узимати.“

Скочише се паше и везири,
 Одъ бедрица саблѣ повадише,
 Баряктари развише баряке,
 Алайбези подигоше войску,

Теръ на Крою юришъ учинише,
 Са свихъ страна нагло ударише.
 Съ едне стране Турцы янъичари,
 Съ друге стране паше и сеймени.

Ес' ли, побре, икада видіо,
 Када снѣжакъ лети изъ облака,
 Тако стрѣле у градъ долѣѣаху,
 Теръ войникомъ ране задаваху.

А тресе се дрвлѣ и каменѣ
 Око Крое высоке планине,
 Одъ топова, шипа, и пушака,
 Одъ яука ранѣныхъ юнака.

Надъ Кроіомъ в сунце помрчило
 Одъ црнога праха и олова,
 А зидови крвави быяху
 Све одъ крвце царевыхъ делія.

Бѣла града неузеше Турцы,
 Него подъ нымъ многи изгибоше,
 Око града на снопѣ лежаху,
 Теръ Мурату яде задаваху.

Али ево и горѣ жалости!
 Удри Юре изъ горе зелене
 На коньике цара честитога,
 Теръ погуби хиляду Турака.

Изподъ Кров то Муратъ гледаше,
 Браду гулеѣ сузе проливаше.
 Диге войску изподъ бѣла града
 Пакъ улѣзе подъ чадоре бѣле.

За три данка ни съ кимъ неговори,
 Нити кланя, нитъ абдестъ узимлѣ,
 Кадъ четвертый данакъ освануо,
 Зове Муратъ паше и везире.

Срдито в нѣма говоріо:
 „Ал' сте дошли Крою освоити,
 Ал' Мурата цара укупати
 На Тирани полю широкому?

Ево вами тврду вѣру даемъ:
 Ако сютра Крою неузмете,
 Живе ѣу васъ у топе меѣати,
 И съ вами ѣу Крою узимати.“

Када ли е данакъ освануо,
 Ударише турски таламбаси,
 Свѣтле саблѣ паше повадише,
 Янѣчаре на градъ натѣраше.

Лѣстве носе паше и сеймени,
 Теръ ин међу граду узъ бедене;
 Ал' се бране витежки грађани,
 Лѣстве ломе, одсѣцаю главе.

Ахъ, мой Боже! големе жалости!
 Тежка ти се крвца проливаше,
 Нивъ долину она тецяше,
 У Дрину се рѣку саливаше.

Малено е врѣме постаяло,
 Удри Юре изъ горе зелене
 На чадоре цара честитого,
 Сѣче Турке, ни броя се незна.

Када га е Муратъ угледао,
 Изподъ Крое града бѣлого,
 Овако е царе бесѣдио,
 Да слушаю паше и везири:

„Скендербеже, горска хараміо!
 Веле ти си мени додѣяо,
 И юначкихъ глава одсѣкао;
 Али твоє неодсѣче нико.

Али имашъ конѣ бѣде Виле?
 Ал' юнаке сѣве соколове?
 Ал' е твоє одъ мавіє тѣло?
 Брѣ ти сабля нахудит' неможе!

На Адама често ударасмо,
 И нѣгову войску изсѣкосмо;
 Боякъ бисмо съ царемъ Константиномъ,
 И нѣгову землю освоисмо,

Побисмо се съ кралѣмъ Караманомъ,
 Теръ нѣгово царство освоисмо;
 Боякъ бисмо съ кралѣмъ Владиславомъ,
 И русу му главу одсѣкосмо:

А садъ има пуно годиница,
 Да воюемъ, и да боякъ біемъ,
 Да бы съ киме, небы ни жалію,
 Већъ съ хайдукомъ одъ Кройна баномъ,

Кога нигда придобит' немогохъ,
 Ни на силу, нити на прѣвару.
 И ово су люте ране мое,
 Кое нигда преболѣти нећу.

Што ће рећи кральи и цесари,
 Што л' остали бани и главари:
 Ко придобы силу Муратову?
 Ко л' изсѣче Турке янъичаре?

Послахъ на нѣг' Али-нашу мога,
 И съ нѣмъ войске четр'естъ хиляда,
 Све коньика, по изборъ войника,
 Да погубе Скендербега бана,

Ил' погубе, ил' доведу жива.
 Ал' невѣрный Кастріотићъ бане
 Сву изсѣче силну войску мою
 Насрѣдъ Дибре поля великога.

Опетъ послахъ Фериш-пашу мога,
 И съ нѣмъ войске петнаестъ хиляда,
 Небы ли га обноѣтъ прѣварію,
 И русу му главу одсѣкао;

Ал' проклетый Скендербеже бане
 Изъ потайныхъ удари бусія,
 Теръ погуби Фериш-пашу мога,
 И нѣгову на прѣвари войску.

Поуздахъ се у Мустапу мога,
 Да ће добытъ Скендербега бана;
 Али змія Кастріотиѣ Юре
 Разби пашу, изсѣче му войску.

За осветит' мое витезове
 Одъ Скенера бана изсѣчене
 Скупихъ войску, пойдохъ къ Светиграду,
 Да на силу я освоимъ нѣга.

Освоихъ га, — али на прѣвари:
 А када се натрагъ повратисмо,
 Теръ преброихъ силну войску мою,
 Ал' то нейма половина войске.

Ово има по године дана,
 Да я біемъ Крою са свихъ страна,
 Немогу в тужанъ освоити,
 Ни на силу, нити на прѣвару;

Веѣъ изгибе силна войска моя
 Подъ Крояномъ, онъ се небѣлю!
 И іоштъ ме в болестъ обхрвала
 Одъ старости и тежке жалости.



Помози ми, светче Мухамеде!
 Кои си ме досадъ помагао;
 Ако ли ме ты помоћи нећешъ,
 Сво ти се кунемъ на ђитапу:

Разорит' ђу високе мунаре,
 А видат' ђу цркве и олtare;
 Разковат' ђу сребрне ибрике,
 А коват' ђу криже и належе;

Погубит' ђу оцу великога,
 Кланят' ђу се папи латинскому!“ —
 То изусти, а душу изпусти
 Подъ Крояномъ на пољу равному,

И полети къ светцу Мухамеду,
 Теръ се Муратъ съ њиме барабари,
 Близу светца подвигъ ноге сѣде,
 Лулу пиюћ', на ватри се гриюћ'!

3.

Пѣсма одъ Беча.

Рано рани Текелія бане,
 Бѣле књиге пише на све стране;
 Едну шалъ Ердельићу бану,
 И господи одъ землѣ хорватске:

„Ердельићу, одъ Хорвата бане!
 Ево има пуно годин' дана,
 Одъ када смо краља изгубили,
 Одъ нашега славнога народа,

А дворимо краля туянина,
 По имену цара Леополда.
 Камо наша уживаня стара?
 Гди є слава унгарске госпoде?

Већъ є врѣме, да се пробудимо,
 И нашега краля освоимо,
 Кои ће насъ миловати лѣпо,
 Кано майка сынове єдине.

Сво наукъ Текеліє бана:
 Одбѣгните бечкога цесара,
 Теръ за краля мене окруните
 У Пожуну граду бѣлому.

Я имадемъ доста лѣпа блага,
 Сакупит' љу мое Угричиће,
 Освоит' љу бѣле градове,
 Све до Беча и около нѣга;

Дат' љу вама поля и ливаде,
 Лѣпа села, богате вароше,
 И бѣле куле и градове,
 Што но вамъ є дѣдовина стара.

Ако ли ме послушат' нећете,
 Подигнут' љу унгарске катане,
 Поробит' љу хорватске државе
 До Любляне града бѣлого.

Нудеръ лудо негубите главе,
 Већъ се моіой круни подложите,
 Како се скоро подложише,
 Витезови унгарски кнезови.“ —

Другу быше кнѣгу написао,
 Теръ в шалъ цару честитому:
 „Султанъ царе, милый господаре!
 Ево теби добре гласе кажемъ;

За краля су мене учинили,
 Угричиѣи, мои витезови;
 Ал' се боимъ душманина твога
 Леополда цара нѣмачкога.

Веѣъ те молимъ, мой честитый царе!
 Да сакупишъ силу войску твою,
 Я ѣу мов младе Угричиѣе,
 Ердель равный и сву Унгарію,

Отѣх' ѣмо къ Бечу бѣлому,
 Ласно ѣмо освоити нѣга,
 Германію, и сву Италію
 Башъ до Рима града бѣлога

Садъ в врѣме, мой честитый царе!
 Да осветишъ твое яньичаре,
 И погубишъ душманина твога,
 Леополда цара нѣмачкога,

Кои ти в пуно додію,
 Яньичаре твое изсѣкао.
 Доспѣваюѣ кланямъ ти се лѣпо,
 Теръ ти любимъ скута и колѣна.“

Одписуе Ердельиѣу бане,
 И господа одъ хорватске стране:
 „Небудали, момче силовито!
 Младо, здраво, пуно поносито!

Другому се кралою некланямо,
 Нег' цесару старцу Леополду,
 Коино є мила майка наша,
 Како знаде и доброта ваша.

Прія ћемо главе погубити,
 Него тебе за краля познати,
 Кои неймашъ вѣре ни закона,
 Веђъ Калвина шутовшъ кано Бога,“

Одписув Мемедъ царе силный:
 „Слуго вѣрна, Текелія бане!
 Неће пройти два мѣсеца дана,
 Дойт' ће теби помоћ са свихъ страна!“

Што є река', порека' се ние,
 Силену є войску сакупію,
 Одъ Багдата до Царевыхъ врата,
 Све покупи по изборъ юнака.

Палестину и Азію равну,
 Рѣманію и сву Булгарію,
 Арбанію и Македонію,
 Славну Босну и Херцеговину,

Каравлашку и Карабогданску,
 Татарію до Бендера града,
 Славнію, Лику и Ћрбаву,
 Котаръ равный и Сѣньску државу.

Када ли се войска подигнула,
 Прѣко лѣпе землѣ Унгаріе,
 Пребронит' є нигдо немогаше,
 Дочекат' є нигдо несміяше.

Оде войска къ Бечу біелому
 Пѣваюћи, конѣ играюћи,
 Прѣдъ нѣоме су наше и везири,
 Люти змаи цара честитого.

Сильный витезъ, великій везире,
 По имену Карали Мустапа;
 Везир-паша одъ Будима града,
 По имену Дели-Ибрахиме;

Ольи-Оца, паша одъ Софіе;
 Амет-ага, великій бѣхая;
 Караменед-паша одъ Алепа;
 Борбег-паша одъ Мисира града;

Бидир-паша одъ Босне поносне,
 Мустап-паша одъ Херцеговине;
 И тефтедаръ цара честитого,
 По имену Ефенди Асана;

Осман-паша везиръ одъ спяхія;
 Топци-паша одъ свѣтла оружя;
 Али-паша одъ Караманіе;
 Омеръ-паша одъ Каранзара;

Мустай-беже, ага яньичарскій;
 Амет-паша града Темишвара;
 Борбег-везиръ, паша одъ Дамаска;
 Али-паша одъ Бурсіе града;

Ольи-Аметъ паша одъ Агриѣ;
 Осман-ольи паша одъ Бутая;
 Асан-паша одъ грчке државѣ;
 Емиръ-паша одъ Едена града;

Ислан-везиръ, паша Никопольскій;
 Одъ Мараса сильный Амет-паша;
 Али-паша одъ града Анцыра;
 Одъ Болика паша Усейне.

Остале ти пѣвати немогу,
 Еръ бы пѣсма одвеѣъ дуга была.
 Ал' послушай, мой милый браене!
 Да ти кажемъ туге и чемере,

Турска войска куда пролазаше,
 Онде куга морія моряше;
 Старо сѣку, малу дѣцу колю,
 А дѣвойке воде у сужаньство.

Докъ су дошли до Беча бѣлога,
 Сто хиляда робя заробише,
 Мало манѣ глава одсѣкоше,
 Тако, побре, мудри люди пишу.

Малено е врѣме постаяло,
 Леополду бѣла кнѣига доѣ
 Одъ Лорене Дуке великога.
 У кнѣизи е нѣму бесѣдіо:

„Свѣтла круно, великій цесаре!
 Ето на те сва сила царева.
 Прѣдъ ньоме е великій везире,
 По имену Карали Мустапа.

Бѣжи, старче, куда годѣръ знадешъ,
 Немой лудо изгубити главе.“
 Кадъ е цесаръ кнѣигу прогледао,
 Одъ жалости быше проплакао.

Пакъ дозываетъ кнеза Штаренберга,
 Овако в нѣму говоріо:
 „Штаренберже одъ старине кнеже!
 Ты си мени вазда вѣранъ быо.

Предасмъ ти круну и цесарство,
 Бечъ біелый, и мое прѣстолѣ.
 Уьми войске колико ти драго,
 Брани града, кано свою главу,

А я идемъ одъ града до града,
 Искатъ помохъ одъ стара и млада.
 Неплаши се, мой сивый соколе!
 Брзо ће ти добра помохъ дойти.“

Кадъ ли се в ноѣца ухватила,
 Бѣжи цесаръ изъ біела града,
 Съ собомъ води дѣцу и любовцу,
 Слуге свое и дворане младе.

У Бечу се изданца нађе,
 Теръ доказа Текелін бану:
 „Зло га лега' и зорицу заспа',
 Утече ти цесаръ Леополдо!“

Кадъ в бане разуміо гласе,
 Скочио се на коня витеза,
 За цесаромъ у потѣру трче,
 Ал' га бане достигнут' неможе;

Брзъ утече горицомъ зеленомъ,
 Здравомъ дође къ Линцу біелому,
 На путу му лоша срѣћа быше,
 Пустахив изъ горе удрише,

Отеше му сребрне танюре,
 Златне купе, коим' пів вино,
 Ни то нѣма доста небыяше,
 Веѣъ црковну одору отеше.

Мало тога врѣме постаяло,
 Гласъ допаде старцу Леополду:
 „Бѣж', цесаре! ето Угри на те;
 Нит' ѣешъ остат', нит' однѣти главе!“

Кадъ е цесаръ гласе разуміо,
 Прія зоре быше уранію,
 Теръ побѣже прѣко Германіе
 Подалеко у градъ Пасавію.

Али ево яда и горѣга!
 Све до Беча Турцы освоише;
 Опалише Татари вароше,
 Оборише куле и градове.

Дымови се до неба дигоше
 Одъ Будима до Беча бѣлога;
 А кадъ бы се ноѣца ухватила,
 Свакога бы туга обуяла,

Гледаюѣи огнѣне пламене,
 Гдѣ се дижу гори у высине.
 Одъ онога огня пакленого
 Око Беча града бѣлого.

Те жалости Бечани гледаху,
 Горко цвиле, сузе проливаху;
 Ал' ии тѣши Штаренбергъ витеже,
 Сильный юнакъ, одъ старине кнеже.

„Небойте се Бечани грађани!
 Неће Турцы нахудити нами!
 Метимо се у Божије руке,
 Ласно ћемо предобити Турке,

За Исуса мы боякъ биемо,
 И за нѣга крвцу пролиемо,
 За нашега доброга цесара,
 За родбину и за отачбину.“

Истомъ витезъ тако бесѣђаше;
 И дружину свою слобођаше,
 Видише се пѣшцы и коньицы,
 А баряцы кано и облацы
 Око Беча града бѣлого.

Колико е полъ наоколо,
 По нѣму се друго невиђаше,
 Него пѣшцы, коньи, и коньицы,
 Чадорови и алай-баряцы!

Српня дана тринаестый быше,
 Када подъ Бечъ Турцы довоздише;
 Чадоръ пейъ великій везире
 Прамъ бѣлу двору цесарову.

Каву піе, бѣлу кнѣигу пише,
 Теръ е шалъ младу генералу,
 Штаренбергу одъ Беча главару,
 Турски пише, теръ му яко прѣти:

„Баурине, бечкій капитане,
 Невѣрниче, Бога одметниче!
 Кудъ ћешъ сада, на кою ли страну?
 Божя срѣба ево паде на те,

И на твога краля невѣрнаго,
 Леополда цара нѣмачкога,
 Кои бѣжи одъ града до града,
 Да утече срѣбу Мемедову.

Ал' ево му тврду вѣру даемъ,
 Нек' се крые, кудъ е нѣму драго,
 По планинам' и густым' дубравам',
 Нит' ъе утеѣ', на однѣти главе.

Тебе, бане! и твоє грађане,
 Понукуемъ кано и сынове,
 Да бацые те орле крсташе
 Одъ двѣ главе, зло узданѣ ваше,

А метнете цареве баряке
 На бедене Беча бієлога.
 Чекат' ѣу васъ по' бієла данка,
 Срѣ е везиръ ваша мила майка.“

Кнѣигу штѣе бечкій генерале,
 Кнѣигу штѣе, а на ню се смѣе;
 . Одговори Мустапу везиру
 Црнымъ прахомъ и тежкимъ оловомъ.

Кадъ то види Мустапа везире,
 Поче копат' тврде метеризе,
 И намѣштат' големе топове
 Око Беча града бієлога,

Са свихъ страна живый оганъ дае,
 Теръ га біє нигда непрестае:
 Оре куле, дворе цесарове,
 Пробіяху одъ града зидове.

Бечъ біѣлый лѣпо одговара:
 Небом се силеного цара.
 Живый огань изъ нѣга сипаше
 На алае Турке разгоняше.

Али Турцы нигда непрестаю,
 Веѣъ подъ градомъ лагумъ подкапаю:
 Три велика пуно страховита
 Ужегоше на двадесеть и три.

Потресе се полъ наоколо,
 Дунай вода, дрвлѣ и каменѣ,
 Бечъ біѣлый, високе планине;
 Дымъ се диже гори у вышине.

Яньичари юришъ учинише
 Съ голымъ саблямъ на градъ ударише:
 У граду ѿи войска дочекала,
 На Турке е огань оборила,

Гранатири огнѣнымъ гранатамъ,
 А пушкарѣ прахомъ и оловомъ,
 Витезовѣ саблямъ и кадарамъ,
 А граѣани дрвѣмъ и каменѣмъ.

Изгибоше Турцы яньичари,
 Алъ біѣла нѣузеше града,
 Веѣъ срамотни натрагъ побѣгоше,
 Избіѣни, люто изранѣни.

Непроѣгоше два біѣла данка,
 Три лагума Турцы ужегоше:
 Стаде вика у граду юнака.
 Силни Турцы на градъ ударише.

Одъ зорице теръ до мукле ноѣце
 Непресташе на юришъ трчати;
 Ал' удари Серенъ генерале,
 Теръ потѣра Турке яньичаре,

Потѣра ихъ низъ то полѣ равно,
 Теръ ии сѣче, нигда непрестаетъ:
 Многе Турске онъ одсѣче главе,
 Опоштени цесаровде младе.

Свега Юла непресташе Турцы
 Яде даюѣ Бечу бѣлому:
 Лагумѣ лагуме жегуѣи,
 Яньичари юрише чинеѣи.

Али ево велике неволѣ!
 На четири Августа мѣсеца,
 Великъ Турцы лагумъ ужегоше,
 Теръ широка врата учинише;

Ударише тада яньичари,
 Силне баше, и сеймени Турцы,
 Са свихъ страна пѣшцы и коньщцы,
 Кано мрки изъ горице вуцы.

Али нѣма лоша срѣѣа быше,
 Брѣ ии огнѣмъ Нѣмцы изтѣраше.
 Оста мртвыхъ царевыхъ делѣя
 Око града, ни броя се незна.

Ево опетъ огня и горѣга!
 У по'ноѣи ударише Турцы,
 Петый данакъ Августа мѣсеца
 То ѣе реѣи нашки Коловоза.

Сійну свѣтлость по Бечу бѣлому,
И по Бечу и около нѣга,
У по' ноѣи, кано и у подне.
Одъ онога огня пакленого.

Шарампове освоише Турцы,
На нѣ меѣу зелене баряке;
Али Турцы тежко изгибоше,
А веѣе ихъ ране допадоше.

Сѣче Турке Лезле генерале,
По имену кнеже Александро;
Изтѣра ии нѣвъ бѣела града,
Теръ ии тѣра низъ то полѣ равно.

Када ли се натрагъ повратише,
Свакій носи главу одъ юнака;
Ал' погибе Лезле генерале:
Ей, витеже, покойна ти душа!

Юшъ ти, побре, лѣпше чудо кажемъ:
Скочіо се Даунъ генерале,
У по' ноѣи удари на Турке,
Теръ витежке окрвави руке.

То на седамъ Коловоза быше,
Кадъ се нико бою ненадаше;
Здраво се в натрагъ повратіо,
Янъичаре многе погубіо.

Али ко ѣе сили одолѣти?
Ко л' градове бѣле обранити?
Турска войска подъ земљицомъ сташе,
Теръ се на градъ бѣлый наслоняше.

Састаше се и Турцы и Нѣмцы,
 Да бы могли скупа вечерати,
 Ёданъ другомъ винце додавати.
 Садъ помысли туге и жалости!

Бчи земля подъ бѣлымъ градомъ,
 Лагумцѣ лагумъ подкапаю,
 Теръ граѣаномъ тежке ране даю,
 Чекаюѣи те смрти ненадне,

Говоріо Штаренберже кнеже:
 „Ко предаде бѣлу нѣйгу мою
 Свѣтлу бану, Дуки одъ Лорене,
 Дат' ѣу нѣму сто жутыхъ дуката.“

Сви юнацы мукомъ замукнуше,
 Али нехтѣ Микаловиѣъ Юре,
 Младо момче срѣца юначкога.
 Веѣъ е нѣму юнаѣъ бесѣдіо:

„Пиши кнѣйгу, милый господаре!
 Я ѣу поѣи къ Дуцы одъ Лорене,
 Посрѣдъ войске цара честитога.
 Говорит' ѣу турски и арапски.“

Кадъ е нѣга разуміо кнеже,
 Пише кнѣйгу, сузам' е полива,
 Теръ е шалѣ къ Дуцы одъ Лорене,
 Овако се съ нѣиме разговара:

„Генерале, и преведрый бане!
 Или незнашъ, ил' нехавшъ за насъ!
 Одъ Турака живит' неможемо,
 Ни браити Бѣча цесарова.

Ево има петдесетъ данака,
 Да га бію Турцы брезъ престанка.
 Съ едне стране бумбе и лумбарде
 Ору куле, и палаче бѣле :

Съ друге стране лагумъ подкапаю;
 Съ треће стране юришъ непрестав:
 Изгибоше мои генерали,
 Капитани, млади обрстари.

Да ты знадешъ, мой преведрый бане!
 Какви есу коньи у Турака!
 Да ии лютимъ уздамъ неузтежу,
 Скочили бы граду на бедене.

Турцы нама люте ране даю,
 Брезъ престанка беденъ подкапаю.
 Ходи съ войскомъ, што годъ прія морешъ,
 Ербо смо ти у невољи тяжелой.“

Одписуе Дука одъ Лорене:
 „Небрини се, млађанъ капитане!
 Неће проћи ни недѣля дана,
 Дойт' ће теби помоћ са свихъ страна.

На дванаестъ Септембра мѣсеца,
 Ударит' ће бубњи одъ истока
 Иваниша краля Полячкога,
 Исъ нѣмъ войске тридесетъ хиляда:

Други ће ти ударити бубњи
 Одъ запада, гдѣ почива сунце,
 Мои бубњи, моя войска силна,
 Триѣсть хилядъ по изборъ Нѣмаца;

Треѣи ѣ ти бубнѣи ударити
 Одъ сѣвера Дуке Бавіере,
 И съ нѣмъ войско двадесетъ хилѣда,
 Али в то огня жестокога.“

Истомъ у градъ бѣла кнѣига доѣ,
 Потресе се дрвѣ и каменѣ:
 Живѣй лагумъ Турцы ужегоше,
 Тврдыи беденъ у лагумъ дигоше.

Велика се отворише врата,
 У ширину двадесетъ лаката.
 Бритке саблѣ Турцы повадише,
 Са свихъ страна на градъ ударише.

Ево, брате, боя великога,
 Ево рата, огня, жестокога!
 Ту се сѣку пѣшцы и конѣицы;
 Ту се боду силни копѣицы;

Люте косе косцы донесоше,
 Теръ по поли Турке изсѣкоше;
 Ту се брани мало и велико,
 Попи, фратри, жене и дѣвойке.

Бію Турке дрвѣмъ и каменѣмъ,
 Врѣломъ водомъ, пакломъ растоплѣннымъ,
 Ту се колю ножимъ и ханцаримъ,
 А бію се тежкимъ буздоханимъ.

Шкулари се юначки подиѣше:
 Силовито на Турке удрише;
 Едни сѣку, едни боду Турке,
 Теръ крѣаве свое бѣле руке.

Тадъ изгнѣ войска цесарова;
 Али турске ни брѣя се незна:
 Вѣла града Турцы неувеше,
 Гулеѣ браде назадъ побѣгоше.

Кадъ ли се в ноѣца ухватила,
 Граѣани се пеню на вышине,
 Къ небу меѣу огнѣне пламене,
 Изъ авоника светого Стѣпана;

На гласъ даю Дуцы одъ Лорене,
 Тужно станѣ Беча бѣлого.
 Лѣпо нѣма одговара Бане
 Одъ нѣмачкихъ высокихъ планина.

Одъ помоѣи вламеня даваше,
 Теръ граѣане Дука слобоѣаше,
 Да се бране за мало данака
 Одъ онызихъ невѣрныхъ Турака.

Кадъ ли доѣе данакъ дванаестый,
 Угледа се войска цесарова
 На планини светогъ Леополда,
 Силна войска Дуке одъ Лорене
 У прлѣно быше обучена.

Друга се в войска угледала,
 Сва у бѣло, побре, обучена;
 Дваестъ хилѣдъ силеныхъ юнака,
 И прѣдъ нѣма Дука Бавіере.

Треѣа се в угледала войска,
 У зелено сва в обучена;
 Силна войска краля полячкога,
 Иванѣиша змая огнѣнога,

Сійну бечко полѣ наоколо,
 Око нѣга высоке планине,
 Одъ оклопа и одъ оклопника,
 Одъ пушака, копя, и сабаля.

Генерали вѣће учинише,
 Како ће се ударит' на Турке.
 Десно крыло они одредише
 Великому кралою полячкому,

А да нѣму помоћницы буду:
 Младый витезъ херцегъ одъ Саксена,
 Лавембургго, змае одъ двѣ главе,
 И Рабата, бане генерале,

Юшъ два кнеза, на гласу витеза,
 Маѣарія Палфи генерале,
 И Гундула, витезъ гласовитый,
 Дубровчанинъ пуно племенитый.

Ови бѣху славни генерали
 Подъ барякомъ краля полячкога,
 Кои войскомъ нѣговомъ владаху,
 И подъ Бечемъ главе одсѣцаху.

Лѣво крыло одреѣено быше
 Великому бану одъ Лорене;
 Помоћнике нѣму поставише
 Силне лаве, орле одъ двѣ главе:

Одъ Бадена славнога херцега,
 Люту змию Лезлу генерала,
 Любомирка и Мерци барона,
 Крои бана, и Таѣ генерала.

На васъ дундаръ бани одредише
 Двѣ аждаѣ одъ землѣ нѣмачке:
 Бавіеру бана великога,
 И Сакксона херцѣга славнога.

Дадоше имъ добре помоѣннике,
 Ёданаестъ младыхъ генерала,
 А да нѣма лѣпо заповѣда
 Свѣтлый бане, принцыпъ одъ Валдека.

Три се силне упутитише войске
 Низъ планину светогъ Леополда;
 Кадъ су сашли на то полѣ равно,
 Генерали у редъ поставише
 Силне войске, да се бію съ Турцы.

Бой заметну Парела принцыпе,
 А за нѣме Лезле генерале;
 Са свымъ крыломъ удари на Турке
 Силный витезъ херцѣгъ одъ Лорене;

Краль полячкій ударіо быше
 Съ деснымъ крыломъ на дванаестъ паша,
 На Мустапу великогъ везира,
 И на младе Турке яньичаре;

Удри дундаръ Дука Бавіере
 На васъ дундаръ цара силеного.
 Ево боя, ево огня тежка!
 Ево, побре, мейдана витежка!

Одъ праха се ништа невиѣаше;
 Одъ топова ништа нечуяше;
 По свемъ полю крвца тецяяше,
 У Дунай се воду саливаше.

Ту се бише одъ ютра до подне;
 Юшъ се незна, чи мейданъ быше.
 Кадъ то види Дука одъ Лорене,
 Удри коня сребрнымъ мамузамъ,

Умѣша се у войску цареву
 Съ голомъ саблемъ у десницы руцы,
 А за нѣмѣ све крыло нѣгово,
 Теръ потѣра Турке витезове.

Мало послѣ Дука Бавіера
 Разби дундаръ цара силеного.
 Краль полячкій у потрѣби быше,
 Янъичари еръ му се упрѣше.

Неможе ии съ мѣста помѣстити,
 Нитъ ии може юнакъ придобити;
 Али нѣму добра помоѣ доѣ
 Одъ Лорене и одъ Бавіере.

Ударише едино на Турке,
 Потѣраше младе янъичаре,
 Теръ ии сѣку до мрклого мрака.
 Алъ утече Мустапа везире.

Осташе му огнѣни топови,
 Чадорови, бубнѣи и свирале;
 Остаде му азна и заира;
 Мртве войске петдесетъ хилѣда.

Бѣжи везиръ одъ града до града;
 Ёдва духатъ у Бѣоградъ доѣ,
 Онде му е горя срѣѣа была,
 Руса му е глава одсѣчена.

IV.

П Е Т А Р Ъ К Н Е Ж Е В И Ъ Ъ

1765.

изъ дѣла: *Мука господина нашего Исукерста и
плачъ машере нѣгове.*

Рѣчи писаоца.

— Сайде Пилать потомъ тога,
И видеѣи свезаного,
„Коя тужба рече нѣима,
Супротивъ тому одъ васъ има?“

Сви рекоше: „да злочинацъ,
По све нѣв, и іопъ хинацъ,
Овдѣ небы свезанъ быо,
Нит' бы га се тко додію.

А садъ ово сви велимо,
И чисто ти говоримо,
Да га смакнешъ и уморишъ,
А друго намъ неговоришъ.

Онъ бо вели, да е одъ Бога,
И сынъ да е Свемогога;
Онъ законе ставля нове,
Теръ се нашимъ кралѣмъ зове.

Е ли право, да се овакѣй
Човѣкъ пусти преопакѣй?
Еръ с' отежешъ? добро пази,
У зло кое неугази.

Ова коя приказасмо,
 И на знанѣ теби дасмо,
 Све су ствари одъ истине;
 Суди дакле нек' погине.“

Пилатъ рече: „кадъ велите,
 Да е кривацъ, и желите,
 Да погине, водите га,
 И по писму судите га.“

Тадъ гласъ опетъ сви дигоше,
 И съ вапаіомъ нѣм' рекоше;
 „То се нами непристон,
 Већъ у саму теби стон.“

Пилатъ онда нѣму рече:
 „Одкадъ име тако стече,
 Ето тебе кралѣмъ творе,
 Е л' истина, што говоре?“

Будућ' дотле муче стао
 Исусъ, и рѣчь нарекао,
 У мучаню тадъ престаде,
 Теръ м' одговоръ овый даде:

Исусъ.

„Ал' си одъ себе то познао,
 Али ти е тко казао?
 Краль есамъ ли ты м' упыта?
 Есамъ, ал' не овог' свѣта.“

Свѣта да оамъ краль овога;
 Имао быхъ и я кога,
 Кои бы ме садъ бранію,
 Теръ неб' овдѣ свезанъ быо.

Али самъ се родит' хтіо,
И човѣкъ се учинію,
Да нележи свѣтъ у тмина,
Веѣкъ некъ позна, што е истина.

У правицы тво годъ ходи,
Мене слыша, и находи:
Овако е, како велимъ,
Еръ спасеня свакомъ желимъ.“

Рѣчи исаоца.

Кадъ чу Пилатъ: „Небучите,
Рече, да ли промыслите,
Ніе тако то судити,
Веѣкъ трѣба е извидити.

Вы велите, да га уморимъ,
И да друго неговоримъ,
А я вами велимъ опетъ,
Теръ ѣу краля вашегъ пропетъ?“

Кадъ Пилата разумѣше,
До небеса гласъ пружише:
„Другогъ краля мы неймамо,
Цесару се сви кланямо.

Да немойдеръ веѣкъ каснити,
Ни толико ластанъ быти;
Хоѣе правда мѣсто свое,
Суди дакле, еръ право е.“

Пилатъ поче тадъ мыслити,
Како ѣе га избавити;
Рече слугам': „Узмите га,
Тере бичимъ избите га!“

Тада слуге нѣг' сграбѣше,
 Къ ступу свезавъ, тако бише,
 Да га быше крвь облила,
 И юшъ землю натопила.

Одртъ тако васъ быяше,
 Да се свака кость виѣшаше;
 Нит' му остаде нигдѣрь цѣло
 За ратъ игле славно тѣло.

Пакъ му руке опростише,
 И нанъ опетъ навалише,
 Біюх', ружех', и псуюхи,
 И за руго нанъ плююхи.

Тымъ сплетоше чудну круну,
 Преоптрога трня пуну,
 Теръ га шъ ньоме окрунише,
 И на главу штаним' сбише,

Ушло трнѣ у мождане
 Юръ быяше на све стране,
 И живъ само тадъ остаде,
 Да путь умре, еръ недаде.

Тако страшно изранѣна,
 И томъ круномъ окрунѣна
 Пилать пуку ту стоећи
 Указа га, говорећи:

„Ево човѣкъ, кои свога
 Неим' обличя юръ людскога,
 Зарадъ лютыхъ смртнѣхъ рана,
 Будућ' одртъ са свихъ страна.

Што савише веѣтъ желите?

Юръ какавъ є, сви видите:

А да речемъ по разлогу,

Права смакнут' я немогу.“

А кадъ види майка дѣва

Сынка свога едѣва жива,

Свега крѣю обливена,

И немилѣ нагрѣена,

Одъ жалости умираше

И брезъ свѣсти юръ быяще,

Кое како мало стече,

Наричуѣи едѣва рече:

Госпа.

„Аймехъ, сынокѣ, срѣце мое,

Тако ли є тѣло твое?

Тако л' ми те нагрѣише,

И за ругѣ окрунише!

Ево цѣлимъ и уздышемъ,

Ево едѣва душоу дышемъ:

Знамъ, да самъ ти тужна мати,

Ал' незнамъ ти помоѣ дати.

Глава, сынокѣ, какѣа ти є!

Сѣакъ бы реко, тѣоя нѣе.

Какавъ образъ, дико моя,

Крѣавъ, и пунъ мртѣог' зноя!

Еѣ, Пилате, яданъ быѣ,

Што си сада учинѣо?

Правѣа тѣоя теръ то ли є,

Да се дере, тѣо крѣивъ нѣе?

О нехарни вы жудіе,
 И немили крволіе,
 Што ми одъ сына учинисте,
 Зашто л' ми га нагрдисте?

Ніе ли васъ мшловао,
 Ніе л' чуда дйловао,
 Ніе л' мртвым' живётъ дао,
 А бетежне оздравляо?

Гди є законъ, любовъ гди є?
 Харность ваша така ли є?
 То ли нѣму повратисте,
 Послѣ добра, когъ примисте?

Садъ кому ѣу, кудъ ѣу, што ѣу
 На толику реѣи злоѣу,
 Видеѣ' пропасть пука мога,
 А прогната одъ свакога?

Цвили, кукай, тугуй, плачи,
 Штогодъ имашъ, све потлачи.
 Што ѣу тлачит', што л' м' остає,
 Кадъ ми тебе садъ нестає?

Што се добра хтѣт' могаше,
 У теби се нахоѣаше,
 И брезъ тебе, душо моя,
 Ніе мира ни покоя.“....

V.

ПЕТАРЪ ВУЛЕТНЪ

изъ дѣла: *Иосифъ праведный.*

пѣваня другогъ.

... Два годишта по овому
Краль Фараунъ, краль честитый,
Види ствари у сну своему,
Кѣ неморе разумѣти.

Зато сметенъ порадъ тога
Поче веле тужанъ быти,
Мыслеѣ', да бы наша' ткога,
Кой ѣ те сне стомачити.

Све покупи разумнике,
И мударце у полачу,
И закона научнике
Да му те сне изтомачу.

Свакъ ныхъ кралоу томачаше
По разуму разликому,
Што мудрѣ тко могаше
За угодит' кралоу своему.

Томаченя премъ да многа
Разумницы изведоше,
Да ли срдце краля свога
Упокоит' немогоше.

Бы пригода ова лѣпа,
 Да нехарный слуга оный
 Спомену се одъ Юсипа;
 Рѣчи оваке кралоу донѣ:

„Фарауну, круно славна,
 Стварь ѣе драга теби быти,
 Кѣ се сгоди мени одавна,
 Сада ѣу ти сва правити.

Я быхъ нашастъ у кривини,
 Два годишта юрь ѣе быти,
 И твоя ме милость чини
 У тамницу поставити.

Онде срѣхомъ намѣри се
 Жудіо младиѣъ лѣпа образа,
 Кои къ мени придружи се,
 И млоге ми ствари сказа.

Тако едномъ и мени се
 Нѣкакове ствари снише,
 И кадъ ютромъ пробуди се,
 Све му правихъ, како быше.

И рече ми, да ѣу опетъ
 У милости твоіой быти,
 А другому, да ѣе пропетъ
 Быт' на крижу, и умрѣти.

Што намъ рече, све се сгоди,
 А другчіе ништа небы,
 И онде се іошъ находи;
 Чин' га, кралоу, привест' къ себи.“

Кадъ е то краль разуміа,
 Службеникомъ заповѣди,
 Изъ тамнице да жудія
 Преданъ воде, да га види.

Службеницы потекоше
 Изъ тамнице да се изводи,
 Ту т' му власи остригоше,
 И умише свега у води.

Ту свукоше шъ нѣга халю,
 А другу му обукоше,
 Нарешена тако кралю
 Упоштению приведоше.

Видивши га краль целова,
 На прѣстолю своемъ сѣдећи,
 И лѣпо га помилова,
 Овако му говорећи:

„Ну, мой драгій, брезъ свакога
 Страха мени сада прави
 Ствари скровне одъ сна мога,
 И одъ мысли мене избави.

Овако се мени шняше,
 Да кодъ Нила, славне рѣке,
 Седамъ тустыхъ крава сташе,
 Кѣхъ тустини ній прилике.

Претѣлина бы толика,
 Кѣ живине те имаху,
 Одъ тустила да велика
 Ёдва собомъ помичаху.

Седамъ крава пакъ мршавыхъ
 Изхоѣаху ванка рѣке,
 Тако мледныхъ и хрѣавыхъ
 У Египту небы у вѣке.

Кѣ одъ глада едва узгора
 Своє кипє уздржаху,
 Одъ неволѣ и прѣкора
 Глобима се шебеѣаху.

Насрнуше пакъ мршаве,
 На тлєхъ тустє оборише,
 И зелєне як' бусъ травє
 До мрве ихъ сєе прождрѣше.

По сну овомъ видихъ другій,
 Седамъ класій родна жита,
 Кї направни, едри, дуги,
 Єдна лѣпшия стварь одъ свѣта.

Другу седамъ класій сташє
 Таштыхъ, празныхъ, и брезъ врнїй,
 Класи празни погуцашє
 Класє пунє ѣа до стрни."

Краль dospѣвши говорити,
 Рече Іосипъ нѣму овако:
 „Крально славный и честитый,
 Ког' в имє вєлє яко,

Седамъ пуныхъ класій жита,
 И претѣлыхъ седамъ крава,
 Свакому в стварь скровита,
 А мени сє знати дава.

То ће рећи, да себице
 Седамь годишт', кѣ ће прити,
 Хоће обилность одъ пшенице
 И одъ сваке хране бити.

Обилности, кѣ ће доћи,
 Нигдаръ има твой Египать,
 Мѣста люди неће моћи
 Найти, гди ће жито сипат'.

Седамь празнѣхъ класій жита,
 И мршаве оне краве,
 Зламеную гладна лѣта,
 Кѣ ће обострит' све државе.

За годиштим' обилности
 Седамь годишт' врла глада
 Наскочит' ће у наглости
 Народъ, кон буде тада.

Гладъ ће овый толикъ бити,
 Кѣ ће трпит' она лѣта,
 Да ће му се находити
 Успомена вѣковита.

Зато, кралю, садъ в врьме,
 Чинъ су лѣта обилности,
 Да съ разумомъ ты твоиме
 Найдешъ мужа одъ врѣдности,

Кон ће пойти на све стране
 Одъ Египта кралѣвине
 Приправляти сваке хране,
 Да пукъ голодомъ непогине.“

Краль и шъ нѣмѣ конъ сѣде,
 Присмеѣени сви осташе,
 Када врѣдне те бесѣде
 Одъ Юсѣпа послушаше.

Зато краль му рече овако :
 „Слышай, сынокъ мой люблѣный!
 Тко ѣе быти мударъ тако,
 И духъ иматъ божанственный?

Я надъ тобомъ небыхъ мога'
 Мудрієга наѣ' човѣка,
 Кой бы здравлю пука мога
 Потрѣбнога нашао лѣка.

Єре теби Богъ указа,
 У напрѣдакъ што ѣе быти,
 Милость мога ты образа
 У вѣкъ неѣешъ изгубити

Ево тебе узвышуетъ
 У честитой моіой хижѣ,
 И съ одлукомъ нареѣуетъ,
 Да ме ниткоръ нѣе ближій.

На рѣчь одну уста твоихъ
 Да се васъ пукъ пригнутъ има,
 Подложникомъ одъ свѣхъ моихъ
 Господинъ си нада свима.

У кралѣвству юрве мому
 Ниткоръ нѣе тебе веѣій,
 Него я самъ преславному
 На прѣстолю момъ сѣдеѣій.

Наређуемъ тебѣ сада
 Врхъ Египтске покраине
 Одъ истока до запада
 Поглавицомъ надъ све ине.“

Краль свой протенъ съ прста свуче,
 И Юсипу нѣга даде;
 У славне га свите обуче,
 Златанъ веругъ на вратъ кладе.

Чини нѣга пака сѣсти
 У злаћене свѣ кочіе,
 И да дворникъ по свихъ мѣсти
 Прѣдъ нѣмъ тече и вапје:

Да е Юсипъ старешина
 И господинъ одъ области,
 И на своя свакъ колиѣна
 Да прѣдъ нѣмѣ има пасти.

Юшъ се закле краль прѣдъ свима,
 „Да по име мое родно!
 Ни ногомъ се макнут' нѣма,
 Ак' Юсипу нѣе угодно.“

Краль му име друго стави,
 Одъ Юсипа у Фанека,
 То схранитель свѣта правый
 У языкъ бы нашъ изрека’.

VI.

ГЕРГО ВАРЕСАНИНЪ

Говоренѣ

Одъ сльбоѣе грѣшника, кои премда виде, и изкушаю покармя Божя свимъ шызимъ сажрѣшиваш неирѣсшаю.

„И Иона саѣе на дно лаѣ илити ѣеміе и спаваше сладко.“— Овако се штіе у кнѣгу Іоне пророка.

Кадъ побѣже пророкъ Іона изъ свога у туѣй вилаетъ за непоѣ приповѣдатъ, како му Богъ запо-вѣдаше, у великій градъ одъ Ниниве, дойде къ мору, плати возарину, и улѣзе у одну лаѣу, коя нѣаше онамо у Тарзисъ, градъ одъ Цылиціе. Коя како се одъ края оддѣлише, и навезе на дебело море, ево одма духнуше противни вѣтрови, надведоше се тавни облацы, почеше сѣватъ огнѣвите мунѣ, пуцатъ страховити громови, и падатъ градъ и киша заедно. Одкудъ узбуни се море, и узаври тако, да дижуѣи лаѣу на валове, хтіяше ихъ потопити све-коликѣ у дубине свое. Онда они жалостни морнари и путницы, кои шѣ нѣима быяху, сви одъ страха више мртви него живи, долѣ клекавши, срдце, очи и руке къ небу уздижуѣи плакаху, уздысаху, и велике завѣте чиняху за избавлѣнѣ и ослобоѣенѣ свое. Самъ Іона нити се брине, нити преда, нитъ промышля погибѣли, коя му надъ главомъ стои, него сашавъ долѣ у лаѣу сладко спава и почива.

Я незнамъ, слышаоцы драги, што се вами чини одъ еднога сна и спаваня овакога. Ну я по мени судимъ, да е зла прилика: еръ да еданъ спава, кои никакве бриге неима, нити се находи у жалости, ни у погибѣли никакой, осуда нѣ никакова. Али спаватъ, теръ сладко спаватъ и хрвати находѣи се у бризи, и у очитой погибѣли, као нашъ Іона, охъ, то е чудо велико! Я по мени, реко, судимъ, да е една зла прилика ово Іонино у очитой погибѣли спаванъ: еръ приликуе, и приказуе намъ виѣненнымъ начиномъ жалостный станакъ еднога отврднута грѣшника, кои находѣи се у непріятельству съ Богомъ, и зато у очитой погибѣли тѣлесной и душевной, и видеѣи прѣтнѣ и покарания, коя Богъ шалъ сврху грѣшника, на мѣсто дозвати се у се и оставитъ грѣхе, то се веѣма завози, и грѣхъ на грѣхъ прти, и тако самъ чини се непознаніи и неразумніи одъ истыхъ живина неразложитыхъ. А нутъ послушайте помльиво, е ли ово истина.

За познати, да е ово истина, то естъ, да грѣшникъ на мѣсто, што бы се имао обратитъ и грѣхе оставитъ, видеѣи прѣтнѣ и покарания божя, веѣма у грѣху тврдне и стѣне; нутъ промыслите, коя и каква покарания Богъ посла сврхо Фарауна, краля одъ Египта, небы ли се дозвоа, и пустию изъ сужанства пукъ израелскій, а онъ ни на едно одъ ныхъ нехтъ се обратити. Ево, найпрво чини Богъ по Мойсею и по Арону све рѣке, и све воде ныхове у кровь обратити, да неимаду чимъ жеѣ угасити. Али на то необрати се Фараунъ ни вѣѣнцы нѣгови, премда седамъ дана поднѣше ово покаранъ, и жалость ова у свой земљи египтской. Иза тога дакле посла Богъ толико множество жаба, да имъ се

све куће напунише, и сва мѣста нѣхова, тако, да пити бы могли свѣст', ни леѣ', гдѣ ихъ небыяше. Паче ни ѣћа ни пића узет' небы могли, у кому ихъ небы было; за то вст' и пити грстило бы имъ се, а одъ квркотаня у шибикамъ уши бы имъ заглунале; И сасвимъ тызимъ необратише се. Зато заповѣди Богъ Арону, да удари шибкомъ по праху, и кадъ удари, васъ прахъ землѣ оне окрену се у комарице, кое нѣхъ и животиню колюћи нису ихъ дали ни очимъ отворити. Сасвимъ тымъ више отврднути, посла имъ Богъ едно неизмѣрно множество мушица одъ сваке врсте, кое као ровви притиснувши нѣхъ и марву люто длаху и крвь имъ пяху. Ну необративши се, посла Богъ кужну болестъ у животину нѣхову; а и по нѣма истымъ чини да се отворе грдне ране. Видѣћи ништа немаѣ, да се и на то необраћаю, пусти изъ неба ватру страховиту, и заедно градъ тако крупанъ, да имъ сатра све сграде, и поби сву животину, коя одъ оне кужне болести быше остала. Юшъ и траву и жетву по польима замете. Али и опетъ у отврднућу оставши, чини Богъ, да коблище каконо облакъ сву землю прекрыю и опусте све, што одъ града быше остало. Паче юшъ и младице одъ воѣа и одъ дрвѣа изгризоше. Са свимъ тызимъ юшъ у своіой злоѣи стоеѣи отврднути, спусти Богъ за три цѣла дана страховите и прегусте тмине у свой землѣ египтской, кое бы сваку свѣтлость, и найвећу ватру дунуле. Зато нит' в тко кога могао видѣти, ни вст', ни пити, ни спават', ни съ мѣста се никудъ помакнути. Што в пакъ юшъ горе и жалостнѣе, ѣхути бы у оному страховитомъ мраку звижданъ змѣи и завѣянъ другихъ крволочныхъ живина. Лупанъ такоѣръ вѣтрова, оренъ каменя, и приказиванъ сѣмъ

коякихъ страховитыхъ принодса. И са свимъ ты-
вимъ іошъ у злоиіи своіой остадоше. Найпослѣ да-
кле Богъ учини, да у одну ноѣ помру несамо сва
дѣтца вѣхова првороѣена, починавши одъ сына
Фараунова до найманѣга сиромаша, него іоштеръ
да имъ и одъ животине поманѣка свако, кое се
прво имало. Ну еда се баремъ иза тога обратише?
Необратише се ни иза тога. Што имъ се дакле
найпослѣ догоди? Ево што. Тѣрауѣи Израелиѣане
врѣко мора црлѣного остадоше имъ тѣлеса по-
топлѣна у дубинамъ морскимъ, а душе у мукахъ
пакленыхъ.

Приличнымъ начиномъ и садъ Богъ неманѣка
споминятъ грѣшнике, да се дозову, и да се врате
съ пута одъ изгублѣня на ставу одъ спасеня, ша-
люѣи садъ болестъ, садъ прогонство, садъ войску
садъ гладъ, садъ кугу, садъ потопъ воденый, садъ
сушу, садъ поморъ одъ животине, садъ друге туге
и неволѣ. Али они слѣдеѣи отврднуѣе Фарауново,
ни на едно одъ овыхъ понукованя неозываю се, веѣъ
све единако и више у грѣсима стое. Ну зашто ово?
Зашто невѣрую, докъ на себи неизкушаю найпо-
слѣднѣ изгублѣнѣе свое; каконо е изкушао нѣкій ры-
баръ, одъ кога пише св. Петаръ Даміанъ, да по-
шавши съ лаѣицомъ рыбу ловитъ поведе собомъ ед-
ного сынчиѣа, кога оставивши у лаѣицы, саѣе у
воду ловитъ: и будуѣи уловіо одну рыбу веома го-
лему, бацы ню у лаѣицу къ дѣтету, пакъ опетъ
поче ловитъ. Ама она рыба гледаюѣи у оно дѣтеш-
це, оно се прѣпаде, и завика отца говорѣи: Ъако
мой! Ъако! Рыба гледа у ме, и хоѣе да ме про-
ждре. Отацъ изъ воде смѣюѣи се, и едбіяюѣи дѣ-
тету на лудость, рече: Ты ѣнешъ ню прождрѣтъ, а

неће она тебе. Опетъ дѣте другій путъ, и трећій, зове отца исто говорећи; а отаць опетъ сміе се, и на лудость дѣтиню одбія; кадъ же ово изненада у еданъ частъ дигавши се рыба, овграби оно дѣтешце, и шъ нѣмъ скочи у воду, и већъ нигда више нитъ се виђе рыба, ни дѣте. И онда жалостанъ отаць познаде зло и изгублѣнъ свое.

Приличанъ догађай овому догоди се одной матери које дѣтешце обноћъ у бебици плачући и чичећи веома нежали. іой се да устане, и да пригледа, што му е, мислећи, да е оно дѣтиній плачъ обичайнній, као рекавши, нека плаче, кадъ се наплаче, утѣшитъ ће се, што но е рѣчь обычае лѣне и немилостиве матери. Али дѣте брезъ престанка плачући, и већъ будући му се авазъ одъ плача сманъ-као тако, да се мало чуише да плаче, уста матери, и оде, да види, што му е. Али ево, о жалостна догађаја! една мачка, будући му све тѣмешце до можка прогризла, можагъ му вадећи еѣаше, а дѣтешце издыше. Онда нехарна она мати немиле познаде свою лѣнность и отезанъ, алъ залуду. Ово и оваке догађав промышляюћи грѣшници отврднути, имали бы се на врѣме дозватъ и обратитъ на толике вике и понукovanja одъ своихъ пастыра духовныхъ, а не чекатъ докъ ихъ стигне најпослѣдній покаранъ Божъ, кадъ већъ nebude врѣмена одъ покорени одъ милосрѣа.

Неможе се нигда изкавати задоста лудость, на да болъ речемъ злоба и слѣпоба еднога отврднута грѣшника, кои непромышля погубили свое, коя му све удиль за вратомъ стои, већъ да метнемо ову прилжку. Еданъ путникъ умеранъ види одну стару сграду велику, сву разпалу, коя свакий часъ има се

сгроминят', и на землю паст'. Да ли одъ труда санъ надхрвавши га, улѣзе и заспе онде. Ево другій когодъ пролазеѣи онуда види га, и улѣзе, да га пробуди, и узимавши га за руку, рече му: ей ты, што ту чинишъ? устани брже, изайди одтле: чуешъ, како звижданъ вѣтра стон, ето ће се садъ сва та сграда сатрти, и свалити: а онъ неће се ни макнути, већ ѿошъ одговара: айде ты за посломъ твоимъ, а остави мене у миру, да я спавамъ. Рецыте ми, молимъ васъ, нѣ ли то велика будалаштина, паче сѣпоѣа, и тврдоглавство онога путника? Теръ тко му небы рекао: ей! в л' то тако? Спавай, яране; ако те притисне, ты се гледай: хоѣшъ ли зло? ето ти га.

Животъ е людскій, сынцы мом, башъ као една сграда стара и распала, коя се брзо има зорити, и на земљи пасти. Са свимъ тызимъ спаваю грѣшници, и продуляю санъ свой у грѣсима, и у злоѣамъ сваке врсте, и премда ихъ буде пастыри духовни вичуѣи бревъ престанка съ апостоломъ св. Павломъ: устани, жалостный грѣшнице, и раздрѣмай се одъ тога сна смртнога, врѣме е већ разбудит' се и устат' изъ злочестогъ обычая одъ заклетва, одъ псованя, одъ опіяня, одъ мромораня, одъ злоба, одъ ненавидости, и одъ другихъ уврѣѣня Божіихъ, и свога искривѣга. Али ну, о жалости, на сва ова виканя и ономиняня оглунути и отврднути стое грѣшници, чекаюѣи наипослѣднѣ изгублѣнѣ свое.

Достойна е стваръ у истину горка плача и крвавыхъ суза видит' човѣка грѣшника толико отврднута, да се учини несамо приличанъ, него ѿошъ горій и непознаніи одъ истыхъ неразложитыхъ живина. Оне бо ѿошъ издалека заслете, и уклоняю се

одъ погибѣли свое, а онъ непознае, и небѣжи одъ покарания божіихъ, зато тужи се Богъ по Бремѣнъ пророку говореѣи: Хорао или ястребъ одъ разбоности зрака небеснога засѣти и познаде врѣме зимно, зато бѣжи и укланя се у топла мѣста одъ погибѣли зимне. Такоѣрьъ грлице, ластавице, чаплѣ и ждрали, и друге многе птице разлике и пазе врѣме свое, кадъ имаду поѣ, и уклонити се одъ погибѣли зимне, кадъ ли опетъ изаѣ, и гнѣзда начинятъ за леѣи се: а самый грѣшникъ непознае суда божіихъ, нитъ се укланя одъ покарания нѣговыхъ. О жалости! О несрѣѣе нѣгове!

Пише научный Тертуліанъ, и говори, да многе живине неравложите имаду познанѣ одъ нѣкихъ трава, кое имъ за лѣкарію служе, и нѣма се лѣче. Слѣнъ, кадъ е ранѣнъ, и дивокова, теръ ако остане у нѣма стрѣла, одма траже и пасу нѣку траву, кою Латини диктамумъ зову, а нашки ясенакъ рече се, и одма се излѣче, и стрѣлу изъ себе изметну и избаце. А човѣкъ ранѣнъ толикимъ и толикимъ смртнымъ ранамъ одъ грѣха, нетражи лѣкаріе спасоносне одъ свете изповѣди, ни одъ поборе, веѣтъ лежи и спава подъ овимъ грднымъ ранамъ своимъ. Ластавица, кадъ іой птиѣи у гнѣзду ослѣпе, одма тражи росопасте, и донѣвши га излѣчи ихъ; а човѣкъ заслѣплѣнъ не еднимъ, него разликимъ грѣсима, нетражи лѣкаріе духовне за прогледатъ и видетъ свой жалостный станакъ одъ вѣчнѣга изгублѣня. А што ѣмо више? вы исти очима вашимъ видите, да мачке и пшетенѣ, када се зло чую, одма траже и пасу траву пирику, и нѣоме се лѣче. А грѣшникъ жалостный болуе болешѣу духовномъ грѣха отровнога по толико и толико

врѣмена, и немари тражит' лѣкаріе, да се излѣчи, и у милость божю поврати. Одкудъ дакле нѣ горій, будаластіи, и непознаніи одъ истыхъ живина неразложитыхъ, кое болѣ одъ нѣга познаю, што е за болѣ нѣ? А нут' іошъ послушайте и ово, пакъ доспѣвамъ говоренъ садашнѣ.

Пише св. Іеронимъ у животу св. Павла, првогъ пустиняка, да св. Антунъ опатъ, иѣуѣи тражит' овога св. пустиняка по одной страховитой пустыни, далеко одъ свакога пребываня людскога, срѣте се съ однимъ страшиломъ, кое одъ паса до горѣ виѣаше се човѣкъ, а одъ паса долѣ коза. Ово видеѣи зачуди се човѣкъ светый, бѣеѣи се, да небыаше ѣавао, прекрести се, небы л' побѣгао. Да ли оно не само да непобѣже одъ крижа, него іошъ ближе къ нѣму прикучи се, и даде му нѣкогъ воѣа, кое ондѣ ресте на нѣкомъ дрвету палма звану, као да се покрѣпи, и за пута понесе, и као за нѣко пріятельство. Онда светый устави се, и упыта га, тко онъ быше? Одговори она наказа: я самъ умрлый, и еданъ одъ оныхъ дивльихъ людій, кои у овой пустыни пребывамо, кое лудый народъ држи за богове шумске и польске, и нами се кланяю, и за таке насъ штую. Молимо те, да се за насъ Богу правому молишъ, кога знамо, да е на свѣтъ дошо за спасенъ людско: ербо е гласъ нѣговъ, и нѣгова имена изашао по свой земљи. Када то чу одъ нѣга светый стараць грозно проплака, и удараюѣи штапомъ у земљу завапи: Јо теби невѣрна Александрію, коя за богове страшила штуетъ. Што ѣешъ сада реѣи? Ево живине познаю и наповѣдаю Исуса, и милости нѣгове просе, а ты се страшилима кланяшъ, и за богове ихъ држишъ.

И я дакле съ разлогомъ сада могу вапит': яо вами, о грѣшницы отврднути; яо вами! кои не-слушате, што вамъ се каже и приповѣда одъ смрти, одъ суда страшнога, одъ пакла, одъ засѣда ѡволскихъ, и одъ покарания божіихъ, коя сврху васъ стов, да се обратите, и покору чините, не-го слѣдите, и у отврднуѣу вашему стоите. У кому ако васъ смръть затече, нећете се моѣ' нигда више обратит', ни сахранити. . . . Истините бо су рѣчи св. Августина: како тко живе, онако ће и умрѣти. Боже сачувай свакога опака живлѣня, да опако и умрѣти nebude. Одъ шта насъ ослободио Богъ све-могуѣй Отацъ, и Сынъ и Духъ светый, Аменъ.

VII.

МАТІЯ АНТОНІЕ РЕЛЬКОВИЊЪ

умр. около 1800.

(изъ Сатира 1761)

Осимъ другогъ имаде Посѣло,
Кѣ съ Диваномъ нѣй се раздѣлило,
Еръ се жене скупе на сокаку,
Башъ у светацъ, и недѣлю сваку,
Пакъ веѣ ондѣ васданъ мормораю,
О другому, и оговараю,
Да у селу нитко неостане,
Кога езыкъ нѣювъ нестане,
Протресаюѣ' свакогъ жива станѣ,
Животъ, начинъ, и свако иманѣ.
Прва вели: „та шутите жене,
Докъ я кажемъ, послушайте мене:

Мой мужъ сада постао трговацъ,
 Узайміо сто форинтій новацъ;
 Пакъ отиде на скелу на Саву,
 Незнамъ, камо, брига ме е саму,
 Да му Семберъ сто крмака даде,
 У Шопрону докъ свинѣ продаде.
 Онъ дотѣра стотину браваца,
 А ній дао ни полакъ новаца,
 Пакъ хавлію мою изроваше,
 И куѣу ми мал' неподкопаше.
 Кукурузи онъ е стаде хранит',
 Я се лютећ' немого забранит',
 Него едночъ, када лѣпо свану,
 Я отидо гледат' на тавану,
 • Кадъ я дойдо гледат' кукурузе,
 Празанъ таванъ, полише ме сузе.
 Одѣра ихъ тамо до Канѣже,
 Пакъ продаде мало и пониже.
 За стотину дебелыхъ браваца,
 Ній узео ни полакъ новаца;
 Баремъ главно да онъ за нѣ узе;
 Прода вола, купи кукурузе,
 Садъ несміе у Лукачевъ шамацъ,
 За Сембера некъ се брине ямацъ.“ —
 Друга рече, по имену Ружа:
 „Што ты, сестро, тако фалишъ мужа?
 Ній за свакогъ таква трговина,
 Кои нейма пунъ свой подрумъ вина,
 И у двору ергелу говеда,
 И кованлукъ пунъ воска и меда;
 Ял' комъ ние одъ отца остало,
 И кои се помогао мало,

Теръ тко нейма башъ своихъ новаца,
 Яли доста коня и оваца,
 И тко незна купит', нит' продати,
 Нег' се исто туѣа посла лати,
 Пакъ онъ свинѣ храни кукурузи,
 Кано да му увѣкъ ору плузи.
 Ако ѣе онъ трговацъ постати,
 Нека се онъ арендаства лати,
 Како и нашъ нѣкій дуѣанція,
 Што но кодъ васъ нѣгди бѣше прія;
 Онда ѣе онъ быт' правый трговацъ,
 И имати съ обе стране новац':
 Одъ дуѣана и одъ арендаства,
 И одъ каква другога пайдаства.“ —
 „Башъ погоди!“ одговара треѣа;
 „У два посла ній еднака среѣа,
 Заръ ты ниси чула поодавна,
 Приповѣдат' одъ оногъ гаврана,
 Кои видеѣ' препелицу ходит',
 Пакъ нѣзинѣ ходъ хтіяше погодит',
 Онъ се за нѣомъ ходеѣи намучи,
 Свой остави, нѣзинѣ ненаучи.
 Неказуй ми, сестро, одъ крчмара,
 Кои точеѣ' свой вилаетъ вара,
 И у кому нейма нитко вѣре,
 Докле праве онъ недржи мѣре,
 А у вино докъ наліе воде,
 Истомъ видишъ, нѣг' у арештѣ воде.
 Негъ ако ѣе постат' занатція,
 Неѣ' онъ буде добаръ саѣунція.
 То я кажемъ, и мое е вѣѣе,
 Он ѣе скупѣо продавати свѣѣе.

А што велимъ іоштеръ одъ сафуна.
 Болѣ пройде, нег' злочеста вуна.“ —
 „Шути драга,“ одговара прва,
 Нѣшто б' рекла, іошѣ ми фали мрва.
 Зарѣ свакій врагъ зна начинит' свѣћу?
 „Нефала ти, на твоєму вѣћу!
 Ёрѣ онѣ у лой свинѣскогѣ метне сала,
 Пакѣ изгори као и машала.
 Я прѣксиноѣ купи за 'потуру,
 Пакѣ недура ни за одну уру;
 Іошѣ немого напрест' ни вретена,
 А изгори, ко да в сметена.
 Нейма болѣгѣ одѣ едногѣ пекара,
 Ёрѣ онѣ баремѣ никога неvara,
 Него крушацѣ и земличку пече,
 Пакѣ се влада, и іошѣ новца стече.“ —
 „То в добро“, друга одговара
 Измедѣ жена, по имену Клара:
 „Да онѣ кадкадѣ и на цѣну гледа;
 Ал' онѣ никадѣ другачіе неда,
 Нег' ако в и вѣтино жито,
 Све еднако онѣ, црно му лѣто,
 Крухѣ прѣдае, и земличку пече:
 Ній могуће, да новца нестече.
 Я ючера посла по переце,
 Да єдныме забавимѣ дѣтешце,
 Пакѣ да видишѣ, жалибогѣ крайцара,
 Нейма ништа, него люде vara.“ —
 „То истина,“ рѣчѣ іој узе Ката.
 „Ніе больій одѣ єднога тата,
 Кои свога изкригѣ прѣвари,
 Криво тече, и за грѣхѣ немари.

Али што ђешъ ? кадъ онъ другачъ неда,
 Пакъ ни судацъ неће да пригледа.
 Такви су ти и наши месари,
 Рецы баремъ, да онъ непрѣвари.
 Болѣй комадъ дае господаромъ,
 А нама се у вѣжъ тужи кваромъ.
 Пакъ сиромашъ нека кости глође,
 Многа съ дѣломъ празна кући хође.
 Я нѣкій данъ дойдо у месару,
 Пакъ му реко: драгѣй господару,
 Одсѣцы ми добаръ комадъ мяса,
 Имамъ гостѣй, тако ти чудеса.
 Чекала самъ и два и три сата,
 Докъ одсѣче комадъ суха врата,
 И одрѣза нѣшто мало уха,
 И приметну комадъ карапуха,
 Пакъ ктіяше да метне и дробца;
 Я му бацы, ерѣ нећу айнмока.
 Хотѣо да га судцу тужимъ;
 А е л' право, да се исто ружимъ?
 Зато скочивъ са празнымъ танюромъ,
 Скуха кокошь, руча съ моимъ Ђуромъ.
 Нейма, сестре, болѣгъ одъ млинара,
 Барѣ сироме онъ никогъ неvara,
 Него кои добро самлѣт' знаде,
 Узме ушурѣ, теби твоє даде.
 Јошъ када е каква добра срѣћа,
 Намелъ се пуна брашна врѣћа.“ —
 „Ніе тако!“ од'нудъ виче Клара:
 „Зарѣ ты незнашъ, да онъ тебе vara?
 Да одашта онъ пече колаче,
 У пепелу и бѣле погаче?

Нег' одъ твога брашна одасіє,
 А теб' саспе у брашно посіє.
 Я самъ жито лієпо опрала,
 Да самелѣ нѣму у млинѣ дала;
 А када ми онъ поврати брашно,
 Одмахъ позна, да ній сасвимъ частно,
 Єрѣ в мое жито промѣнію,
 За непрано свое измѣнію.
 А Богъ знаде, како ушурѣ скида,
 Колико ли одъ кога укида!
 Я находимъ найболѣгъ терзію,
 Єрѣ онъ ради и на вересію,
 А никога прѣварити неѣ,
 Нег' кадѣ фали, іошѣ свой комадѣ меѣ.—
 „Неймашѣ ништа“! вели іой Луція,
 „Я донесо нѣгдѣ мало прія
 За два рифа лѣпога дамаска,
 Да ми зобунѣ начини по башка.
 Пакѣ знашѣ, сестро, кадѣ се човѣкѣ бои,
 Замоли га, да прѣдамномѣ крои.
 Неѣ, вели, бытѣ дамашке доста,
 Нек' полѣ рифа іошѣ пошалѣ Коста.
 Кадѣ я сутра по мой зобунѣ дойдо,
 И по соби нѣшто мотритѣ пойдо,
 Ал' му жена у буцаку сѣди,
 Она мысли, нитко ю навиди,
 Одѣ дамашка дѣцы крои капе.
 Кадѣ я смотри, грозница ме сапе.
 Ништа друго одѣ себе незнадо,
 Єрѣ у руки ништа неимадо,
 Нег' изтрго изѣ руку дамашакѣ,
 Она скочи, маши се за рашакѣ,

И да мене удари по глави;
 Ал' ю, сестро, мало неудави.
 Зато, велимъ, правогъ господара
 Нейма болѣгъ одъ едногъ чизмара;
 Брѣ онъ крои све одъ добре коже,
 Лако прода, и себе поможе.“ —
 „Баръ ми одъ нѣг' ништа неговори“,
 Уста Дора, пакъ іой одговори:
 „Я веѣъ знадемъ све наше шустере,
 Докъ што справе, то се и подере.
 Осимъ тога свагда радит' неѣе,
 Негъ све по данъ на дилъ одмеѣе.
 А што стече прѣко све недѣлѣ,
 Неѣе оно да съ женомъ подѣлѣ,
 Нег' у светацъ прожде у механи,
 Своимъ друштвомъ лѣпо нѣтехани.
 А кадъ дойде понедѣлякъ плавыи,
 Онъ се опетъ у механи дави.
 Я сирота песмѣмъ изъ куѣе,
 Брѣо неймамъ честите обуѣе,
 Него ходимъ я и дѣца боса,
 Снѣгъ е ово, нѣе лѣтна роса.“ —
 „Што вамъ драго!“ проговори Марта,
 „Найболѣ е играт' се на карта;
 Брѣо човѣкъ новца задобѣе,
 А свогъ ништа онъ продао нѣе.“ —
 „Небудали!“ повика Павлія,
 „Знамъ, коцкаромъ каква е хавлія,
 Да у нѣойзи ништа неимаде,
 Брѣо коцкаръ све проиграт' знаде.
 Мой мужъ бѣше научіо пріе
 Ломбре, Трисетъ, и што врага нѣе,

Докъ неразсу до послѣднѣгъ новца;
 Садъ у куѣи неимадемъ лонца.
 Што се игра, кадъ нейма адута,
 Ял' се баремъ неуклони съ пута?
 Нег' помаже, па постане платко.
 И сутра му нѣ ѡло сладко.
 Ял' да баремъ дуго неостане;
 Ал' онъ неѣ него и осване.
 Пакъ у ютру нейма нигдѣ мира,
 Него тражи комадиѣъ папира,
 Да пошалъ оно, што е дужанъ,
 А обут' се нейма у што тужанъ.
 Пакъ юшъ мени да очи замаже,
 Добыю самъ петъ форинтѣй каже.
 Я незнадемъ, кои бѣлай сада,
 Господа се играше досада,
 Кои доста имаю новаца,
 Своя добра, ноня и оваца,
 Али само, да врѣме потроше,
 Два три сата, пакъ много нетроше;
 Пакъ е ове пристало и гледат';
 Али да е то шустеромъ недат',
 Брѣ кадъ валя, да што сапиваю,
 Онда они на коцке играю.
 И вѣруй ми, многѣй занатѣя
 Съ ове игре поста хинатѣя.
 Што прѣкоданъ занатомъ заслужи.
 То проигра, жена му се тужи.
 Юшъ да се нѣй Фаро укинуо,
 Многѣй бы съ нѣгъ та и погинуо.
 Квитъ и дуло, нигдѣ те небыло,
 Съ многото ты поскида ходѣло.

Я ти кажемъ, моя сестро Марта,
 Ній за свакогъ играт' се на карта.
 Еръ тко годъ се често игра войте,
 Поскида ће са ѣурдіе ройте, —
 Тада рече именовъ Милица,
 И поштена една удовица:
 „Е л' вамъ, друге, іошъ штогодъ остало,
 Што се нів овдѣ протресало?
 Одъ толико поштенихъ майстора
 Нитко нів презъ вашегъ укора.
 Да то они какогодъ зачую,
 Я бы рада, да васъ изапсую.“
 „Те зашто бы?“ нъой одговаряю,
 „А еръ они за намъ мормораю.“ —
 Ход'мо куѣи, доста смо сѣдиле,
 И сите се веѣъ набесѣдиле!

VIII.

В И Д Ъ Д О Ш Е Н Ъ

(Аждаа седмоглава бойнымъ коплѣмъ ударена и на-
грѣена. 1768.)

(изъ Укора I. о Холости.)

...Дай далъ се садъ пытаймо,
 И узроке попинаймо:
 Море быт' си у якости
 Самсонъ другій, и крѣпости?
 Те ти якость дае цѣну,
 И диже те на высиу.

Ал' да б' якій ты и было,
 Ту би цѣну изгубыо
 Кодъ волова и бывода
 Вукухъ шъ нѣма тежка кола.
 Срѣ што вола теке дѣра
 То изъ хологъ блато тѣра.
 О то л' люде дѣже горѣ
 Одъ живина што су горѣ?
 Меса заерѣ имашъ доста,
 Те рад' тога врстанъ поста?
 У куленъ се твой до зубѣй
 Заерѣ врло ты залюби,
 Мыслѣх' да е людма цѣна
 Трбухъ, као кодъ живина?
 Ал' съ тымъ иди ты къ месару,
 Некъ те води на месару,
 Те нека те ондѣ важе,
 И што валяшъ, нек' одкаже.
 Тѣло крупно и деблына
 Море валят' кодъ живина,
 А людма е память цѣна,
 И крѣпостна шъ нѣомъ нѣзина.
 Дал' нашинцы веле ово,
 Да ни месо соколово
 На вагу се непродасъ,
 Комъ самъ соко цѣну дае:
 А ты цѣне одъ разлога
 Неѣшъ имат' теб' данога;
 Да ли месо и деблына
 Хоѣшъ да е твоя цѣна.
 О и то ли люде вара,
 Да су больи радъ товара!...

Тко разума цѣну гази,
 Одъ разума самъ одлази;
 А кадъ людій даръ потлачи,
 Онъ се съ людма разортачи;
 А живинску иштуѣ цѣну,
 Самъ се меѣ меѣ живину,
 Кое но се за то жире,
 Да кадъ скикну одъ сикире
 Обилнѣ буду цѣне
 Зарад' сала и сланине.
 Мучи людска неприлико!
 А живинска слаба дико!
 Кадъ одъ людій ты одбѣже,
 А живине недостиже,
 Што си него врѣха блата,
 На погрду меѣ два ята?
 Блато, кое людма смрди,
 А живинско ято грди:
 Людма смрди, еръ захити
 Разумъ, кои люде кити;
 Грди опетъ съ тымъ живине,
 Нѣхове се држеѣ цѣне,
 А кадъ, али манѣ цѣне
 Него юне одъ године!
 Ал' садъ нек' ти укоръ прости,
 Докъ дашъ узрокъ одъ холости. —
 Море быт' си лѣпа лица
 Као сунце и даница,
 Те радъ тога ясно сину,
 И задобы врстну цѣну?
 То е заеръ твоя слава,
 Али слаба и хрѣва:

Бръ кодъ женски празни глава
 Одъ лица се ниште слава;
 А разумни мало назе
 Лъпо лице и образе.
 Бръ неморе дати цѣне
 Нит' уздигнут' на высине
 Блато озгаръ поглажено,
 А унутра нагрѣно.
 Кожу съ лица скинут' поддай,
 Пакъ се мотри и огледай,
 И видит' кешъ, да страшило
 Подъ кожомъ е прѣе было.
 Тко ќе ствари цѣну дати,
 Сву ю валя разгледати,
 Зло и добро нек' састави.
 Пакъ нека ю онда слави.
 Ярацъ кадъ се понаком,
 И надъ водомъ поностом,
 Видеѣ' браду и рогове,
 Неима ли мысли ове:
 О, у граду да бы быю,
 Господство бы задобыю,
 Брада каже память зрѣлу,
 А рогови моѣ и силу.
 А тко има те крѣпости
 Одъ памяти и якости,
 Море быти старѣшина,
 И господинъ одъ высина.
 Ал' стан', постой, козя глава,
 Юшъ ты незнашъ тебе право;
 Бръ да бы се страг' видѣю
 Себе бы се застыдѣю.

То, холый ты, уами за се,
 Пакъ погледай добро на се:
 Ё л' лѣпота са сви страна
 Славе врѣдна теби дана?
 Ако су ти лица лѣпа,
 Ё ли таква страна слѣпа?
 Нудеръ за се окомъ гани!
 Нудеръ мысли одъ погани,
 У трбуху кою носишъ,
 Пакъ знай, съ чимъ се ты понесишъ.
 Болъ инди да мо'шъ знати
 Теби праву цѣну дати,
 Знай што' врло брзо гине,
 Нѣ вѣрно многе цѣне.
 Нека ти е лѣпо лице,
 Само едне одъ грознице
 Лѣпоту ће изгубити,
 И ругобе слика бити.
 Што е лѣпше одъ любвице
 И румене одъ ружице?
 Пакъ су опетъ мале цѣне,
 Ёръ имъ брзо лице гине.
 Цвѣтъ садъ цвате, садъ опада,
 И допада ружногъ гада.
 Цвѣтъ е нашегъ лица слика,
 Кажућ', што е тѣла дика.
 Часомъ цвате наше тѣло,
 А до часа бива гнѣло;
 И изъ првогъ бива цвѣта
 Стваръ найружни овогъ свѣта,
 И допада горе цѣне,
 Нег' живинске све мрцине,

Садъ крѣпостно стои гори,
 А у гробъ се садъ обори,
 Гаднымъ црвомъ за вечеру.
 Да га точе и пождеру.
 Да бы лѣпше лице было,
 Богу веѣма зато мило,
 То бы узрокъ правый быо,
 Да б' лѣпоту свако любіо:
 Али Богу лѣпо тѣло
 Веѣ нег' ружно ніе мило;
 Да л' се сгоди кадкадъ и то,
 Да е лице племенито
 Срчбу Божию пробудило,
 Брезъ лѣпоте што б' небыло;
 Веѣма лѣпи него прости
 Уздижу се у холости;
 А у тѣлу кадъ се гизда,
 Лакше блудность віе гнѣйзда:
 А гдѣ ове двѣ сабласти
 Пребиваю у области,
 Такво тѣло одъ мрцине
 Кодъ Бога е манѣ цїне.
 О! пакъ тко се съ онимъ слави,
 Што немило нѣга дави?
 Тко за славу има кугу?
 Или удаву кою другу?
 Млимъ, ни еданъ одъ тисуѣа,
 Комъ се мозакъ неузмуѣа!
 А холый ти себе слави
 Съ онимъ, што му душу дави!
 Инди, садъ веѣ амо заѣо,
 Да ти речемъ, то іошъ наѣо:

Тѣло гледат' неодлази,
 Дал' на душу добро пази,
 Ёли она у свѣтлости,
 Ил' да нѣ у тамности?
 Ако у нѣой грѣхъ прѣбыва,
 Нит' е свѣтла, нит' е жива,
 Нег' е мртва, потамнила,
 И предъ Богомъ поцрнила.
 Ово, ово, о холый, ти
 Валя добро промыслити;
 Ёръ лѣпоте нейма тѣла,
 Кадъ е душа потамнила.
 Онда тѣло куѣа бива,
 Духъ паклений гдѣ прѣбыва;
 А души е грѣшной цѣна,
 Да духовна есть мрцына,
 И паклене клада пѣи,
 Коя ѣе се увѣкъ жеѣи,
 Рад' добытка. когъ добави,
 Себе холо кадъ прослави. . . .
 Ход'мо далѣ искат' славу
 За холити твою главу:
 Благо заеръ обилато
 Бѣло сребро, жуто злато,
 Тебе мамѣ, да се дигнешъ,
 И да по нѣмъ славу стигнешъ?
 Ал' да б' и тог' было дости,
 Ё ли врѣдно то холости?
 Што е сребро од колѣна
 Нег' плѣснѣва гвожѣушина?
 Што е друго мило злато,
 Нег' печено жуто блато?

Да б' имало свою врѣдностъ,
 Да се за нѣг' купи крѣпостъ,
 Том' се небы замѣрило,
 Што бы коме было мило:
 Ал' ако в блага дости,
 То ти валя брезъ крѣпости,
 Што кадъ луду ножъ запаане,
 Лакше ране да допане.
 О, колики побѣснише,
 И вратъ себи поломише,
 Кадъ су благо задобыли,
 А крѣпостни нису были!
 О! и то ли итко люби,
 По чем' самогъ себе губи?
 Те за то ли мудри маре,
 Што вратъ лому и сатаре?
 Одѣла ли твоя лѣпа
 Тебе чини тако слѣпа?
 Да ти оно славу дода,
 Што живина одъ порода
 Себи мукте задобави,
 Пакъ се юштеръ съ тымъ неслави?
 Ты одѣвенъ тако ниси,
 Као вуцы или риси,
 Ил' стварь коя друга нѣма,
 Што безъ свакогъ труда има.
 А што трудно ты добави,
 Мыслишъ, да те ясно слави,
 И дае ти врѣдностъ цѣне,
 Што добывашъ одъ живине.
 Гледай твое све хальине;
 То све добы одъ живине.

То нѣхovo руно быше,
 Одъ нарави што добыше,
 Пакъ се зато люди брине
 Робит' звѣрадъ и живине,
 По ножицам' ил' по ножу
 Скинут' руно или кожу,
 Да одѣю себе голе,
 Пакъ у томе да се холе,
 Што живину поробише
 И одѣху задобыше,
 Да голоѣа одъ мѣшине
 Подъ живинскимъ руномъ сине.
 О, и то ли кога слави,
 Када смраднѣй скотъ задави,
 Пакъ шъ нѣг' руно ил' мѣшину
 Рад' потрѣбе свое скину,
 Да погрду свое коже
 Потрпати како може?
 Ал' да б' знао и видіо,
 Зашто си се заодѣо,
 Исто бы те то одѣло
 До погрде застыдило.
 Хальине су, знашъ, завои,
 Одкрытъ човѣкъ да нестои,
 И некаже грдне ране
 Намъ одъ грѣха свим' задане.
 Грѣхъ е узрокъ све голоѣе
 И одъ наше све ружноѣе:
 Хальине су инди дане,
 За покpыти грдне ране,
 А не да се тѣло мами
 Подъ потребнымъ пеленами.

Кадъ е рана непоштена
 И по грѣху задоблѣна,
 Завіе се и замота
 Тамно руго и срамота:
 Али нисамъ іошъ видіо
 Тко бы крпе извадіо,
 Да се съ онымъ главно дичи,
 Чимъ се тамно руго лічи.
 Заеръ за то скачешъ гори,
 Што прѣдъ тобомъ тко говори:
 Да си круна ты свѣтлости
 Свему свѣту рад' крѣпости?
 Знамъ, да многи мило лаже,
 Кадъ добытакъ себи траже,
 Хололудогъ много фале,
 Докъ га фаломъ позажвале,
 Да нѣгову лакше кесу
 Облакшаю и изтресу,
 Фале нѣга одъ коли́на,
 Од деснице и мудрина,
 Одъ доброте и милости,
 И скупштине сви крѣпости.
 Іошъ нѣгова фале дѣда,
 И давнѣга шукундѣда,
 Да су были соколови,
 Каквы нейма васъ свѣтъ овый,
 Силномъ цару да су были
 Веѣъ витежки досадили;
 А бабалько овогъ сына
 Быше круна сви старина,
 Витежки бо на мегдану
 Задао е многомъ рану,

Кадъ му годи хорда сину,
 Вазда турску главу скину.
 О! многе ти турске буле
 Чини косе да погуле,
 Кадъ свомъ другу или сину
 Чухъ да бабо главу скину;
 О! многу ти заогрну
 У одѣху булу црну,
 Кодъ разумъ тужне гласе
 Куда бабо хорду пасе;
 О! многа ти була кука
 Кунуѣ', да му сахне рука,
 Сръ витеза нѣомъ погуби,
 Кои нѣгда ню облюби;
 О! многомъ то на дивану
 Турцы кажуѣ' и освану,
 Што учини бабо квара
 Подъ беденимъ силногъ цара,
 Гдѣ сва сила каже прси
 Онде бабо хорду мрси,
 Гдѣ топъ бойный съ града дере,
 Онде бабо главе бере;
 О! многогъ ти голята,
 Докле съ царемъ тече рата,
 Бабо съ бѣсны ногу скину,
 Кадъ му бритка хорда сину.
 Ал' ту ништа нѣе нова,
 Да изъ гнѣзда соколова
 Уздижу се соколови
 Као но е и сынъ овый,
 Кои цвате изъ корѣна
 Цвѣтъ особый свы старина,

Да у овомъ славномъ цвѣту
 Сва старина стече киту.
 Ево мунѣ! ево грома!
 Ево мача турског' дома!
 Тежко цару силовиту,
 Кадъ е овый змай на свѣту!
 Овый ће му на мегдану
 Свему царству задат' рану,
 И круну му обломити,
 Ёрѣ ће сиѣти и умѣти;
 Съ десницомъ бо одъ племена
 Другъ е мудрость процѣѣна,
 Пакъ медъ собомъ држеѣ руку,
 Царѣ ће имат' тежу муку,
 Одъ овога славногъ цвѣта
 Нег' одъ свега другогъ свѣта.
 О блажени сви народи,
 Гдѣ се овый соколъ роди!
 Ёрѣ ће бити гласовити,
 И свем' свѣту страховити,
 И богати обилато,
 Ёрѣ имаю ово злато,
 Гдѣ доброта милостива
 На све стране изъ нѣг' сѣва.
 Свакѣ, тко годи кѣ нѣму доѣ,
 Честитѣ одъ нѣг' натрагѣ поѣ,
 Свакогѣ грли, свакомѣ дѣли,
 И сви су му люди мили,
 Канда су му браѣ мила,
 Ёдногѣ срца, ёдногѣ тѣла,
 Свакомѣ ради да угоди,
 Као сыну, кога роди.

И да речемъ: свой обѣини
 У свомъ срцу покой чини,
 Нек' блаженство у нѣм' стече
 Свакъ, ткога се неодрече.
 Овако те, о холый ты,
 Лажорѣчно ято кити,
 Докъ изъ тебе што изтресе,
 Докъ измами и однесе;
 А безъ тебе када збори
 Са свакиѣмъ те ругомъ кори,
 И говори: о магаре!
 Дотѣрано садъ изъ баре,
 Пакъ бы хтѣло конь постати,
 И на сунце ногомъ стати.
 Вишъ! како га узда лѣпа
 Чини луда, чини слѣпа,
 Да што годи гдѣ имаде
 Све на лѣпу узду даде.
 Гледай голе те будале,
 Како су му миле жвале,
 Съ коимъ но га лажцы жвале,
 Кадъ лаживо нѣга фале,
 Да тко нѣму веѣма лаже,
 То онъ нѣга веѣма маже.
 Свакій мудрый лажца кара;
 А холитогъ лажацъ вара,
 И одъ нѣга зарад' лажи
 Вуче плаћу, кою тражи,
 Сръ су нѣму лажи миле,
 Кан' да б' драгій каменъ было,
 Мли бо, да му даю цѣну,
 И дижу га на высину.

О! будале вртоглаве,
 Тко одъ лажи иште славе!
 Искат' свѣтлость одъ тамности,
 Лудости в у томъ дости:
 Ал' в више, кадъ одъ лажи
 Тко поштєня себи тражи,
 Да радъ тамне лажи сине,
 И дигне се на высине.
 Египћани луди быше,
 Када вола потворише,
 Хитра мупя да га роди,
 Да га славе сви народи,
 И да вола рогатого
 Сви за свога славе бога:
 Ал' су сада већма луди
 Славолюбни холи люди,
 Ков када другїй фали,
 Мысле, да су съ неба спали,
 И на свѣту да богую,
 Кадъ имъ други прилагуу,
 И съ тамяномъ празне славе
 Каде луде холе главе.
 Што по себи цѣну има,
 Одъ другудъ ю неувима;
 Некитимо цвѣтомъ злата,
 Нит' кумимо свога брата;
 Сунцу свѣће нежежемо,
 Со у море несицлѣмо;
 Неливамо у медъ млѣка,
 Нит' даємо здраву лѣка.
 То се, холый, теби вели,
 Врстанъ фале да нежели;

Раздрту се крпе дѣле,
 А не комъ в доста свиле;
 Гладну свату дивякинъ
 У сласть иѣу, и глогинъ,
 А коме в доста мяса,
 На таквѣи се обѣдъ стреса.
 Што ѣу' више томачити,
 Кадъ мо'шъ и самъ научити,
 Да речене све прилике
 Холите су главе слике.
 И када ти кеса каже,
 Да ти гладно ято лаже,
 Докъ одъ тебе што излаже,
 Кадъ те таштомъ славомъ маже?
 Ил' се зато големъ чинишъ,
 Што самъ себе много цѣнишъ?
 А одъ себе самъ говоришъ,
 Када славна дѣла творишъ,
 Да нѣи смисли и учини,
 И да себе съ тымъ процѣни?
 Те се зато узвышувашъ,
 И у сѣйне звѣзде куешъ.
 Свою память и десницу,
 Своє благо, свою дѣцу
 Славно дижешъ на высине,
 Зарад' твоє таште цѣне;
 А тео слуша гдѣ са стране,
 И коме су ствари знане,
 Онъ памети тупе туке,
 И грбаве бабе руке
 Теб' за память и за руку
 Имао бы дати муку.

Ако имашъ блага достн ,
 Уживай га безъ холости ;
 Али пази , да б' небыла
 Свега твога блага сила ,
 Да б' га цѣномъ придобю
 Лѣшнякъ , когъ бы црвъ пробіо ,
 Или тиква брезъ грлиѣа ,
 Ил' просячка празна врѣѣа . . .
 А одъ дѣце што говоришъ ,
 Соколове кадъ нѣи творишъ ,
 Знамъ изъ вране што изпане ,
 Тежко соко кадъ постане :
 Какво гнѣздо , таква птица ,
 Каковъ отаць , таква дѣца .
 Ты да б' ясно сунце бы ,
 Ласно бы ме упутіо ,
 Да бы была твоя дѣца
 Бѣлый данакъ ил' зорица .
 Али разлогъ бистро каже ,
 Да одъ тамногъ хололаже
 Нит' истина , нити свѣтлость ,
 Нит' се друга роди крѣпость .
 Наши стари то познаше ,
 И кажуѣи намъ придаше ,
 Да штогоди маца роди ,
 Мыше прежат' све погоди . . .
 Ствари собомъ племените
 Неѣе , да се лажма ките ;
 Муче , врѣдностъ еръ бесѣди ,
 Да се нѣима цѣна види .
 Свила , бисеръ , сребро , злато
 Нѣе спало іоштеръ на то ,

Да се шѣ нѣмѣ штокудѣ хода,
 Докъ се съ лажма како прода,
 Да л' се съ миромъ купацъ чека,
 Докъ новаца стане звека;
 Пакъ се истомъ тад' отвори,
 Сама врѣдность нек' говори.
 То и врстни люди чине,
 Нит' се фале, нит' се цѣне,
 Да ли само дѣла чине,
 Одъ крѣпости врстне цѣне;
 Пакъ се веѣма съ тымъ укажу,
 Нег' одъ себе кои лажу.
 Ключина се вода стара
 Одъ пазара до пазара,
 Пакъ злокуѣа на гласъ зове:
 Нудеръ гледай Виле ове!
 Та аждая кадъ се дигне,
 Ластавицу птицу стигне,
 Мало узду докъ прожваѣе,
 Веѣхъ неходи, нити скаче,
 Да ли лети као Вила,
 Као муња, или стрѣла;
 Да царъ сильный за ню знаде,
 Незнамъ, е ли самъ имаде,
 Колику бы дао цѣну
 Да ю има за пасмину,
 И радъ гласа своіой слави,
 И радъ штита своіой глави.
 Ал' кадъ луѣакъ Вилу купи,
 Брзо на вратъ подъ нѣомъ лупи,
 И на мѣсто врѣдне цѣне
 Има кожу одъ мрцыне,

А псомъ месо на вечеру,
 Нека хитру Вилу ждери.
 Тако коме манька цѣна,
 Да е людска онъ мрцына,
 На хиляде лажи куе,
 И прѣдъ простымъ ятомъ блюе,
 Докле гане когъ лудога,
 Да га цѣни за доброга:
 Ал' када га и лудъ сазна,
 Види, да е тиква празна,
 Гдѣ холости стои ека,
 Да се позна издалека,
 Друге славе да неима,
 Нег' што холость нѣг' надима,
 И изъ нѣга лажи зуче,
 Свакогъ мудрогъ да науче
 Да крѣпости ту нестов,
 Одкуда се лажи ров,
 Да ли да е то улиште
 Тамны лажій, и буниште,
 У комъ тамна холость смрди,
 Кою хрпа лажій грди.
 Празна суда ека стои,
 У комъ ништа веѣ нестои,
 Тако човѣкъ брезъ крѣпости
 Самъ одъ себе звони дости,
 Пунъ крѣпости да бы быо,
 Небы гласа задобью,
 Кои кадъ му славу каже
 Нѣга куди и замаже.

IX.

МОЙСЕЙ ПУТНИКЪ

*Слово надгробно митрополишу Павлу
Ненадовицу.*

1768.

„Сири бѣхомъ, нѣсть отца.“

Словеса суть сѣтующаго и горцѣ плачущаго Іереміи Пророка во главѣ 5. въ стисѣ 3. въ плачѣ его написанная.

Когда сынове Израилеви преизлиха наситилися благодареній Божіихъ, недовольни суще землею кипящею медомъ и млекою, позабыли Бога спасающаго ихъ, и еще брашну сущу во устѣхъ ихъ на щедроти божія пороптали безумно, сего ради гнѣвъ божій не коснящій постигъ ихъ, и яко прахъ предъ лицемъ вѣтра развѣялъ ихъ. Предани бо суще въ руки враговъ ихъ отведены были въ плѣненіе царя вавилонскаго, якоже повѣствуютъ царственныя книги (4, 25.) Гдѣ по нѣкоемъ времени Іеремія пророкъ, возшедъ на гору единъ, началъ въ себѣ разсуждати обиліе благодареній бывшихъ на сынѣхъ Израилевыхъ, яко не сотвори тако всякому языку, и судьби и оправданія своя не яви имъ, якоже сотвори людемъ своимъ. Прямо того воображалъ себѣ, яко родъ его родъ есть преогорчеваый, и яко жестоковинни суть, необрѣзани сердцемъ и ушесы, призналъ по пра-

восудію Божію казнь тую быти наведенную, возсталъ, воздохнулъ, и въ сердцѣ своемъ возопилъ: Сія вся праведнымъ судомъ твоимъ навелъ еси на ны, яко забыхомъ тебе, и нечествовахомъ предъ тобою, и неправдовахомъ въ завітѣ твоємъ. Поступая мало далше въ мыслехъ своихъ пророкъ святыи, смотрящъ озлобленіе людей своихъ и сиротство, не сущу избавляющу ниже спасающу, въ горести духа со слезами возопилъ ко Господу: Сири быхомъ; нѣсть отца.

Что сіе, возвышенный Богомъ человѣче! яко не о царѣхъ или князѣхъ сѣтуеши, но о сиротствѣ и о отцѣ плачъ воздыхаеши? Не безъ причины, уповаю слышатели на общій плачъ сей собраніи, мимоходитъ пророкъ прочія власти и началства, о лишеніи точію отца плачетъ, глаголя: Сири быхомъ, нѣсть отца. Здѣ сія то пменно мнится быти причина, зане имя царя и князя и владыки грозу и страхъ нѣкій въ себѣ заключаетъ, страхъ же по словеси Господню муку имать; а имя отца полно естъ мылости утѣшенія и любви, яже страхъ изгонитъ вонъ. На что смотря и самъ Спаситель всѣмъ намъ у Бога что либо просящимъ со дерзновеніемъ приступати учитъ къ престолу славы и смѣло глаголати: Отче нашъ и прочая. О таковомъ то сердоболномъ отцѣ несущемъ съ воздыханіи вопіетъ помянутый пророкъ: Сири быхомъ нѣсть отца, аки би реклъ: нѣсть отца милующаго, нѣсть утѣшающаго, нѣсть ходатайствующаго, нѣсть защищающаго, обливаюся слезами, и учащаю слово: Нѣсть отца, сири быхомъ.

Сл. Богомъ собраніи! аще кому, аще когда приличествовало сіе пророческое слово провѣщати, намъ поистиннѣ (хотя и не въ случаяхъ іереміинихъ и лю-

дей его находимся) въ нынѣшнее время не точію прилично, но и нужно естъ сказать: Сири быхомъ, нѣсть отца. Зане и ходатая и заступника и попечителя во единомъ отцѣ семъ нашемъ погубихомъ. Сѣкира бо она, при корени всякаго живущаго на земли лежащая, кедръ сей высокій въ Ливанѣ сръбскомъ посѣче и искорени и серпъ на плавныя нивы опредѣленный, плодоносный плачъ нашъ пожнѣ, и вселяетъ уже яко зрѣлую пшеницу въ житницу небесную. Вступите Вы, слышатели, молю, во внутреннюю кѣлью вашу и прилѣжно рассудите всякъ въ себѣ, аще по достоянію глаголемъ: яко сири быхомъ, нѣсть отца. Истинство же того, аще безпристрастнымъ посмотрите окомъ, въ слѣдующемъ словѣ моемъ увидите и уразумѣте.

Не обинуясь глаголю, яко блаженныя уже памяти отецъ нашъ не точію пастырскія но и отеческія въ лицѣ своемъ до послѣднія кончины исполнилъ должности, и толъ опасно наблюдалъ оныя, яко не точію словомъ и привѣтомъ намъ чадомъ своимъ любезнымъ предлагалъ благополезная наставленія, но и предходящъ благимъ примѣромъ, якоже подобаше исполнялъ. И отходя отъ міра сего наслѣдное намъ оставилъ завѣщаніе, въ любви и согласіи пребывать, едва изрекъ слово къ нашей общей ползѣ служащее. Болѣе вамъ глаголати немогу, но Господь призываетъ на единомысленники.

Обыкновенно случается, слышатели, что чести премѣняютъ правы, но мы таковыя премѣны въ блаженомъ отцѣ нашемъ не обрѣтаемъ ни единыя. Зане онъ отъ начала пріятія чести и достоинства паче и паче препоясалъ чресла своя на труды и подвиги монашескія, которыя засвидѣтельство-

валъ всеющными молитвами, умерщвленіемъ плоти, постомъ и колѣпопреклоненіи тако, яко не мнѣ-
тисѣ ему на кормѣ правленія сѣдѣти, но съ мо-
нахами въ монастырѣ подвизатисѣ. Вся сія труды
и подвиги поднималъ онъ добровольно, яко за спасе-
ніе свое, тако наипаче за благостояніе наше умы-
лостивляющъ благость Божію, еже ущедрити ны.
Толкаго убо предстателя и молитвеника лишив-
шесѣ ни ли всякъ въ себѣ помыслитъ, яко сирѣ
быхомъ, нѣсть отца.

Но недовольно было толкати во двери мило-
сердія Божія о спасеніи и помощи, и о людскихъ
невѣжествѣихъ жертвы приносить, но и ко владѣю-
щему августѣйшему Дому Австрійскому частократ-
но, не прощающъ трошковъ за общее добро наше,
сходилъ, и предъ высочайшимъ трономъ колѣна
преклоняя проливалъ прошенія, коими благоутроб-
нѣйше кесарю королевское сердце на умилоствленіе
и призрѣніе насъ и потомковъ нашихъ склонялъ
благодатно. Но нынѣ ему труды и потѣ безмѣрны,
досадны стали, пріимъ крыла голубиня возлетѣлъ
въ желаемое мѣсто, а насъ оставилъ сирыхъ, еже
съ воздыханіемъ вопити: сирѣ быхомъ, нѣсть отца.

Кому отъ васъ невѣдомо, сл. высоконочтеніи!
яко Ихъ превосходительство, милостивѣйшій отецъ
нашъ въ подтвержденіи благодатныхъ привилегій
нашихъ 1743 горѣ яко предводитель вѣжливымъ
своимъ промысломъ у нынѣ щастливо владѣющія
императрицы и кралицы наша Госпожи Маріи Тере-
зіи чрезъ унгарскую и военную канцелларію исхода-
тайствовалъ протекцію. Откуда поводъ былъ бла-
гопотребенъ, что за многія и вѣрныя услуги его
такъ августѣйшему Дому, яко и славному народу

нашему отъ Ихъ величества многихъ даровъ сподобился, а на послѣдокъ и въ число высокородныхъ Дворянъ унгарскаго королевства вчиненъ и воведенъ, и за вящшую Народа нашего славу тѣтлою дѣйстви-тельного Тайнаго Совѣтника и Ексцелленціи пожалованъ. Кому паки должны вѣчно благодарити въ горахъ сея провинціи общежителныя обыватели, кому ли благостояніе свое восписати имуть, аще не трудамъ и подвигамъ блаженныя памяти Ихъ Ексцелленціи? Онъ бо снѣдаемъ ревностію дому Господня тицаніемъ своимъ седмидесятолѣтнее препираніе и процессы благопоспѣшно окончавъ и въ совершенство приведеъ крѣпчайшими привилегіями грунты ихъ освободилъ, въ безопасіе привелъ и утвердилъ. Кому еще благочестивыя церкви наша въ верхней Унгаріи въ предѣлахъ великоварадскихъ сущія и во волненіяхъ напастей влающіяся многими лѣтами отишіе свое и примиреніе долженствуютъ, аще не отеческому попеченію и ходатайству его Ексцелленціи? Онъ бо неуступнымъ настояніемъ у Августѣйшаго Дому вратъ стоя тако яко бы принудилъ Благоутробную Матерь нашу, еже на изслѣдованіе толъ важнаго дѣла безпристрастную опредѣлити комиссію, чрезъ которую тамошнія церкви нынѣ покоятся. И кромѣ сихъ множайшія процессы общества и церквей нашихъ касающіяся многими трудами и не малымъ харчеваніемъ окончалъ благополучно, и многія претерпѣвалъ за благостояніе наше подвиги тако яко мощи ему со Тезоименникомъ своимъ похвалитися и рещи: Благодать Божія, яже во мнѣ, нетща бысть, но паче всѣхъ потрудихся.

Хвалимъ есть поистинѣ Сздра въ писаніи, яко обрѣлъ благодать предъ лицемъ царя вавилонскаго,

еже возобновити разваленныя стѣны Іерусалимскія, и воставити храмъ имени Господню, которому нѣкимъ образомъ подобится нашъ въ Сербіи Єздра Єго Превосходителство мылостивый Архипастыръ, яко прилѣжнымъ тѣцаніемъ єго множайшія церкви на славословіе Божіе отъ основанія воздвиже, коимъ всѣмъ примѣръ быти можетъ кафедральная сія во Архієпископіи церковь помощію вашею воздвиженная. Не воспоминаю прочихъ, которы застарѣли были, обновленіе, мимохожду всѣхъ монастырей нашихъ возобновленіе и украшеніе. Сами бо они довольное о сихъ подавають свидѣтельство.

Хвалится нѣгдѣ Іовъ праведный, глаголя: Авъ быхъ отецъ немощнымъ, распрю же, вяже невѣдахъ, изслѣдовахъ. Велія воистину похвала и вѣнецъ многихъ достойна, еже быти отцемъ немощнымъ, и распри слабыхъ и неискусныхъ изслѣдити, и правду ихъ утѣсенну во свѣтъ произвести. Что же речемъ и о тепломъ предстателѣ обидимыхъ частократно поминаемъ Господинъ и Отцѣ нашемъ, коликихъ онъ обыды услышалъ мылостиво; воспріялъ отечески, расправилъ и наградилъ съ удовлетвореніемъ. Да и не точію дѣлалъ онъ таковое заступленіе во Дворѣ и на судѣ єму отъ Бога врученномъ, но и въ прочихъ судейскихъ мѣстѣхъ; многихъ обидимыхъ заступилъ, отъ узъ и темницъ освободилъ, и отъ самыя грозныя смерти ходатайствомъ своимъ искупилъ.

Можетъ къ симъ, хотя уста и молчатъ, съ тѣмъже праведнымъ Іовомъ милосердный Отецъ сиротъ по достоянію похвалитися. По смерти бо милостиня хвалима єсть, яко немощніи, аще когда чесо требовали, не получили, и вдовича ока не

презрѣхъ, хлѣбъ мой не ядохъ единъ, но и сирому подахъ отъ него, не презрѣхъ нага погибающа, но облекохъ его. Колико же есть толь облагодѣтельствуемыхъ вѣсть предѣлъ сія, вѣдять же и прочіи, сами же они наипаче лишившіися толкаго благодѣтеля, стеньтъ уже воздыхающе, лица своя слезами омивающе глаголютъ: Сири быхомъ, нѣсть Отца.

Таковое жалостное и прегоркое сиротство наше слышатели, аще чувствуемъ, аще мыслию обемлемъ коликаго отца и заступника лишихомся, должны. есмы мали съ великими, богати съ убогими, вся церковь и все общество наше неутѣшно рыдати, и слезъ токи изливати, яко сири есмы воистину, нѣсть отца. Признавающе же паки предстателя толкаго лишеніе и сиротство кромѣ далшихъ навѣщаній всякъ себе одолжена быти исповѣсть, еже непресѣчно помнити, и помявши благодарити за труды и подвиги, за щедроты и благодѣянія нынѣ гробу предаемаго всѣхъ Отца и Благодѣтеля, и благодареніе со благоговѣнствомъ сопрягати и о вѣчномъ его упокоеніи Творцу всѣхъ молитися. Въ настоящій же часъ не точію по обычаю христіанскому, но и со усердіемъ и теплотою духа да воззовемъ: Вѣчная память буди Отцу нашему, вѣчный покой Архипастырю, вѣчная радость Попечителю и заступнику нашему. Аминь.

X.

АНТУНЪ КАНИЖЛИХЪ

(Изъ свете Рожалив. 1780.)

Діо II. §. II.

Рожалив немогуће заспаш' непокой.

. . И мыслии много, како в ђудъ млада,
 Нити проспат' мого', нажитит' се рада.
 Садъ да гледамъ сати свѣѣицу ужегохъ,
 Садъ се опетъ врати' на перѣ и легохъ.
 Нит' право почивамъ, нит' самъ право будна,
 И ерѣ непочивамъ право, сва самъ трудна.
 Кудъ се годъ окреѣемъ, или се на лѣво,
 Ил' на десно меѣемъ, свакако в криво.
 Сада запопѣвамъ, садъ жмиримъ и шутимъ,
 Сада санъ зазывамъ, садъ се на санъ лютимъ.
 Зазывамъ: „Сну, гдѣ си? еда драгъ и міо,
 Сву драгу ноѣ ниси мени вазда быо?
 Ахъ, долети амо, пол' ѣе ноѣи проѣи;
 О, да хоѣешъ само за три уре доѣи!
 О сладкій покою! уснуо си, што ли?
 Ахъ, дай, непокою, моіой лѣкъ садъ боли.
 Гдѣ ми се забавляшъ? Спавный ли макъ берешъ,
 И за ме приправляшъ, да постелю стерешъ?
 О жельный и милый! Доѣи, задости в,
 Да-макъ уснут' сили мене, трѣбе нѣ.
 Доѣи сну мой, мое тебе очи траже,
 Нейма овде, кое ты се боишъ страже.

Нит' има прѣдъ наши' тужне бриге врати,
 Да те сухимъ страши лицемъ и одврати.
 Што ти на путъ стае? Нит' садъ кукуриче
 Пѣвацъ, нит' пасъ лае, нити челядь виче.
 Невидишъ ли мене, коя ти е драга
 И у ютру, вене нъой и пада снага.
 Што ти доѣи крати? постельица мека,
 Къ мени се уврати, сну мой! тебе чека.
 Ахъ, нѣ те моѣи дозват'! кудъ ми оде,
 О муко! о ноѣи црне црный роде.
 О муко! еръ крѣпи покой, нокой ниси,
 О муко! о слѣпый, о сну глухій, гдѣ си?
 Оде! Кодъ тежака іошъ на даскахъ голы'
 И гнѣбныхъ лежака сву ноѣи хркат' воли.
 Или врѣме краде служби дужной бдити,
 Нит' іоѣи лупежъ даде прѣсти, везти, шити.
 О иѣи безъ трага! Ты благо, ты врѣме,
 И дражій одъ блага животъ крадешъ шъ нѣме.
 Съ тебе ноѣне чете разбойничтво води,
 И краѣа на штете съ дугомъ рукомъ ходи.
 Съ тебе обноѣи клѣе оганъ, съ тебе плане,
 Нитъ се утрне прѣе, нег' кадъ тужно сване.
 Ты си и другихъ кварѣи узрокъ; многи съ тебе
 Губе сврхъ добара тѣло, душу, себе.
 Коямъ животъ заѣе прѣ у вѣчне тмине,
 Него имъ изаѣе сунце, и просине.
 Ты кѣуѣния вежешъ, и разумъ, да шъ нѣме
 И волю, и свежешъ човѣка сасвиме.
 О накази ружне! Башъ е права вика
 На те, да си тужне смрти жива слика.
 Еръ човѣка тако смичешъ болый дѣо,
 Кадъ онъ спава, како да бы мртавъ быо.

Мртавъ, како знамо, у крѣпостихъ свима,
 Што дыше, то само одъ живота има.“
 Садъ опетъ зашутимъ, и да више нѣ
 Одъ по ноѣи, ѣутимъ, коя ура бѣв.
 Садъ мыслимъ: стваръ нѣ човѣкъ неумрла,
 Брѣ е у сну прѣ смрти стваръ умрла.
 Садъ опетъ зажмиримъ, садъ се дижемъ горѣ,
 Къ прозору завиримъ, е ли врѣме зори.
 Сада жешѣ люта, жешѣ санъ проклинямъ,
 И зору сто пута, да сине, заклинямъ.
 Проклинямъ: „да знадешъ, неѣу те ни молитъ,
 Брѣ се недадешъ, сну глухѣй, измолитъ’.
 Него ѣу ти мою дужность желѣомъ платитъ’!
 И на мѣру твою навргнувши вратитъ’.
 О-лѣнчино грда! сну глухѣй! Ноѣ проѣ,
 А ты, срдца тврда и глуха, недоѣе.
 А по злу пошао, што нектѣо, срѣо,
 Кадъ ниси дошао, нитъ ме тѣшитъ ктѣо.
 Нитъ мира имао, нитъ што икадъ снѣо,
 Нитъ кадъ задрѣмао, нитъ што еси, быо.
 Нитъ перя видѣо, нитъ за покой знао,
 Немиръ те слѣдѣо, непокой те клао.
 Нека ти се свако перце у трнѣ створи,
 Или некъ те, како трнѣ, боде и мори.
 Камо ноѣитъ доѣешъ, некъ ти драчѣ беру,
 И кадъ спаватъ поѣешъ, шѣ нѣимъ постелю стеру,
 Макъ ти неродѣо, и ако ти роди,
 Ледъ му се згодѣо, да васъ по злу ходи.
 Нека ти га свега градъ съ вѣтромъ поваля,
 Некъ ти ѣошъ мразъ нѣга у клицахъ опали.
 Све, што чини спати сладко и дубоко,
 Нектѣло ти дати, да затворишъ око.

Нек' ти у глави кув немиръ, нек' ти бучи,
 Нек' те туга клюе, и непокой мучи.
 Свако, што имаде гласъ, нека те смета,
 Ни дрѣмат' недаде, наказо проклета!
 Нек' те смета бука, праска, вриска, ека,
 Шкрипня, рика, тука, лупа, вика, звека.“
 Затимъ я зазыва' зору, како реко',
 Брѣ юшъ непросѣва будући далеко.
 „Сини, зоро, сини; кадъ ме бѣжи санакъ,
 Ты ми мракъ измѣни водећ' бѣлый данакъ.
 Тако ти сунашца и данка, о зоро!
 Немой ми срдашца кинит', сини скоро!
 Ёда те санъ тавный, да на ружахъ спава,
 Онъ, мой злотворъ главный, юштеръ задржава?
 Тако ти сунашца, и данка, о зоро!
 Немой ми срдашца кинит', сини скоро!
 Ёда се одѣвашъ и китишъ за горомъ,
 Или се умивашъ руменые моромъ?
 Што ми се умивашъ? Лѣпа си и чиста;
 Што ми непросѣвашъ, о лѣпото иста!
 Тако ти сунашца, и данка, о зоро:
 Немой ми срдашца кинит', сини скоро!
 Ахъ! устани горѣ, и за свѣтлость танку
 Ютрня отвори вратца маломъ данку!
 Тако ти сунашца, отвори о зоро!
 Немой ми срдашца кинит', сини скоро!
 Сини, звѣзда, коя тебе навѣстива,
 Даница те твоя сѣваюћ' позова.
 Тако ти сунашца, и данице, зоро!
 Немой ми срдашца кинит', сини скоро!
 Ёда ружичнога китишъ иза дола
 Юшъ Руменка твога конѣица и кола?

Еда жельна нѣи, на нѣг' узду врже?

О када ћешъ стићи? као да чухъ, брже!

Хоће ли ми скоро ноћ жалостна минут'?

Уздисана зоро, кадъ ћешъ ми просинут?

Тако ти сунашца, и данка, о зоро!

Немой ми срдашца кинит', сини скоро!"

Али виш'е пута већма е могућа

Рѣчь оштра и люта, нег' молитва врућа.

Санъ у доба глухо, кадъ по ноћи прође,

Као да е чуо проклинянъ, дође.

Ил' му зора рече, да се къ мени дигне,

И брзо потече, докъ и она стигне.

Еръ кадъ се умори' уздышући тако,

Очи ми затвори, али незнамъ како.

§. III.

Санъ Рожалив одъ зоре.

О како бы ктіла, да е казат' моћи,

Све што самъ я снила онда одъ по ноћи!

Што? знате, о чему тко већма се стара,

То меће санъ нѣму прѣдъ очи, съ тымъ вара.

Вид'ла самъ на гори одну Вилу ліпу,

Сву приличну зори у човѣчѣмъ кипу.

Стаяше прѣдъ врати руменого ютра,

Као да нѣшто злати здвора и изнутра.

Све се ту румени, нег' само што врата

Чиняху се мени да су одъ чиста злата.

Што то, мыслимъ, ради? еда онуд' ходи

Зора, када младый Данакъ съ Ютромъ води?

Ёда крозь та врата Сунце, краљ одъ дана,
 Иѣ съ колихъ злата одъ источныхъ страна?
 Ружамъ одѣвена гораше та Вила,
 Образа румена, чела ясно бѣла,
 Очію`в плавы, и одъ ясне росе
 (Ил' в бисеръ правый?) бисерне су косе,
 Кое када просу, угледа, да долѣ
 Као бисеръ росу капаюћи проли.
 Што ће, рекохъ, быти садъ? И видимъ траву,
 И цвѣће, да пити жельно диже главу.
 Видимъ, лилянъ бѣлый, краљ одъ цвѣта, зѣва,
 Тко зна зашто? Вили еда зафальвива?
 Што га кити роснымъ бисеромъ и гои,
 Кадъ жедна радостнымъ капльницама пои.
 Видимъ, ружа пуста, кою суша мори,
 Да румена уста кано диже горѣ,
 Или се весели, или да іошъ роси
 Уздышући жели, и одъ Виле проси.
 Видимъ опетъ Виле нове, кое есу
 Све еднаке бѣле у лицу и ресу.
 Ако се васъ дугѣй данъ тко буде мучитъ,
 Онъ едну одъ други' неће ми разлучитъ.
 Нит' в одъ нѣихъ коя дебля, нити тая,
 Нит' в (осимъ броя) вышня, нити маня.
 Дванаестъ тыхъ види' Вила, то естъ Ура,
 Една другу слѣди и прѣдъ собомъ тура.
 Свака брой свой има на глави одъ злата,
 То в билѣгъ нѣима, кога есу сата.
 Онѣ оне свако ютро рано дођу,
 Чекаюћи тако Сунце, да шъ нѣимъ пођу,
 Да по дневно врѣме свакѣй данъ га воде,
 И по реду шъ нѣиме на измѣну ходе.

А Сунце данъ цѣлый, на дванаестъ дѣла
 Да право раздѣли пазн на брой Вила.
 Затимъ чухъ, да птица славичакъ се гласи,
 И шъ нѣмъ препелица међу житныхъ класи'.
 Онда мыслимъ, што е? Радую се зори,
 Зато опетъ мое очи дигохъ горѣ.
 Видимъ: носи у крылу она прва Вила
 Малу свѣтлу Вилу, еръ е Свѣтлость бѣла,
 Коя, неznamъ како, веѣа чудно бѣва,
 Нег' да растуѣ тако и свѣтлѣ сѣва.
 Онда свѣтла Вила, неznamъ или скочи,
 Ил' одлети, крыла несмотрѣше очи.
 То знадемъ, да бѣле, кудгодъ лети, зраке
 Просу, кано стрѣле око стране сваке.
 Знамъ да се забѣли свагдъ, гдѣ просине,
 Зато црнихъ крыли прѣдъ нѣомъ бѣже тмине.
 Бѣжи одъ бѣлога црно, чудо нѣе,
 Него одъ свѣтлога да се свѣтло крѣе.
 Бѣже звѣзда чете съ Мѣсецомъ, нит' смію
 Остат', нити лете, нег' се муче крѣю.
 Што се, мыслимъ, бое? што Мѣсець несвѣти?
 Кудъ съ Даницомъ свое звѣзде крыюѣ хити?
 Ёда се сакрѣва бѣжеѣ, да утече,
 Да га кано крѣва Свѣтлость незатече,
 Србо свѣти влоѣи и дѣлу опаку,
 Кое се у ноѣи чини и у мраку;
 И еръ Сунце има на кралѣство доѣи,
 А кралѣват' двѣма нѣе у едно моѣи.
 Зато Мѣсець шъ нѣме на измѣну влада,
 Сунце у дневно врѣме, Мѣсець кадъ ноѣи пада.
 Видимъ іошъ еднога, али као у мраку,
 Образа чуднога, да лети по зраку :

Видимъ, да му виси юшъ перъ на глави,
 Зато рекохъ: ты си, накаво, Санъ правый.
 Шарене имаде свите, еръ зна шаратъ,
 То естъ, лажи знаде различите стваратъ.
 Чудо, еръ све клима главомъ, да непаде,
 Као да му се дрѣма, што ли е, тко знаде?
 Бѣжи онъ, и ков, незнамъ, мѣсто тражи,
 Водећъ собомъ свое Санъке, свое лажи.
 У свему су слична Сну отцу та дѣца,
 Негъ што су различна међу собомъ лица.
 Каквога е ков, све памтитъ немого,
 Кано да се ров пчеле бы нѣхъ много.
 Ёдне су радостна лица, ёдне плаха,
 А ёдне жалостна и блѣда одъ страха,
 Ёдне племенита, драгость изъ нѣгъ сѣва,
 Ёдне огнѣвита, као муня жива,
 Ёдне као одъ жута воска да су была,
 А ёдне надута, и юшъ мокрыхъ крыла,
 Ёдне драгомила, ёдне нѣшто тужна,
 Ёдне, нисамъ смѣла гледатъ, стражно рушна.
 Бѣже Санъке, реко', еръ нѣхъ Брига рана
 Уставши далеко тѣра одъ свогъ стана.
 Тѣра ихъ съ халатомъ одъ Послова сила
 Иђућъ за занатомъ на различна дѣла.
 Ёдни иду штити, ёдни съ метломъ мести,
 Ёдни съ игломъ шити, ёдни съ ланомъ прести,
 Ёдни иду крухъ пећи, ёдни оратъ съ плугомъ,
 Други храну тећи съ рукоумю другомъ.
 Међу то полети, и лѣпа одзгора
 Вила ми долети одъ яснога двора:
 На ме се насмѣе, къ мени завирыва,
 А када се смѣе, влатомъ ведримъ сѣва,



Теръ къ мени дотече, и съ руменымъ усти
 Добро утро! рече, постельницу пусти.
 Пробудихъ се; што в? рекохъ, одъ прозора
 Видимъ собе мов, румени се зора.
 Каква ме пробуда у сну мыслимъ Вила,
 Съхахъ се, и суди, да естъ Зора бѣла.
 Зора, а не Вила, еръ и нѣме Зоре
 Зрака свѣтлость бѣла пробудити море.

Діо III. §. III.

Приказанѣ пещь кушеня вараюкихъ.

Када ова види' опетъ онда мене,
 Садъ на далѣ иди, Любовь опомене.
 Идемъ; нуто дѣца крылата, малена,
 Веселога лица, пуна и румена.
 Петъ Бутеня тѣла: ахъ, петера браћа
 Млогимъ узрокъ была есу вѣчног' плача.
 Име в првому Видъ, све видит' хоће,
 Хитре на свашто му очи таки скоче.
 Шарене су свите, као звѣзде у ноћи,
 Никад' гледат' сите, на нѣма су очи.
 Огледало има као око двое
 И каже у нѣма оштроумъ свое.
 Штогодъ лѣпа, мила, видит' очи траже,
 Чаровита дѣла стакло чудно каже.
 Мѣсецъ, звѣзде, зору, сунце, море, рѣку,
 Полѣ, кућу, гору, цвѣће, землѣ, дику,
 Сказат' изгледъ кипа често му в драго
 Виле, ков лѣпа лица све естъ благо.

Другій братъ се зове Слышанѣ, и зато,
 Да онъ слуша нове ствари, пазн на то.
 Драго му е шутит', што годеръ се ради,
 Васданъ може ѣтит', да му недосади,
 Пѣсме, шале, птице; али кадъ услуша
 Гласъ тамбурске жице, узигра му душа.
 Будъ тамбуромъ каже, ню носи увасе,
 Шъ нѣоме гласъ свой слаже, желю уха пасе.
 Какву цѣну има ушю, вламенѣ
 Висеѣ на нѣима естъ драго каменѣ.
 На одѣи уши висе, нит' се тужи,
 Нит' му тко заглуши, кадъ рѣчи продужи.
 Мырисанѣ треіій братъ е, нѣг'ва свита,
 Могу право реѣи, да е одъ цвѣѣа кита.
 Ерѣ е васъ у цвѣту, цвѣѣе златомъ веже,
 И на киту свиту као носъ протеше.
 Мирисъ одъ драгога цвѣѣа, и лѣпота
 Друга, нѣговога естъ душа живота.
 Носъ и очи слѣпе машѣомъ драгомъ маже,
 Съ тымъ се, вели, крѣпе Виле, али лаже.
 Мирисомъ се пасти, погибно е; ѣути
 Млогій, да одъ масти сва се глава смути.
 Смѣюѣ се подае китице, за кое
 Мами да продае Вила благо свое.
 Благо, цвѣтъ одъ свете и лѣпе чистоѣе
 Венут' одъ узете, яо! китице поче.
 Четвртый братъ, гладно Окушенѣ, носи
 Съ медомъ винце ладно, и да кушашъ, проси.
 Напѣя, и пѣв, а медъ облизива,
 Кушат' свакій смѣе, ерѣ свакогъ позыва.
 О како се страши, кад видихъ, да змія
 У руменой чаши ружно се превія,

И када загледа', да лети просутый
 Изъ лажливогъ меда рой одъ пчела лютый
 Бутанъ в пето Дотицанъ, одъ кога,
 Што в чисто и свето, чува тѣла свога.
 Горій братъ одъ куге; ако кадъ несмакне,
 Неузбѣгне туге, кога се онъ такне.
 Никадъ нейма мира, смѣюх' се у шали
 Све у другог' дира, да срдце опали.
 Кадъ се съ кимъ рукуе, као пріятель правый,
 Засѣде му кув; када грли, дави.
 Кому уста своя пригне, кога любви,
 Лице му одъ гноя и краста погуби.

XI.

А Р К А Н Љ Е Л Ђ К А Т И Њ Ђ

*Бесѣде говорене у време страха одъ куге у Дубров-
 нику (штамп. 1784.) Бесѣда друга:*

Бичи радъ кога узрока доходу?

Премда в то тако бѣлодано очито, да в Богъ
 творитель свакога добра, кога имамо, свакога зла,
 кога кушамо, трѣба в добро разазнат', и веома по-
 мнѣливо разабрат', узрокъ одъ узрока, кога има Богъ,
 за послат' зло, за удѣлит' добро. Нѣ бо истый. Ко-
 лико в добро ода зла, толико в узрокъ одъ узрока
 различанъ. За учинит' добро, Богъ в себи узрокъ,
 онъ, и нико иный, нѣгова воля, нѣгова неизречена

незамѣрна доброта. Што е Вышній кому быо држанъ? Ё ли быо држанъ створит' свѣтъ? Ё ли мого створѣ инако уредит'? Ово исто, што садъ створу дава, ерѣ тако иште наравѣ створа, ко за рѣтъ: човѣку душу, брезѣ кое нѣе човѣкъ, сунцу, да ся, земљи да плоди, — пачекѣ и оно што людской души врхунаравно дава овдѣ на земљи рад' крѣпости умножене одѣ милости, а у раю рад' достоинства вѣчну славу, засве да се може рѣти држанство, али е држанство, по рѣчи Томаса светого, усаѣено у самому држанству, кога Богъ има према себи истому, то естъ учинит', како е одредіо да буде, на прилику, да е човѣкъ уманъ, сунце жарко, земля плодна, да крѣпосъ милости стѣца, достойносъ добыва. Да за учинит' вло, што е Богу узрокъ? Човѣкъ самъ, сама опачина нѣгова. Да насъ педепше, мы будимо Бога, мы чинимо Богу силу, мы га тиштимо ништа манѣ нег'ли заямацъ вла дужника тишти съ молбамъ, съ прѣтнямъ, съ карнямъ, а на сврху съ правдомъ. Цѣѣа часа мудро вели Салвіанъ: право говореѣ, грѣхъ насъ педепше, а не Богъ. Нѣе даке горега непріятеля нами до насъ истѣхъ. У двѣ рѣчи: Богъ за надарит', гледа себе; за педепсат', гледа насъ. Ово ти Дубровниче обѣѣахъ данасъ изтомачит', ово ти идемъ приказат'. Бичъ нѣе само мачъ, ну е мачъ одѣ освете. Буди помнѣивъ.

Засве да нѣе овдѣ нами удѣлѣно на свѣту обавнат', рад' часа Превышній кога терѣ кога съ шибиномъ одѣ супротива удара, али за умножит' достоинство и крѣпосъ нѣгову, каоно Іоба и Тобію, али за педепсат' кои грѣхъ у нѣму, истина е ово права, нѣе сумнѣ, да бичи, коѣхъ шалѣ Богъ повыше народа, држава, краина, доходу свеѣеръ послани рад' обѣнѣхъ грѣха, кои нѣихъ обстрѣше одасвуда; са-

свѣтъ господски посвоише. На другомъ свѣту свакиѣ
 ѣе одъ насъ носитъ свое бремя, вели Паво светый,
 теръ како буде задостою овдѣ, тако ѣе бытъ пла-
 ѣенъ онамо. Али на другомъ свѣту нѣе, нити се
 зна, ни брой по напосе скупщина, пукъ, народъ;
 неразбира се тамо Дубровникъ, Римъ, Цариградъ: е-
 данъ в пукъ блаженѣхъ, еданъ в градъ Іерусалемъ,
 градъ одъ радости; една Бабилонія, градъ одъ жало-
 сти. Обѣене даке грѣхе, да ихъ Богъ непедепше на
 овему свѣту, пропуштіо бы сасвѣтъ. Али ни еданъ
 грѣхъ неодпуштуе безъ педепсе Превышній; тако бо
 е онъ у своѣмъ одлукамъ засѣко, у своему вѣчному
 закону записо, по науку Гргура светого. Ну педеп-
 саюѣи на другомъ свѣту свакога грѣшника напосе,
 непедепше грѣхъ обѣеный, ерѣ обѣеный грѣхъ носи
 у себи нѣку особиту опачину, ерѣ носи погоду, и
 садруженѣ злѣхъ хотѣня протива Богу, коя погодба
 и садруженѣ, ако нѣсу отворено истомачене съ
 рѣчимъ, есу затаино здржане у дѣлу. Тко незна,
 тко невиди разликосъ, коя е меѣу набуномъ пука
 протива закону поставлѣну, и меѣу кривиномъ мѣш-
 тана, граѣана, пачекъ и множества нѣихъ, одъ коѣхъ
 свакъ по себи, и скровито, како бы кому пригоднѣе,
 кориснѣе, заповѣдъ в преступію. Одъ теже, и колико,
 врсте в грѣхъ набунѣна пука, негъли потайно грѣш-
 на множества, ерѣ набуна нѣе безъ кога договора,
 и ако нѣе меѣу свакѣмъ по рѣчи, меѣу свакѣмъ в по
 дѣлу, быюшъ овый съ изгледомъ мата, а оный му
 одговора, съ наслѣдованѣмъ потврѣуе, чини му се
 другъ. Ради чеса свѣтовна правда веѣтъ пазеѣ криви-
 ну ради начина нѣе, негъли радъ броя кривника, педеп-
 саюѣи противнике съ особитомъ педепсомъ непро-
 пуштуе за достойну нѣихову погрду, како у грѣху

друзи быяху, учинит', да за едно заплату. Али Божія толико се веће срдн, толико већу якость стѣче, колико се већъ умнажа брой грѣшника, пачекъ набуна нѣхова: ну обѣне грѣхе педепше шалюх' обѣне биче врхъ народа, держава, краина, за указат' свѣту, колико в веће нѣгово могуѣство надъ якости свѣтовне правде, свѣтовнѣхъ владоца.

Мири одъ Іерика падаю, ору се. По чемъ? Нїедна сила, нїедно оружѣ нїе ихъ оборило. Двѣ ствари посо сготовише, рече Агустинъ: една валяюх' изнутри, а друга здвора. Здвора Израелске трублѣ радише, а изнутри валяше, подкопаваше грѣси и опачине грађана. Самъ пукъ одъ Израела мѣште свѣхъ народа инѣхъ свѣту в было и бытѣе свѣдокъ ове истине, Ратеѣи се онъ безъ престанка добыю бы, изгубію. Бы ли имо побит', али изгубит', нїе трѣбовало гледат', вели Златоусникъ, кою войску онъ има, супроѣхъ коіомъ иде, колико якъ онъ, колико му непрїатель. Нити бы добыю по храбренству войника, ни по неякъ изгубію. Ту се небы ратило съ оружїемъ, него съ крѣпостимъ, и съ достоянствомъ прѣдъ Богомъ. Ако онъ вѣранъ Богу, добыю бы по вышнѣй крѣпости; ако противанъ, изгубію одъ свога грѣха придобьенъ. Израель бы пукъ, кому се нїе могло доѣ врха; самъ грѣхъ бы подобанъ, придобит' га, све што в туга и бича на нѣга навестит. Ово в сповѣдо неволянъ изподъ теготе супротива, удараца: ти сы све ово посло за наше грѣхе; сагрѣшисмо, уврѣдисмо те; што годъ си учинїю, право си учинїю. Тако се ово очито сгађало Израелу, да в позно несамо онъ, ну су знали и нѣгови непрїатели врѣме пригодно, за срѣѣно насрнут' на нѣга, то есь, кадъ бы обѣно Богу сагрѣшию. Сту-

пи съ войскомъ подъ Бетулю Олоферне, дозва зборъ, теръ рече: тко ми умѣ рѣт' штогодъ о пуку овему, ко е, што е, какву войску има, каква войводу, теръ нешалѣ поклисаре къ мени, мени се поклонит' да неѣ? Уста на нозе Акіоръ, войвода Амонита, говореѣ: свѣтуемъ те, честитый бану, да нетичешъ, нечинишъ ништа проѣ овему пуку: изкушай прѣ, е ли Бетулія своему Богу сагрѣшила. Знай, ово е пукъ садъ неѣкъ ко плашиво стадо, садъ якостанъ ко лавъ силный. Люди овѣхъ страна еднога Бога знаду; кадъ му быяху вѣрни, нѣ имъ могла одолѣт' ѣкъ една; за нѣхъ се чудеса твораху, нѣма е неразложито створенѣ помагаго, небеска войска бранила ихъ е. Кадъ га пакъ уврѣдише, изпрѣдъ непріятельскѣхъ чета бѣжаху ко предъ вуковимъ овце, падаху ко дробно летушѣ, кадъ затегне леденый сѣверъ.

Ну како се неѣ протива обѣномъ грѣху разгѣвнѣтъ вышняя правда, наоштритъ мачъ, опонѣтъ га и разсрѣби небескомъ? Што тай грѣхъ носи на лицу, на челу? Неподносно безочанство и безобразность. Будъ да по несрѣѣи разплоди се кои грѣхъ у мѣсту, граду, држави, да ихъ оплетѣ сасвѣмъ, ту нѣ веѣъ страха Божиѣга, срама людскога. Ёда грѣшникъ съ опазомъ грѣши, да се незна; оли да ѣе се, ако се обѣзна, посрамитъ? Пачекъ іошъ и да е тако потайно учинѣнъ, да се по иномъ путу обѣзнатъ неможе, грѣшникъ га истый слободно несрамно приповѣда и гласи. Те што може грѣе быт' одъ овега? То е ко оно круна одъ грѣха: нѣ кудъ напрѣди, рече Богъ по Исаіи о Іерусалему говореѣ. Грѣшникъ дружину иште и купи: изруженъ е, погрѣенъ, ко мрзи у таку дру-

нину улѣстит. Лудости су, снѣ су, што годъ прѣ-
ту, што годъ зарицаю приповѣдаоци и Божиѣ на-
мѣстниці, ко оно прѣдъ грађанима Содоме рѣчи Ло-
та быяху рѣчи луђака. А што годъ изъ далека
Богъ гнѣвѣе каже, оли се неразумѣ, оли се уѣа да
неѣе допрѣт', неѣе допастит. И ово ѣе Богъ триѣт'?
Овако безочанство? Заговори се Мойсесѣ съ Богомъ
на гори. У то доба пукъ еврѣнскій у долини хотѣ,
учини себи инога Бога, мртвѣй хипѣ. Грѣхъ, што
се може, найтежій. Очитова Вышній Мойсесу
грѣхъ еврѣнскій. Поѣ', рече му, сѣди, виѣи,
што в твой, и не веѣе мой, пукъ учинію. Сметенѣ,
веома болестанѣ Мойсесѣ тай часѣ клекну, прострѣ
се, завапи: милосрѣе, проштенѣ, вышній Боже. Ако
га погубишѣ, што ѣе рѣт' Египатѣ? Да си га на-
мишлѣно на погубу извео. Овако онѣ на гори. А
кадѣ сѣде съ горе, двадести и три тисуѣе в од-
метника погубію. Што в ово? Што ѣу промыслиѣ'?
Овака промѣна? Ко се на гори тако срчано молю
Богу ради пука, оный истѣй у долини пукъ сѣче
безѣ милости на тисуѣе! Овдѣ есѣ кои великѣ уз-
рокѣ, овдѣ се кои великѣ разлогѣ садржи. Ну не-
требуѣ веле трудит', далеко искат', за изнаѣ' га: на
истомѣ листу мало напрѣда каже га Писмо свето.
Докле в Мойсесѣ горѣ быо, мыслию в, да в пукѣ
сагрѣшию, ко човѣкѣ рад' несвѣсти, неякости люд-
ске; али кадѣ в сишо, позна в, да в нѣговѣ грѣхѣ
одѣ саме самовольности, и опачине, у кому се бѣ-
ще юрѣ узбезочію, узбезобразію. Чу, виѣе, пукѣ ве-
село танцат', пѣсни радосно пѣват' химбеному Богу;
позна даке, да нѣе одѣ грѣха срама, одѣ Бога
страха, да се безочанство мѣште срама, покой и
веселѣ мѣште страха намѣстію, цѣѣа чеса разумію

е, да е трѣба милосрђе съ општриномъ, молитву съ сабљомъ замѣнит'.

Што ѣу я садъ о теби рѣт', Дубровниче? е ли тебе кои грѣхъ оплео, у теби се разплодіо? Ёси ли ты у грѣшенію изгубіо срамъ, изгубіо страхъ, у опачинамъ се узбевочио, узбевобразіо? Я те неиштемъ судит': некъ те суди онай, кои те веома добро зна, кои има у листимъ одъ вѣкувѣчанства све твоє уписано живлѣнѣ, дѣлованѣ до длаке. Ну ти неѣу затаят' (коя бы теби корисъ была, а не ште-та, да затаяимъ?) што допиремъ виѣет' кровъ здраку и свѣтлосъ вѣре свете. Виѣохъ ючеръ аѣела подъ врата држеѣи се за матъ; видимъ га данаске, да е хитіо мѣрила, да тебе хоѣе на нѣихъ ставит' за измѣрит' те прилично оному, што Балдасару рече Даніело. Чуемъ гласъ, кои понавля оне рѣчи: сѣде судацъ, отворише се писма. Чуемъ по Исаиѣ пророку: хоѣе Богъ судит' по мѣри. Чуемъ тебе, Дубровниче, зват' на овѣй судъ, за да небы реко, да ти е крива мѣра учинѣна: я овако теби, а мени пророкъ Осеа. Ахъ, ако е реко Іобъ: Човѣкъ нивданъ, ако се узатѣче съ Богомъ, неѣе се оправдат', како ѣешъ ты, кадъ Богъ стави на мѣрила твоя крѣпосна, твоя грѣшна дѣла; кадъ на десну стави дѣла одъ милосрђа, а на лѣву лупежтине, грабше, прѣваре, неправде и камате; кадъ стави дѣла одъ боголюбности према погрѣенію, потлаченію цркве, изповѣсти, причесѣния, рѣчи Божіе, прковнѣхъ закона, Божѣхъ намѣсника, псовака, крива свѣдочанства, и клетава; кадъ стави дѣла одъ по-коре према прождрлости, мекопутности? Съ кое ѣе стране отешкат' мѣрила, съ кое се уздигнут', подъ налогомъ и теготомъ добрѣхъ дѣла, али опачина?

Прости ми, Спасителю, прости, Боже, спознамъ садъ мой грѣхъ; нѣсамъ досадъ слободно, како е заповѣдь твоя, како е држанство мое, ставіо предъ очи Дубровнику, и приказо му нѣговъ грѣхъ, премда самъ већкратъ нѣму бесѣдіо. Касмъ се; нећу унапрѣда говорит' иза зуба; говорит' ћу му данасъ на сва уста; рѣт' ћу слободно, што ме ты надышешъ, за славу твою, за корисъ нѣгову. Немыслимъ я тако криво, Дуровниче, о теби, недржимъ, да се у теби свакій грѣхъ тако разплодіо, да е у свакому, тако разпространіо, да е допро до края, до конца: видимъ, да се у теби твору различна добра дѣла, рад' часа у коіомъ врсти отешка ће на мѣрицма при опачини добро дѣлованъ. Али есъ коигодъ грѣхъ, ако се неварамъ, (недопусти Боже, да што у криво речемъ, да се я прѣваримъ), кои ми се чини, да е допро до конца, у кому се обѣстуе несрамно, кои се очигледно каже и узноси. Те колико се нѣ во езыкъ разплодіо. Што су садашњи разговори? садашњи посѣди? Нѣ весела разговора, посѣда, ако се неизведе на срѣду, съ чѣмъ е на руку съ искрнѣмъ се наругат', инога осрамотит', инѣхъ части, быћу, роду штету дорадит'. Што се пакъ надъ тѣмъ не измышля, не налага, не причиня, не приставаля? Вади се изъ днопакла съ чѣмъ потворит', обадит'. Ради часа по вѣмъ езыцыма нѣ дѣвице поштене, жене-вѣрне, слуге поуздане, трговца праведна, црковняка, кои съ Богомъ живе. И ово ће Богъ трпѣтъ? Неће извадит' матъ? Неће ударит'? Зо езыкъ изходи одъ нелюбави, одъ омразе, изъ отровна срца устае. Да упытамъ даке, коя е овдѣ, колика любовъ крстьянска? Како грађани, пріятельи, роѣацы међу собомъ? Знамъ одпрѣ, до скоро, да веома любљно,

вѣрно, и праведно обѣаше грађанинъ съ грађаниномъ, пріятель съ пріятельомъ, роѣакъ съ роѣакомъ. Како садъ? Како грађани међу собомъ? Да бы Богъ до, да се неиште повише туђе штете, погрде, поразе себе обогатитъ, уздигнутъ, узвыситъ. Како пріятельи? А нѣ ли ово рѣчь обѣена: нѣ се веѣъ у кога уздатъ; найболѣе не спознатъ се съ никѣмъ? Како роѣацы? А не чув се говоритъ на сва уста: да е веѣе за уѣатъ, за поуздатъ се у туђина, негъ у роѣака? Не обѣу ли садъ међу собомъ роѣацы, ко да су туђини? Да ступимъ, у колико куѣа видію быхъ непрѣставный немиръ? Да проиштемъ, међу колико куѣа изнашо быхъ сваѣе безкончиве? Братъ съ братомъ неговори, сестра се съ сестромъ не састав, незна еданъ о другому, кадъ му е данъ одъ веселя, данъ одъ жалости. И ово ѣе Богъ триѣтъ? Неѣе извадитъ мачъ, неѣе ударитъ?...

Обѣени су даке ово грѣси Дубровника? Ако обѣени, даке свачи. Тотъ свако овакій? У свему стаду нѣ бѣле овце, войке здраве у свему воѣнаку? Ни у цркви, ни изванъ цркве нѣ тако непогрѣшене душе? Тежке рѣчи, крива суда! Тко мысли тану рѣчь одъ мене чутъ, изъ моѣхъ уста изтегнутъ? Али незнамъ я, да се у свакомъ врсти грађана не мало добрѣхъ крстіана находи? Говоримъ даке я; ово е моя рѣчь: ко нѣ у грѣху кому, може бытъ удѣоникъ одъ нѣга. Коя е корись, да цвилу црковняцы око Божѣхъ олтара ради людскѣхъ опачина, ако нѣ у нѣима храбрена апостолскога срца устатъ протива грѣху, и караюѣ съ бесѣдамъ грѣшнике, и устежуѣ недостойнѣмъ одрѣшенѣ, и безочнѣхъ изъ цркве одираляюѣ? Коя корись, да родитель съ роѣакомъ, съ пріятельомъ уздыше на

свое роженѣ, да се домаѣинѣ тужи на службу, кадѣ у нѣму нѣ сръца у свому дому наоштрѣтъ се протѣва передну живлѣнѣу службѣ, и роженѣа? Коя корѣсь, да добре душе, добри крѣстьяни трну ради грѣха, коѣхъ виду, кадѣ ихъ пуштѣую мимо себе проходѣтъ безъ уста отворѣтъ? коя в корѣсь мрѣѣтъ, хулитъ туѣхъ грѣхъ, а грѣху се неопрѣчитъ? Дакѣ ко годѣ могуѣтъ, а веле веѣе, ко годѣ дръжанство имаюѣтъ, бывши ради тога одрѣѣенѣтъ, поставлѣнѣтъ, пропуштѣе опрѣчитъ се грѣху, безъ сумнѣ чѣни се удѣѣоникъ одѣ грѣха. Нѣ дакѣ чуда, да кадгодѣ Богъ и добрѣхъ порѣдѣтъ съ опаѣѣмъ пѣдепше, ерѣ и у нѣма достойну одѣ пѣдепсе крѣвину находѣи. Говорѣмъ све по науку Агустѣина светога. У обѣѣenomъ све Италѣе, а особѣито Рѣма, прѣвостолнога одѣ свѣѣта града, тежкомъ поравѣи ако достойно на опаѣѣхъ ударѣи Готска сабля, алѣи зашто одѣ нѣихъ добри небыаху раздѣѣлѣни, зашто по вышнѣомъ владанѣю не избавлѣни, упытанъ, рѣче Агустѣинъ: ерѣ се опаѣи-намъ онѣхъ ови неопрѣчише. Кому бы тежко упрѣтитъ се; срамѣо се когодѣ, о неугоднѣмъ стварѣи, племенѣтѣмъ особѣито, проговорѣтъ; а когодѣ страшнѣо изгубѣтъ милосѣ, стѣхъ непрѣятѣля. Сѣакѣи в дакѣ одѣ добрѣхъ глѣдо, трнуо, мучо: у толико в траке свудѣ опаѣина прѣстирала, сѣакъ часѣ расла и узмѣнажала се, докѣ се крену вышнѣя правда, терѣ дозва издалека мѣста дѣвльѣй народѣ да прочѣплѣи поравѣи, неразбѣруѣ добре одѣ опаѣѣхъ, охолѣй народѣ латѣнскѣй, поносѣтѣй пукъ римскѣй. Ево пута, ево начина тебѣ, Дубровниче, по комъ допрѣтъ, по комъ спознатъ, в ли у тебѣ кои грѣхъ обѣѣенѣй. Пачекъ ходѣи да видѣишъ, што ѣе мѣѣра изнѣтъ. Праѣа су мѣѣрила у истѣину, пра-

веданъ мѣрюць безъ сумнѣ; неѣшъ и немошъ бытъ прѣваренъ. Ты се неважъ упутитъ? Ты се страшишъ изгубитъ на суду, како оно о Ефраиму рече Осеа. Страшишъ чутъ, што бы Балдасару речено. Нѣси одъ мѣре. Ако е тако, не умѣмъ ти инога свѣта датъ, самъ овый, кога знамъ: ходи, клекни, вапи.

Страховитый Боже! радъ твоє незамѣрне доброте остави судъ, врзи, што ѣе мѣрила. Зна Дубровникъ да нѣе подобанъ одговоритъ на одну одъ тисуѣе. Види, да е тяжело грѣшанъ, да е достоянъ одъ свакога зла, достоянъ да ты кугу пошлѣшъ на нѣга. Што ѣешъ даке ты? Послатъ кугу, поразитъ га, изкорѣнитъ га? Неѣшъ ты тога учинитъ. Одкадъ то да учинишъ ты? Овако нѣгда къ теби Абрамъ, а я садъ. Те зашто неѣу? Неѣшъ, я ти опета говоримъ, радъ онега, што си ты истый реко по Осеи пророку. Али си заборавіо? Нѣси реко, я самъ Богъ, а не човѣкъ? Човѣкъ уврѣженъ непази свѣсь, само гледа свою разсрѣбу: човѣкъ иште освету за смакнутъ неприятели, одъ кога се страши. Али мое разсрѣбе корись е замѣра. Ко мени може страха учинитъ? Мой мачъ виси свеѣеръ врхъ неприятели. Неѣу се опетъ вратитъ, за педепсатъ Ефраимъ. Задоста е, што учинихъ до данасъ. Стало ми е срце на мѣсто, мыслеѣ у мени: тотъ да я Ефраимъ сатремъ, ко уништихъ градъ Адаму и Себоу у содомскомъ порази, да се незна садъ, гдѣ су были. Неѣу, теръ неѣу: Богъ я, а не човѣкъ. Допушти ми садъ, на очію овѣхъ у Осеи уписанѣхъ рѣчій да ти речемъ. Али ты нѣси оный истый Богъ садъ, кои си было тадъ? Што се одъ тебе згодило? Скратио се одъ онда? Одъ Бога у човѣка прѣобратио? Али нѣе было Ефраимъ тадъ, што е Дубровникъ садъ? Увопачіо се Дубровникъ садъ,

бѣше се увоначіо Ефраимъ тадѣ. Теби ніе могло срце
 поднѣт', Ефраима ставит' у поредѣ съ содомскѣмъ
 градовима, а теби ѣе срце поднѣт', уништит' Дубро-
 вникъ, кому си ты Богъ, кои носи у срцу усаѣну
 твою вѣру, како чинишъ пуку, кои оли те поуе, оли
 те незна, и несповѣда? Онда си реко о Ефраиму: Бѣ
 човѣкъ свѣтъ у нѣму, то ми в доста, неѣу у градъ
 улѣстит ко неприятель, и осветникъ. Уѣамъ Боже,
 да се и овдѣ ко находи свѣтъ, теби угоданъ,
 достоянъ изпросит', да узтегнешъ руку, утажишъ
 разсрѣбу. Ну буд', да се ни вданъ ненаходи, іошъ
 находимъ я у што уѣат'. За смиловат' се, ты нити
 глѣдашъ, нити имашъ чѣса глѣдат', нег'ли сама себе,
 твою доброту, твоє милосрѣе. Молимъ даке тебе
 ради тебе, невади мача, улѣз' у градъ ко гостъ
 племенитый, ко госпаръ честитый, ко пріятель
 благодарный. Пукъ васъ моли, вапи, да улѣзешъ,
 да улѣзешъ у домъ свачій, у свачѣ срце. Ступи,
 Боже, улѣзи, буди съ нами, не одѣли се одъ насъ.

ХП.

Г И Р И Ф Е Р И Ъ Т Ъ

(род. 1744 умр. 1824.)

1. Прагъ одъ куѣе найвеѣе брдо.

На Босну поклисаръ
 Бданъ посланъ кѣ в,
 Будуѣи сваку стваръ
 Справіо малпріе,
 За пута, кѣ тога
 Трѣбуе, грляше

Пріятеля свакога,
 И дѣцы дѣляше
 Медене цѣлове,
 И доброй любви свѣой.
 Юрь слуге нѣгове,
 Кієхъ в не малъ брой,

И пратежъ сва прѣдъ
 нѣмъ
 Иде, пакъ упути
 И онъ се истый затымъ,
 Послѣдній: ал' нути!
 Приступи кадъ на прагъ,
 Тай часъ се устави,
 Одступи теръ натрагъ,
 И любит' се стави
 Жену и дѣцу изнова,
 Служби и нареѣват'
 Садъ она, садъ ова:
 Ту га ал' веѣнїй стат':
 Опета се упути
 За изѣт', ну изнова

На прагу онъ ѣути
 Ноге ко одъ олова,
 И лѣность у свему
 Тѣлу. То видеѣ' свѣй
 Драгъ вданъ, рече му:
 Прїатель', брате мой!
 Као брда висока
 Ты ѣеши проѣ', наврати
 Кадъ куѣе прѣ рока
 Лѣность те ухвати?
 Комъ онъ: нестраше ме
 Брда ина, само да
 Проѣеши я куѣе мѣ
 Прагъ выпїй свїхъ
 брда.

*Сшвари на свѣшу, кѣ
 Мы веѣма любимо,
 Съ муке се велике
 Одъ нѣихъ одѣѣймо*

**2. Неяка в рѣка свака,
 Ка се у доста дѣли шрака.**

Село моли рѣку,
 Бѣсъ вода да буде
 Узпрегнут' велику,
 Нѣивани кѣ уде.
 На молбе она те се
 Непригнѣу, кѣ тлаци,
 Поразный и унесе
 Скупъ вода іошъ ячїй.

Село опетъ молити
 Ста, и ако неѣе се
 Ганут', нѣой запрѣти,
 Осветит' да ѣе се.
 Молбе она изнова
 Тлаци, и мал' за тышъ,
 Ко прїе, поля сва
 Потопи водам' свѣмъ.

Тадъ село, покль в
 Цѣнило, да веће
 Нѣму цѣнити нѣ,
 Те се и на несрѣће
 Да има одзват' и зла,
 За свою сахрану,
 На кѣ годъ в текла
 Штетно она страну,
 Да се дубу, одреди,
 Потоцы копячамъ.
 Весело то слѣди
 Сва младость, и на
 срамъ

Рѣке бы велике,
 Срѣ ю у трака доста
 Равдѣли, толике
 Да юй силе неоста.
 И кѣ прѣ быяше
 Охола одвише,
 Каоно достояше,
 Ружно ю снижише.
Дѣдина, кадъ се има
И веля дѣлиши
Глава м' меу мнозима,
Слабо свако захиши.

ХІІІ.

МАТІЯ ПЕТАРЪ КАТАНЧИЊЪ

род 1750 умр. 1825

(изъ дѣла: Fructus autumnales 1794.)

1.

Славогоспѣ и Любодругѣ козари.

Славогость.

Одъ када самъ почео пѣвати нузъ дипле попѣвке
 По зеленыхъ горица, кудъ здене рѣке теку,
 Нигда нечухъ таке пѣсеме, вѣруй, Любодруже, воларске,
 Нег' што нѣкій Милогласъ данъ кодъ Осѣка пѣва.
 Пана пѣва свираломъ, бѣлымъ коя лѣпо завита
 Бы съ оловомъ, любно пѣсмице Пана пѣва,

Да гора и дубови, да лугъ веселя се потайный,
 Да тихи вуцы быху, престаде рѣка теѣи.
 Гдѣ, када сустаде Панъ трудеѣ' по лугу, почива;
 Гдѣ по лову вечномъ гизда Діана леже;
 Гдѣ таненогласныхъ сладко бы пѣнѣ птичица;
 Гдѣ Сатири съ Нимфам' кетеушъ игру воде.
 О! тко бы такве пѣват' почео нами пѣсме, козару,
 О! тко бы то пѣвао кодъ Соколовца нашег'?

Любодругъ.

Я бы му поклонію шаренонову тиквицу одмахъ,
 Одъ нѣ я неймамъ скуплѣга добра, вѣруй,
 Ты си, велишъ, слушао пѣсму, Славогосте, воларску;
 Дай, небы ли сгодіо пѣсмице Пана, гледай.
 Метни новыи писакъ, помажи пакъ шупльине воскомъ,
 Свирати, дай, почми, тиквица быт' ѣе твоя.

Славогостъ.

Незнамъ я, хоѣу ли погодит' те пѣсме, козару,
 Пана пѣват' неумъ терстена свирка моя.
 Ал' ѣу кушат' (реченогъ памтимъ іошъ пѣнѣ волара,)
 Пѣсму; ако врѣдн тиквица пѣня моегъ.

Любодругъ.

Полоку тиква купи, всть одъ коре ягнѣда овгоръ
 Чепъ, когъ лична висеѣ' замчица танка носи.
 Чиста унутри, водицомъ шесть пута залита текуѣомъ,
 Іошъ мириши новиномъ; ништа бо пила нѣ.
 Съ двора видишъ вилѣногъ ножиѣемъ сликована
 чилаша,

Главу носи високо, преднѣ пропина ноге.
 Глед', коняникъ на нѣму како диздуме свѣтле по-
 теже,

Глед', како Вила лети, глед' како Ђорда брѣ!

Съваю мунъ 'з очи', 'з унію громови се разсиплю,
 А на самуръ свѣтло трепти челепка капи.
 Глед', како рани Туракъ катану по десници круто,
 Ал' како главу, гледай, Турчина съче витезъ.

Славогосиъ.

О да нѣ витезъ славный, Любодруже, илираць;
 Тог', како я разумѣмъ, майка илирка роди.

Любодружь.

Башъ на полю кодъ Байне витезъ тако Луко посѣче
 Бомбега, теръ весео срѣдъ поля равна пѣва.
 Тай моя съ двора, видишъ, догоѣй нова тинвица
 каже,

Ню Милородъ пріятель 'з Кузмице посла мени.
 Уньой пива небы, моя нит' іоштъ уста дотакну,
 Дамъ теби, ако попѣвашъ, ню, Славогосте, данасъ.
 Дѣд' почми.

Дѣд', почми стару, знашъ? Одъ Бурѣица попѣвку,
 Любеѣ', кажи, образъ свой како смакну себе.
 У горицы зеленой башъ кодъ Соколовца быяше
 То, гдѣ' но Бурѣицы іошъ мило бѣли роде.

Славогосиъ.

Почмите пастырску пѣвати, миле Виле попѣвку,
 Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'!
 Ов' Славогоста, слушай долино! 'зподъ Кузмице
 гласъ есть:

Я, Славогосиъ, почминамъ кодъ Соколовца пѣват'.
 Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
 Кодъ Соколовца нашегъ почмите, Виле, пѣват'.
 О! гдѣ си была, Венусъ, кажи, гдѣ си была, Діана
 Кадъ съ очію Бурѣицъ себ' пренемага своихъ?

Ил' высокій Неволыщъ, седеный Богастъ иди Славо-
любникъ,

Вамъ стоялишъ быя; ерѣ Орлава была нѣ.
Нит' хладный Вучягъ види васъ, нит' Кнесница рѣка,
Кузмице нит' вртили, нит' Соколовца гора.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'.
Ту кове, ту зецеви, вуцы Бурѣица плакаше,
Ту елени брви, козлиѣи, яньцы, птице.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'.
Овдѣ бѣше зденацъ неглотный, когъ вода быстра
Просвѣтливя; никадъ тахнула марха нѣга,
Нит' воду мутѣ звѣрадъ, ближнѣг' нит' гранчица
стабла;

Стабла даху хладность, трава прещельну сладость.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'.
Овдѣ дѣте дошавъ уморно тѣраюѣи звѣради,
Спусти се на траву близу одъ зденца меху.
И кадъ хотѣ жеѣу протѣрат', нова жеѣа прирасте,
Пригнувш' уста къ води, прилину лѣпу види.
И што тѣло небы, любеѣ онъ тѣло чиняше;
Самъ се чуди са собомъ, пакъ стаде мотрит' очи,
Образъ бѣлый, чело свѣтло, вратъ чистый, обрве
Цѣне, види руменомъ гиздава уста боіомъ.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'.
Мыслеѣ онъ, да е туѣи образъ, да е Нимфа прелѣпа,
Ню дохватит' руками нагло желяше лахким'.
Ал' недокучи никогъ, веѣе гиздаве покваси руке,
Да немогаше, жали, ништа докучит' нмо.

Пыта, тко си, кажи! Бда ли мила Нимфа? повыкну;

Бка нѣм' у горицы, я мила Нимфа, рече.

Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,

Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'.

Тражи дуго Нимфу, дуго, пакъ онъ ништа ненайде;

Я те, повикну, желимъ! Нимфа повласти, желимъ.

Одговоръ онъ разумъ, ниткогъ несмотри жалостанъ,

Лица своегъ само прилику юрве слабу.

Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,

Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'!

Тадъ рече: кадъ ме варашъ, кадъ ты мене, Нимфо
немаришъ,

Свегъ ме будешъ примит', кадъ мое лице кудинъ.
То вапюхъ къ ледепомъ неволянъ себе зденцу при-
дружи,

И радъ властитогъ себ' смаче лица младиѣ!

Престани садъ пѣвати, Бурѣицъ гине, Вило, попѣвке,

Кодъ Соколовца нашегъ, престани, Вило, пѣват'.

Сестрице ту плакаху, плакаху ту Нимфе жалостие;

Бурѣицу милый, яо! яо! милый, еко рече.

Престани садъ пѣвати, Бурѣицъ гине, Вило, попѣвке,

Кодъ Соколовца нашегъ, престани, Вило, пѣват'.

Тѣло дижу мртво, за сахранити поштено драгогъ,

На зелену травуцу метнуше врукта поредъ.

Престани садъ пѣвати, Бурѣицъ гине, Вило, попѣвке,

Кодъ Соколовца нашегъ, престани Вило пѣват'!

Кадъ ли време тому доспѣ, да се тѣло сахрани,

Бѣлый цвѣтакъ бурѣицъ, гдѣ быя тѣло, роди.

Престани садъ пѣвати, Бурѣицъ гине, Вило, попѣвке,

Кодъ Соколовца нашегъ, престани, Вило, пѣват'.

Одъ тада лѣпый цвѣтакъ кодъ насъ бурѣицъ се на-
зива,

Кодъ Соколовца роди, Кузмица нѣмъ се кити.

Любодругъ.

Башъ китицу лѣпу сакушихъ ѱурѣица ючери;
 На китицу съ тиквомъ, врѣдно в пѣнѣ твоѣ.

Славогоспъ.

Тиква мени, вѣнацъ бѣлогъ ѱурѣица сабраннымъ
 Отцымъ на мѣсто Кузмица звано буди.

Скупя.

Скупщина негъ весели, домаѣинъ много живи
 година,
 Некъ се саборъ свираломъ вазда споминя нашомъ.

2.

*Славодругъ, Јосо, Аншунъ, козари; Милогласъ, Томо
 Иво, волари.*

Милогласъ.

Што си се на вѣячу тужанъ Славодруже подупро,
 Санъ еда ли тебе, еда ли тебе Любице труде?
 Ил' су ти уштетени писки, твоѣ дипле разсуге?
 Ил' су те оставили друзи, еда Виле невольного?

Славодругъ.

Ахъ, Милогласе, плачемъ, тужимъ, нити, зашто?
 непытай:

Нису мени санки лажни, нити Любе досадне;
 Нит' су мои писки, нити су мени дипле на хуму:
 Пара другій ножъ срце нами, друга туг а жалостнымъ.

Милогласъ.

Ай мени! Ты си мою свиралу, Славодруже, понавляю;
 На горицы зеленой са многъ ты Пана попѣвке
 Први пѣваше: нову сада пакъ я казати пѣсму
 Жудихъ; ты тугуешъ: да што ти е, друже
 полюбный?

Славодругъ

Ахъ, Милогласе, селимъ; селимо, Милогласе, ковари

Милогласъ

Богъ милый! Што в селимъ, селимо пакъ юште ковари,
 Неразумѣмъ рѣчи, нити чухъ ту нигда потайность?

Јосо

Єсть тако. Игре нѣкій данъ мы кодъ Зврцня ко-
 зарске

Држеѣ' подъ Лучицомъ, весело гдѣ браѣа быяху
 Скупна, водеѣ' съ Виламъ веселымъ коло, пѣѣи по-
 пѣвке:

Ал' то ближа къ нами смркнутогъ лица оружниѣ.
 На глави му клубукъ съ печати, на тѣлу ходѣло
 Црлѣно, а плоче на прси, на лача, дуга пушка
 На рамени, двѣ мале напрѣдъ, за писмо клубукомъ.

Аншунъ

Нигда коло страхоту такву пастырско неѣути,
 Нег' кадъ оружниѣ овай мирнымъ приступи коза-
 ромъ.

Јосо

Стан'те, вели. Ваше игре на странъ; заповѣди шумара
 Чуйте: што годъ коза окол' Шага, Липовца,
 Сентина, Марянацъ, по Звѣрняку, Нарту, Селишѣу,

С. Читанка за выш. глѣв. Св. I.

Кралѣвцы, Лучицы, Мирчинцы, Риту, Карашу
Густомъ, Вишковцу, Горицы, по Звръню округломъ,
И кудъ рѣка тече, рыбицомъ преплодна Карашца,
Кудъ брѣгови Вучицу, быстру кудъ слѣде Вучинку,
У три дни да нестане свыхъ, да неима нивдне.

Томо

**О мили пастыри, козе; о заповѣди преоштре!
Што таковагоъ, Боже мой! неуврѣдно ято сагрѣши?**

Loco

Гризе, вели, грану храста, шуму младу, шибаръ
Квари; теръ дому више злости, него даде корысти

Славодругъ

Та, Милогласе, жалость, тай плачь насъ слѣди
 козаре,
 Юръ селимо тужни, юръ дубраве сладке губимо,
 И доме туѣ слабымъ загнани тражимо ятомъ.
 Юште неяки, ево, яриѣи, яо! кое ючери
 Плодна мати даде, путь съ козами подмораю трудит'!

Милогласъ.

Ахъ! Славодруже, жалимъ. Тко ѣе юръ нами пѣсме
козарске,
Тко пѣвати съ Нимфам' поскочнице? Тужно сели-
ште,
Тужни гаи, доли, горе, грми, лузи потайни.
Ахъ, што ѣе шумске чинит' Дріядесъ, што ѣе Ви-
ле поточне,
Кадъ миле пѣсме стану, када любныхъ диле ко-
зара?

Иво

То самъ я видіо, кадно нами Дѣва премину
 Майка, поредъ пасуѣ' воле Сентина, гдѣ козе гу-
 стой

У шумицы быяху, сврхъ врана тужно повикну,
 Нит' стаде вечери врачат', мое мысли таруѣи.

Томо

Я по Мирчинцы съ волови на трави будуѣи,
 Орла видихъ съ родомъ сильный по враку біюѣи
 Бой, да перя лете, съ высокихъ да падну на зе-
 млю

Страна, да перутим' еданъ оштро плюска другога.
 Ячій орао панцам' роду раздрпа на концу.

Славодругъ

И мени ярце покла вукъ исту ноѣ, када Майка
 Остави насъ, коза іошъ браѣи множтво порази.
 Тадъ самъ я рекао, несреѣно слѣди козаромъ
 Врѣме; ево садъ ѣутимо! Съ Богомъ остани любна
 Дружино, славный дому; съ Богомъ, о наша бра-
 ѣа волари.

Мы селимо широмъ, вы среѣни насъ се спомен'те.

Милогласъ

О! мила браѣо, путуй! када несреѣа такве невольне
 Прогони; пѣсмицами будемо васъ слѣдели тужнымъ.
 Трнити! о! Ёда ли сврху васъ небо мысли промѣне,
 И паше старе вами, нами старо веселѣ поврати!

Епоха друга.

I.

АЛЕКСІЕ ВЕЗИЛИНЪ

О спокойной жизни

1788.

1.

О спокойной жизни.

Всегда нищій оный есть, кто нищеты боится,
 Во скудости той живеть, кто о многомъ печется,
 Что нѣсть можно обрѣсти, то есть глупо желати,
 И немирень во своемъ сердцѣ за то бывати.
 Кои многа желаетъ, многихъ той потребуеть,
 Кои многихъ требуетъ, той истинно нищій есть.
 Человѣка спокойный животъ во томъ состоитъ,
 Да и сердца безмѣрно желаніе истребить,
 И да будетъ щастіемъ своимъ всегда утѣшенъ.
 Къ терпѣнію всякому доброволно приклоненъ.
 Терпѣніе всякую напасть облегчаетъ,
 Доброволно терпящу конецъ славный дѣлаеть.
 Отъ чего убѣжати никако есть возможно,
 Боятися отъ того есть разуму противно.
 Все живущіи желаютъ мирный животъ имѣти.
 Но что миру есть нужно, рѣткии хотятъ хранить.

Мирной жнзни есть нужно чужа дѣла незрѣти,
 И злобныя клеветы языкъ свой удержати;
 Нежелати излишна сокровища земнаго,
 Паче нужди своея злата нзобилнаго.
 Зане проклятъ гладъ злата сердце люто смущаетъ,
 И на многа зла дѣла храбро возбуждаетъ.
 Ослѣпляетъ иногда человѣка разумна,
 По томъ неситостію творить его немирна.
 Желанія наша суть наши непріатели,
 Спокойнаго живота явни нарушители.
 За то обузданіе желанія есть нужно,
 Аще хотимъ имѣти сердце всегда спокойно.
 Жизни покой великій еще во томъ состоитъ,
 Дѣла своя собственна всякій добро да видитъ;
 Содѣлану обыду да опроститъ всякому,
 Но собствену погрѣшность себѣ нигда самому.
 Жити добродѣтельно многіи древніи могоша,
 Кои свѣтомъ Христовымъ просвѣщени небыша.
 Зашто и мы неможемъ днесъ смиренно живити,
 Желанія пакосна изъ сердца истребляти?
 Свѣтъ истинный видѣхомъ, вѣру праву пріяхомъ,
 Пакъ мы способъ имѣемъ много лучшіи да будемъ.

 2.

О чародѣйству.

Услышите небеса, и ты сѣмо приклони,
 Земле, твоя ушеса! что Саваоѣ говори:
 Я сыиове воспитахъ, и тѣи мене презрѣша,
 Отъ зла многа сохранихъ, благодарни небыша,
 Волъ извѣстно своего государя познаетъ,
 А мой народъ избранный познати мя нехощетъ,

Тая страшна словеса Ісаіа сказуеъ,
 Тужбу Бога вышняго злу народу являєтъ:
 На что естъ мнѣ вашъ таміанъ, жертва изъ рукъ
 порочныхъ

Гнушаюся азъ взяти даръ отъ людей безбожныхъ.
 Все праздницы ваши суть мнѣ бремена несносна.
 Зане тогда творите многа дѣла мерзостна.
 Очи отъ васъ отвращу, когда звати будете,
 И во нуждѣ тяготной руки ко мнѣ двигнете.
 Сію тужбу и нынѣ многіи добро нечуютъ.
 Презираютъ вышняго, и познати нехощутъ.
 Яко щита крѣпкаго чародѣйства держутся,
 А отъ Бога своего неравсудно клонятся.
 Отъ чародѣй вѣрують всяко добро обрѣсти,
 Которое безъ Бога никто можетъ намъ дати.
 Такови суть подобіи Бога непознающимъ,
 Язычникомъ несчастнымъ, во темности живущимъ
 Ахъ жалости и данасъ естъ обычай проклятый
 Кодъ народа Хрістова очевидно видѣти,
 Како многіи демонска чародѣйства дѣлають,
 И на помощь діавола прелестнаго взываютьъ.
 Безъ чараня никакво дѣло хощутъ начати,
 Зане крѣпко вѣрують, среѣу во томъ стояти.
 Аще на торгъ отходятъ, тогда добро пекутся,
 Да врачбине и тамо со собою узмутся.
 Со праздными сосуди да ихъ никто срѣтаетъ,
 Ёръ непсованъ остати тогда отъ нихъ nebudeтъ.
 Отходятъ ли дѣвойку въ чужемъ мѣстѣ просити,
 Прежде бабе пытаются, какво валя носити
 Тамо омащеніе, да дѣвойку добыють,
 Пріятелю новому очи добро замажутъ.
 На судъ звани не могутъ безъ врачбине ступити,
 Съ коею надѣются суду уста связати.

Имъ есть подозрительный день усѣкновенія,
 Сумняются почети тогда дѣла нуждая.
 Когда дождь непадаетъ, и вруѣине бывають,
 Черне пѣтле хватають, и у воду бацають.
 Многие проче глупости небоются творити,
 Да бы время дождливо скоро могли добыти.
 Разсудити нехощутъ, кто землю одождаетъ,
 Съ помощію чією лѣто плодно бываетъ.
 Приходитъ ли Бурѣевъ данъ, или божіихъ радостный,
 Ихъ діаволску чаравню тѣхъ дніе суть потребныи.
 Рано тогда встають, ходять на разпутія,
 Букве свое читають, демонска моленія.
 Съ миромъ млада неделя отъ ихъ проѣи неможетъ,
 Въ коей чарованіе содѣлано небудетъ.
 Сну всякому вѣрують, и страшутся безумно,
 Аки бы сонъ будуща имъ сказывалъ извѣстно.
 Когда пѣтель предъ вратми велегласно пѣваетъ,
 Суевѣрный домъ тогда странна госта чекаетъ.
 Несреѣно имъ видится сито свое изъ дому,
 Или квасецъ подъ вечеръ позаймити ближнему.
 То нѣсть токмо видѣти кодъ народа простаго,
 Но кодъ людей побожныхъ и званія книжняго.
 Рѣдка мати имѣетъ сына перворождена,
 Кои небы носіо чародѣйства потайна.
 На дѣтя незлобное многие кесе вешають,
 Въ коихъ кости различне и проча ушивають.
 Да бы майци живію, многа лѣта видію,
 Отъ вештице и виле свагди сочуванъ быо.
 О люте слѣпаріе, коя данась царуе,
 Кодъ народа многоаго, наипаче нашего.
 Что на свѣту и нема, того глупо боится,
 Суевѣрствомъ отрованъ и отъ мрака плашится.

Многы ядни книжницы, сметени наставницы,
 Записе написують, суевѣрнымъ продають.
 Ложь дивно измишлену, Сисоново житіе,
 И святаго Гавріїла ноѣно путешествіе,
 Горе лестнымъ книжникомъ, кои тако свѣтъ трують,
 Многе люде незлобне отъ Бога отвращають.
 Како святой Апостоль Павелъ о томъ глаголетъ,
 Царство Божіе чародѣй наслѣдити nebudeтъ.
 Суевѣрствомъ окованъ, чародѣйству своему
 Много више вѣруеть, неже Богу самому.
 Неудане дѣвойке у жепови потайно
 Со собою что носятъ, описати нѣсть можно.
 Брѣ безбожне влаинѣ у чараню искусне,
 Особито имъ басне составляютъ различне.
 Да бы среѣу добыле, удатися возмогле,
 Мужа за носъ водити, накаране небыти.
 Къ вѣнчанію святому когда се оправляютъ,
 Бога вышня на помощь къ себѣ непризываютъ,
 Но врачбине и тамо небоятся носити,
 Отъ ихъ среѣу извѣстну надѣются добыти.
 О господи небесный, творче благоутробный!
 Долго вси терпѣливъ, и премного милостивъ,
 Живущыя на земли плодомъ щедро питаешь,
 Яко чадомъ любезнымъ всяко добро ты даешь.
 Многіи паки нехощутъ тебе добро познати,
 За всякое щастіе благодарни бывати.
 Среѣу всяку на земли приписують лестному
 Суевѣрни людіе чародѣйству своему.
 Презируютъ истинно Тебе Творца щедраго,
 Подателя всякихъ благъ, и господа праваго.
 Кои тебе вѣрують, крѣпость твою познають,
 Тѣи вештицу, и вилу, вукодлака, и халу
 Нигдѣ срѣсти могоша, ни извѣстно видиша,

Токмо слаборазсудни, суевѣрни людіе
 То иногда имѣють лестно привидѣніе.
 Како пророкъ глаголетъ, безъ причины страшутся,
 Гдѣ нѣсть страха видѣти, тамо страха бояться.
 Призри на насъ господи съ небесныхъ высоты!
 Стадо простодушное народъ сербскій просвѣти.
 Училища воздвигни долгожелаемая,
 Науками одожди на вся мѣста сербская.
 Да потекутъ потоцы, жаждущи напѣются,
 Кодъ народа славнаго да наука славится.
 Тогда суевѣріе предъ тобою мерзостно
 Изъ стада избраннаго истребитъ конечно.

II.

І О В А Н Ъ Р А И Ъ Ъ

род. 1726 умр. 1801.

1.

Пѣснь.

Прискорбна горлице! Камо намѣрявшъ,
 Камо л' отлетаешъ,
 Отвѣщай на сіе!
 Въ инну гору отлетаю,
 Гнѣздо ново да сплетаю,
 Тамо намѣряю!
 Прискорбна горлице! кто тя отгоняетъ,
 Здѣ жит' возбраняетъ?
 Отвѣщай на сіе!

Хищни кобцы и ястребы
 Снѣдающіи и огребы
 Тѣи мя одгоняють!

Прискорбна горлице! Како озлобляють,
 И тя утомляють?
 Отвѣщай на сіе!

Гнѣздо мое расплетаютъ,
 Птенцы моя подавляють,
 Тако озлобляють!

Прискорбна горлице! Гдѣ будешь пристати,
 Помощи искати?
 Отвѣщай на сіе!
 Въ гори поиду западніа
 Други искати благія,
 У нихъ и пристану.

Прискорбна горлице! Кто ты тамъ защититъ
 Одъ кобцовъ исхититъ?
 Отвѣщай на сіе!
 Орелъ мой высокопарный,
 Силный, крѣпкій, и преславный,
 Той мя тамъ защититъ!

Прискорбна горлице! Чимъ ты воспомогнетъ
 Отъ ястребъ отторгнетъ,
 Отвѣщай на сіе!
 Въ крылѣхъ его гнѣздо сведу
 И отъ туду птенцы 'зведу,
 Тымъ ми воспоможетъ.

Прискорбна горлице! Коя ж' ему дари
 Воздаси съ утвари?
 Отвѣщай на сіе!

Орелъ крѣпкій на вся страны
 Да славится въ мирѣ и брани,
 Сія ему дары.

Прискорбна горлице! Что еще воздаси
 И воскликнешъ гласи?
 Отвѣщай на сіе!
 Верху водахъ да летѣть
 И въ пустыняхъ работѣть,
 Сіе еще даю.

2.

изъ

Дѣла: Бой змая са орлови

III.

*Подъ Белградомъ Мухамедъ воюе съ цесарцы:
 Али и шу осеѣа, шко су юнацы.*

Одъ велике жалости, туге и неволѣ,
 Несме да се помоли никуда на полѣ,
 Мрачны изъ свои палата окаѣнены смрадомъ,
 На дну пакла жалостногъ напунѣны ядомъ:
 Да га бози невиде и непокараю,
 Срѣ савета неслуша, мыслиѣ' да вараю:
 Него узе сладкога винца муселеза,
 Да се нѣиме ублажи, и у сну непреза.
 Пакъ онъ леже спавати на квашенѣ пояко,
 Да разбіе тежакъ дертъ, говори овако:

Баръ да мало починемъ, не бы ли и санцы
 Штогодъ добро донели, явили се данцы
 Добри, среѣни за мене, како што я желимъ,
 А ты Алла учини, како што и велимъ. —
 Турцы неуздаю се у якога Бога,
 Него зову у помоѣ Мухамеда свога.
 Изъ нѣгова корана стихе повадили,
 Стене града обписавъ нѣма оградили.
 Пакъ то веле меѣ собомъ, градъ е нашъ по-
 кривенъ,
 Одъ очію ѣаурски са свимъ е сакривенъ.
 Ето цела година одъ како га гледе
 На пусуле са сви стран', пакъ га іоштъ
 невиде.
 Тежке будалаштине! Чиме се вараю,
 Умомъ слепи невиде, да са тимъ падаю.
 Стойте мало докъ ближе Лаудонъ приступи,
 Докъ одъ свуда войнике онъ къ себи прикупи,
 Видиѣте, види ли, кадъ стихе побрка,
 И кадъ многимъ по граду главуре одѣрка. —
 У Стамболу младъ Селимъ ситну кнѣгу пише,
 Сузе горке ронеѣи изъ срдца уздыше:
 Пакъ е дав у руке Меркуру крилату,
 Да однесе у пакао, у славну палату,
 Гди Мухамедъ почива на свои губери,
 На харару, хасури, што му све жубери.
 Мало за тымъ времена у свемъ путу проѣ,
 Алъ Меркурій са писмомъ къ Мухамеду доѣ.
 Устай, свече, неспавай, устай, де, поскоро,
 Неоклевай, ни жмирай, нит' се крти споро.
 Ево теби белъ листакъ одъ правнука твога,
 Кога теби онъ шилъ башъ изъ двора свога.

Брже на то Мухамедъ одъ сна свога скочи,
 На губери и седе, пакъ отвори очи.
 Стаде кнѣгу читати, што се у нѣой каже,
 (Селимъ ово пише мой, кои ми не лаже,) —
 Здравъ намъ буди до века свече нашъ и ѣато!
 Поздравляю деца те, любезный нашъ тато!
 Алъ ти яданъ гласъ пишемъ и жалостанъ за
 насъ,

Немцы Саву преѣоше са своимъ силомъ данасъ,
 По Врачару падоше, Белиграду прете,
 Шанце брзо копаю, а танета лете.
 Кобургъ съ войскомъ у Влашкој тебе очекива,
 И са свои юнацы на мейданъ зазыва.
 Изъ Ерделя Хохенлой на Кладово иде,
 Како чуемъ, и веѣ ту са своимъ силомъ
 седе,

Да ти Банатъ одузме старогъ Северина,
 И одъ свуда обседне белогa Видина.
 Добро ти е познато, што смо изгубили,
 Изгубили градове, ништа недобыли.
 У Хрватској пропаде Нови и Дубица,
 Гди е многимъ одъ наши сат'рта губица.
 Бербиръ у Славоніи и у Мачви Шабацъ
 Одузеше ѣаури; юштъ грца Соколацъ.
 Смедерево, красанъ градъ, и онъ оде одъ насъ,
 Како видимъ сва Србска стои на супротъ насъ.
 Юштъ намъ стои Белиградъ и добро се влада,
 Ништа нѣму неѣали, нит' се бои глада:
 Алъ е тежко обколѣнъ, хоѣ ли остати?
 Врло незнамъ, боимсе, и онъ ѣе однасти. —
 На све отране пролеѣу фрайкорцы проклети,
 Бію, секу, и ягме, не мож' се отети.

Никогъ неће да робе, негъ све подъ матъ међу,
 Нашу тежку на штету, гибель и несрећу.
 Беше пошао Сераскирѣ у помоћ Белграду,
 Съ авангардомъ принцъ Валдекъ учини преграду.
 Едва и онъ умаче за Мораву реку,
 Кадъ разуме гласове, да они све секу.
 И на реки за собомъ ђупрію попали,
 Да ти гладни курацы не буду напали
 Изненада на нѣга: топове остави,
 Са тымъ себе а и насъ срамотомъ прослави.
 Негъ некосни, ускори, потрчи, долети,
 Люте биче паклене одъ скорпія сплети,
 Те потерай Немчину, ђаура неверна,
 Прославимо да тебе твоя деца верна.
 А кадъ онъ то разуме, Меркурію рече:
 Све зло иде за горымъ! Злу срећу прорече.
 Нѣму рече Меркурій: Тако, тко е ячій,
 Тай непыта никога, што нађе, закачи.—
 Пакъ устаде на ноге, кѣ Херкулесу пође;
 Нѣколико времена за то доба прође,
 Докъ искамчи одъ нѣга чворноваку яку,
 Коіомъ е онъ воевао, шкоду чинећ сваку.
 Даде и кожушину лавску, да устраши
 Храбру войску цесарску: али се не плаши,
 Како люди говоре, камила решетоу,
 Кадъ е храбрость нѣова позната предъ све-
 томъ.

Подиже се одатле, отиде потайпо,
 Да га гдигодъ невиди Зевса око сјајно,
 Подкраде се у дворе Марса лютитога,
 Међу свима бозима бога честитога,
 Пограби му миздраке, стреле, и громове,
 Да за свое потреби картачъ и топове.

Пакъ уседе на старогъ Бурака коньца,
 Поспешава къ Белграду, лети кано птица.
 Изненада улети меѳу свое люде,
 Гдино они меѳ' собомъ, што да чине, суде;
 Пакъ онъ нѣма говори: ажаміе Турцы!
 Немцы су то, ѳаури, а нису то вуцы.
 Поплашили што сте се? Ево мене съ вама,
 Кадъ самъ я ту, доста в, сва в среѳа съ нама.
 Ние кадаръ динсузинъ Белиградъ узети,
 Бръ ѳе нѣга коягодъ скорпія увести.
 Веѳъ перите топове свуда на све стране,
 Неузмогу да они одъ насъ да се бране. —
 Погрмише топови са сви беденова,
 И тада се започе са свимъ бой изнова.
 Тако мысли Мухамедъ, да се Немцы плаше
 Одъ нѣгове грмляве, али се нестраше:
 Него сгоду чекаю, и градъ позываю,
 Да се съ миромъ предаде, и вѣру му даю. —
 У гордости Мухамедъ Немцу одговара:
 Немыслиде што мыслишъ! пакъ се іоштъ
 и кара.
 Белиграда я недамъ, докъ ми деце трае!
 И онъ на то изъ града тврду речъ подае. —
 Марцелъ римскій Лаудонъ, воевода славный,
 У цесарской арміи командирацъ главный,
 Гедееонъ Ісраилевъ прозорливый, мудрый,
 Старацъ тѣломъ средованъ, али духомъ бо-
 дрый.
 Одъ Дунава до Саве ископао шанце,
 Око града обвео како нѣке ланце,
 Поправіо редуте, начичкао топовы,
 Што ѳе Муи теже быт', негъ горки окови.

Батерию на дигао у ади високу,
 Съ ков Муи дават' ќе рану прежестоку.
 Онъ поведе сву войску кровъ циганску аду,
 Четырима ђуприям' ближе пдућ къ граду. —
 Преко Саве прешавши на Врачаръ се попе;
 Побелише шатори, ков онъ ту пропе.
 Батерије подиже по брду до пута
 Къ Цариграду идући, све поспрема съ пута.
 Преко пута къ Дунаву главный редутъ метну,
 На Дунаву прамъ нѣга ђуприю наметну,
 Изъ Баната да Клерфе съ войскомъ къ нѣму
 дође,
 И сва друга потреба у Сербію прође.
 Изъ тій поче понайпре предграђе палити,
 И по нѣма яднике ужасно жарити.
 Међъ тымъ таки одъ Саве тренже отворио,
 Лауфграбенъ ископао, варошь заколио.
 Отдудъ друге подиже батерије яке,
 И на нѣма постави пушке свакояке.
 Батерије јоште три у хрту прамъ града
 Устадоше велике съ прек' Саве съ запада. —
 На Дунаву фрегата съ галиоти стои,
 Да бы ватру давати, све минуте брѣ.
 По Дунаву и Сави лагке шайке плове,
 Турадию вребаю, фатаю и лове.
 Сремъ и Банатъ съ Сербіомъ, ђуприомъ свезани,
 Сваку службу чинити цару обвезани,
 Сви готови чекаю, сигналъ ослухую,
 На опрезу сви стое, свое да нослюю.
 Јоштъ еданъ путъ войвода поручуе Туркомъ,
 Градъ предайте; еръ ђу васъ уморити мукомъ.
 Сажалѣвамъ, да лудо вы губите главе,
 Неварайте с' у томе, ни чекайте славе

Кою вамъ Мухамедъ вашъ лажно обеѣва;
 Бръ не ваша, негъ наша быѣе одсадъ слава.—
 Укрѣплюе Мухамедъ све по граду Турке,
 А самъ незна, какве га очекую муке.
 Поручув у лагеръ старцу Лаудону,
 Хитростію и умомъ равномъ Гедеону:
 Извади то изъ главе, я ти недамъ града,
 Недамъ, опетъ кажемъ ти, безъ великогъ яда.
 Кадъ то почу Лаудонъ, запламти се гнѣвомъ,
 Заповеди ожеѣи све сигнале редомъ.
 Садъ де Муіо погледай, да нейма ударца,
 Како люди говоре, безъ лютита старца.
 Заповеди пакъ найпре вароши пожеѣи,
 Да бы Турке у нѣма до едногъ попеѣи.
 Паласате около скоро сасеѣ' даде,
 Како да путъ юнакомъ отвори, подаде.
 После съ прочи батеры юришъ е учинѣнъ
 Попалѣну у варошъ, и путъ е начинѣнъ,
 Ближе къ граду ступити, на око узети,
 Намѣрено и дѣло сасвимъ предузети.
 Упадоше унутра соколови красни,
 Трзаю, и чупаю, како орли страшни;
 Секу, бію и боду, кога годе наѣу:
 Алъ и редъ свой чуваю да кудгодъ незаѣу.
 Кадъ то Турцы видише, у градъ полетише,
 Мртвоглавце трчеѣи едва умакоше.
 Што неможе утеѣи, ту на плацу паде
 Ил' одъ пушке, ил' саблѣ, еле ту пропаде.
 Куда годе погледитъ, све е мртвы' пуно,
 Нит' се зна скотъ, ни човекъ, еръ е све то
 гнусно.
 Батеріе усташе по калимейдану,
 Кое граду являю беду, гибель явну.

Батеріє све скупа загудише громко,

Яднимъ Туркомъ у граду то допаде горко. —

Мало за тымъ почеше поздравляти Турке,

Кумбарама у граду, тежке нѣине муке!

Паша шалъ изъ града, те иште термина,

Да се іоште промисли до петнаестъ дана.

Да превари, онъ мысли, докъ Сераскиръ доспе.

Са тимъ ядникъ уради, да га ватра поспе

Што скоріе са сви' стран', докъ се незабуні

Искат' више термина, и падне у буні. —

Вы иштете термина, херой одговара:

Знамъ я добро, што є то, да є то превара.

Вы иштете термина на петнаестъ дана;

Термина вамъ я недамъ башъ ни за два дана

Него таки градъ дайте, себе негубіте,

Жене баръ и дечицу свою поштедите.

Ни што вамъ є на сисі, живо быти неће,

Нећу ни поштедити, што хоћете, веће?

Драгій пашо! ты мыслишь, да се са мномя титрашь;

Нетитрашь се ты самномъ, негъ се съ главомъ играшь.

Доиграёшь, играй ты, іоште мало време,

Докъ понесешъ ужасно за свію вастъ бreme. —

Погрмише топови са брда Врачара,

Да видимо садъ Мую, хоће л' да се кара.

Лете бомбе са сви' стран', како туча съ неба,

Кое Туркомъ у граду єст' недаду хлѣба.

Рію оне по граду, предъ собомъ размећу,

Штогодъ наћу, к'раю, ст'рмоглавъ премећу.

Стене крепке падаю, и домови пламте,

А топовна танета, што попадну, млате.

Подъ Улисsemъ што Трбѣ, што Римъ подъ
Нерономъ,

Тако букти Белиградъ садъ подъ Лаудо-
номъ? —

Юштѣ Мухамедъ храбри се, и съ топови гуди;
Чекаюћи зло горе, докъ се самъ зачуди.

Веѣъ ин бомбе стераше въ мрачне казамате;

Али иду друга зла, да ин ту помлате.

Брже, рече Фелдмаршалъ, препелице дайте,

По бужацы те съ нѣима Турке помлатайте.

Полетише кадъ оне по свима бужацы,

Мухамеда пытаю, гди су ти юнацы?

Стаде писка одъ жена, и сви Турцы дрече,

Сви лелечу и плачу, и дечица крече.

Нигди мирна покоя ядни неналазе;

Ерѣ препелке по свуда почесто пролазе.

И Мухамедъ не оста, како валя, съ миромъ;

Ерѣ и нѣга препелке одиратише съ чиромъ.

Кадъ димлиѣ плануше, и до живца доѣ,

Тада савъ ѣѣъ бити се Мухамеда проѣ.

Чворновака пропаде, лете липаѣури

Херкулева кожуха; Мухамедъ се гури.

Мысли, што ѣе да ради, пакъ найпосле клече

Паши советъ подае, и овако рече:

Нѣѣ фѣйде, падосмо, Белиградъ отиде;

Нѣнѣ в быо, а не нашѣ, дакле нека иде.

Брже шальи напоѣ въ лагерь Лаудону,

Са свимъ предай нѣму градъ, и главу покорну

Предѣ Юсифомъ поклони, и однуста ишти.

*(Изъ Исторіи разныхъ славенскихъ народовъ,
Части II.)*

(1794)

Звѣровидный оный Михаи́ль Палеологъ, неглизато, что отказанна дружба и сватовство ему отъ Уроша I. искалъ прикладнаго случая, еже бы кралевство сербское запустѣнію предати, и сотерти рогъ силы: но яже онъ умысли, невозможе составить, противный бо въ намѣреніи своемъ обрѣте видъ. Всю подробну и со всѣми окрестностями сраженіе сіе Грековъ съ Милутиномъ описалъ преосвященный Дани́лъ въ своемъ Родословѣ, которую повѣсть и графъ Бранковичъ въ исторіи своей представляетъ. Но когда Родословъ той въ рукахъ имѣется пишущему сія, довольни будемъ тѣмъ, еже самага Дани́ла послушати. Пишетъ же онъ тако: „Бѣ въ тія дни видѣти землю сербскую въ тѣснотѣ велицѣ обяту и умаленну: держава бо царства греческаго бѣ прилѣжащи до мѣста глаголемаго Липляня, и тому царству насилствующу, яко хотящи пріяти всю область отечествія сего хрістолубиваго, пачеже и того самага имѣти въ мѣсто послушливаго раба. Неразумѣша бо, яко хотящи чуждее наслѣдити, въ скорѣ своихъ лишени будутъ. Тогда хрістолубивый и превысокій краль помолився господу Богу во умиленіи сердца рекъ: Боже безконечный, и милосердый, и всещедрый владыко всѣхъ и господи, емуже покланяется всяко колѣно небесныхъ и земныхъ, и преисподныхъ, вѣмъ ты скорого въ милости, и богатаго въ щедротахъ, всякъ бо уповай на тя неотпадаетъ своего прошенія. Вѣмъ, яко кромѣ

тебе ни едино дѣло несовершается, тобою бо вся видимая и невидимая создашася, и тобою царіе царствуютъ, и власти сильныхъ крѣпостію власти твоея содержатся. Къ тебѣ и азъ недостойный въ смиренномъ упованіи дерзаю, на тебе бо уповаша отцы наши, и избавилъ еси я, къ тебѣ воззваша и спасошася, на тя уповаша и непостыдѣшася. Тако владыко мой Іисусе Христе и на мене грѣшнаго раба твоего съ небесъ призри, и на тобою дарованную державу отечествія моего, и на хвалащихся на сію малую державу власти моея хотящихъ ю восхитити, и мене раба твоего озлобити. Умилно проливая молитву мою прошу, распусти и разруши, яко да не рекуть врази мои въ гордости своей, пожрохомъ его, и погибе память его съ шумомъ. Потщуся бо превѣчное имя твое умилно призывающихъ, и расточенная въ жребіи державы моея собрати на прославленіе прехвалнаго имени твоего.

„По сихъ повелѣ собраннѣмъ быти всѣмъ воемъ своимъ. И сему бывшу, молитву возьмъ отъ Архидіакона своего святителя, и всего собора елико лика священническаго, воздвигся со силами своими, иде въ державу области царства греческаго въ предѣлы окрестныя. Сѣ бо, иже глаголю, первѣе пріятъ оба Полога съ градовы ихъ и со областію, и градъ славный Скопіе, по сихъ Овчіе поле, и Злѣтову, и Піянацъ. И приложи ихъ къ держави отечествія своего, и славу и богатство таковыя держави измѣни въ богатство и славу свою. Усмиривъ же вся мѣста тая во едино совокупленіе, и прогна всѣхъ мятежи творящіе, и крамолу, и паки возвратися въ державу свою веселяся и радуяся о Господѣ.“ Сумнѣніе здѣ быти можетъ о войнѣ сей

Милутиновѣй, праведна ли она, или неправедна была, или како говорится, была ли она наступительна или защитительна. Но сумнѣніе о томъ не неудобъ разрѣшительно есть. Сказанно въ предиудущемъ параграфѣ, что Греки весма озлобляли Серблю и краля, и хотѣли подложити оную своей имперіи; того ради правильную имѣлъ причину Милутинъ, яко истинный отецъ отечества, насилствія Грековъ оружіи воспятити, и себе защитити. А что нѣкоторыя грады и провинціи греческія отобралъ, учинено тако по общенародному праву, ово что бы усмирити непріятеля, и умалити силу его, ово же что бы наградити учиненную ему прежде обыду. И прочія, кромѣ сихъ, пристойныя могутъ быти причины.

Искру сію малыя войны раздували Греки, и учинили великій пожаръ, который на послѣдокъ имъ самимъ вредителенъ былъ. Случай же и поводъ того слѣдующими описуетъ, Даніилъ на горе помянутомъ мѣстѣ. „Они, рече, зломысленніи и лукави властницы державы греческія прогнанніи господиномъ симъ отъ области тоя, юже пріять, шедше со уничиженіемъ во святой и славный градъ К. поль, рекомый *Царградъ*, тогда сущу царю Палеологу, возвѣстиша ему о всѣхъ, елико приключи ся державѣ его, глаголюще ему: Державный царю! Мы рабы твои тако глаголемъ ти, аще не вскорѣ сотвориши мечь его, и крѣпостию силы твоея неотженеши отъ предѣлъ державы твоея, воистину дерзнетъ и до самыя главы славнаго ти царства. Зѣло бо возвеличился есть. И слышавъ царь той таковыя неудобстерпимыя глаголи, зѣло опечалися, и въ величѣхъ кедоумѣніи бывъ, ярости многія исполнися, и та-

ко совокупивъ велику побѣду войска своего языка греческаго, и инѣ мнози инноплеменніи явыцы, Татари, и Турки, и Фруги, и съ сими идя въ безуміи своемъ хваля ся, яко не токмо отечествіе сего благочестиваго хотяше озлобити, но и имени его неименоватися къ тому въ державѣ его, самъ невѣдый, хотящаго сбытиса ему, яко противу лукавыя его вѣры хотя въ чужемъ достояніи прославитися вскорѣ безгодною смертію скончавається. Зане мужъ крове и лстивъ непреполовить дней своихъ. Сему бо нечестивому недаде Господъ ниже очима видѣти державы и достоянія сего благочестиваго краля.“ . . . Господъ же разоряя совѣты князей въ сію изриту юму самаго гордаго законопреступника Палеолога низверже потомъ. „Въ томъ бо надменіи идя Палеологъ на сего хрістолюбиваго краля лвовымъ образомъ яряся, и хотя яко лють звѣрь восхитити незлобивое овча. И отшедшу ему отъ славнаго града Константина въ дали три дни, и дошедшу ему съ силами своими до мѣста рекомаго Алайгита, и вънезапу, ни мало болѣвшу ему, издше посередѣ народа воевъ своихъ.“

Ничимъ обаче менше напищеніи Греки грознымъ тѣмъ случаемъ отъ намѣренія своего неотступили, тако аки на погибель свою спѣшаще ополчися на кралество сербское, и нѣкія предѣлы плѣнивше того возвратилися во своя. Подобнѣ и грабленіе сіе и прочія случаи послѣдовавшыя прописуетъ Даніилъ обширно: тѣмъ послушати его самаго повѣсти прикладно есть. Онъ же продолжая повѣсть свою тако вѣщаєтъ: „И сими невозможше возвратити толикія силы, ту суще великоименити цару тому сродницы, яко и плотородна братія, собраніе сотво-

риша, и идоша на державу сего благочестиваго краля, спѣшащеся на заколеніе святаго, и память его добрую разорити и искоренити до конца. И пришедшимъ имъ въ земли сербскія до мѣста рекомаго Липяна и Призрена, сей благочестивый господинъ воздвиглъ руцѣ къ высотѣ молящеся глаголя: Господи, воздвигни силу твою, и прииди да ны спасеши. И тако повоевавшимъ имъ страны тія, но противу толикаго ихъ множества и силы несотвориша толики пакости отечеству сего блочестиваго. Но паки возвратишася въ державу свою.“ Безпритворно изъ сихъ заключити можемъ, что Милутинъ неимѣя доволныхъ силъ, съ непріателемъ сразитися несмѣлъ, но прилѣжалъ точію молитвамъ, да бы силою Божіею отъ таковыя напасти избавился. Весь грабежъ учиненный Серблемъ платили Татары. Недовольствующеся бо они добычею прибрѣтенною по обычаю своему хотѣли плѣнниковъ имѣти, но противное отвѣдали, когда сами изгибли и похищенное возвратили. Се паки повѣствуетъ Даніилъ: „И тогда рече, едина часть ихъ отлучившися полка татарскаго, и придоша на рѣку глаголему Дринъ (у Бранковича Дримъ,) той зѣло всповодившейся, яко немощно дерзнути никому преити ю. Тіа же нечестивіи видѣвше обонъ полъ рѣки множество народа сбѣгшее на единомъ мѣстѣ, яко звѣріе несити устремившася на стадо Хрістово, и уповающе на силу коней своихъ внидоша въ ню, вода же сіа нагло воздвигнися многія ихъ потопи. Елицы же ихъ хотяще приступити ко берегу, таковы посицаемы и уморяемы оружіемъ, паки возвращающесе въ таковъ рѣцѣ скончашася и погибоше за беззаконіе свое. И ту емше самага старѣйшину ихъ глаголема Черноглава, и отрѣзавше ему главу

украшенну бисеры честны, и вонзше на копіе принесоша къ благочестивому кралю яко даръ искусенъ. По сихъ же благодатию всецѣдраго Хріста облегчившу се отъ таковыхъ тяжестей благочестивому кралю въ миръ и тишинъ пребываше“ Очень изрядно причину такового нападенія татарскаго на Сербію представляетъ Грегорасъ, яко Андроникъ Императоръ отправилъ оныя на Серби. Придадимъ и его словеса, которая написанна суть въ кн. его VI. стр. 113. Егда же Андроникъ во Имперіи отцу своему послѣдовалъ, великимъ возмущеніемъ вся исполненна быша. Отсюду бо война церковная отъ противныя страни возобновлялася, примвши поводъ смертію Императора (Михаила Палеолога), отъ онудуже помогающіи полки Скутскіи, которіи 4000. числомъ превосходили, великою бѣдою Имперіи претили, да не како смерти ради призвавшаго ихъ нѣчто новое начнутъ. Весма бо легко, аще бы хотѣли, зане римскіи полки еще неприспѣли были, вся заколенію предати, добичи взяти, и денги въ купъ со Императоромъ и старѣйшими отвести. Сихъ ради причинъ Андроникъ, прочая дѣла отложивъ, все стараніе въ томъ приложилъ, въ чемъ наипаче удручаемъ былъ. Онихъ паки праздными руками дому отпустить, ниже по обычаю Скотовъ быти видяше, ниже инымъ образомъ кромѣ возмущенія и рати отишли хотящихъ: а римскими денгами ихъ наполнити хотѣти, ниже мощно было, ниже прикладно быти судилося. Сихъ убо ради причинъ придавъ имъ вожда Михаила Глабу великаго коностабла, да бы немедленно на Трибали (Серби), главнѣйшыя непріятели, которыи римской Имперіи часто пагубы наводили, напали: съ тѣмъ намѣреніемъ, яко да и сихъ сила умалится, и оніи великую получивше

добичу оттуду чрезъ Истръ къ дому возвратятся. И сія убо по изволенію Императора сбышася.

Обыду тую учиненную отъ Грековъ присно поминая Милутинъ, когда немогъ на тризници отмстити безсиленъ сый, умысли въ таи наградити, и наипаче ожидая время, когда Греки отъ страны инныя войною нападствуемы будутъ. „Обрѣтъ же случай, да паки употреблю словеса Даніилова, который пишетъ: симъ противнымъ силамъ возвращшимся въ мѣсто свое, тогда хрістолюбивый краль ни малое закосненіе сотвори, повелѣ быти совокупленнымъ воемъ всѣмъ, елико державы отечествія его, и пріимъ въ помощь себѣ возлюбленнаго си брата краля Стефана со всею силою его. И тако ополчивше съ симъ иде въ державу царства греческаго, хотя мечь воздати елико воевавшихъ на державу его. И много тамо время препроводя съ силами своими. Въ таковой бо державѣ ему сущу, приспѣ время праздника Рождества Хрістова, и ту славно празднство сотворивъ съ возлюбленнымъ братомъ и съ вои своими у мѣста глаголемаго на Судѣ. И оттуду воздвигше съ силами своими до внутрь земли греческія до святыя горы Аѳона, и все таковыя страны царства того повоевавъ, землю Струмскую и Серску, Крестоцоль же и иніе страны окрестныя земель тѣхъ, и все имѣніе ихъ и богатство вземъ, онимъ несмѣющимъ ни могущимъ противу силы его многой явитися, паки волею Божіею во отечество возвратися. И отпусти возлюбленнаго си брата въ державу его, землю Сремскую, и самъ отпочивъ мало съ вои своими, паки возхотѣ ити на державу царства греческаго.“ Догадываюся изъ сихъ, что многіи слыша повѣсть сію Даніилу

во умѣ речетъ, что таковая война небыла благородна, но паче хищеніе по тому, что несмѣлъ на поли Марсовомъ отвѣдати силы съ Греками, но въ таи наступилъ на нихъ, и аки разбойнически ограбилъ страну ихъ: естли обаче прилѣжно разсмотритъ тогдашнихъ временъ обстоятелства, увидитъ, что по благовременію учинилося тако, которое употребити по приличію, есть благоразумія дѣло. При томъ таковъ былъ случай, есть безпорно, а принужденія нѣсть, какъ оный разумѣти достоинъ. Всякому умъ данъ, всякъ и разумѣти можетъ, яко же изволитъ, точію бы безпристрастно.

„И совокупивъ вся силы своя, повѣствуетъ тойже Даніилъ, и отъ иныхъ царствъ окрестныхъ мнози идяху къ сему благочестивому, слышаще за великую добродѣтель его и славное имя. И тако съ таковыми побѣдами воздвигсе иде, и пріять землю Дабрскую со всѣми градовы и державами ихъ, такожде землю держави Кичавскія съ градовы и областію ихъ, Поречкую же землю такожде съ градовы и областію ихъ. Таковыхъ бо земель державы ихъ приложи къ державѣ отечествія своего. Не бѣ бо противляющася ему ни вопреки глаголюща.“ Историческая вѣдомость взыскуетъ, что бы знати предѣлы земель сихъ отъ Уроша Милутина завоеванныхъ, и грады во обще сказанныя: но Даніилъ, како и въ прочемъ, должности историческія невѣдая, пропустилъ оная неназначенна. . . . Желалъ быхъ весьма темность сію изяснити и во свѣтъ привести: но признаюся, что они мнѣ невѣдомы, ниже гдѣ начитати, ниже отъ достовѣрнаго повѣдателя слушати возмогохъ. Изъ многихъ обаче окрестностей прикладныхъ лѣтъ есть догадыватися, что провинціи

тіи около Дунава были въ нынешней Сербліи, которыя Греки или одъ сего государя, или отъ предковъ его отобрали, и онія Милутинъ паки къ своему государству возвративъ присочеталъ. Догадъ сей тѣмъ паче утверждается, что Милутинъ оттуду пошелъ войною на Влахи, и развоевалъ страну ихъ. Влаховъ бо страна по оный бокъ Дунава пребываетъ. Походъ той на Влахи сице назначаетъ Даниилъ. „И паки иде на державу земли влахискіе, и таковыя повоювавъ великою силою своею, и таковыхъ языкъ богатство неисповѣдимо все отѣмъ, остави ихъ въ запустѣніе.“

Въ безопасіе пришедъ Милутинъ отъ страны греческія, тіи бо съ Персами и окрестными странами въ безпрестанной рати находящеся немогли вредити сербской земли, началъ умножати полки въ защищеніе своего государства, естли отъ куду нападствуемъ будетъ. Между тѣмъ позванъ отъ брата своего Стефана Драгутина въ помощь на Дрмана и Куделина, противъ его брата воставшихъ, охотно пошелъ и благопоспѣшно усмирилъ ихъ. На ряду третію сію войну часто поминаемый Даниилъ описуетъ тако: „Не по мнозѣже времени новопріимшу власть земли Сремскія благочестивому кралоу Стефану, обрѣтошася два нѣка велможа, укоренившася въ державѣ земли Браничевскіе въ мѣстѣ рекомомъ Ждерлѣ, и отъ многихъ временъ ту утвердившася самовластна суща, и никоегоже насилія боящася, братія единой матере, яже глаголю Дрмана и Куделина. Сія убо гѣло силою своею хвалящася, и недадуца никому власти имѣти около предѣлъ ихъ, отъ дьяволскаже дѣйства наважденна начаста злую мысль вѣщати на сего благочести-

ваго, хотяща озлобити державу его. Сей убо хрістолюбивый краль Стефанъ слышавъ тай ковъ ихъ злый и совокупивсе со всею силою своея державы иде во области ихъ, хотя прогнати ихъ, да некако зломысляще день отъ дне окончаютъ мысль свою. И дошедшу ему въ державу ихъ, таковѣй земли зѣло твердѣ сущей, невозможе имъ никоея пакости сотворити, или отгнати ихъ одъ предѣлъ таковыхъ, паки возвратисе въ державу свою. Сїи же видѣвше насилство сего благочестиваго краля, еже на нихъ, совокупиша около себе побѣду войска многа, языка татарска и куманска, злато много давши имъ, и съ сими единодушно устремишасе на державу сего благочестиваго краля Стефана, и тогда многи страны повоеваша держави его, и зѣлолежаще велики пакости творяху ему нерасходящеся. Господинъ же краль Стефанъ видя себе въ толицей бѣдѣ, и немый инаго чего сотворити, воставъ иде къ возлюбленному си брату своему Стефану Урошу (Милутину), и съ нѣмъ сстаніе сотвори въ державѣ жупы Расенскіе, на рѣцѣ глаголемѣй Моравѣ, въ мѣстѣ рекомомъ Мачковцѣ. И ту возвѣсти ему скорбы своя многія приключившіяся ему отъ супостата своего, и начавъ съ великою жалостію молити ся ему, и помощи просити во отмщеніе непріятеля своего.

„Слышавъ же молебныя глаголи его превысокій господинъ краль Урошъ, въ той часъ повелѣ собраннымъ быти воемъ своимъ, елико державы его. И тако оба совокупиша побѣды своя едину волю и любовь братню имуща въ тѣлеси идоста на державу воздвигшихъ внутренніе рати и крамоли. И тако помощію Божіею всю волю свою улучиша, онія зломысленники прогнаша отъ достоянія своего, и

отидеши посрамлени въ погибели, въ поношеніи велицѣ. Всю же державу ихъ и имѣніе сей господинъ мой краль Урошъ примѣ отдаде возлюбленному си брату крало Стефану. Ту же хвалу и славу Богу воздаша, яко того рукою крѣпкою и мышцею высокою враги своя побѣдиста, любезно повеселившися растаніе сотвориша. И тако идоста кждо во своя си.“ Довольно извѣстно войну сію и утоленіе домашнихъ раздоровъ описалъ преосвященный исторіографъ, однакъ лѣта, въ которое случися она, не назначилъ, чего ради и повѣсть его слѣпа осталася. Хронографія бо исторіи есть око. И здѣ развѣ догадомъ что постигнути можемъ, а подлинно рещи несиѣмъ, ниже опредѣленнѣ поставити годъ приключенія сего съ бунтовщиками оными. Повѣствуетъ мало выше Данилъ, что нестроения сія случилася непомнозъ по раздѣленіи кралевства сербскаго между Драгутиномъ и Милутиномъ, и по преселеніи Драгутиновъ въ Мачву и Сремъ. Доказанно же паки выше въ гл. IX. § 6. стр. 418. что Драгутинъ вручилъ Урошу брату своему кралевство около лѣта господня 1272. Тако можетъ быти, что и сія война на Дрмана и Куделина бунтовщии производима была по двою или тріехъ лѣтѣхъ, еже есть около лѣта Спасителя 1275. Ежели паки поводъ подаетъ рещи, яко война сія первая Милутину была и за девять лѣтъ прежде горѣ описанныя съ Греками войны отправленна, оная бо случися въ 1284. лѣто.

III.

ДОСИТЕЙ ОБРАДОВИЊЪ

(род. 1739. умр. 1811.)

I.

Изъ њбгова живошописа 1788.

Почетакъ мога путованя.

Шта е човекъ, кадъ га каква страсть преу-
ме! кадъ какво мечтаніе ума ужеже му мозакъ, под-
буни срце, и учини да сва крвѣ у њѣму узаври.
Быо самъ у то време у четрнајстој години, неџау-
ченъ ни мало пѣшице ходити: отиѣи изъ града у
Фабрику и Малу, и вратити се, то е мени доста
было. Тай данъ као да су ми ноге крилате быле.
Кодъ салаша дѣда мога, справѣ Семартону, ту смо
после подне починули. Овчари Семартонски, одъ
кои неки су ме и познавали, наранили су насѣ мле-
комъ и скорупомъ; мой другъ кое одъ пута, кое
одъ пропасте ноѣи неспаваня, крепко заспи, а я се
попнемъ на едну унку, и почнемъ гледати къ Семар-
тону. Дамъ се мало по мало у мысли, една идеа и
мысао почне разбуѣивати, подстрекавати и па паметь
доводити друге. Колико самъ обладанъ быо моіомъ
будаластомъ светиньомъ; но овде натура предузме
све свое правце и силу, сатре подъ ноге и у ништа
обрати сва моя суестоумна мечтанія и суевѣрїе. Доѣ
ми на паметь мати моя, и мила сестрица моя Јулі-

анка; сузе проливајући начнемъ говорити: Остай ми съ Богомъ о предраго село! мѣсто рођеня родительще мое! Паднемъ лицемъ на землю, любимъ землю, и съ теплымъ сузама квасимъ. Никадъ у момъ животу нисамъ тако плакао, гледајући село, у комъ се майка моя родила, родила и растла, по комъ се у дѣтињству моемъ играла, младость проводила, и съ родителями моимъ вѣнчала, у кое е сваке године на Бурђевъ данъ съ браћомъ моимъ, съ маломъ Іуломъ, и самномъ долазила, родителя свое на нѣово крсно име, светогъ Георгіа, посѣтити. Остай ми съ Богомъ (вриштујући самъ едва изговараю) землю, души мојой света, у којой садъ леже кости нѣне, и мое Іуле, сладке сестрице! Срце ми е лупало у прсима, чинило ми се, као да ћу изданути; полежао самъ као у несвести. Кадъ самъ се повратио, дошло ми е велико раскаяніе, што се одъ те миле землѣ удаљуемъ; сећамъ се одъ кадъ себе памтимъ, изъ дѣтињства, да самъ неизказану радость имао, кадъ бы ми рекли, нѣи ћемо у Семартонъ; съ већомъ самъ жельомъ чекао Бурђевъ данъ, него Ускрсъ; проводили бы ту по десетъ и по петнаестъ дана, трчао бы по полю, играо бы съ яганыцы, пеняо бы се на унке: све дѣтињски послови истина, но у оному возрасту, кои е сама радость и веселѣ, я самъ находію у томъ таку сладость, коя е превазилазила свако блаженство; а кадъ бы съ поля дошао, како бы ме чекала и грлила мати, како сестрица! Све ми е ово тада у еданпутъ пало на умъ. Нисамъ могао обстати. Садъ пролазимъ, може быти послѣдній путъ! може быти за вавѣкъ! покрай блаженога мѣста; оставлямъ га за вавѣкъ! и у нѣму кости майке мое, родительнице мое, и едине

сестрице! Ко има срце чувствително, може помислити, како ми е било! И садъ пишући после двадесетъ и петъ година, узмућуе ми се утроба, сузе ми теку, и весма тужимъ; по сата или ти выше было ми е у усти *нано моя! нано сладка! Юло срце! Юло душо!* (майку самъ мою наномъ звао) и выше бы ту лежао, да нису се чобани око мене скупили, и почели ме тѣшити, а ни сами нису се могли одъ суза уздржати. Изъ овога судимъ, да ми е мати жива была, или баремъ Юла сестрица, да небы никада изъ Баната изишао. Быо самъ већ утѣшенъ, кадъ ми се пробуди другъ, и разсуждаваюћи, да савъ мой планъ ништа ми не помаже, и да неваля време губити, метнемо се на путъ, и дођемо у само вече у Итебей, къ тетקי мојој, рођеној сестри матери моеј, Еври. За дуго ме е загрљна држала, и надамномъ плакала. Сутра данъ видећи, да нећу нипошто выше да закашњивамъ, метнула ми е у торбу неколико танка беа за паръ кошуля, и за ело нешто на путъ спремила, плачући и любећи испратила ме изъ села. Мени и Ники нѣ было до закашњивања, еръ смо се бояли, да за нама потеря неиде. Овде немогу изоставити да неназначимъ безъ свакогъ еристрастія мому роду, да одъ свію народа, кое самъ познао, нема милостивіега рода надъ сръбскимъ, а наипаче къ сродству: одъ Херцеговине до Баната, у Босни, у Хрватској, и Славоніи, у Србіи, народи су весма милостиви и одвећъ сродства любитељи: и што се каса у старо време весма похвалѣне добродѣтели гостолубія, заиста у томъ су ови народи први.

Овај данъ предъ вече дођемо у едно село кодъ Тисе, нађемо едногъ свештеника, гди нешто

у своіой авліи теше, питаюћи га, како бы могли у Срему прећи, каже намъ да се мучно прелази збогъ велике воде Тисе и Дунава; жали, што нѣгови сынови нису дома, онъ бы насъ дао пребацити на ону страну безъ плаће; рекне намъ, да чекамо вечера, кадъ люди дођу съ поля, да ће намъ наћи кога, ко ће насъ за два или три маряша превезти. Но одкудъ нама три маряша? Мы немамо ни три крайцаре. Нужда дав савѣтъ: я извадимъ изъ торбе мой часловацъ, кои е было іоштъ наполакъ новъ, молећи га, да учини задушбину, да насъ онъ да превезти, и да зато узме часловацъ. То небы была никаква задушбина, да я то учинимъ, одговори добрый свештеникъ, него ако вами ніе одъ отребе часловацъ, да ћу вамъ за нѣга седамъ маряшій, и постараћу се за вашъ превозъ; остарио самъ, и немогу за дуго возити, а бы васъ и самъ превезао. У вече нађе намъ едногъ момка, ком насъ превезе у Сланкаменъ.

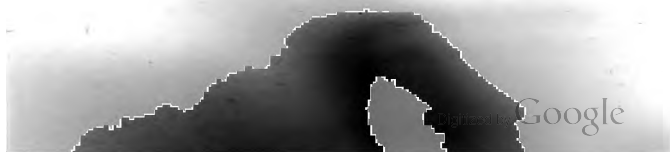
Ево ме у Срему, у земљи наслѣдія последньи сръбски деспота. Сутра данъ некій Карловчанинъ враћаюћи се съ празни кочија дома, довезе насъ за неколико грошића у Карловце, гди преноћимо, и рано у јутру почнемо путовати по пожелѣной Фрушкой гори. Пролазећи исподъ Ремете и Крушедола нисмо смели ни навратити се у ове манастире, да насъ како калуђери силомъ незадрже; Опово намъ е у срцу было, къ нѣму смо се паштили. Око подне дођемо у Иригъ и упутимо се къ манастиру. Како намъ е годъ рекао Тодоръ калпакція, како пређемо на манастирску земљу, учини намъ се, као да смо у Едемску багичу дошли.

Иде се све покрай едногъ поточића, поредъ кога стое насађени велики ораси и друга дрва, коя

га осѣняваю и чуваю одъ сунца. На левой страни виде се брда и холмиѣ покривени съ виноградъ и воѣняцы; съ десне стране потока пружила се една веселовидна долина, сва покривена и украшена съ ливадама, пунымъ злака и цвѣѣа селнога, коя се протегла до близу манастира, а съ оне стране до лине, рекао бы да су царске башче; виноградъ до-винограда, окружени и накиѣени съ свакояки пло-довиты дрвы. Брдо надъ брдомъ, и холмъ надъ холмомъ, као да се еданъ на другоѣ друголюбно наслонію, и као да е еданъ сврхъ другога свою поноситу главу помолію, како ће лакше ону красно-видну долину, сестру свою, и потокъ, нѣна любите-ля, кои е загрлѣну држи, и оне, кои покрай нѣга пролазе, гледати и сматрати, и како ће у исто време свако свою великолѣпну, са свы пролетнѣи, летнѣи, и богаты всенѣи даровы надичену и преу-крашену главу показивати, и очима свію предста-вляти. Холмъ одъ холма лепшій и дичниі, а сви заедно немзказане красоте: тихосладко и любко шу-штѣнѣ и игранѣ съ долиномъ потока, весело различ-ны птица поянѣ, кротко и прохладно вѣтра диха-ніе, и нѣгово съ лишѣемъ преметанѣ, даю ушима одну тако сладкослишну музику, да доведе човека у савршено заборавлѣнѣ себе, и у изступленіе ума; благоуханіе ливадны цвѣѣа и свакояки воѣа обал-замляваю онѣи кроткопитомѣи воздухъ. Незна ко, како томъ блаженомъ долиномъ проѣе, како ли къ манастиру доѣе; а кадъ доѣосмо къ момъ люби-момъ Опову, шта ће ко пре гледати? шта ће раз-матрати? чему ли ће се выше дивити и чудити? Да самъ быо савъ око, пакъ да самъ на све стране у еданъ ма гледати могао, ни тако небы се оне

красоте нагледао. Ко бы хотео знати, шта бы я радъ овде описати, а немогу, нека само оде, одъ пролећа до есени, кадъ му драго, у Опово, пакъ кадъ се дома врати, види ће, оће ли моћи све, што е чувствовао, изказати; осимъ они, кои предати некимъ страстма, све имъ е остало еднако, та ишли покрай рита, та покрай ливаде, та слушали жабе, та славуе; я говоримъ за оне, кои имаю срце чувствително сваке красоте божіегъ створеня. О родителѣи, и вы учительи и управительи беззлюбне младежи! ову вѣчну кнѣгу отварайте у свако време ващоѣ дѣцы и ученикомъ, привикавайте їѣ израна, да осећаю, да познаю и да чувствују премудрость, благость и богате даре Творца свога, у створеню. Ову саму кнѣгу безъ никакве друге, Мелхиседекъ читаюѣи, свештеникомъ е выпинѣгъ Бога-постао; ово е кнѣга Авраамова, Іановлѣва, и свію патриарха, кадъ іоштъ ніе было никакве друге, ною читаюѣи къ високоѣ су мудрости, къ познанству Бога достигнули; жива и дѣйствителна кнѣга, изъ кое, у свако доба, свакоѣ часъ, и свако тренуће ока, къ очима, къ ушима, къ свимъ чувствама, а навластито къ срцу нашемъ Богъ говори. Небо съ сунцемъ, месецомъ и звездама; земля са свимъ, што се на нѣѣи види, воздухъ, облацы, вѣтрови, мунѣ и грмлявина, вода, и све, што се у нѣѣи движе; пролеће, лето, есенъ и зима, свако диханіе и свако створенѣ до найманѣгъ мравка и мушице, - изъ све ове кнѣге Богъ говори къ свимъ людма: познаѣ човече Творца твога, Творца вѣчнога и единого, праведного и милостивого, некъ чувствуе срце твоє; за то е створено, врѣ иначе неможешъ быти благодаранъ развѣ чувствуѣи, и колико выше

будешъ чувствовао, выше ѣшъ благодарамъ быти, выше ѣшъ благодарити, выше ѣшъ любити, выше ѣшъ силити, за испунити свету и праведну волю нѣгову; и на овай самый начинъ бы ѣшъ благополучанъ и блаженъ во вѣки вѣка, ерѣ си зато створенъ, словеснымъ умомъ, и безсмертнымъ духомъ одаренъ! Буди праведанъ, буди добаръ, люби добродѣтель! Ниси за мало време створенъ, као мравъ; вѣчность те чека; на кратко време добро чинѣши, вовѣки ѣшъ благополучанъ и блаженъ быти! За показати све величество ове божествене и божіе кнѣиге, нашъ сладчайшій Спаситель Ісусъ учи насъ и савѣтуе, да погледамо не на сву ню, но на найманю частицу нѣ, за познати изъ найманъ частице ове безчислене кнѣиге великога Творца и нѣговъ преблагій и премилостивый промисао о свему; невели: погледайте на небо и на сунце, невели: чуйте громове и грмлявине, ово бы одвеѣ много было; воззрите, вели, на цветке польске, ко ій тако краси и одѣва, да царь Соломонъ у свой слави своіой нѣ се могао оденути ни украсити, као еданъ одъ овы цветака? Отацъ небесный! Погледайте на птичице по воздуху, ко ій рани, и ко ій одѣва? Благій промысао оца небеснога! Ову читаюћи премудрый *Сокрашъ*, вѣчна слава *Аѳине* и свега славнога грчкога рода имена, пре Хрістова пришествія мученикъ е быо за благочестіе, праштаюћи и благосиляюћи оногъ истога, кон му е отровъ дао. Ову кнѣигу ко чита са здравымъ богоданымъ разумомъ, и по нѣойзи слѣдуе, мора доћи къ истиномъ богопознанству, и онъ е (каки учи светый фѣлософъ и мученикъ Іустинъ) дѣломъ Хрістіанинъ, ако се словомъ и не називлѣ



Хрістянинъ, живеѣи праведно и богоугодно. Ко ову книгу невиди, выше в слепъ, него онай, кои в слепъ роѣнъ. Ко нѣзинъ гласъ нечуе, глувалій в одъ синя камена, ербо, небеса казую славу божію, и шворенъ руку нѣгови оглашава земля. Ко ово нечувствуе, нѣму в гвоздено у прсима срце. Обычавайте дакле млада срца да чувствую, у найманѣмъ листку, травици и цветку Творца свога да познаю: у живлѣню и движеню мравка и мушице обштега животодавца Бога да упажая; учите иѣ найпре овима малыма стварима, докѣ съ временемъ кадра буду, къ сунцу и къ звѣздама умъ свой уввысити.

Ево мой любезный читателю, къ каквимъ размышлѣніяма само осѣѣанъ Оповске красоте умъ мой уввышуе. О мѣсто достойно, да посвеѣено будешъ мудрости и науцы, и да се сръбскимъ назовешъ *Парнасомъ*.

2.

Изъ писама.

Дражайшій, Любимый мой!

Вѣтаръ смо имали поспѣшанъ, но одвеѣъ крепакъ за изиѣи изъ великога Смирнайскога пристаништа. Тартана Идріотска была в среднѣ величине, новоустроена и здрава, но одвеѣъ обременѣна; ербо осимъ обычнаго товара у стварма, наоѣасмо се ту около 50. персона пасажира, одъ коихъ половина в была жена и деце, кои сви прелазаху у

Морею. Пошли смо съ мѣста пре подне; око вечер-
нѣ доба былысмо веѣъ у широкомѣ мору; кадѣ ти
се подигне такова силна бура, да нисмо се нимало
надали одѣ потоплѣнїя избѣѣни. Такове вриске жена
и дече небы радѣ веѣъ у животу чути. Мой другѣ
Максимѣ и я нисмо о себи ни мыслити могли,
смадраѣни на страхѣ и жалость родителя о дечи-
цы нѣовой; и да нѣ корабаль весма якѣ быо, и
корабленицы искуснѣйши люди, мучно бы се спа-
сли. У зору престане и бура, и капетанѣ озгорѣ
повиче намѣ веселымѣ гласомѣ: „*Небойшесе, нѣ
више опасности.*“ Тада сви, еданѣ на другога на-
слонѣни, поспимо као полу мртви. Сутра данѣ на-
ѣмо се у едномѣ великомѣ но пустомѣ пристани-
шту острова Митилине. Сви изиѣмо на брегѣ, и сра-
дуемо се еданѣ другомѣ о благополучномѣ избавле-
нїю, као да смо една едина фамилиа. Ко бы могао
описати ону чувствителну срца радость матера кѣ
чадамѣ своимѣ! Рекао бы, да су изѣ мртвы воскре-
снули. Негубите времена, викне капетанѣ; ту се
лешче руча него у тартани; ручайте, пакѣ ѣмо
сѣ Богомѣ путовати. Данѣ е великїй вторникѣ, но
сви смо имали различни морски постны припаса,
попржены сипа, охтапода, острїа, и вина довольно;
ту сви у обште ручамо, и напїемо се какогодѣ да е
воскресенїа данѣ, и треїй часѣ по подне сѣ ти-
химѣ вѣтромѣ дигнемо се, и на великїй четвртакѣ стиг-
немо у Навплеонѣ; гди наѣмо дружтво за Патру. Най-
мимо и мы две мазге и по суву доѣмо у Коринѣъ.
Сиѣмо кѣ мору, насѣ око 15, наймимо велику бар-
ку, коя насѣ довезе у Патру на самый данѣ вос-
кресенїа. Овде одпочинемо сву светлу седмицу; на-
мери насѣ корабаль за брегове Епира, куда мой

любезный другъ желаше поѣи чрезъ Іанину у Оесалию; а мени бы одатле ласно было превезти се у Корѣъ: но одавде двадесеть цѣлы дана имали смо непрестанно противне вѣтрове; и што е горе, разболи се мой Максимъ, а на мору боловати сахрани господи! У све време ништа нѣ могао у стомаху држати. Доѣмо у Свете Четрдесеть, спрама Корѣа, и како изиѣмо на землю, лакше му буде, и у петъ дана предигне се; но доѣи къ крепости томе се оѣе времена. Албанези неки изъ Хормова пролазеѣи туда, и видеѣи га такова, сожале о нѣму, и обеѣаю се повести га до Аргирокастра, а одатле близо му е Іанина. Известимо се ту, кажу намъ, да съ Хормовитцы може ко преко цѣле Албаніе проѣи, да се никога небои: али га я тако слаба одъ себе нипошто и никако небы могао одпустити; дакле наѣу намъ две мазге, и я съ нѣима; прво допратити друга любимого до Аргирокастра, а друго, видити часть Албаніе. Хормовита было е до 20. момака, сви съ оружіемъ пѣшице, као лавови, а мы два на мазгама. Одъ Аргирокастра до Хормова нема выше него три сата. Другій данъ ода доѣмо у реченый градъ; одатле безъ найманьи компли-мента, простосречно зовну насъ да идемо у нѣову варошъ, говореѣи намъ: Море луди сте, ако не-доѣете! море такова мѣста нити сте видели на свету, нити ѣете видити! Мы имамо башъ у край-вароши еданъ манастиръ светого Николе; десеть калуѣра могли бы у нѣму лепо живити, а немамо него еднога, еръ мы Албанези неѣмо да се калуѣримо; ту ѣмо васъ држати, ако оѣете, и три месеца или три године, да ни паре не трошите. Ако ли вамъ се смилѣ, останите съ нами за живота, нами

Не тако мило бити, колико да васъ е Богъ съ неба къ нами послао. Видите ли какви смо мы момцы! (све намъ ово првый одъ нѣи грчки беседи) оваковы насъ има у Хормову до две илјаде, осимъ стары; видѣте ту одъ осамдесетъ година старце, кои иду узъ гору подъ оружѣмъ пѣваюћи. Разиђу се сви по граду за свои послы. Нашъ квартиръ близу школе: одемо посѣтити учителя, именомъ Елефтерія; честнога мирскога човека са женомъ и съ фамиліомъ. Кажемо му съ кимъ смо дошли, и како насъ позивлю къ себи; но мы се побоявамо у вилаетъ далеко къ непознанимъ людма пуштати се; и овай намъ потврди о нѣима то исто, што смо пре чули. Айде дакле у име Божіе, баремъ да са свимъ здрава любезнога мога видимъ, и да се здрави разстанемо.

Сутра данъ попнемо се на високе Хормовитске планине; нађемо прекрасну велику варошь одъ седамъ стотина домова, све камена зданія као каатели; само у вароши има око 50. извора, кои на край вароши саставляю малену рѣку; ова башъ кодъ Манастира спушта се у преужасно дубоку стрмину съ таковымъ хукомъ, да самъ мыслию, да ту човекъ никадъ до века не заспа! А по томъ самъ познао, да се нигде на свету лепше неспава. Спаваюћи чини ти се, да си на небу, и да ту прѣятѣйшу некакву музику слушаешъ! Ти люди као да су насъ чакъ изъ Смирне ту дозвали, да насъ часте! Прве старешине све по реду. А лако имъ е частити. Ако се мрси, а онъ заколѣ изъ свога стада овна, полакъ изпече, а одъ друге половине начини две три пите съ корупомъ; вина свакъ има у подруму, еръ га нема коме продавати. Ако ли се



пости, одъ рыбе ту поста нема. Пошлѣ два момка сатъ ода у долину, гди између планина велика рѣка тече, пуна пастрма и различни други преслаткога вкуса рыба. За варенѣ ту нећеду да знаду, нити за чорбу маре: зейтина презряднога имаю до изобилія, зато и рыбу или пржену еду, или съ питама, коѣ у постъ овако праве. Обаре зелѣ, изцеде изъ нѣга воду, разложе га съ питомъ у тепси, успу зейтина безъ штеднѣ, пакъ онда разређаю рыбу озгорѣ, и тако се изпече съ питомъ заедно у предивнога мириса зейтину; пакъ онда некъ се слободно предъ овакомъ питомъ сакрїю таліянске паштете и инглеске пудинге! Ко бы радъ знати, како се то куша! како ли се у усти топи? и какову прїятность у гортану, туда пролазећи, причинява? то неће изъ овога описанія ни одъ стотине одну часть познати. Ко ово прими за велеречїе, врло се вара, ерѣ прїятность, кою толико хвалимъ, не состои се у готовлѣнїю, него у природной сласти рыбы, зеля и зейтина. Десетъ дана по нашемъ пришествию, старѣшине мѣста опредѣле послати некога попа Бику у Приметъ и у друга неколика мѣста къ некимъ албанезкимъ агама, ради обшти свои дѣла; ербо Хормовити имаю свое договоре и союзе съ многи поглавари и пашама у Епиру и у Албанїи. Запросимъ, да ми дозволе съ попомъ Бикомъ поћи, за прегледати мѣста, куда онъ има пролазити. Море, калуђеру, да пођешъ, тако ми Бога, имашъ шта гледати! одговори ми Дима Дука, еданъ одъ првы старешина. Реченый свештеникъ, за четири или петъ дана, могао е свршити посао, и вратити се; но мени за атаръ, ходїо е овай човекъ са многъ равно петнайсть дана по такови мѣсты,

гди су Хормовитски союзници и пріятельи. Свуда одъ Турака и хрістіана Албанеза еднано смо были примани и чашћени, и одъ мѣста до мѣста пражени. Попъ Бика и два Хормовита съ нѣмъ были су, како валя, наоружани; но и тако гдигди бывало в сумнѣ, да се ненамеримо на веће число Хормовитски и нѣовы союзника непріятеля; зато у таковы мѣсты давали су намъ по неколико момака съ оружіемъ за пратню. 15-тый данъ дођемо дома, и нађемъ мога друга весела, здрава и румена; но онъ се мени почне ругати, да самъ одъ сунца поцрнѣю. Нека самъ, речемъ му я, кадъ самъ видію, што у момъ животу нисамъ мыслію видити! И заисто доста самъ одао, али таковы великолѣпны и божіе красоте мѣста нигде нисамъ видію. Блаженство се некаково чувствуе, само мыслити на овакова дивна мѣста; како бы дакле было ту жити, да су нарави оны людій питоме, и да међу нѣима закони, правда и просвѣщенъ разумъ царствую и нѣима управляю? Непонятно и ужасно помыслити! Докле ће онакови прекрасни, хитри, и храбри народи, и у онаки мѣсты, само за незнанѣ и слепоту ума, у варварству и у дивячеству нарава пребывати, и еданъ другога за багательу, како истогъ зеца, съ пушкомъ у чело или у срце погађати? Мени небы противно было, рече ми мой другъ, едну годину овде провести. И я ѣу съ тобомъ, одговоримъ я; навластити да бы чрезъ тебе къ већемъ савршенству еллинскога языка достигао. Дай руку! На! А кадъ ово нашимъ Хормовитцемъ обзнанимо, срдечно се обрадую; при томъ кадъ имъ іюште кажемо, да мы благодаримо на нѣовой любви и доброты: али залуду лебъ ёсти, то ніе пра-

во; него нека долазе къ нами десетъ деце, да се што одъ насъ поуче, будуѣм да мы за другій писао писмо. Добро, одговори Дима Дука, кадъ сте вы таки, и мы ѣмо знати, како ѣмо васъ отпустити, кадъ одъ насъ поѣдете. У то исто време чуе се по свой Албаніи да е Стефанъ малый съ Црногорцы Турке, кои су на нѣи пошли были, разбіо; и много се о нѣму говораше и казиваше. Проѣе то лето, и све се то выше о Стефану маломъ почну гласови разносити. Я самъ веѣъ могао доста добро албанезски говорити; нѣювъ е языкъ простъ, и зато ласно ое дае научити; а съ нашимъ словима пише се, колико да су за нѣга начинѣна. И тако свакій данъ бы писао по кои разговоръ, и на изусть изучіо; томе се Албанези чуѣаху и радоваху, видеѣи, што никадъ пре тога нису видли, да се и нѣювъ языкъ тако лепо дае писати. (Я самъ, на близо две године после тога, у Венеціи познао некога попа Θεодора, учителя Мосхополскога, кои е и на штампу издао быо нешто албанезски съ грчкимъ словима; али съ овима неможе се ни треѣа часть тако писати, као са славенскимъ, зашто у Грка нема слова за изговарати жа, ча, ша, и ѣа, а ово е све неотложно, за албанезскій како годъ и за славенскій, нужно.) Ово прилажемъ овде зато, ако се по случаю ко наѣе, да прорече, да ѣе съ временомъ албанезскій, како годъ и влашкій народъ съ славенскимъ словима кнѣига имати на свомъ языку, таковый, човеческому роду доброжелателный прорицатель, нека се ни мало небон, но нека слободно то пожелателно общте добро предсказуе и прориче! Стваръ е то такова, коя се природно и ласно изпословати

може, и оће, кадъ се Богъ силув на ону храбру націю, и оне прекрасне землѣ. Како е мени было одъ истыАбанеза чути да говоре: Ко Србіомъ облада, тога ћемо и мы за нашега владѣтеля признаши; зашто србски кральи и наши су были, Не далеко одъ Хормова наоде се нека прекрасна поля, коя Албанези незову другоаче, него: Лепажита. Пытамъ ий я, шта то значи? Незнамо, кажу ми; то е име поля; а кадъ имъ я то изясни, кажуюћи имъ, да е србека речъ: *море калуђеру!* одговоре ми; *не чуди се ты шоме: мы смо са Србљи еданъ родъ и племе у старо време были!* При почетку месеца Септембра запросе ме старешине Хормовитске, да имъ оправимъ неко дѣло не далеко одъ Корфа, о коемъ дѣлу морао самъ се бавити найманъ четири месеца. Пођемъ драговољно; допрате ме двоица до Светы Четрдесеть; они се врате дома, а я пођемъ на мой посао, съ уговоромъ, да кадъ имъ пишемъ изъ Корфа, да дођу увести ме.

За едно писмо, Любимый мой! мыслимъ да е већъ доста написано; ако ли се Вами выше него доста учини, изъ тога желимъ, да ништа друго не заключавате, него, да сте вы срцу моме весма драги, кадъ Вамъ я толико пишемъ.

У Риги 3-гъ Августа
1788.

Досигей Обрадовичъ.

издано въ типографіи въ Петербургѣ въ 1800 году



3.

изъ Собранія разныхъ правоучительныхъ вещей

1793.

а., Похвала Басни.

Еданъ мой добаръ пріятель запыта ме, како самъ я на таку мысао спао, да одъ толико преизрядни и преполезны вѣщій, што се у кнѣигама наоде, басне предизберемъ и на штампѣ издамъ. Дружеско пытанъ, кадъ е паметно, а навластитѣ кадъ мы смысленно и задовольно на то одговорити можемо, свагда намъ е пріятно. Тада му я нешто одговоримъ: но онъ ме запроси, да му я на писмо то дамъ, да и другима некими покаже, кои се іоште у сумньи наоде, бы ли се могло што задовольно на ово одговорити, или не. Оѣнешъ ли на стихове, (запытамъ га) да одговоримъ, или на простой бесѣди? Айде нека буде на стихове, (одговори ми), ако се на нашемъ простомъ сръбскомъ діалекту, и са стихови штогодъ пріятно казати може: мени су на свакомъ языку стихови мили. Слободно е пробирати (речемъ), и тако почемъ са свимъ разпачамо нашу бутелку Рацишдорфера, желећи я нѣму спокійно почиванъ, а онъ мени стихомилосницу Мусу, разстанемо се, и одемо свакъ своимъ путемъ. Како ти дакле доѣмъ у мов обыталиште, іоштъ онако поугреянъ вишереченомъ влагомъ, узмемъ перо и почнемъ ово што слѣди:

Съ топлымъ срцемъ япризываѣмъ изъ Фригіе Мусу.
Да спріобшти свою сладость и сръбское вкусу!

Да даруе љубкоста моме тихомъ гласу!

Да я деца кажемъ, съ чимъ се люди красу.

И да нѣма откриемъ превисоке тайне,

Кое свакомъ, ко оѣ, могу бити явне.

Како намъ се истина у басну облачи,

А предъ децомъ незлобивомъ слободно се свлочи.

Оди! о оди божія кѣри! тебе зову деца,

Да те љубе и признаду за највећегъ свеца.

Душе младе, незлобиве, то су твои двори!

Ту ти царствуй! ту се слави! и шта знашъ, говори!

Ту воздвигни твоѣмъ божеству прекрасне олtare!

И примай невина срца за најлепше даре.

Сестру твою добродѣтель са собомъ доведи,

Твоѣ верне садружнице у твой дворъ уведи.

Слава, правда, и вѣрностъ, знамъ, да су кодъ тебе,

Нити иѣ ты можешъ кадъ разлучит' одъ себе.

Како горамъ, и долинамъ, када зима проѣ,

Кадъ пролеѣ, љубко време, на место нѣ доѣ,

Сва се земля и дубраве понове и красе,

Све птичице одъ радости сладке даю гласе.

Шета намъ се по ливадамъ љубоцветна Цвѣта

Празнуюћи превесело поновљѣнъ света:

Тако ѣ бити мило деца, кадъ истина доѣ,

Кадъ незнаѣ са зломъ и варварство проѣ.

Удрученъ и неправда неѣ мучит' люде,

Кадъ истина и правица међу нѣма буде.

Зато младежъ простой басни усрдно да внуши,

Истина изъ нѣ говори, неѣ приклони уши.

Я кѣ Платону и Туллию неподижемъ главу,

Нег' у басни Езоповой штемъ мою славу.

Што ѣ мени садъ у старостъ Далматске планине,

Када мени добро чине поля и долине.

На трaвици мирно ми е у овој лепој меџи,
 Гди я нећу високога завидити срећи.
 А кадъ деца съ девојчицама дођу цвеће брати,
 Я ћу иъ све око себе звати и сабрати.
 Каза ћу имъ многе ствари, што ће имъ быт' миле,
 Како што су годъ и мени у дѣтнѣству были.
 Я знамъ добро путъ младости, еръ самъ тудъ
 прошао,

Нити самъ се у спаваню садъ овде нашао.
 Радо се дете томе учи, при чему се сміе,
 Гди нит' га ко кара, ни прети да біе.
 Свакій е радъ што добро и чути и знати,
 Мирно живити свакъ жели, нико да влонати.
 Ову мудрость млада деца одъ Езопа уче,
 Све у игри и у смеяню, еръ се с' тимъ немуче.
 Чудећи се пчелицама, да се лепо слажу,
 Свако добро у любви и слоги полагају,
 Видећи иъ, како лете за медомъ по цвећу,
 Трудъ и подвигъ признаваю за велику срећу.
 Немогу се деца доста начудити мраву,
 Да велику мудрость има, а малену главу.
 За люту се зиму онъ у средъ лета брине,
 Нити е радъ да гладуе, нити да погине.
 Дивна мудрость за децу! наука висока!

И промысалъ о свачему свевидећегъ ока.
 Орао летећ' надвышуе небесне облаке,
 И одъ туда бистро види ствари свакояке.
 Али му е мала фала пенят' се високо,
 За луду му съ такі крыли оштровидно око!
 Кадъ немари за лепоту сунца ни месеца,
 Негъ све гледа, да упаци корнячу и зеца.
 Каже Басна, канове су и нарави лава,
 И зашто се онъ нариче зверскій царъ и глава.

Слона и инорога, крокодила, бика.

Свію се овде познае свойство и прилика.
Медведова пакость, и злоба курыка.

И чем' се валя надати, гди е злоба яка.
Смешно е чут', шта у басни говоре магарцы,

Како лете корняче, и мудрую ярцы,
Маймуни маймунишу, а лисице лажу,

Гуску да увате или кокошь тражу.
Чудно ли ти у барами жабе крекекеѹ,
Сласть у блебетаню наоде найвеѹ.

Паунѹ има право, кадѹ се съ перѹмѹ дичи,
Али бы се застидіо, да зна како кричи.

И кадѹ мачка преде, лиже се и глади,
Мышу она о пакости и мысли и ради.

У игри се мышe ловит' учи младо маче,
И по бари лепо плива излежено паче,

Пиле мало разуме, шта квочка говори,
Што му она заповеда, и слуша и твори.

Ко може све описати, шта у баснам' има,

Шта ли дете у нѣма и учи, и прима!
Небо, земля, и све ствари басни се подлажу,

И науке превысоке чрезѹ ню се предлагају.

И травица у долини, и кедарѹ на ливану,

Свой природный гласѹ издаю на басне дивану.

Али ево шта найвеѹ басни дае славу,

И нѣвину са звездама украшуе главу.

Што е ню истина за себе избрала,

И чрезѹ ню многу лажѹ изѹ света прогнала.

Злоба и лукавство, и различне страсти,

Привлаче на люде премноге напасти.

Незнанѹ и ослеплява, и држи у мраку,

И на нѣи налаже муку свакояку.

Ко годъ дакле жели, да му буде болъ,
 И да се избави беде и неволъ,
 Некъ нестои довека у мраку и ноћи,
 Некъ отвори ума очи, пакъ ће се помоћи.
 Шта е право и паметно, то е Богу мило,
 Нит' е нѣму штогодъ лудо кадъ пріятно было.
 Добродѣтель безъ истине неможе остати,
 Нит' се правда одъ неправде безъ нѣ разазнати.
 Истину ми басна каже, зато я ню любимъ,
 И уздамъ се, милый друже! да мой трудъ негубимъ.

б. Еданъ паръ папуча.

У Багдату живляше еданъ старъ богатъ трго-
 ваць, именемъ Абу-Каземъ-Тамбури, кои за свою
 скупощу и тврдиню на далеко разглашенъ бяхе.
 Овай, при свемъ богатству своме, ношаше на себи не-
 какву стародревну альину и димліе, на коима се
 ништа друго него крпа на крпи виѣаше. Калпакъ
 нѣговъ бяхе мастанъ и измрлянь, да се ни пошто
 немогаше познати, какве е бое у свое време она чоя
 была. Али измеѣу осталы нѣговы альина папуче му
 найзнаменитіе бяху, всеобштенароднѣ вниманіе за-
 служаваху, и свію, како мѣштана, тако и странны
 людій очи на себе привлекаваху. Ёнови овы на
 гласу папуча бяху свуда наоколо съ велики ексери
 подковани, а горня часть нѣова съ различни дебели
 парчети закрѣпна: зашто одъ десеть година овамо,
 мало се кои крпачъ у Багдату наоѣаше, кои се небы
 похвалити могао, да нѣе на нѣима свою хитрость и

майсторію показао. Нужно дакле, морале су оне лако тежке бити; а и люди опетъ, чрезвычайно будући на подсмеянѣ лакоми, кадъ бы годъ што хотели до сіясета аветно и преко мѣре тешко показати, свагда бы то Абуказемъ — Тамбуровимъ папучама приуподоблявали. Овай трговацъ ходећи едномъ по великой Багдатской пѣяци, упази неке, особите величине и лепоте, кристалне на продаю предложене сосуде; и како у послу изкусанъ, познавши, да се на томъ добыти може, купи и, и даде дома однети. У исто време чув, да еданъ ароматопродавацъ, одъ займодаваца свои утѣшнѣнъ, принуђенъ бяще око педесетъ ока преизрядне ружичине воде, будъ зашто, само за готове новце, продати; поити тамо, и ту воду за полакъ цѣне купи, чини в къ себи пренети, и у новокуплѣне кристалне сасути судове . . . О овой благоуспѣшной трговини пунъ радости, науми и на свое ядно тѣло штогодъ пригорити, и као некій алвалукъ себи даюћи, пође се за петъ пара у баню окупати; то, што в онъ давно и давно желію, али в све способна времена, да како то зуслужи, очекивао. Свлячећи се ту, рече му еданъ познаникъ, шалећи се, да бы већъ време было и онимъ яднымъ папучама опростити, и мира имъ дати, и чрезъ то себе одъ всенароднѣга посмеянїя и поруганїя ослободити. Я самъ о томе, одговори Абуказемтамбури, више пута помыслию; али опетъ кадъ и добро погледамъ, чини ми се, да нису іоште за оставку; а съ друге стране видишь и самъ, каква су намъ садъ времена! неима ти ни войске, ни куге, да баремъ половину людства помори, и тако ће и еданъ путъ нестати, те бы они, кои бы остали, кои новчиѣъ више имали. Люди се плоде до сіясета, као да изъ землѣ изничу, а новаца одъ данъ до данъ

све то манѣ на свету. То говореѣи свуче се, и оде у топлицу, мислеѣи у себи: даѣу я мои петъ пара, али ѣу се дотле трти и прати, докѣ сву стару кожу са себе несперемѣ. Таруѣи се тако и перуѣи, доѣе и градскій кадїа, свуче се у истой соби, и оде купати се. Нашѣ старый трговацѣ пре готовѣ, изиѣе и обуче се у свое лепе альине, али му нейма папуча, но на оны месту наѣе некакве нове и лепе. Помысли, да му е онай прїятель, кои се съ нїимѣ о папучами разговарао, ту шалу учинїо. Башѣ ѣу му зафалити, кадѣ га видимѣ, рече; навуче папуче и поѣе весео дѣма. А кадѣ ти намѣ кадїа изиѣе, чїсто се упропасти, видеѣи на место свои, свему свету познатѣ Абуказемтамбурове папуче. Полете слуге по трагу, доведу га предѣ судїю у овога папучама, и како явный изобличенный лупежѣ, за непретрпїти кою стотину по табани, морао е на томѣ месту толико за наказанїе платити, за колико бы иляду новы папуча купити могао. Како дома доѣе, праведнымѣ на свое папуче распалѣнѣ гнѣвомѣ, учини имѣ страшну предїку, даде имѣ триста анатема, и бацї и у рѣку Тигарѣ, коя изпредѣ нѣговогѣ течаше пенцера... Сада онѣ изъ глубине срца уздышуѣи купи себи здраве и яке папуче, и почне данѣ и ноѣ штудирати, како ѣе свою надокнадити штету. Другїй данѣ за тимѣ, изиѣе за обаврети се по граду, небы ли што ефтино купити нашао, што бы се скуплѣ препродати могло. Тай истый данѣ рыбаи ловеѣи рибу осете нешто потежко у мрежи, кою кадѣ на брегѣ извуку, грозница и спопадне, кадѣ виде оно, чему се никадѣ нису надали, Абуказем-тамбурове папуче, кое се са ексери свои за мрежу заквачили баху.

Люто раздражени и разярени, почну страовито псовати, и проклинати. Спопадну и, пакъ съ нѣма крозъ госине пенцере, коѣ поравбіаю; али сва несреѣа нѣ у овомъ была, него улѣтивши папуче у собу, ударе на найвеѣа кристална стакла, немылостиво и раздробе, и тако пропадне сва у нѣма ружице вода до каплѣ. Како в старцу было, кадъ предъ ноѣ улѣзе у свою собу, наѣ пенцере по лупате, стакла поравбіана, ружице воду просуту, и исте нѣгове старе папуче ту. Бащи калпакъ съ главе на землю, стане се лупати у груде, и чупати браду, и тако жестоко запевати, и яукати, да све комшіѣ потеку на ларму. Обычно при оваковымъ обстоятельствомъ морату се люди чудити и смеяти: а кадъ се сити найзсмею, безъ шале о томъ размышляваюѣи приключенію, сви единогодушно наѣу, да съ тымъ папучама нѣ чистѣ посао, и да мора съ нѣма нечастивый (силе га сапеле) дѣйствовати и управляти. Ха, рече онда еданъ старый оца, то ти в башъ оно, што самъ я давно негда у едномъ браминскомъ ѣитапу читао, да и альине кадъ се одвеѣъ задуго носе, улѣзе у нѣи некаква злога човека душа, и тако ти се рихтигъ повампире! То в вала! рекну сви единоголасно и единомудрено, а да шта бы друго было? него и треба здраво осушити, пакъ онда сасвимъ сажеѣи, а пепео нѣовъ у вѣтаръ на восточну страну развеати. Онда и узме бѣднѣй старецъ, и гледаюѣи и съ плачевными очима и машуѣи съ главомъ метне и на стрѣю спрема сунца, да се ту здраво осуше и припеку. Сутра данъ комшіѣска деца скупе се и почну се играти изподъ стрѣв, гди папуче стаяху: у исто време доѣу две мачке, потеряю се и поколю по

стреи, и оборе папуче, кое падну двоіой деци на главе и разбію и имъ. Стане дрека деце, притрче нѣюви оци, узму папуче и съ кривымъ главама децу, и оду кадїи на тужбу. Овай да къ себи дозвати онога, чїе су папуче, и съ громовитымъ запыта га гласомъ, познае ли онъ ту обуфу. Познаемъ у злый часъ по мою главу! одговори: а да што садъ опетъ овде траже? Да нечинимо много речїй; и овде едва се съ яки новци одъ дегенека избави и курталише, а папуче му се предаду натрагъ. Онда онъ за избѣгнути еданпутъ толике беде и напасти, замота и у некакве крпетине, завеже и здраво съ ужетомъ, и како се смркне, отиде у свою башчу, и закопа и дубоко у землю. Неко изъ комшилука привреба га при овомъ послу, и мысли, да онъ ту нешто друго сакрива, улѣзе ноѣомъ преко плота, изкопа онай завежляй, затрпа яму и поравни землю, пакъ изиђе наполю. А кадъ съ довольно труда одреши то, позна, да се е у своемъ чаянію осрамотїо: завеже опетъ брже болъ оне сгадљиве папуче, и баци и у еданъ олуку, кудъ помїе протекаваху градске. После мало дана удари здрава киша; и вышереченый пакетъ стане негде у цевъ олука, а около нѣга накупи се блато, тако да вода, немогући протицати, удари натрагъ. Наводне се неки подруми и дућани, и учини се велика млогима штета. Майстори пођу прегледавати и чистити водне цеви, нађу онай завежляй, и однесу га кадїи. Брже по Абу-каземъ-тамбуру. Смртный зной нападне на овога, кадъ дође и упаци ту свое папуче. Проклетый човече, рече му кадїя, шта си наипосле съ овимъ папучама наумїо? или си заръ намыслио, да савъ градъ съ нїима упропастишь? Садъ мо-

раншъ толику штету платити!... Честитый кадїя! одговори онай, веѣъ я садъ видимъ, кои в съ тимъ папучама посао, кадъ су оне и оданде изишле, гди самъ я нѣи закопао быо! Све ѣу платити, и све ѣу претрпити, штогодъ праведный судъ изрече и одсуди, само то те молимъ и просимъ, избави ме беде и напасти! Ослободи ме одъ ти мои главны не-прїятеля, и недай ми и више натрагъ! И самъ кадїя нїе се могао одъ смея задржати, и почемъ онай плати штету учинѣну, кадїя даде негде те чудновите оставити папуче, а нѣга одпусти са увѣщанїемъ, да одъ садъ задуго старе веѣъ неноси папуче.

в., О прїяшлѣмъ и прїяшельству.

Представляѣи различне наравоучителне матерїе, весма в полезно и скупа увеселително, те исте вешчи, у самомъ нѣовомъ дѣйствїю и исполнѣнїю показивати: а то быва чрезъ исторїю. Полезно в, зашто в врло ласно упамтити оно, што се у примѣру и у самовешчномъ исполнѣнїю тога и тога види. Увеселително в пакъ: еръ насъ чини познавати знаменита и славна лица, коя су давно пре насъ на свету живила. Доводи насъ у познанство и содружество съ нѣима; и возбужава у нами желю, да се и мы нѣима, по нашемъ могуѣству, у похвалнымъ исправлѣнїямъ подобни покажемо. Прїятельство в прво основанїе человеческого временого живота и благоденствїя. Кадъ бы сви люди на свету добри были, сви бы еданъ другомъ прїятельи были; и сви бы могли благополучни быти. Колико в

тешнѣ и ближе међу людма сродство, ако међу нѣма нейма согласія, взаимногъ благоволенія, доброжеланія и вѣрногъ сладкогъ пріятельства, толико су они чрезъ то исто соединѣніе и сродство несрећни и бѣдни. Мужъ и жена, братъ и сестра и найближе комшіе, еднога мѣста жители; единоплеменни, и единовѣрни, безъ многогъ пріятельства шта су друго, него туга и неволя? Ништа нѣ обштіе међу людма, него име пріятельи: зашто природа и сама учи, да то мора нешто лепо быти: али по несрећи, и на велику срамоту човѣческаго рода, ништа се толико небезчести и злоупотреблява, колико ово пречестно име. Ни съ чимъ се толико нелаже и нелицемерствуе, колико съ овимъ светимъ именовъ. Предъ очима любезный, предрагій пріятель, а мало по далѣ, на другомъ месту, међу други пріятельи посмеятель, опорочитель, и лютый хулитель и гонитель. Праведный Боже! Есу ли зато словесностію и разумомъ люди одарени, да се чрезъ тай истый даръ хитріе вараю, и неразумніе међу собомъ да живу, и сами себе несрећными да чине! Да шта е тому причина? нѣ толико ни исто неразумно самолюбіе нити неправедно користолюбіе, колико худо воспитаніе и неваляли сгладливи обычаи. За воспетити дакле, колико е возможно, пріятельства злоупотребленіе, и за дати познати людма, шта е пріятель, шта ли пріятельство, даће намъ овде исторія найпре стара, то естъ пре Христа, а по томъ и нова неколико лепы приклада. . . . Алцибіадъ наодећи се у великой слави и благополучію у Атини, многи му се показиваху пріятельи, и заклиняху се, да су му тѣломъ и душомъ предани. Онъ и сазове у одну ноћ, и наже имъ, да е учи-

нію неко убійство, и да е сасвимъ пропао, него да му помогну, да се спасе. Онда га сви подъ разни изговори оставе: самъ Калія остане при нѣму, обекаваюѣи му се, да ће съ нѣмъ, ако буде до потребе, и умерети. Онда све друге отера одъ себе, а овогъ задржи за всегда. Зопиръ вѣрный другъ Дарія цара Персійскога, за помоѣи га обладати Вавилонъ градъ, даде себи одрезати носъ и уши. Прибѣгне у обсъденный градъ, казуюѣи, да му е то царъ учинію. Граѣани познаюѣи нѣгово изкуство, учине га своимъ войводомъ. А овай преда Дарію градъ, кои, кадъ га види тако осакаѣена, рече му са сузами: Ахъ преко мѣре вѣрный друже, што си учинію! Незнашъ ты, да бы я сто оваки градова дао за тебе цѣла? . . . Димитріе одъ Фалера философъ перипатикъ, Теофрастовъ ученикъ, управляо е десеть година съ республикомъ Атинейскомъ, по томъ изгнатъ преѣе у Тиву, и овде живеѣи како простый граѣанинъ, учини пріятелство съ философъ Кратесомъ, у когва садружеству задовольни е живію, него кадъ е у великомъ господству быо . . . Филипъ, Македонскій краль, ходеѣи по сокаку, гди се нѣгови робови продаваху, еданъ одъ овы, видеѣи да краль на себи ружно свою альину ношаше, рече му: послушай ме, Филипе, да ти одну тайну кажемъ, по коей ѣешъ познати, да смо пріятельи. Овай приступи, а онъ му рече тихо: намести одѣяніе твое, срамно е владѣтелю тако ходити. Правда, рече Филипъ. Ты си мой пріятель. Даде му свободу, и обдари га. . Псаменитъ, краль Египетскій, живію е на 525 година пре Христа: побеѣенъ и зароблѣнъ са своимъ фамиліомъ одъ Камбиса цара Персійскога, виѣаше кѣерь свою како робиню да воду носи

и сына свога у гвождѹ, и све то сносаше съ великимъ терпѣніемъ: а кадъ упаци єднога старога пріятеля у крайнѣмъ убожествѹ, старости и слабости, гди хлеба прошаше, заплаче горко. Запыта га Камбисъ, како то бѣва? Да мов несчасіє и деце мов сносимъ, у томе ми помаже крепкодушїе; а да вѣрна друга у таковой нужди видимъ, и да му помоћи немогу, толико немамъ крепкодушїя . . .

Александръ великій заслужїо є ово презиме не толико побѣдами цѣлого востока, колико чрезъ нека дѣла своя, коя показую истинито величество душе. У лютой грозниці, нѣговъ любезникъ и лекаръ Филипъ приготова му лекарство, на данъ пре сраженїя са свомъ силомъ Дарїевомъ, одъ когга сраженїя зависаше сва слава нѣгова. У истый часъ, кадъ лекарство узети мораше, прими писмо, да се чува Филипа, ерѣ в подмиѣнѣ да га отруе. Улѣзе Филипъ съ лекарствомъ, Александръ даде му писмо да чита, а онъ узме лекарство, пакъ на ма нопїє, чрезъ то показуюћи, да нѣму нїє могуће, о познатомъ пріятелю сумняти се. Шта є мыслію Александръ то чинєи? Филипъ є поштенъ човекъ! Филипъ є пріятель мой! онъ є одъ мене свагда имао, шта є годъ хотео, и може имати, штогодъ хоће! Како бы онъ мене отровати могао? То нїє могуће! Али буди, што му драго, я волимъ умрети, него о нѣму зло номыслити. . . Дїонисїй првый євога имена владѣтель Сиракузскїй, одсуди на смрть некога знаменитога Сициліянина именемъ Дамона. Овай запроси само ту мылость, да му допусти за неколико дана поћи видити пре смрти свою жену и децу, и разположити свое ствари, обѣштаваюћи се у уреченый данъ доћи. Ако наѣшъ, ко ће за тебе умрети, ако

ты недоѣшь, пусти́ху те, рече му краль. Питіасъ нѣговъ пріятель едва то дочека, и даде себе поставити у тамницу на мѣсто пріятеля свога. Отиде онай. Осване уреченый данъ: нема іоште Дамона. Сва фамилія Питіева плаче и тужи. Сви га граѣани наричу неразумнымъ и лудымъ. Овай тѣшеѣи свое говораше имъ: Неплачите, о малоумни! сва е моя жалость, што знамъ, да ће мой Дамонъ доѣи. Ето и подне, уреченый часъ погублѣнія; поведу овога на мѣсто усѣченія; доведу га ту. Кадъ у еданъ ма, савъ народъ на поворишту почне съ гласомъ у дивлѣнія и ужаса единогласно викати: ено! ено Дамона, гди лети на коню! Дотрчи овай савъ ознонъ, и са веселымъ лицемъ, нападне на вратъ друга свога говореѣи: Питія милый! любезный Питія! неѣшь ты умрети! Я ѣу умрети! Све множество народа потоке проливаше суза; и самъ Діонисій, иначе жестокъ и свирепъ човекъ, при овомъ необычномъ видѣнію умехчасе срцемъ, притече, и са сузами почне ону двоицу грлити и любити. Неѣ васъ ни еданъ умрети! О вы достойни да во вѣки живите! Ахъ смилуйте се, примите и мене треѣга у тако дружство... Антипатеръ краль Македонскій и Фоціонъ Атинейскій гражданинъ быяху пріятельи. Краль запроси нешто одъ Фоціона, што небыаше правично. Како можешъ то изискивати одъ едногъ пріятеля? рече му овай: кадъ бы я то учинію, быю бы твой худый ласкатель, а не пріятель . . . Писистратъ, Атинейскій гражданинъ, кон е потомъ своимъ отечествомъ завладао быю. Неки пріятельи нѣгови оставе га и отиду негде на само живити. Онда овай натовари свое потребне ствари, пакъ отиде къ оныма. Запытаю га они: што е до-

шае? Дошао самъ, одговори овай, или да васъ повратимъ къ себи, или да останемъ овде съ вами; еръ безъ васъ немогу живити. Темистоклесъ и Аристидъ, нареченый праведный, найпоглавитин Атинейски грађани, быяху всегда еданъ другому противанъ и непріятельи. Едномъ изберу и граждани на неко посланство, велике важности за цѣло отечество. Ови излазеѣи крозъ врата градска, овде, брате, рече Темистоклесъ Аристиду, оставимо наше непріятельство, и будимо пріятельи, докъ благополучно оправимо дѣло любимого отечества. А кадъ се вратимо, можемо га, ако хоѣшъ, опетъ узети ... Садъ ћемо казати неколико примѣра изъ нове исторіе. Една сирота жена дође къ кардиналу Фарнезе, и запроси одъ нѣга петъ цекина, да плати кирію обиталишта свога, зашто иначе хоѣе да е истераю напољъ. Кардиналъ се спомене, да е у младости своіой имао пріятельство съ мужемъ ове жене. Даде іой цедульицу, да пође къ нѣговомъ домоправителю. Овай по заповеди свога господина изброи жени педесетъ цекина, коя то видеѣи, каже домостроителю, да кардиналъ нѣе ню добро разумео; она не потребуе више него петъ. Овай отиде и яви то. Има право добра жена! моя е погрешка; подай іой петъ стотина цекина, и реци іой, да кадъ годъ буде имала потребу, некъ се пріяви. . . Госпођа Габріели д' Естрее, коя е кодъ Хенрика четвртога краля французскаго у милости стояла, свади се съ кралѣвымъ министромъ Сулли, и вознамѣри, да га у кралѣву немилость метне. Краль, кои весма любяше свога министра, пошлѣ га къ Габріели, да іой каже одъ стране нѣгове, да онъ жели и хоѣе да се помире. Она га прими ружно и съ жестокиимъ речма. Онда краль седне са Суллоиъ

у кола, и пође самъ тамо. Ова онда употреби сву свою хитрость къ своему намѣренію, но видеѣи све безъ плода, почне горко плакати, жалеѣи се, што онъ мари више за еднога слугу, него за ню. Краль видеѣи, да колико е више онъ совѣтоваше и моляше, толико се она огорчаваше, раздражаваше, и Суллу слугомъ називаше, одговори іой весма срдито: Шта слуга? Знай госпођо, да я лакше могу наѣи десетъ дама, као што сте вы, него еднога слугу и вѣрна пріятеля, као што е Сулли. И то рекши окрене се и пође. Онда она потрчи, падне на колена предъ краля, проси проštenъ, обѣштаваѣи се, да ће се чистосердечно помирити съ Сулломъ.. Воатюръ избраний французскій писатель у вѣку Лудовика тринаестого, изгуби на игри све свое новце, и остане дужанъ две стотине дуката. Онъ пише своєму пріятелю Костару едно писмо, иштуѣи одъ нѣга ову сумму новаца. Ово писмо знаменито, изобразує намъ животворно знаке совершене увѣренности и свободе чистосердечнога и совершеного пріятельства. Ово е: Я самъ юче изгубіо все мое новце, и савише двеста дуката, што самъ остао дужанъ, и обештао самъ се данасъ платити. Ако и ты имашъ, пошлѣи ми и таки, ако ли и неимашъ, а ти и узайми одъ ногъ ти драго. Было како было, валя да ми и ты узаймишъ, и чувай се добро, да ти ко другій неуграби испредъ мустаѣа овако благовременство учинити ми любовь; мени бы жао было тебе ради; како те я познаемъ, ты бы се мучно за тымъ утѣшио. За избѣгнути дакле ову несреѣу, болъ распродай све, што годъ имашъ! Ты видишъ овде, како любовь уме заповѣдати; я осеѣамъ у себи велико веселѣ овако съ тобомъ поступаѣи, и я знамъ добро, да бы чур,

ствовао іошть веѣе, кадъ бы и ты тако самномъ радіо, али што ѣу ти я, кадъ си ленштина; садъ суди, нисамъ ли я о теби добро извѣстанъ. Я ѣу да-ти мою облигацію ономъ, кои ми донесе твое новце. И добаръ ти данъ. . . . На овако писмо потребанъ е и подобный одговоръ . . Я имамъ неизказану радость, да самъ у состоянію показати теби малену службу, кою изискуешъ одъ мене; никада небы помыслио, да бы се могла купити такова радость за двеста дуката. Почемъ самъ то садъ познао, даемъ ти мою речъ, да ѣу докъ самъ годъ живъ, имати готовъ еданъ маленъ капиталъ на твое разположеніе. Запедадай ми слободно све што ти буде угодно: ты неѣшъ моѣи имати толику радость запедаюѣи ми, колика ѣе моя быти, теби служеѣи; али колико самъ ти годъ покоранъ, оѣу ти се противити, ако ме будешъ принуждавати, да узмемъ одъ тебе облигацію.

г., *О Любви ко Ошечеству.*

Любовъ ко отечеству несостои се само у томе, да е свакоме мѣсто рожденія и воспитанія миле, него сва друга на свету. Ово е обште и природно и безсловеснымъ животинямъ, зашто и ова се нерадо очуждаваю одъ мѣста, гди су изъ почетка обыкла. И за удивлѣніе е, како често конь, во, и свиня, кадъ се гди далеко преместе, измакну се и побегну натрагъ на свое прво селиште. Ово производи изъ природнога свакомъ животномъ своелюбія, да онамо тежи, гди му се чини болѣ. У човеку пакъ словес-

сномъ и разумномъ ово исто врођено пристрастіе много е височіе и благородніе: зашто онъ за благодарность, кою у срцу своме къ милымъ и сладкимъ своимъ родителѣмъ и воспитателѣмъ чувствуе, любви и загрля цѣле и многочисленне народе, кои су истога рода и ѣзыка, и често кратъ жертвуе свою свойственну користь, и драгавольно истый животъ свой за ползу и за благополучіе единопородны свои презире и предае . . . Докгодъ у едномъ народу nebude довольно число таковы благороднодушны патриота, всегда ће онъ или съ едне или съ друге стране рамати; но будући да у тако превосходни патриоти изискуе се хероическа добродѣтель, слѣдователно оваковы неможе се довольно число наћи, докъ се годъ у цѣлый народъ неувѣде чрезъ воспитаніе, наставленіе и правленіе, разумна любовь чести, и лепа имена. Зашто, докгодъ у одной націи нѣ много веќе число добры и правдолюбивы, него злы и неправедны, неможе се наћи довольно число najbolji. Овде нѣ намѣреніе тужити се и ядити, што нѣ тай и тай такій, а онай и онай другоячи, зашто то ни длаке непомаже; познати, у чему стои погрешка, и почети исправляти се и по свевозможной снаги поболшавати се, како свакомъ понаособљиво, тако и свима во общте, ово е могуће. За дати дакле къ овомъ преблаженомъ предпріятію поводъ и руководство, шта може бити болѣ и общтеспасителнѣ, него представляти любопытной младежи изъ старе и изъ нове исторіе таковы добродѣтельныя люде, кои су чрезъ любовь ко отечеству и къ роду своме безсмертно за собомъ име оставили? И ово ће бити ове главе матерія . . .

Архилеонида, проста жена у Лацедемоніи, имала е

сына отмѣне храбрости, кои за отечество воююѣи погине. Неки странни, кои су при истой баталіи были, донесу іой тай гласъ, весма похваляюѣи сына нѣна, и говореѣи, да ѣе се мучно у Лацедемоніи еданъ нѣму подобанъ наѣи. О! вы се варате! одговори великодушна жена: истина да е мой сынъ храбаръ быо; али, фала Богу, има отечество наше много больи одъ нѣга. „Ево преполезно мудрованіе за отечество, да нико себе и свое за найболъ непочитуе.“ Аристонъ сынъ и наслѣдникъ Агасиклеовъ у правлѣнію лацедемонскомъ, читаюѣи едно преизрядно надгробное слово на похвалу Атинеана, кои су съ Лацедемонци воююѣи погибли, рече: шта небы овай човекъ могао реѣи, кадъ бы хваліо оне, кои су ове славне люде побѣдили? . . . Лацедемоняни убію посланика Персійскога. Оракулъ Аполлоновъ предскаже нѣима велика злополучія, ако они сами на себи ту обиду неосвете. Онда Бурисъ и Спартисъ два знаменита Лацедемонца отиду своевольно и предаду се Ксерксу цару Персидскому, да на нѣима отмести смерть свога посланика, како му драго. Царъ удивлѣнъ толикой любви къ отечеству, задоволи се съ тымъ, и на мѣсто што бы и дао мучити и убити, запроси и, да остану при нѣговомъ двору. Како бы могли лишити се нашего отечества, мы, кои смо своевольно дошли за нѣга умерети? . . . Марко Фуриусъ Камилъ, кои е живіо на 365. година пре Христа, быо е петъ пута диктаторъ (всеверховнѣйшій повелитель) римскій, и четири кратъ е триумфироа, то естъ: како совершеный непріятеля побѣдитель съ великомъ славомъ у градъ улазіо. Овомъ славномъ мужу при обѣденію града Фалера доѣе градскій магистеръ съ поглавиты граѣана де-

цомъ, и каже му, да е онъ преварио децу, као да
 ће съ нѣма проходити се, и да и садъ предае
 нѣму; толико, колико да му е градъ предао, и да
 онъ одъ нѣга ожидава достойно своіой заслуги
 награжденіе. Право е, одговори славный Римля-
 нинъ, да такій свога отечества пріятель пристойно
 получи награжденіе: заповеди га свући до жоже,
 вевати му руке наопако, дати деци лесково пруже,
 и рече имъ, да га тано шибаюћи дотераю у градъ.
 Што е овому у граду было, то се ласно погодити
 може. Доста, да грађани, видећи у неприятелю то-
 лику добродѣтель, изиђу, донесу му ключе града,
 и предаду му се... Овога истога гражданина после
 толике нѣгове службе и славе Римляни узбуне
 се и изтераю у вѣчно заточеніе. Но онъ всегда у
 своіой добродѣтели непремѣненъ и недвижимъ, из-
 лазећи изъ града ове знамените изрече-речи; о Бо-
 же дай, да ме Римляни никада неупотребую! Отиде
 у еданъ маленъ градиъ Арденъ, и ту живляше
 мирно. По некомъ времену дођу му ту гласи, да
 су Галли ударили на Римъ и завоевали га. Садъ
 онъ забравивши неблагодарность свои сограждана,
 и обиду себи учинѣну, ніе ни очемъ другомъ мы-
 слю, него како ће отечеству своємо помоћи. Позватъ
 одъ оны Римляна, кои су у капитоліумъ прибегли
 были, и одъ нѣи опетъ за диктатора примлѣнъ,
 пође, удари на Галле, побѣди и са свимъ, и осво-
 боди градъ, и дочека радость, само великимъ ду-
 шамъ природну, неблагоприятнымъ своимъ добро учи-
 нити, и онога истога града зидове, изъ коєга е съ
 бевчестіємъ изгнатъ и протеранъ быо, воздвигнути
 и обновити. . . Кодрость краль Атинейскій на 1071.
 годину пре Христа. Хираклиде почемъ савъ Пело-

понежъ освое, дођу и обсеђну градъ Атину. Атинейцемъ в предвозвештено было одъ оракула, да ће они своє неприятелъ побѣдити, ако нѣовъ краљ одъ неприятеля погине. Хираклиде то знаюћи заповеде свой своіой войски, да у сраженію нико не додирне краля. Овай то сазнавши преобуче се у дрвосѣчца альине, оде не далеко одъ града сѣћи дрва, и ту нађе начинъ, и почне кавгу съ неки солдати неприятельски, и лупи еднога са сикиромъ, а они ти намъ га онде свега изкомадаю. То в было предъ вече, а сутра данъ Атинейци пошлю къ неприятелѣмъ, искати тѣло убіенога краля. Ови кадъ то сазнаду, нападне ужасъ на нѣи, и побегну брже — болѣ . . . Атинейци обседали су были градъ Тасъ, грађани у последнѣмъ недостатку ране умирау одъ глади, но нико несмееше усудити се споменути, да се предаду, зашто су были уважонили, да, ко спомене о томъ, буде погублѣнъ. Онда некій Хегеторидъ одъ првы грађана метне себи уже на вратъ и дође у собраніе и рече: я знамъ, какавъ смо мы учинили законъ; но са свимъ тымъ я себе предаю смрти, убите мене, а спасите себе и фамиліе ваше, и предайте се неприятелю. Све собраніе похвали нѣгово великодушіе, неубію га, него уништоже учинѣный законъ, и предаду се. . . . Ёдна Лацедемонка пошлѣ свога роба да разпыта, што се чини съ войскомъ, гди она имаѣаше петъ сынова свои. Кадъ овай дође, каже іой, да су сви петъ сынова нѣны изгинули. Я те писамъ послала, одговори она, да видишъ, шта чине сынови мои, него войска наша; всмо ли мы побѣдили? Ёсмо; отвешта онай. Благодареніе буди богу, рече она, и отиде у храмъ принети жер-

тву. . . Леониду вожду лацедемонскому поручи царъ Ксерксъ : оди къ мени , сложи се са мномя , пакъ ъу те я учинити кралѣмъ цѣле Греціе . Ты незнашъ , шта е поштенъ , одговори му овай ; я же-лимъ за слободу Греціе воююѣи погинути , а не на нѣйзино удрученіе съ непріятельи нѣни слагати се . Овай полазеѣи у Термопиле съ триста свои витезова , гди е знао , да ѣе погинути , овако се са своіомъ женомъ поздрави : Ишти себи достойна мужа на мѣсто мене , роди и одрани отечеству добродѣтельны граждана . . . Ликургъ лацедемонскій законодаваць , управляо е своимъ отечествомъ на 870 година пре Христа . Овай почемъ даде своимъ согражданомъ полезне законе , каже имъ , да ѣе поѣи совѣтовати се съ делѣскимъ оракуломъ , може ли се што болѣ іоштъ узаконити , но при томъ учини и , да се закуну , да ѣеду хранити те законе , докъ се годъ онъ неповрати . Ови се закуну , а онъ онда отиде , пакъ се веѣъ никадъ не-врати . . . Педаретъ одъ поглавиты Лацедемоняна небудуѣи примлѣнъ у число три стотине совѣтника , кои се у нека времена избираху , возврати се изъ собранія радостанъ , благодареѣи богу , да нѣгово отечество има три стотине болѣи одъ нѣга ; Ово се зове любовь къ патріи , а не , кадъ я нисамъ , некъ ніе ни онъ . . . Пелопидасъ генералъ Тивейскій полазеѣи на войску , жена нѣгова препоручи му , да умѣри храбрость свою , и да чува животъ свой . Богъ некъ уреди (одговори онъ) съ моимъ животомъ ; моя е дужность садъ отечество чувати , и не животъ мой . Еданъ клеветникъ тужаше Пелопиду едногъ храброгъ солдата , да всегда о нѣму зло говори . Нека онъ служи само како валя

отечеству, пакъ нека говори о мени, што му драго! одговори онъ . . . Фоціонъ осуѣнъ одъ свои неправедны сограждана отровъ пити, запитаю га, има ли што сыну своему наложити. Имамъ, рече: да служи своємъ отечеству вѣрно и праведно, како и я што самъ служю. И да немари, што самъ я за мое службе оваково награжденіе получю . . . Помпоніюсъ солдатъ Римлянинъ покаже чудеса храбрости біюћи се противъ Митридата, но найпосле савъ покрывенъ ранами падне у руке непріятели. Митридатъ, очевидаць нѣгового мужества, прими га милостиво, и даде га излечити: а потомъ запита га, може ли се садъ поуздати у нѣгово пріятельство. Не, одговори Помпоніюсъ, докъ си годъ непріатель отечества моего . . . Регулусъ конзулъ и генералъ римскій по многима надъ Картагинезами побѣдама, и самъ одъ оны побѣѣнъ и зароблѣнъ буде. Они га пошлю у Римъ, да принуди сенатъ, да промене робове, съ уговоромъ, ако несврши, да се врати назадъ. Овай отиде; али несматраюћи ни на што, него на ползу отечества, совѣтуе Римлянѣмъ, да то ни пошто нечине, и по свомъ обѣштанію врати се на трагъ, гди га са ужасными мученіями уморе . . . Рутиліюсъ неправедно изгнатъ изъ Рима, некій познаникъ рече му, да се оѣе каква междоусобна брань у Риму случити, те бы се онда могао повратити. Избави боже того! отвешта онъ, то бы ми жалосніе было, него мое изгнаніе. Одъ овога еданъ пріатель запроси нешто неправично. Што му онъ одрече. А да коя ми е полза одъ твоега пріятельства, кадъ ништа одъ тебе за атаръ не могу получитьи? А каква бы была мени одъ твоега, кадъ бы я чрезъ то морао непоштенъ и неправеданъ бы-

ти? . . . Темистоклесь, еданъ одъ найславниѣ гре-
чески генерала, по многимъ побѣдама на мору и на
суву надъ Персіяни одержаныма, доѣе на играли-
шта олимпическа. Све множество народа престане
гледати на различне игре, сви са удивлѣніемъ
обрате очи на нѣга. Еданъ гласъ изъ безчислены
уста захуи. Ено Темистоклесь! Ено га! Онда онъ
рекне къ онымъ око себе: ово ми е довольно награ-
жденіе за све службе мое Греціи учинѣне. Спрема-
юѣи се поѣи на непріятелъ, даде представити на
театру бой два силовита петла, кои се ужасно из-
деру и окрваве, пакъ онда рекне къ народу: Види-
те ли браћо сограждани! Ови се петлови непора-
жаваю онде ни за жене свое, ни за огньишта своя,
ни за отечество, него само за юначство и за сла-
ву: съ каквомъ храбростію дакле неморамо мы на
непріятелъ наше ударати, кои' за све то воюємо?
Прекословляюѣи се са Еврибідомъ лацедемонскимъ
вождомъ, овай немогуѣи съ речма на край изиѣи,
подигне штапъ, да онога лупи. Удри ме, старіи си,
рече му Темистоклесь, само послушай оно, што е
свой Греціи на ползу. Еданъ гражданинъ весма
сребролюбивъ искаше одну службу, у коей онъ са
штетомъ общества могаше много добыти. Темисто-
клесь знаюѣи да е онъ иначе вреданъ, и да чрезъ
сродне свое и пріятелъ могаше ту службу получи-
ти, даде му довольно суму новаца съ уговоромъ, да
онъ више то нетражи. Овай славный витезъ иза-
гнатъ изъ Аѣине, прибѣгне къ главному свомъ не-
пріятелю, цару персійскому; кои намѣсто што бы га
озлобію, чувствуе неизказану радость, да има у
свомъ царству такога човека. Учини велику часть
и веселъ, и у наступившу ноѣ спаваюѣи три путъ

е викао у сну: Темистокла Атинсанина я имамъ! Даде му на нѣговъ ужитакъ три града у малой Азій. По некомъ времену вознамѣри царъ воевати на Грецію, и Темистокла вождемъ войске свое учинити: но овай, и у истомъ изгнанію свога отечества горейшій любитель, за невоевати противу нѣга, учини жертву боговомъ, пакъ се отруе 65те години живота . . . Трасивулъ Атинсанинъ избави отечество свое одъ тридесеть тирана, возврати све изагнате и разбегнуте граѓане, утврди прве законе, помири све завађене сограждане учинивши и, да се сви закуну на всеобшту амнистію, то естъ, заборавлѣнъ свою пропасты међу собомъ учинѣны обида. Онда му рекне еданъ согражданинъ: О колико е теби дужно отечество за толику твою заслугу! О блаженъ я, одговори Трасивулъ, ако самъ му платію, што самъ му дужанъ за рожденіе и воспитаніе! . . . Баярдъ, зовомый неустрашимый, еданъ одъ првы офнцира Франца первога краля французскаго, біюћи се са Шпаньоли буде смертно ранѣнъ, да себе положити подъ едно древо за изданути ту. Контаблъ одъ Бурбона, кои одступію бѣше одъ Франціе, свога отечества, и овде вођаше войску шпаньолску, види Баярда у таковомъ станю, и споминюћи се првога съ нѣмъ дружества дође сожальити га. Вы сте већега сожальнія достойни, господине, одговори Баярдъ: я умиремъ како поштень воинъ за отечество мое и за краля; а вы съ неприятели нѣгови на нѣихъ воюете и проливате кровь браће ваше.

IV.

ГРИГОРІВ ТЕРЛАЙЪ

рођ. 1766 умр. 1811.

(изъ дѣла: Забавленіе единого лѣтнаго утра, у Вієнн
1793.)

— О вся, вся окрестъ мене неизглаголаио суть
красна,
 Благоуханія полна, свѣтлостію же предсна!
 Вся бо, вижу, радость возвѣщаютъ,
 Красотою же своею очи увеселяютъ;
 Вся, велика либо слышу, суть гласы радости,
 Ниже гдѣ увидѣти можно есть жалости.
 Всюду божественнаго имени пѣвается слава,
 Благодарнаяже естеству воздается хвала:
 Птицы по воздуху, пастыри же по полю
 Воспѣвая радостно славятъ Божию волю;
 Изъ далека овцы съ травобогатыхъ холмовъ
 Блещутъ свою радость покрай своихъ овиновъ,
 Агнцыже играя и' окропленной долини
 Воздѣвають радостно сіятелной высини
 Пищи своя за сладость благодарность Творцу,
 Удареніемъ своего гласа бытія ихъ отцу;
 Телцы невинновиднии велегласно рыкая,
 Козли же препродающіи хитроплетно скакая,
 Словомъ, вся животная, малаяж' и велика,
 Промысль Творца и благость величаютъ излиха.
 Благоумилни зефиры противу всего солнца паленія
 Соблюдаютъ здѣ выну благопріятность прохлажде-
 нія;

Источники текутъ чрезъ цвѣтовонныхъ луговъ,
 Величаютъ же Творца согласіемъ своихъ шумовъ.
 Тисящи прозябающихъ цвѣтовъ поле предукра-
 шаютъ,

Пріятноеже каженіе вездѣ разливаютъ;
 Чаши густомрачныя солнца упорствуютъ жару,
 Наблюдаютъ же внутръ себе благопріятную про-
 хладу,

Въ нихъ сладкопѣніе птицъ умильно гласоудараетъ,
 Въ нихъ струи шумѣя едина другой пришепетиваетъ
 Славу благодати вышняго Создателя ихъ растлища,
 Содержающаго красоты присносущныя ихъ жилища.
 Въ нихъ журчаютъ извори изъ каменій высокихъ,
 Стищаяжъ въ пространствѣ рвынѣ преглубокихъ
 Въ наглотекущія источники, низражаются съ вы-
 соты

Каменынъ зіяющихъ, ниспадаютъ же въ велія пу-
 зыри,

И пѣпущесея оттицаютъ чрезъ водоносныхъ кру-
 говъ;

Здѣ же аки взыгравшися текутъ чрезъ пестредин-
 ныхъ луговъ;

Едини бо стремятъ воды чистыя и спѣшныя,
 Другіи же низваляютъ я тихія и аки спящія,
 А другіи еще чрезъ долгихъ въ лузѣхъ околоте-
 ченіи,

Славя силу виновницу шептомъ своихъ журчаніи
 Возвращаются паки вспять въ слѣди своя первыя,
 Аки оставити немоги красоты сія селныя. . .

V.

АТАНАСІЕ СТОЙКОВИЧЪ

р. 1773. — 1833.

На смерть Іоанна Раича

1802.

Первый плачь

Что сей краткій и безпокойный сонъ значить?
 Что л' сновидѣнія бурна, въ нихъ же мечтательна
 сила

Воображен'я отъ бездны во бездну падаетъ ужасно?
 Во безлучномъ величествѣ темная нощи богиня
 Съ мрачна престола надъ міромъ черный скиптръ
 простираетъ,
 Въ мертвомъ безмолвіи, въ мрака глубинѣ тварь
 почиваетъ.

Нынѣ, въ время изъ гробницъ страшныхъ востанія
 духовъ,

Кто ударяетъ печалнѣ трижды во ломное окно?
 Ху! кій звукъ несчастный! Слышу л' стenanіе гроба?
 Слышу л' звяцаніе мѣди? ил' погребательный вопль?
 Ахъ! что? Ты ли оставивъ блаженныя южныя страны
 Ангеле дивнаго мужа, Геніе *Раича*, здѣ Ты?
 Въ гробныхъ одеждахъ какову носиши ужасную
 новость?

Что бысть? *Раича* нѣсть? — Уж' ясногласія ради
 Попрекан'я терпѣвшій о вы кивала струны!

Долу спускайте, спускайтесь ко воздыханію гробу
Смертноглубоку. —

Добрый нашъ *Раичъ*, мудрецъ всякія чести достойный,
Уже совершилъ. О! когда намъ учитель духовный,
Твой когда, добродѣтеле! вѣрный поборникъ по-
добный

Старцу возстанетъ? — Плачи, о Ты! какъ нареку тя,
Родъ, или племя, или отечество! плачи смиренія
Зря вѣнецъ увядшій и благи. *Раичъ* печальнымъ
Сербомъ священно отъ днесъ и святое имя во вѣки.
Сквозъ безконечныя прошлыхъ вѣковъ стези онъ рукою
Отчею насъ велъ. Онъ времена намъ бурная пред-
ковъ,

Страшныхъ погодъ и бѣдъ, и отчизнолюбія права
И величества нашего — ахъ! прешедша во вѣчность —
Живыми краски описалъ; проевъ храбрыхъ и вѣрныхъ
И доблестивныхъ міровладѣтелей странныя труды.
Все сіи падшія нынѣ Сербіи, были все чада! —
Сиде огромная смерти коса имперіи съчетъ,
И единымъ изрываетъ сильнымъ изъ корене махомъ!
О несчастная память, на что та велія вѣрность?
Во сердцѣ моемъ юношѣскомъ лежаше сумнительный
огнь;

Чистый душе! Ты воспали той. Какъ чувствованія
Сердце мое пронизаху! Какъ воскипѣ ми кровь вся!
Какъ румянили с' и горѣли ланити моя
Нѣжно, егда Ты, яко отецъ, обнимая мя долго,
Къ музамъ германскимъ путешествіе благосло-
влялъ си.

Око мое чрезъ тихую радости слезу взираше
Дивная дѣла Твоя, и высокій ихъ верхъ достигаше
Бѣда: облаки верхъ покрывень угрожая небесемъ.
Вѣчноцвѣтущій вѣнецъ устѣмъ юное чело

Ты украсиши мое? Но сѣне святая! во злую
 Часть стремителный огонь и сію жаждь не прими.
 Честолюбіе жало есть душъ вида болшаго;
 Безъ негоже дивная смертныхъ дѣла бы была
 Въ снѣ глубочайшемъ. Не ли и твой духъ истин-
 новелій

Кротко летяше на крилѣхъ любочестія тайна
 Къ концу велику стремясь? Отъ общанія кто Тя
 Кто Тя (скажи) отврати? — Обач' что возглашаю
 Дней исчезнувшихъ и находящихся въ числѣ без-
 мѣрномъ

Лѣтъ предъ потопомъ бывшихъ? — Буди. — При-
 ми и за то

Еже могу Ти дати, простую пѣснь и чистую слезу.
 Слезъ Ти слѣдуетъ полное Сербина око всякаго;
 Сердце наше слѣдуетъ въ круги горныя небесъ.
 Стани, душе! стани, и слыши стenanіе рода:
 „Ты избавилъ еси законъ за Тобою слезящій:
 „Гордость и честь и первый премудрый племене
 сербска.

„Славою насъ вѣнчалъ еси, самъ бѣгая славы.
 „Не Славяне мы отъ дѣлъ славныхъ! Ты слава
 наша.

„Воззри на темную Сербію здѣ въ печалныя мысли
 „Погруженну и блѣду, учащу при гробѣ твоёмъ,
 что

„Животъ? что терпѣніе? смерть? Ахъ! должен-
 ствоваше л'

„То одъ Тебе учить? Зри, какъ изъ рода Твоего
 „Очесь ліется нѣмоглаголюща печаль: изъ очесъ
 „Дикоищущихъ ты нынѣ при Бозѣ въ небесѣхъ,
 „Нынѣ въ воздусѣхъ, нынѣ подъ черною перстію
 съ червомъ!

Иди уж' душе! иди ко вѣчнымъ обителемъ рая,
 Гдѣ избранѣйшіи нашего рода тя ожидаютъ.
 Тамо цѣлуй Орфеліа, и спокойныя жизни
 Сладостна цѣвца Алексія. О! цѣлуй Станислава,
 Чадо твое во сынѣхъ нынѣ щастная Румо!
 День уж' востаетъ. Око его восходитъ на востокъ.
 Утрени пѣсни слышу во лѣсѣхъ. Красно есть ютро.
 Чистъ есть величественный дивный созданія соводъ.
 Тихо дышаетъ зефиръ. Но темно есть сердце и
 духъ мой.

Гдѣ вечера восхитившій мя цвѣтокъ? Онъ оцвѣ-
 те уж'

Бурнымъ дыханіемъ свѣра.

Царю пламенный дне! дай гробу тиху теплоту,
 Цвѣти да растутъ весны на немъ; да сербская
 юность

Ихъ слезы обливати возможетъ. Буди му мягка
 Земле! Поздни потомцы да слетаются къ гробу;
 И да сѣдятъ подъ сѣнію древъ высочайшихъ,
 И священнымъ прахомъ Его кленутся, имъ быти
 Добродѣтелей подражателями, вѣрными царю,
 Роду, и церкви. Прости намъ учителю! прости,
 Прости послѣдній кратъ.

Вторый плачъ.

Близъ предѣловъ, гдѣ Тибискъ невѣрный и цар-
 ская рѣка

Венгріи нѣжн' обнимаются, яко двѣ добрыя сестры;
 Гдѣ священніи фрушкихъ горъ верси спѣшатъ во
 равнину;

Гдѣ сѣдалище перва пастыря и средоточіе

Правыя вѣры: лежитъ мѣсто, давшее жизнь
 Вѣчному мужу, и получившее вѣчную славу.
 На російскихъ благочестія поляхъ онъ цвѣты
 Собралъ, сердца рода украшати желаяше.
 Но родъ, собственный родъ его (скажу л?) отры-
 ваесть!

Ха! ты хладное и безвѣжное Сербіи нѣдро!
 Сице ли? — Но то лучше естъ вѣчнымъ мракомъ
 покрыти.

Кротко, току водну подобно, иже ползаетъ
 Тихо чрезъ луги; онъ не носитъ на волнахъ шу-
 мящихъ

Иго печальныхъ — ихже бурно содѣла — разва-
 линъ;

Онъ не пѣнится преко невинныхъ взирающихъ съ
 береговъ

Въ зеркало водное цвѣтовъ; нижъ убиваетъ бѣснуя
 Онъ упованія смертныхъ: тихо течетъ, и предаесть
 Впящей рѣцѣ струи кристалныя въ вѣчность са-
 мую: —

Сице течаше преображеннаго жизнь святая.
 Первый онъ свѣтъ далъ роду, и славу: нынѣ жъ
 ужасно

Преко гроба егова нощи дико-шествуютъ.
 Унываетъ за Нымъ безлистная фрушкая гора;
 Воздыхаютъ за Нымъ и равная бачкая поля,
 И отзываютъ печално сербскаго Дуная брези,
 Брези, при коихъ Онъ уединенъ мудрѣ живяше,
 Отъ наморщенна завистниковъ ока далече отстоя,
 Умными дѣлы отъ туду родъ восхитая и племя,
 Родъ любовію весь къ Нему горящій за всегда,
 Родъ, егоже Онъ сира остави. Что намъ остается?
 Нѣмый гробъ, подъ нимже, законе! воинъ и вѣрный

Другъ, и твое, монашество! зеркало лежитъ;
 Нѣмьй гробъ, одъ куду невозвращаются прежде
 Трубы послѣдныя души смертныхъ, ниж' океаномъ
 Слезъ горчайшихъ, текущихъ изъ изглубленныхъ
 очесъ

И омочающихъ смутная лица тысящъ миллионовъ.
 Но что плачемъ смерть онаго, иже не умре?
 На что несчастное. воображен'е ко гробному праху
 Водить печалныя умы? Чистый ли есиръ во гробъ
 Перстію можетъ лежатъ покрывенный? Ангелъ ли
 можетъ

Въ земнемъ прасѣ истлѣвати тѣлу подобно?
 Не, не! Живетъ Раячъ во сердцахъ добрыхъ всѣхъ
 Сербовъ;

Живетъ безконечно и въ мудрыхъ писаніяхъ своихъ:
 Но онъ живетъ и душею во иномъ естествѣ.
 Мы здѣ мертвы. Здѣ есть печальная и погребателна
 Гробовъ юдоль. Мы еще на кораблѣ міра
 Носимомъ и обуреваемомъ страшными моря
 Колеблющимся волны. Здѣ сѣнь, война и гладъ,
 Язвы, подлунныя буры, горы огнемъ рыкая,
 И угнѣтеніе въ осадѣ держатъ родъ человѣческъ.
 Жизнь есть брань, и вѣчная брань: здѣ страсти и
 бѣды.

Здѣ недугуетъ тѣло, недугуетъ духъ величайшій:
 П зрять сонія въ бодрости сый. Но сильная смерти
 Десна рука завѣсу открыть, и привидѣн'я
 Нѣсть. Смерть насъ уводитъ въ существенность и
 свѣтлу

Водить въ обитель, гдѣ съ прекраснаго древа
 живота

(Смертныхъ начало судебъ!) при Творца престолъ
 с'бирають

Серафіми безсмертность и дають приходящымъ.
 Сице *Раиць* обрѣтъ ключъ златый правыя жизни,
 И ужъ съ нимъ отверзе смерти временныя дѣры,
 И зрѣтъ Тебѣ, о обитателю вѣчностей двуухъ,
 Иже дыханіемъ міръ потрясаетъ; иже единымъ
 Перстомъ неизмѣримостъ безконечну мѣриши; —
 Подъ негоже ногами множество много плавають
 Вѣчно вертящихся міровъ во океанѣ ужасномъ
 Безконечна пространства, и разсѣкають вѣтра
 Бистрокрісталнаго волны, ни начало, одъ куду
 Ити начаша, незная, ниже плаванію конца,
 Ниже пристанища видя. — — — —

Раиць тамъ живетъ. Если бы не жилъ; мысль ужасна!

Ты бы возмогла самая всѣхъ насъ уничтожити
 И въ самыхъ обителехъ немерцающа свѣта.
 Слыши всякъ смертный! Должны мы, должны бытъ
 онъ и мы вѣчни.

Аще б' угаснулъ вѣчный огонь, и вѣліе солнце
 Съ круга вѣчна еще бы спало, вся неисчетность
 Шаръ тяготящихся сокрушиласъ въ зіянiе бездны:
 Мы вси пройдемъ сквозъ развалины всѣхъ миліоновъ
 Міровъ скрушенныхъ и воспаримъ ко точцѣ природы.

VI.

ГЕОРГІЙ ХРАНИСЛАВЪ

рожд. око. 1770 умр. 1843

На смерть Іоанна Рача.

Въ долгую вѣчность, великій писателю сербскаго
рода,

Тихо прешедъ, почивай, сладцъ уже почивай,
Кто же надгробное воздухокружіе будетъ смущая?
Сѣтуеть, ахъ, неутѣшно слезы Сербъ горки пу-
щая,

Тамо на пепелъ священъ. Пѣсни ему припѣвай.

Истины и добродѣтели, бѣ же закона любитель,
Кротости духа исполнь, подвиги добры поднесъ,
Честь получиша велику изящна писателя плоды,
Славы его умозрѣнія коль умножишася роди,
Блѣду толико цѣна и славословія днесъ.

Кто не помнитъ безмертныхъ заслугъ сто, велия
сѣне!

Сердца царска Твоихъ плѣниша плоды трудовъ.
Шествія въ мѣстѣхъ Твоя иностранныхъ горѣ же
аеонской,

Видѣна пчелоподобна и въ славнѣи монархъ и російской
Въ ползу умяла сія, сира родителя кровь!

Вѣмъ, возвратится тѣлесная часть велемудраго му-
жа

Въ землю паки свою вспять, отонудуже естъ;
 Красна обаче душа, вдохновенія божія святость,
 Благъ насладится, яже небесніи вѣси за мудрость
 Ёй опредѣлили суть. Имъ премѣненія нѣсть.
 Сербине, спитъ твоея красота православныя церкви,
 Твой благочестія цвѣтъ, мужъ любомудрія цѣль:
 Твой и учитель народный, и клира достойный на-
 ставникъ,
 Божія слова вѣщатель ученный, и смертныхъ на-
 персникъ,
 Лучъ же податель твоихъ, сѣдыхъ судбинъ же
 и дѣль.

Первый приспѣ ко вечеру лѣты трудополными живни,
 Умороженіе давъ, ниже красуется родъ.
 Неувядаемымъ чести вѣнцемъ родолюбія полный
 Сербію онъ увяза, славострастія виѣ же и ломный
 Радости цвѣтъ пренебрегъ, чужда отъ сѣмене
 плодъ.

Въ долгую вѣчность, великій списателю сербскаго
 рода,
 Тихо прешедъ, почивай, сладцѣ уже почивай,
 Дондеже природы вышній отецъ и покоя содѣтель
 Тя ко себѣ воззоветъ, увѣичая Твою добродѣтель:
 Рая во радость вииди, Раичъ Іоанне востай!

VII.

ПАВЛЕ СОЛАРИЊЪ

умр. около 1925.

I.

Зима.

Гадао бы, шта намъ зима приутихла слуги,
 Какови су тайни вида и сквозъ смерть пути.
 Кадъ се гласи по дубравамъ птичица угасе,
 Круто рѣке покрывало кадъ навуку на се.
 Забъле се сѣде главе озеблы планина,
 Духъ занѣми бриткимъ мразомъ уснувши долина,
 Кадъ разузда сѣверъ свое, кои носе бронѣ,
 Упитане на яслама вѣчнымъ снѣгомъ конѣ,
 Пакъ повзди немотрѣи ни поля ни мора,
 Ни колибе селянина, као ни царскогъ двора:
 Пчела чува клѣтку свою, вертепъ ишту звѣри,
 Угрожени свудъ припиру люди дома двери.
 Кудгодъ позришъ, све останцы, друго као замерло,
 Рекао бы, да ће небо, ил' да е тлю стерло.
 Но у тврдой кори зрѣя сладость сваке вѣгре,
 Кость пробити люту валя, ко е радъ до мезгре.
 У терню се ружа краси, свега цвѣћа хвала;
 И медъ и сотъ обстрегава едки свудъ тма жала.
 Мрко влато гора крыю тупце преогромне;
 За бисеромъ у глубине гнюрцы мора роне.
 За пшеницу съ лихвомъ жети, пре треба обряда,
 Съ сѣятеля потомъ сѣме тлею да пострада.

Къ веѣмъ блугу суѣени су и повеѣи труди,
 Кажи, шипка ил' ябуке, чій плодъ пре заруди?
 Кадъ природа правнуюѣи совершава тайне,
 Одѣва се ил' у воду, ил' у луче сляне;
 Съ вѣтромъ дыше, съ чимъ е свашто по вселеной
 живо;

Съ огнѣмъ живи, што создае: то е земльи диво!
 И да твари къ нѣйномъ дѣлу око непривири,
 У внутрення завире се, и одъ тудъ се шири.
 Еда нису тога знацы ноѣу обѣ мѣсеца
 Сяйный вѣнацъ када инѣ воздушно просѣца;
 Кадъ се мрачна зарумене жилища сѣвера,
 Или юга; шта е ино свакогъ снѣжка мѣра?
 У зими се, ко мудруе, као и ко бунца,
 Чуди, диви, изумлява, видеѣ' по три сунца.
 Чіе сердце, кадъ помотри о поноѣной стражи,
 Како бистро сверканіемъ звѣзда звѣзду дражи,
 Непронзае величество превыспреннѣгъ круга,
 Изповедит' съ земљомъ небу, да виду нѣсть
 друга?

Но таинства изподъ насъ су по глиби спретана,
 Коя ближе касаю се жизни нашегъ стана.
 Стужа оно, што топлота разгне и развеже,
 Совокупля невидимо и све брижно стеже;
 Она запне нѣко време сѣмену, корену;
 Неумертви, само стазу заживичи трену.
 Жит'е бы се, да не стае, као слабо точило,
 Струеѣ' прочно, за наваекъ едномъ урочило.
 Шта бы было, кое нису за траянѣ праве,
 Да потерпе све у злаку по ливадамъ траве?
 Докле бы се продужила животны порекла,
 Кадъ утроба бы съ то хуѣмъ трудна птенцы
 текла?

Зима хоће преизбытакъ да намъ предохрани,

Да наспори, не украти, радость свакой страни
За то и мы у покою сладость находимо,

Нити у нѣмъ проведене часе кадъ жалимо.

Могу зимни дани быти среѣни и весели,

Ономъ, кои право тече, и криво нежели;

Ко поминѣ, да природи пркосити кадаръ,

Човекъ зиму улѣтити има жребій на даръ.

Кадъ узавре по воздуху и вѣтри и снѣзи,

Да онъ жизнь сву вкушава у домовој нѣзи.

Коя гоѣа, ко непризна, у тихомъ сну мрака!

И што гата кодъ огништа дѣцы свој бака! —

Поминюѣи дане свое, старцы сердце пасу,

Кадъ шальива око ватре младежъ плеше къ гласу.

Ту се пѣва, ту се смѣе, и игра, и свира,

И све, чимгодъ чисто сердце людске перси дира.

То е доба, кадъ надежда жезалъ царства прима,

Любко бодри, бригу съ чела смртны многу снима.

Угрѣю се при бесѣди любко мили друзи;

Дѣле съ собомъ, дѣле съ чадамъ сву нѣжность
супрузи.

Отроцы се шалеѣ крѣпе, въ нѣгда своје дѣлу;

Многе су се посестриле и на простомъ прелу.

Кадъ замукну будни гласи и гусакъ и паса,

И чтецъ ноѣный преполовля пѣти число часа:

Магновеня, кадъ природа, (врѣ се тако чини),

Духъ створеню поустави, у себи се вини;

Милоблѣда, съ колеснице сребромъ оковане,

Измеѣъ ята пренебесны пролазеѣи стране,

Богиня се ноѣи сама молчанію диви,

Уснула л' е тля? двоумна, или юште живи?

И тадъ люди жизнь жию; неда се враћати;

Шта е жит'е, ако нѣе, гоѣу осеѣати?

У зими в граѣа міра, (кажу да в сзиданъ),
 Бръ нит' оганъ, (ту спропретанъ), ни свѣтъ бя-
 ше виданъ,
 Кадъ данъ и ноѣъ, све стущено, и мокро и суво,
 Скровъ и окрестъ лагкогъ тежко тудъ лежаше
 глуво,
 Изъ сѣмена невѣчными къ слоги улучена;
 Вселенна е! што бы стужомъ туща удручена!
 То в за насъ превелебна све редомъ утѣха;
 Пѣнію момъ я нежелимъ инога успѣха.
 Шта бы было яро лѣто, да му нѣ зиме?
 Узми свѣту смеѣе мраке, узе ѣнешъ му име.
 Нека твари непрестаю, шта в онда време?
 Просторъ мнити безъ вещества, естъ безъ мозга
 тѣме.
 Я самъ съ вами, друзи мои, живите, ликуйте;
 Зима има свой избытакъ, више невзискуйте.
 Женскій поле, (а куда ѣу?) миле мысли мое!
 Сприпѣвайте, стужа оде, да смо си што свое.
 Ко в зато, некъ се жени, овда му в ора;
 Животъ дати, ко га има, животъ новый мора.

 2.

О гостѣби

1807

Чудеса се пѣсномъ славе, люди пѣсне любе;
 Слова могу обветшати, нигда сличне трубе.
 Я бы пѣв'о, дерзни, Музо! чудо сви чудеса,
 Тымъ су щедра ублажила животъ намъ небеса.
 Трисвято в коло, што ме данасъ къ тому буди;
 Пой, што волишъ, любко вѣща; нитко те несуди.

Брячайте ми чтенне гласе персти съ разны струна;

Изъ цѣвница гортана могъ ясность златногъ руна.

Срипѣвайте, мили друзи, огню мое груди;

Жаръ у пѣлу, то су нѣке превыспренне ѣуди.

Овидій се пѣсней кае, пѣсне пѣсномъ тужи;

Прикладъ дае, да и бѣдномъ пѣтый вопль служи.
Древность шилъ на потомства, што е увѣчбано;

Споменъ отца сыновомъ е свято гаданно.

Скажу се непонятна, велика и красна —

Бодро, Музо! кадъ загерме вселенной ужасна.

Дивный жребій созданія овога е света;

Страовито земля съ небомъ око насъ заклета.

Само сѣва, да се смеркне, и берже данъ мине;

Што живи, да изумре, како едва дине.

Све што време на светъ дае, и каменъ и древо,

Све пропада у несито Сатурново чрево.

Рано, касно, нѣгова смо требища сви жертва;

Люто чадамъ пророчество, ту сте и вы мертва.

Изъ утробе свое ствара онъ дивна и худа;

Као паукъ паучину, части свога уда.

Чада своя онъ поведа, да нова прежива;

Такъ пучина рѣке глота, изворе подлива.

Ништа за нѣгъ ни велика ни малена нема,

Да се збуде и постане, ил' у ништо спрема.

Сва су всеу имущества горды богатыра;

Стада туне и пажити убоги пастыра;

Тамо тоне грозна слава силны витезова;

У времена нѣдры труне лѣпота градова.

Величію царства стое лѣта записана;

Рука чезне, чезну дѣла рукама создана.

И будући едно царство и судбнна міра,

Истый законъ и узвѣзде све валя да дира.

Све на земљи лице меня, прерађа се, празни,
 Сва природа, рекао бы, ко бѣгле сна блазни.
 Горе силне и дубраве трусь и огань кварѣ;
 Одъ потопа едва спасе Ноевъ ковчегъ тварѣ.
 Гди су данасъ райска мила на Гіону лона?
 Столпостѣна небопарногъ камо Вавилонa?
 Камо злато Гилеадско, утвари съ Офира?
 Камо причетъ и таинства Мемфидскога пира?
 Иста мудрость чловеческа има рокъ и време;
 Садъ се дигне, садъ посерне ка' и обще сѣме.
 Греція се свали у тму, дигне предѣлъ Рима!
 У Халден и Египту глуцуе садъ зима!
 Ништа тверда, кадъ га нѣ на небеса высу;
 Ништа тверда, чем' се годи числе въ лѣтопису.
 Преминую исти бози (прилике одъ людѣй)!
 Ини вѣцы и езыкомъ иногъ бога суди.
 Гди су храми Аполлона, и хвала Сіона?
 Гоморрейска юдоль камо, молбище Аммона?
 Седмерично міра чудо у праху Діана;
 Стрѣле стерте Юпитера, попрата дверь Яна!
 Роди бѣже изпредъ родов', вѣкъ невиди вѣка;
 Свуда граби, свуда топи забвенія рѣка.
 Дряхли само останци се на нова прелажу,
 И рвине изтощено предство свуда кажу.
 Так' и наши бритки струе стермоглавце дани,
 Сређа ли е, чудо ли е: мы смо на то звани!
 Съ Богомъ мили обычаи, съ Богомъ сласти жизни,
 Пагуба е у судьбина свем' чтена главизни.
 Сва се мудрость изумлява, и духъ страхомъ круши,
 Кадъ у міру *ничтожество* корачи, да внуши.
 Чувства замру, кадъ вселенна небытіе тече,
 Када глухо мракъ и праздность бездна бездни-
 рыче. —

Али басна, всегда смешна, всегда учна, каже,
 Да пространна гадателства незнаду, шта траже!
 Ево, шта намъ она на то припѣва изъ кнѣига;
 Послушаймо, воля свакомъ, умъ е безъ верига.
 Што е годъ стало у бытія свое сущє племе,
 Имало е неодступно и мѣсто и време.
 Ово тройство всегда буде; мысаль свакомъ ласка,
 Иначе смо сва вселенна-*ничшо*, нага басна.
 Да истеку сва времена, да нестане мѣста,
 Да изчезне присносущна туца мірскогъ тѣста:
 То нек' кои лжепророкъ пустой впері глави;
Ничшо нѣ нигда было слично Бога слави.
 Чудеса су сва престала; другим' ко се нада?
 Мечтанія земля позна, и за нѣи да страда. . . .
 На Олимпу, (памти земля) найкрасніи дни бяху,
 Кадъ се лица, кадъ пиршества, и гостбе воѣаху.
 У веселю, жизнодавни! вы сте міръ создали;
 Любвепуни радоват' се твари произзвали.
 Мене нѣкій подилази светый трепетъ друзи!
 Душа моя оковъ терза, мни Богъ быт' у узи.
 „Ты си съ неба по пореклу“, све ми нешто каже,
 „Та и съ тѣломъ вознешени горе, што се блаже.“

VIII.

МИЛОВАНЪ ВИДАКОВИЊЪ

род. 1779. умр. 1841.

(Изъ I Ч. Любомира у Епископу.)

У Херцеговини имаѣмъ я едно село, кое ми е царь, кадъ самъ воену службу оставю, поклоню. Первый путъ кадъ у нѣга одеѣмъ, идемъ и гледиѣмъ домове, гледиѣмъ народъ, кон ми судба моя и царь мой вручава, мило ми е, и свако мѣ се чиняше, да е отъ мое собствене чиниѣ. Кадъ алъ надануѣмъ чуемъ нѣку вику, и попѣвку; дойдемъ тамо, имаѣмъ што и видѣти; предъ однимъ домомъ множество людѣй обоого рода, деру се и вичу пѣяни, бацаю чаше и стакла пуна виномъ около себе како годъ луди „За здравѣ кума, за здравѣ старогъ свата!“ и шта знаѣмъ, напѣ се, пакъ трескаѣмъ стакломъ о землю! — На едануѣмъ стадоше чаше и отгоръ падати; кон врагъ! откуда то опетъ; кадъ алъ нѣмъ нѣколико попели се онако пѣяни на домъ, метули еданъ столчиѣмъ на дымникъ и пуне бокале съ виномъ, сѣли унаоколо на нѣке поиспечане даске, пакъ се деру пусти, колико игда веѣма могу! — Видимъ, да су сватови; запытамъ за домаѣина, пошлю ме у собу; кадъ тамо, юштъ веѣ чудо застанемъ. На средъ собе извукли столъ, пакъ едномъ старцу свезали руке наопако, обѣсили му пуно шише вина о вратъ, накутили га као додолу разнымъ цвѣѣмъ, пакъ га дигли на столъ, да ту мора, незнаѣмъ колико долго, као

осужденъ стояти, а старацъ сѣдъ веѣъ као овца! — Гледимъ по соби, све е то полупано, све изразбіяно, вино израсипано, ахъ! — кудъ годъ челоѡѡкъ погледи, све штету види. — Шта е то люди божіи, какова е ово гибель? Гдѣ е домаћинъ? — Покажу ми рукомъ на истогъ старца на столу: ово е веле ми, домаћинъ! — Пакъ кога яда радите съ нѣмъ? Што е то старино? Та што е то? повычемъ. Мане главомъ сироме, и ништа ми неодговори. Еда ли е нѣмъ? упытамъ. Нѣе нѣмъ, отвѣщаю ми, но тако га е старый сватъ осудіо, да несмѣ ништа говорити, докле годъ онъ не дойде! — А зашто? Е! тако е кодъ насъ просты людій обичай, да старый сватъ има власть овдѣ сада шалу проводити, како годъ онъ хоѣе! — Пакъ гдѣ е вамъ старый сватъ? Садъ ѣе, вели, таки дойти. Кадъ алъ ето ти намъ едногъ; піянъ трештенъ, закерлѣштио очима. „Но браћо! да видите садъ домаћинцу, како самъ съ нѣомъ уредіо. На то полету ови сви наполѣ. Изидемъ и самъ, алъ на средѣ двора (авліе) равнымъ начиномъ бабу кукавну везали и накітили ю, пакъ ю дигли на столъ. Та што е опетъ то старице? Што ови люди чине съ тобомъ? А она у мѣсто да ми отговори, почне вакъ! вакъ! вакъ! Ови други да се скидаю отъ смѣха. Я гледимъ на нѣи, и чудимъ се лудомъ послу. Господине! рекне ми еданъ, нѣой е заповѣдіо старый сватъ, да на свакогъ, ко бы іой што проговоріо, лаяти мора. Но све быва изъ добре волѣ, господине, то нѣой нѣе ништа противно; она е данасъ сына оженила. — Я видеѣи люде напите нисамъ ихъ хотео ништа дирати; оставимъ ихъ, нежъ проведе свое, а сутра ѣемо се, рекнемъ у себи, разговорити, кадъ сви при чистой памети буду. Одемъ кнезу, да преноѣнимъ. Овѣй бяше младъ челоѡѡкъ, но

зрѣлогъ разума и почтенѣйшегъ сердца быти видяше ми се. При вечери приповѣдимъ я нѣму, што су ти сватови радили. Е мой господине! рекне ми онъ, ништа е то; да вы видите, шта они зими, наипаче у мясовѣ чину, и кадъ кои светца свога слави. Да васъ Богъ сохрани, како ти люди лудую, и изъ простоте шта нераду! Сила пути потуку се, и съ крвавымъ главама дойду мени на тужбу. Затворимъ богме, вели, я, и гдѣкога и избіємъ, говоримъ имъ, и совѣтуемъ, но све то ништа непомаже. Тако, рекнемъ я, старый обычай кодъ простоте, како годъ священный законъ почитуе се. Но то валя по мало истреблывати.

Другій данъ буде недѣля, као данасъ. Замолимъ священника, да яви у церкви, да самъ дошао, кон село примамъ, него старешине села и поглавари да се соберу после полдне сви кодъ кнеза, ту ѣду ме познати, и нѣке наредбе и заповѣди примити. Одемъ у церкву, и будемъ на святой служби; видимъ людій у церкви весма мало, а село е велико. Отче! рекнемъ священнику излазећи изъ церкви, зашто е тако мало людій у церкви. Господине, вели, а што имъ я знамъ, кадъ неѣду да дойду. За волю божію! отговоримъ му я, зашто народъ неѣдучавате? Зашто ихъ у церкву не скланяте? Вы сте пастыри, вы сте отцы, и слуге божіе, ваша е должность то. — Нана е должность, вели, алъ кадъ неслушаю! — У разговору овако пойдѣмъ кнезу, кадъ алъ предъ однимъ керчмомъ множество ихъ видимъ, гдѣ пію. Ено видите, вели ми, зашто у церковь неѣду да дойду; завуку се у керчму отъ ютра камо оване, пакъ до полдне пію палину, а по полдне до самѣ ноћи вино.

Кнезь насъ любезно дочека. При нѣму обѣдуемо. Юштѣ мы при столу сѣдимъ, алѣ ето ти намѣ селяновѣ; изидемѣ предѣ нѣи: каже имѣ кнезь лѣпно: Браћо моя, я имамѣ честь вамѣ овдѣ данасѣ представити нашегѣ господина и проч. како што е имѣ и священникѣ у церкви явио. Радуемо се, отговору они, и са свакимѣ почитаніемѣ мы се у милость и отеческу кѣ намѣ любовь препоручуемо; свако повиновеніе, и свако поданическо послушаніе мы одѣ наше стране као нашему господину завѣщавамо; и пр. изговоре они ту.

Гледимѣ на нѣи, люди добри и благоучтиви; простота безѣ политике, безѣ притворности. Вы се мени, рекнемѣ имѣ, у милость и любовь отеческу препоручуєте: я ѣу вамѣ и быти правый отацѣ, я ѣу васѣ любить, као мою собствену фамилію, мое собственое племе. Вы мени завѣщавате свако послушаніе и као господину своему повиновеніе: то сте и должны чинити; обаче колико ѣе быти измежду васѣ, кои ѣеду оно за зло примити, што я будемѣ имѣ изѣ чловѣколюбіа а на нѣово добро, за нѣову среѣу предложити, и да буде, заповѣдити. — Должность моя изискуе отѣ мене, да я о вашемѣ щастію, и о вашемѣ, као поданиковѣ моихѣ благоденствію, сѣ коимѣ се и мое отѣ данасѣ скончава, попечително настоимѣ, промышлявамѣ и трудимѣ се; да васѣ любимѣ, хранимѣ, и защищаемѣ, као мое сынове, за кое ѣу и отвѣтъ давати како Богу, и царю, тако и совѣсти моіей: а ваша должность отѣ васѣ захтева, да се вы мени са сыновномѣ любовію покоравате, сыновномѣ кротостію мене предусретавете, законе нѣке и заповѣди мое, изѣ коихѣ ѣете выше благополучіе изкусити

и познати, съ благодушiемъ и безъ роцтанiя примите. Врата моя свакому одъ васъ у полдне у полнощи быти хеду отворена, приступъ къ мени буди за какову тужбу никому неће быти забраненъ; свакога ху я съ кротостiю, свакога съ любовiю къ мени примити, рѣчи саслушати, и съ колико мѣрило правде съ собомъ доноси, свакомъ удовлестворити, само будите вы одъ ваше стране люди, и оставите — оне ваше луде, кадъ жените и кадъ удаете, обычае, ваша она преко мѣре, кадъ светца славите, пiянства, ваше у керчму недѣльомъ и праздникомъ прежде святе службе отхѣжденiе, и сва овимъ подобна раскошства да оставите, и на сва такова, братiе моя, као да нигда кодъ васъ нису была, отъ данасъ заборавите! — То я хоу, тако е моя воля, а и заповѣдамъ. Гоститель, крчмаръ, и буди кои бы, кои бы гостилникъ и керчму свою у праздникъ прежде святе службе отворио кромѣ путникомъ и страннымъ, тай ти хе съ кемомъ горко казнь за таково преступленiе ощути-ти! — Люди божii и браћо моя любезна! Разсудимо вещь, као што треба, пристои ли се оно чинити, што вы прости люди, кадъ се мало попустите, при томъ чините? Кажемъ имъ, шта самъ у прошастый данъ гледао, како ли самъ многе, кадъ самъ изъ церкви изишао, предъ керчмомъ напитевећъ видiо! — Есте ли вы люди? повычемъ на ньи, есте ли вы христiяни? — Зашто себе убiяте, зашто здравiе свое кварите? Ни зашто на овомъ свѣту не страда человекъ као за безумiе, и ништа га на-противъ благополучнiя нетвори, као повиновенiе разуму. Богъ всемилостивый небы человекъ толикимъ страстемъ и слабостемъ ни подвргнуо, да

му нїе толь великій, толь прензятный разумъ даровао. Свакій отъ васъ, наставимъ имъ, ако и не притяжава високу науку, то поне природнымъ разумомъ може (само ако хоће стварь разсудити) зло отъ добра разликовати и разпознати.

Я ъу вамъ, реннемъ имъ, за примѣръ оvdъ у моіой бесѣди два человекѣ довести. Еднога порядочногъ, кон се по правиламъ разума влада, а другога безпорядочногъ, кон се страстемъ своимъ повинувє и нѣма снисходи; рецѣмо дасу оба проста землѣдѣлца. Порядочный и честный мужъ пазѣ и позорствує на свое приходе, и спрамъ нѣи умѣрава свое разходе; предѣлъ, кон нѣму разумъ полаже, онъ не преходи, и зато честно и спокойно животъ свой проводи. Онъ у посленный данъ устане рано, солнце га съ плугомъ на нивѣи озари, онъ жулянымъ своимъ руками држи на плугу ручице, притискує у црну землю, а дѣте му долгимъ бичемъ поредъ волова лагано ходи и звиздуѣ. Чистъ оный и у ютру свѣжій воздухъ нѣи уморене прохладжава и крѣпи, птичице имъ шевє умилнымъ своимъ гласомъ надъ главомъ пою. Вѣрна нѣгова супруга съ просто-сготовленнымъ обѣдомъ на време дойде. У вече съ уморны свои вочиѣи иде дома; невинна дѣчица оставє свою на улицѣи игру, и весела терчу му на срѣтеніє; онъ нѣи съ отеческомъ любовію то едно то друго на уморне свое руке прима, милувє ихъ, и дав имъ польско цвѣѣице. Онъ сѣдне съ нѣима и своіомъ женомъ за просту свою трапезу вечерати, у тихомъ разговорѣ изложѣи свагомъ свой посао, што ѣе кон заутра дѣлати, пакъ се номолѣи усердно Богу, захвали му, што га єе благодѣтель нѣгова онай данъ отъ свакога зла сохранила,

препоручи му се, као отцу, съ умиленіемъ сердца, и иде спавати. Уморне свои членове неколико часовъ на постельи одмара, и како чрезъ проворъ вору угледа, лакъ опетъ и одморанъ устас, утрению молитву очита, пакъ се опетъ благоохотно дѣла своего прима.

И тако као добаръ христіанинъ цѣлу седмицу честно, и занимае се у дѣлу безпорочно проведе. У недѣлю, кадъ изиде съ утрене молитве изъ церкви неиде у керчму, но управо дома; и као добаръ отацъ и домаћинъ совѣтуе се са супругомъ своимъ, шта ѣду за обѣдъ, и ако она што купити потребуе, даде іой. Ёли му потешко као утруженому до 12. часовъ, докле се изъ церкви неизиде, чекати, да ништа неѣде, пошлѣ у гостилникъ, ако самъ нейма, и донесе мало палине дома, попиѣ чашицу, найвише двѣ, даде и жени, и прочимъ у дому, кои су зато, и кои тежко послове раду, пакъ мало што поведе, и изиде гдѣ у друштво, съ коимъ у разговору проведе време, докле третій кратъ звона неблаговѣсте у церковь ити; оде и смирено у церкви божествену литургію съ прочомъ честномъ братіомъ отстои, и дойде дома; сѣдне поштено са своимъ, кою му е Богъ дао, фамиліомъ за столъ, пообѣдуе, чашу вина, ако има или купи изъ керчме, то подѣли лѣпо съ прочими при столу; понеже и други раду и труде и тяготу снесе. По полдне ако и оде мало за пробавити време у гостилникъ, сѣдне съ друшвомъ, пиѣ кою чашу вина, разговара се съ ними, но при памети остае, и трезвенъ дома долази; вино, велимъ имъ, ніе намъ зато дано, да се опіємо, и незнамо, шта говоримо, но за подкрѣпленіе наше и за увеселеніе; оно е вѣданъ прекрасный даръ божій,

обаче паметно и умѣрено треба да га уживамо. Оно е паметнымъцѣлительна медецина, а будали убиточный отровъ. Благѣ прави, паметанъ, и трудолюбивъ мужъ налази свое увеселеніе у добри дѣли, а лѣнштина и за себе и свою фамилію немарљивъ, тражи таковое у питію. Будала и безпорядочный чловѣкъ што чини? Онъ преко цѣле седмице лѣниво о дѣлу настои; сви му послови, коихъ се онъ хладнымъ сердцемъ прима, траљиво иду; а кадъ дойде недѣля, како сване, оде у керчму, гди застане себи подобне, пакъ до само полдне све палину піе; немари онъ, што е недѣля, неслуша онъ, што звона у церковь ити опоминю, нитъ се сеѣа за свою жалостну фамилію. Кукавна жена доста кратъ неима за што соли да купи, да му обѣдъ осоли, изгледа на нѣга и чека га, шилъ дѣте и зове га, кои наипосле онако піянь кадъ дойде, и жена му рече рѣчь едну, триста вѣра, триста душа, за ко-се, пакъ съ нѣомъ о землю! — То е христіански, тако се Богу посвященный данъ светкуе. — Найде што онако дурновитъ, те се наеде, пакъ опетъ у керчму, гдѣ га лѣпо дружество чека; піе вино до саме ноѣи, и до полноѣи! Сутра данъ пошто се мало изспава, кадъ устане, глава му тежка! боле! дркѣ као прутъ, пиша се по жепу, новце све потрошио, съ којима бы штедеѣи и по мало и паметно трошеѣи мѣсяць дана цѣлу фамилію издржати могао, жену сироту изтукао и изпребіао, кукавну дѣчицу у страхъ и трепетъ превео и опечалио, свјату и божествену службу пренебрегао: совѣсть га мучи, изобличава и гризе; сви му членови у цѣломе тѣлу стрепу; раскаяо се, ишао бы на посао, но неможе: по два три дана тако отбонтуе! —

Докле человекъ у домъ кому уиде, одма види, како домаѣинъ и домаѣица у нѣму живу. Ако су добри и паметни, чисто имъ е све у дому и спре-млено, кудъ погледишъ; постелъ имъ намѣштене, су-дови, ако су и земляни и деревени, лѣпо опрани, о-гньиште обѣлено, свака имъ вещь у цѣлому дому на опредѣленомъ своемъ мѣсту стои, соба свако ютро мирисомъ окаѣна, дворъ такожде спреmlенъ и по-чишѣенъ, ваяти, клете и подруми, све се то у пре-красному держи порядку, и отъ свега ключеве до-бра гавдарица при себи има, и отъ нѣ, тко што потребуе, иште. Дѣчица имъ, ако ѣду и у простоме одѣлу бити, обаче лѣпо и чинно облечена, умивена и очешляна, здрава, румепа и весела, понеже мудра и чадолюбива мати зна, да чистота тѣлесна, и умѣре-ность у елу и питію естъ право основаніе здравію, а гдѣ се тѣло у правому своему и одъ природе да-ному здравію находи, ту и души словесной оный у нами разумъ здравъ быва и цвѣта, понеже онъ е у отношенію на тѣло, као цвѣтъ либо плодъ на древо, а тѣло е оно древо либо корень, на коему се онъ содержава. Рани убо при корену древо, цвѣтъ начне венути и сушити се. Блаженъ оный свакій, два-путъ блаженъ, кому е Богъ добру и паметну жену дао! — И отъ нѣ бо сила зависи, да добаръ мужъ буде; блаженъ и щастливъ оный плодъ утробе нѣове, из-чадія нѣова, коя у зачатію своему щастливи постаю.

На противъ того, поставимъ мою бесѣду, гдѣ лѣнштинѣ обитаваю, тамо е непочишѣено, тамо е неспремлено, тамо е ѣубре едно, смрадъ и гадъ; свуда имъ се по худной соби ухватила паучина. Онде имъ видимъ кашляву бабу, гдѣ се сирота ску-пила за пещь, и сѣди на коекакови неопраны крпе-

тина; опде малу дѣцу неумивену, неочешляну, гадну и жалостну, голу, босу! Ахъ поштена сердца чловѣкъ незна, или ѣе сожалити, или се лютити мора. Зашто то быва? Нищете ради? Убожества ради? Ёсть гдѣдѣ и збогъ тога, но откуда е то убожество? — Понайвише отъ лѣности, или изъ излишнихъ трошковъ родило се. Обаче велимъ, я самъ гледао добрыхъ газда, кои тако худо живу, понеже неумѣду да живу. Каково ли е вамъ, приложимъ у бесѣди, оно ючеранѣ веселѣ. Еда ли онако треба чинити! Нечудимъ се толико младимъ, отъ нѣи памети толико нѣе захтѣвати, но токмо повиновеніе старимъ своимъ, докле узрѣлость свою не дойду; него чудимъ се сѣдымъ старцемъ! За име божіе! како имъ срамота нѣе, како ихъ оне сѣде власи неопомену. Та шта у єдному кашлявому погербленому и слабому старцу друго и имати можемо, него смиреность, мудрость, добрый совѣтъ и примѣръ побожности! — Нека е найпростіи, ако е само благомыслена духа, и поштена сердца, ове добродѣтели може имати, кадъ хоѣе, и за такове га мы любимо и почитуємо. Младъ е чловѣкъ подобанъ пролѣтнему цвѣту, кои само наше очи увеселява, а старъ е зрѣлому у всенъ плоду, коимъ се гортанъ нашъ наслаждава. Старога чловѣка кадъ веѣъ єданпутъ тѣлесне силе и крѣпости оставу, треба да му душевне оне болѣ дѣйствовати починю. Таковъ е, господине, кодъ насъ простыхъ людій обычай, рекне ми єданъ. Каковъ е то лудый обычай, лупати стакла, проливати онако немилостиво вино, поразбіяти проворе, кукавна старца и старицу онако везати, и предъ невиномъ дѣцомъ соблазнъ коєкакову чинити? Срамъ васъ буди, повичемъ. Заповѣдію, вели

отарый сватъ; нѣ старый сватъ, но старый пастъ и свиня, кадъ онако ради. Судове, изъ коихъ е во, и чаше и стакла, изъ коихъ е піо, разбіяти и люда штету чинити; та заслужіо е, да се нетуче, куда се туче, но по тербуху. — Знате ковакове будалаштине и убиточне обычае ваше держати, и не смѣте одъ нѣи да отступите, аки бы сте Богу со-
тымъ погрѣшили, и законъ святой нарушили; а кадъ честный священникъ и отацъ духовный по должности своей попелъ се на катедру, да вамъ слово божіе проповѣди, да васъ поучи, счепате капу, пакъ наполю! — Бѣгате богме: зане изобличеніе неможете да терпите — То имате право господине, приложи священникъ; имате право у тому. Я самъ самъ мое овдѣ у селу люде узео на умъ. Ево предъ оми честны старци говоримъ, да сви они, кои изъ церкви, кадъ хоѣу слово да говоримъ, побѣгну, или су горди и суемудрени, пакъ мечтаваю у себи, да више знаду, него ихъ священникъ, или страстемъ и порокомъ оддани, пакъ примаю слово оно свято за обличеніе, и серду се, аки бы я управляю бесѣду мою на нѣга, и хотѣи да га изобличимъ: я говоримъ по святомъ евангелію за исправленіе свима намъ вообще, а онъ дува на мене, зашто я открывамъ оно совѣсти нѣговой, кое е онъ суемудріемъ своимъ и дьявольскимъ ухищреніемъ затаіо мало быо. Догоди се кадъ и кадъ, да се кому што хити, и нужно му е изити, но! — таковомъ се прашта, таковомъ се незамѣрава; обаче лако ихъ е познати. — Изволите, господине, наставити ваше слово; поправу ли се ваши селяни? — Я нѣи изкарамъ лѣпо, и заповѣдимъ имъ, да више нигда оно, што су чинили, нечине; кажемъ имъ овако: люди божіи! кадъ

жените, или удаете, узмите священника и іюштъ еди-
ногъ либо два мужа, пакъ отидите у дѣвойчинъ
домъ, гдѣ сте веѣ съ родительскими уговорили и
запросили, и подайте што зовемо ябуку: малый, ве-
ликій, како в кому могуѣ, даръ, као еданъ знакъ
либо залогъ за сигурность обе страпе. Отложите
дѣло на кон данъ, да се и една и друга страна съ
нуждыма може преправити; но што скоріе, то болѣ,
да зависть откуда непосѣе раздоръ каковый. —
Дошао в веѣ данъ, да се млади бракомъ святымъ
сочетаю, то нѣколико добрыхъ пріятелей зовните, и
безъ сваке уке буке и вике, смиренно и честно у
церковь идите, и дѣцу свою благословите, и по за-
кону вѣнчайте, пакъ онда лѣпо айде дома. Свя-
щенника и найвише іюштъ двоицу можешъ на обѣдъ
установити, а прочимъ захвали на пріятельству и
отпусти ихъ. Кадъ пройде недѣля двѣ ли дана,
докле се новодоведена невѣста у дому твоємъ при-
выкне, обычае научи, и сасвимъ се лѣпо позна, докле
мысли оне за родительскимъ домомъ нѣзъ главе мало
избаци, и лѣпо се съ твоіомъ фамиліомъ сроди и
усвои, онда по могуѣству и по воли своіой справи
часть, зовни опетъ священника, онъ в нашъ общій
духовный отацъ, предъ нѣмъ люди, а особито прости,
уштиваваю се и полажу храненіе устомъ своимъ.
При честной софри (трапези) твоіой да се не найде,
кои бы соблавно чинію, штогодъ блядословію. И зовни
друге, кога ти в воля, добре пріятелѣ; доведи, ако
хоѣшъ, и музиканте, пакъ лѣпо и честно провесел-
ли се у твоєму дому съ твои добры пріятельи цѣлый
данъ: обаче у свему разумно и наблюдаваюћи свако
правило пристойности. Еда л' мы неможемо весели
быти, ако нелудуємо, ако нелупамо стакла и чаше,

ако неразбіямо проворе, и суде, изъ коихъ емо? Еда л' мы неможемо другу невину и непорочну шалу увести, да се насмѣємо, него домаћина кукавногъ и домаћицу, кои насъ любезно као госте у свой домъ дочекую, да вежемо, и онакова поруганія съ нѣима предъ дѣдомъ да чинимо! — То е шала? то е скандала и ругоба; то е убійство и разточеніе! — О Боже! возопимъ, непостави ты имъ овога грѣха, невнаду бо, что чину. Будъ се скупите толики, те кукавномъ човеку поведете и попіете и црно иза нокта, тудъ му и другу штету правите, и у дугъ га бацате. — Подобнымъ начиномъ и кадъ славите, могли бы сте нѣколико поштены людій зовнути, кои е газда, нѣма се добро, нека зове, отъ богатыхъ, нѣ нужно много, но гдѣкога особитогъ пріятеля, имаду бо они шта и дома ести, но сиромаховъ некъ зове, колико више може му поднети, дѣло е ово богоугодно. У святому евангелію стои: гладна наранити и жедна напоити; свакій правый христіанинъ ове свате речи Христове валя да опомене, но вы тако нерадите. Я самъ, рекнемъ имъ, моимъ очима юче гледао, што сте радили. Просипате пусти оно вино, као да вамъ нигда више нетреба! Колико е се добра многимъ сиромахомъ само съ онимъ, што е ючеръ у погибель отишло, учинити могло! Зашто браћо сладка тако радите? — Знате ли вы, да е грѣхъ смертний, разумъ свой, овый божественый даръ, кога е намъ милостиво небо по неиспытасмой благодати своіой почтило и обдарило, на зло употреблявати. Примите овый мой благій и за васъ просте люде преполезный совѣтъ, кои я вамъ са отеческимъ усердіемъ, са отеческомъ любовію даемъ, желећи свима, да сретни будете, да Богу на славу поживите, да

цару вашемъ земномъ на радость будете, роду и отечеству на дикю, а себи на вѣчну ползу. А то быти може, ако паметно и умѣрено живити узумѣте. Умѣренность и Трудолюбіе, любезный братацъ и сестрице, колико сте красни, како невини, тко васъ небы са умиленіемъ сердца погледао, и тко отъ смртныхъ по лѣпоти вашей небы погодію, да сте вы любезна чада прекрасне оне и небесне дщери, коѣ се на престолу огнѣзрачномъ не само чело-вѣцы, но и ангели, као чаду божіему кланяю; но коль красно и име нѣно, Добродѣтель. Возлюбите, браћо, ова сладка нѣна чада, пригерлите ихъ толкущему у персима вашимъ сердцу. Прими ѣте за награжденіе отъ нѣи здравіе, богатства, тишину духовну, миръ у дому, любовь, почитаніе отъ свакогъ, особито отъ мене, на кога и жребіе пада, да вамъ будемъ отацъ, и да васъ као сынове мое на свако добро наставимъ и упутимъ.

И воистину nebude напрасдно ово мое слово. По маломъ времену кадъ самъ се ту сасвимъ преселию, я самъ съ радостію гледао, каковый в плодъ оно у нѣима произвело, како су се лѣпо поправили, и поболшали. Зато велимъ, какогодъ една фамилія у одному дому, ако има добра и мудра старешину, кои нѣомъ разумно управля, быва срећна, и домъ тай цвѣта; ако ли има ерђу, лѣнштину, и винопію, то цѣла фамилія страда: тако и едно общество, ако има паметне, добре, челоѣколюбиве и праведне поглаваре, быва щастливо, живу у лѣпоме порядку; ако ли по несрећи какове кукавице нѣимъ управляю, а оно пропада и много страда. Мудра пословица сербска: Съ главе рыба смерди,

IX.

І О В А Н Ъ П А Ч И Ъ Ъ

рођ. 1771. умр. 1850.

1. Немамъ весне.

Све с' у животъ промолява
 Благѣ весне дражъ явленѣмъ,
 Токмо мене оскорблява
 Свогъ весел'я удаленѣмъ.

Весну нравъ в лицемъ дивнымъ,
 Полсмѣющимъ сотворила;
 Рокомъ али мени кивнымъ
 Смутно време ухитрила.

Скорбъ и воплъ я зефиру
 И узданке повѣравамъ,
 Душе, сердца у немиру
 Снядамъ, ручамъ, вечеравамъ.

Весна моя невесели
 Мене, съ нѣомъ се кой веселимъ;
 Скорбъ у сердце већ' м' усели:
 Отъ жалости умрет' желимъ.

2. Покою.

Поков! о милый, сладкій, вѣрный,
 Миръ отъ тебе скорбь ми ожидава;
 Надежда в обмахъ лицемѣрный,
 Да веселѣмъ скорбь се улаждава.

Поков! знамъ, да ми тебе ради
 Уздысан'я, туге с' допадаю;
 Зло, коє се окол' мене сади,
 Люте ме и муке спопадаю.

Кадъ ѣшъ душу ты уморну диѣи,
 Пакъ умирит' скорби отъ толико?
 Хоѣу ли те, поков! кадъ стиѣи?
 Забравит' и зло свеколико?

Кадъ ме добра сва веѣъ оставляю,
 Надежда и жизни веѣъ ме бѣжи,
 Зла ме скорбь у горку поставляю:
 Дай! спокойно плоть некъ мертва лежи!

3. Исповѣдь

Да самъ убогъ, и сирома
 Быю веѣъ одъ младости,
 Скорбь за тужну да самъ ома
 Редке мѣняю сладости;
 То самъ предао све забвен'ю.

Да противность садъ ме гони,
 Бремя тишти несреѣе,
 Подамномъ да брегъ се рони,
 Тре м' убожество найвеѣе,
 Даємъ садъ немарен'ю.

У будущее творит' чта ъу,
 Среѣнанъ хоѣу л' постати?
 Попечен'я мирска сва ъу
 Рад' будущегъ отдати
 Вѣчномъ Бога промышлен'ю.

4. Радость

Съ ведрогъ неба превысока
 Бистрогъ, ясногъ, сяйногъ ока,
 На румены нѣжны крыли,
 Что су лѣпо се развили,
 Видохъ слетит' я младенца
 Любве, младости первенца:
 Равна боя текъ рубину
 Устнице му две просійну;
 Лице руйно, едро, бѣло,
 Равно враку луне цѣло;
 Танка струка и возраста;
 Рѣже воздухъ аки ластва,
 Играющ' му врану косу
 Вѣтри вѣю и разносу.
 Зимовелѣмъ га вѣнчана,
 И невенѣмъ опасана
 Изъ далека смотрихъ, видохъ;
 Учтиво му капу скидохъ,
 И запытахъ име, станѣ:
 „Райно я самъ Радованѣ“,
 Задивлѣномъ рече мени,
 Весео духъ ми с' окамени.
 Загерлит' га ступихъ ближе,
 Онъ с' у небо лако диже;

Нестаде ми изъ очію
На жалость ми найсмутнію.

5. Шала

Полно и округло дѣте,
Скоро наго чакъ до пете,
Крыла танка и отъ сребра,
Или віе окол' ребра,
Летящ' или шири нѣжно,
Тресе или дост' прилѣжно;
Несташно му око гледи,
А лукавство зрен'ю слѣди;
Устна су му одъ порфира,
Лакость тѣла отъ зефира.
Заче пѣват' нами пѣсну
Слуху милу и удесну,
Пріятну и сердцу моме,
Као что живомъ и свакоме.
Насмѣя се чопоръ цѣлый,
Сви смо играт' започели.
Несташно то дѣте мало
Шаломъ есте себ' назвало.

6. Руганіе

Съ єдне пакъ на другу ногу
Дѣтиѣ полакъ любви богу
А фауну полакъ сличный
Плясъ намъ скаче необычный.

Проуплао у косе главе
 Завиене окол' главе
 Листъ и лозу виноносну
 Плодомъ своиѣ препоносну.
 Онъ шарена има крыла,
 Као лѣтитра да су была;
 Пакъ се цѣри, ачи, сиѣе,
 Замазва бичъ, и вѣе
 Савъ отъ свиле оплетеный,
 Твердъ подоста, и шареный.
 Скупљени му на устнама
 Спердня или епиграма
 Лебди, и види се тако:
 Руганъ да позна свако.

7. Музики

Благій, сладкій, и пречистый,
 Святый неба разговоръ
 Ты си, дивный рай као истый,
 Смѣранъ твой самъ пѣснотворъ:
 У радости красномъ цвѣту
 Раскоши я пѣмъ сласть,
 Музико! теб' увѣкъ свѣту
 Хвалит', славит' увохъ власть.
 Кадъ у сердцу немож' чувство
 Тѣсномъ отъ весел'я стат',
 Дай му пѣсне, свирке, друштво,
 Сласть ће взаимно теби дат':
 Али тебе святу чтити,
 Я научихъ невольомъ;
 Морала е радость быти
 Горкомъ прежде жалосѣомъ.

На противность безъ роптан'я
 Радъ си тужит', плачанъ бытъ,
 Слова можешъ ты плакан'я
 Музике у складность лит':
 Мож' изказат' мукѣ твоѣ,
 Какъ изпѣват' сердца боль,
 Музыка же струнѣ свое
 Гласъ поклонит' нѣжный, холъ.

Зуй пѣсне гласъ пресвятый,
 Дирне л' пѣвчикъ у клавиръ,
 Миръ се таки мора сяти,
 У соглас'ю лежи миръ;
 Миръ да свагда мы снуемо,
 Миръ там', овде буде съ намъ:
 Миръ у пѣн'ю да чуемо,
 Миръ и гласи отзивъ самъ.

8. Лѣбшыру

Птичица си о лѣптыре
 Ты на свѣту найсреѣнїя;
 Летящаго свудъ се шире
 Крыла най ти шаренїя,
 Съ цвѣта лѣбдишъ а лѣпшега
 Цвѣће іоштъ на лѣпше друго,
 Сока више гди слађега
 Найдешъ, тамъ се бавишъ дуго.

Медъ изъ свакогъ сисашъ цвѣта,
 Одпочивашъ на свакоме;
 Твоѣмъ ужитку ништ' несмѣта,
 Задовољству си у твоѣмъ:

Кадъ изсисашъ медотворну
 Росу руже, валсаминка,
 Очекивашъ смерть раствору
 Смѣющій се тадъ съ турчинка.

Прикладу се я по твоємъ,
 Друже лѣпый и шареный,
 Желымъ склонитъ разумное,
 За торъ избратъ сладкій мени;
 Сирѣчь я ѣу отъ садъ цѣло
 За живота пристанище
 Драге лоно засестъ бѣло,
 За и въ смерти покоище.

9. Бѣдѣ коньичкій

Лѣпо саблю тергнутъ бритку,
 И у люту рушитъ битку;
 Кад насъ трубе зове гласъ;
 Знаменъ кадъ се напредъ вѣе,
 Бубанъ поступъ весео бѣе:
 На юначство храбру насъ.

Кадъ войника примѣръ стары
 Бодрость, храбрость у намъ жари,
 Видъ е лѣпый, взоръ е драгъ,
 Громомъ гласныхъ кадъ пушка
 Као что молномъ изъ облака
 Побѣе се многій врагъ.

Лѣпо слушатъ, како зун
 Брегъ, долина у олуи,
 Цѣвштине кадъ блюю страхъ;
 Брага нашегъ за еднога
 У сраженю убѣнога
 Зрѣти сто ихъ пастъ у прахъ.

Ничт' е равно възхищен'ю,
 Видити по разбѣн'ю
 Разбѣгати врага свогъ;
 Побѣду славящ' поемо,
 Едногласно и зовемо:
 Яко съ нами Боговъ Богъ!

10. Ц. к. Оклопникомъ.

Готови садъ оклопници
 Бодри овде мы стоимо,
 Славолюбни коняници
 Никога се небоимо,
 Вѣрни цару, отечеству,
 Гди е нужно кровь пролити,
 Щитъ обществу, содружеству
 И у доба мира быти.

Безоружне да рѣбимо,
 Сердце то намъ забранюе;
 А невинне да глобимо,
 Богъ насъ отъ тогъ сохранио:
 Бриткомъ саблемъ супротника
 Жесточайше знамо борит',
 Ухватѣногъ невольника
 Безопаснымъ а сотворит'.

Гласомъ трубе мы позвани
 Дужность нашу свершуемо,
 Войводъ что намъ изабраный,
 Вели чинит', ревнуемо;
 Сердца оклопъ чувствителна,
 Славолюбна, добра крѣе:
 Нѣ войска презрителна,
 Коіой такво сердце бѣе.

—*—*—*—

Кратке вѣсти о списательима, кои су у овомъ дѣлу наведени.

1. *Стефанъ краљ првовѣнчаный*, сынъ Стефана Неманъ, великогъ жупана, ступіо на престолъ за живота отчина 1195, умр. 1224. Писао е *живошъ* свога отца, *св. Симеона Неманъ*. Издано е ово дѣло одъ г. Шафарика у югославенскимъ споменницима 1851.

2. *Св. Савва*, првый архиепископъ сръбскій, сынъ Стефана Неманъ великогъ жупана, братъ мало часъ споменутогъ Стефана краля. Родіо се около 1170. Кадъ е имао 16. година, побѣгне одъ родителя у атонску гору, и покалуѣри се. Брату своме, Стефану првовѣнчаномъ краљу, више е пути коє кодъ домашнихъ, коє кодъ странскихъ непріятели сръбно помогао. Год. 1221 буде у Никен за архиепископа сръбскогъ произведенъ. Вративши се дома установи 12. епископія, и устрои редъ свештеничкій. За тымъ намѣри поћи на истокъ, учини свога ученика Арсенія архиепископомъ, и оде на путь, год 1234. Томъ приликомъ посѣти двапутъ Брусалимъ, буде у Александри, Вавилону, на Синайской гори, у Антиохин, и проѣ по Египту и великой Арменіи. Враћаюћи се съ пута сврне у Цариградъ, а одъ туда оде у Бугарску, гдѣ га царъ бугарскій Іованъ са великомъ славомъ дочека. У Трнову 14огъ Января 1237 у својой 67. години пресели се у вѣчность. Тѣло свѣтителя спалили су Турцы 1395 на Врачару подъ Бѣоградомъ. Писао е *живошъ* свога родителя *св. Симеона Неманъ* (око 1208), коє е у гореспоменутомъ дѣлу г. Шафарика штампанъ; *шипикъ* за хиландарску сихастарию у карен (1199); *шипикъ* за ман. Студеницу у Сербин (1210—1215.)

3. *Дометіянъ*, монахъ хиландарскій, ученикъ св. Саве, писао в *живошъ св. Саве и св. Симеона Неманъ* год. 1264. Ово дѣло іошѣ нѣ штампано. Дометіаново дѣло налази се у Русін, у гроч. Толстойской библіотеки у три преписа; г. Шафарикъ има тако-
ђеръ еданъ преписъ овога дѣла изъ XIV. в.

4. Архиепископъ *Данійло* сѣдіо в на архи-епископскомъ престолу одъ 1325—1338. Дѣло Даніилово назива Ранѣъ *Родословомъ*; ово в послѣ смрти Даніила одъ еднога или два продужителя настављено. Садржи у себи біографіе краля *Радослава*, *Владислава*, *Стефана Уроша*, *Стефана Драгутина*, краљнце *Блене*, краля *Стеф. Уроша Милутина*, *Стеф. Уроша Дечанскогъ* и цара *Стефана Душана*, и архиепископа и патриарха: *Саве I.* *Арсенія I.*, *Саве II.*, *Даніила I.* *Іоаникія I.*, *Бвсшашія I.*, *Саве III.* *Никодима*, *Даніила II.* хисторика, *Іоаникія II.*, *Саве IV.* Даніило в бмо сурвременникъ кралѣва Ст. Уроша, Драгутина, Милутна, Дечанскогъ, и цара Душана. Ово дѣло нѣ штампано. Налази се у два рукописа, едномъ одъ год. 1763, а другомъ одъ год. 1780 у патриарх. библіотеки у Карловцы, и у трећемъ едномъ у универз. библіотеки у Льову.

5. *Борђе Држићъ* родио се око половине XV. вѣка. Бмо в редовникъ. Незна се, кадъ в умрѣо. Писао в 1. едну пириу драму, 2. Пѣсанъ врху чистоће, 3. Различне любовне и моралне пѣсне.

6. *Ханибалъ Луцићъ*, властелинъ Хварскій, писао в около 1495—1525. Нѣгова дѣла издао в првыи путъ сынъ му Антоніе 1556. Писао в 1. Пѣсне любовне, 2. драму Робиня. 3. различне пѣсне похвалне, и ине. Штампанъ в на ново 1847.

7. *Пешаръ Хекшоревићъ* род. 1487 у Старомъ граду Хварскомъ изъ старе племените куће. Умрѣо в 1572. Писао в рыбарску пѣсню: *Рыбанъ* у три дана раздѣљну, и іошѣ нѣколико посланица. Рыбанъ в штампано 1556. у Млѣтцы; послѣдній путъ 1846. у Задру.

8. *Мауръ Вешраничъ Чавчићъ* род. 1482. По-стане редовникъ Бенедиктинскій, и проведе највећій дѣо живота свога на маломъ острову св. Андріе, гдѣ е пустиньствовао. Умрѣ одъ 120. година. Писао е: 1. 6. књига различнихъ пѣсана; 2. пѣсну Путникъ; 3. Ремета, у којој пѣсни свой станъ описуе; 4. три побожне драме; 5. превео е Екубу изъ грчкога.

9. *Стефанъ Гучешићъ* (Gozze) цвѣтао е около 1525. Написао е веселу пѣсну *Дервишјада*. Други мисле, да е Дервишјада дѣло Стефана Ђорђи Гиманія изъ XVII в.

10. *Андрія Чубрановићъ*, у почетку XVI. вѣка. Быо е златаръ. Писао е *Бђупку*, и нѣколико другихъ пѣсана. Бђупка е штампана год. 1559 у Млѣтцы, год 1838 у Дубровнику.

11. *Никола Налѣшковићъ* родио се у почетку XVI. вѣка, а умрѣо год. 1583. Занимао се трговиномъ. Писао е талијански едно дѣло математичко, а србски: 1. Различне пѣсне; 2. Любовне пѣсне; 3. Боголюбне пѣсне; 4. пѣсне одъ машкараде; 5. Седамъ комедія. Одъ свега овога врло е мало нѣшто до насъ сачувано дошло, друго се све погубило.

12. *Савинъ Бобали Мишешићъ*, одъ властелске куће, род. год 1530. и живіо е 55. година. Писао е талијански пѣсне пастырске и сатирске, а србски 1. Бђупку, 2. Различне пѣсне. Ово јоштѣ нѣ штампано.

13. *Михаилъ Бунићъ Бабулиновићъ*, властелинъ дубров. цвѣтао е около 1550. умрѣо год. 1590. Славіо се латинскимъ, талијанскимъ, и србскимъ списаніяма. Одъ нѣга имамо: 1. србскій преводъ Јокасте изъ грчкога; 2. 30. любовныхъ пѣсана; 3. Прощасте ствари, у конма е Михо залудъ губіо време.

14. *Динко Ранђина* родио се у Дубровнику год. 1536. Јоштѣ пре 20-те године разгласи се као славанъ пѣсникъ. Отацъ га пошлѣ у трговини у Флоренцію. Ту Ранђина великомъ войводи тошканскомъ Козми омили, кон га редомъ св. Стефана украси, и у свима важнимъ

стварма за савѣтъ пыташе. Изъ Италіе се врати у Дубровникъ, и постане кнезомъ обѣине, коя му в часть седамъ пута повѣравана была. Ово показуе, да в мудро и добро државомъ своіомъ управляо. Умрѣо в 1607. Оставіо в за собомъ 1. Преводе изъ Тибула, Проперція и Марціала; 2. Преводе изъ Филемона и Моска; 3. Различне пѣсне. Славіо се и таліянскимъ своимъ пѣснама. Нѣгове различне пѣсме штампане су послѣдній путь год. 1850. у Загребу.

15. *Доминикъ Златарићъ* родіо се у Дубровнику год. 1556. У академій Падованской тако се у философіи, праву грађанскомъ, краснорѣчію и пѣсничеству одликовао, да су му се сви дивили. За ректора архигимназіе (свеучилишта) изабранъ „ *suo splendore ac vigilantia gradum Rectoratus pene dirutum pristino honori restituit*“, као што надписъ на нѣговомъ споменнику у Падовн гласи. Вративши се кући у Дубровникъ, даде се на то, да языкъ сръбскій добро изучи, и пође са своимъ братомъ Михаиломъ по Далмаціи и Хрватској путовати. Писао в понайвише на својој баштини у Конавлю-Златарићъ и Ранѣина были су пріятельи. Много в нѣговыхъ дѣла пропало; она, коя су се сачувала, по већој части любовне пѣсне, нису издана. Ова му в братъ Михаило послѣ нѣгове смрти, коя се 1607 догодила, изкупио. Год. 1598. штампано в 1. Любовь Пирама и Тизбе, преводъ изъ грчкогъ; 2. Преводъ Софоклессе Електре; 3. Преводъ Тассовогъ Амннте; 4. Надгробна слова нѣкимъ знатнымъ люда. Златарићъ в бѣо едавнъ одъ найславлѣннхъ свога вѣка имена. Латински писцы звали су га или *Augius* или *Chrysaеus*, по значенію имене на му сръбскога.

16. *Иванъ Гундулићъ*, дика и слава дубровачке литературы, родіо се у Дубровнику 8. Януар. год. 1588. Свршивши науке православне, іошть младѣ, обносіо в прве у обѣини службе. Кадъ до 30. година дође, повуче се у мирніи животъ. Умрѣо в 1638. Писао в Гундулићъ 1. Пѣсну о величанству Божіемъ; 2. Сузе сына размет-

нога; 3. Аріядну, драму; 4. Дубравку, пастырску драму; 5. Прозерпину уграбљену; 6. Галатеу; 7. Діану; 8. Армиду; 9. Цереру; 10. Клеопатру; 11. Адона; 12. Коралку; 13. Посветилиште лювено; 14. У славу Фердинанда II. великога тошканскогъ войводе. 15. У смртъ Маріе каландрице; 16. Османа. Преводѣ в оставіо 1. Седамъ покорнѣхъ пѣсній; 2. Филиду одъ Скира, изъ тал. 3. Любовника срамежљива изъ тал; 4. Брусалимъ ослобоѣнъ, одъ Тасса. Найсйніе нѣгово дѣло вѣсть *Османъ*. Дѣла Гундулића, коя се налазе, издана су 1844 и 1847 у две књиге у Загребу.

17. *Бонъ Палмошићъ*, другій првопрестолникъ дубровачке литературе, родио се у Дубровнику год. 1607. Живио в Палмотићъ до 1657, и те в године у 50 лѣту свога живота преминуо. Писао в 1. драме: Енеа, Аталанта, Акиллъ, Едипъ изъ Софокла, Елена, Даница, Цаптислава, Павлимиръ, Аріоданта, Риналдо, Алцина и др. У Павлимиру слави постанакъ роднога града Дубровника; а у Цаптислави подигао в споменикъ Епидавру, майцы Дубровника, на когѣ развалинама стои Цаптатъ; 2. Пѣсну о И. Христу и о св. Екатерины; 3. Пѣсну о слави словинскихъ даим. кралѣва; 4. *Кристіяду*. Ово в дѣло написао на латинскомъ языку Бронимъ Вида (1535) а Палмотићъ га в слободно превео на србски. Незадоволянъ са нарѣчїемъ дубровачкимъ, као нечистимъ, послужи се у овоме дѣлу языкомъ босанскимъ. Кристіяда в славу имена Палмотићева одржала. Штампано в ово дѣло 1852 у Загребу.

18. *Владиславъ Бре Минчешкићъ*, умрѣо 1666 писао в 1. Трубля словинска. 2. Зорка (Сузе Радмилове); 3. Юстина мученица, драма недовршена; 4. Радоня, пастырска пѣсмица. 5. Различите пѣсме любовне у рукопису; 6. Посланица Николи Рестићу.

19. *Иванъ Бунићъ Вучићевићъ* рођ. 1658. Писао 1. Мандалѣна покорница; 2. Пландованъ, пѣсне.

20. *Игњашъ Борѣй*, трећій првопрестолникъ дубровачке литературе, родио се 1675. Найпре ступи у

редѣ взунта, но послѣ седамъ година изиђе изъ нѣга, и стане живити, као учеванъ човекъ у самоћи. Доцнѣ пакъ ступи у скупштину Млѣтску св. Бенедикта. Умрѣо е 1737. Писао е много, латински, италијански и србски. Србска нѣгова дѣла су 1. Животъ и дѣла св. Бенедикта; 2. Салтѣрѣ словинскій; 3. Уздаси Мандалѣне; 4. Неиздане разне пѣсне: жалостне попѣвке, — пастирски разговори, као што е сватба Руменка и Милѣне, — разговори планинскихъ Вила, — пѣснице, као свѣтнякъ; 5. Марунко, шаловно списаніе; 6. друге 4. веселе пѣсне; 7. Јудита, жалостна игра недовршена. Главна дѣла Ђорѣићева су Салтѣрѣ, и особито Уздаси Мандалѣне.

21. *Павле Вишезовић* рођ. у Сеню, воспитао се у Белгін. Онъ се управо Риттеръ звао. Год 1691. буде за Поджупана загребачкогъ избранъ и постане барономъ. Онъ наговори хрватске станове те подигну штампарију у Загребу Подъ именомъ Витезовића изда *кронику алиши споменекъ свега свеша вековъ*. Ову настави Рафан до 1744, а Лауренчић и Керчелић до 1762. Одъ нѣга имамо *Одilenѣ Сигешско*, и *Сибилу хрвашку*. Осимъ тога остало е до 16 рукописа за њимъ. Морајући се ненависти съ пута уклонити оде у Бечъ, и ту умрѣ год 1713.

22. *Тома Бабић* рођенъ у Котару на Велиму о-коло 1680, а умрѣо 1750. ступи у редѣ св. Франѣ, и буде избранъ за владоца више манастира у Далмацин. Писао е двѣ словинске граматике, и *Цвѣтъ разлика мириса духовнога*. Ово дѣло има двѣ части. Упрвой су предмети богословни у прози, у другој у стихови обрађени. Прештампано е ово дѣло 1851. год. у Задру. У овомъ изданю прикључена су къ првой части дѣла: 1. *Стефана Бадрића*: Указанѣ истине међу црквомъ източномъ и западњомъ; 2., О. Гргура изъ Вареса: четири говореня ђудоредна. А къ другој части прикључена су дѣла. 1. О. *Петра Кнежевића*: Мука господина нашега Исукерста и плачъ матере нѣ-

гове ; 2. *Попа Петра Вулешића* : Јосипъ праведный, у 4. пѣвѣня. Цвѣтао в Бабинѣ около 1719.

23. *Андрија Качићъ*, редовникъ св. Франѣ, еданѣ одъ найнародниѣхъ нашихъ писателя. Засади немогохъ ни пошто ни наѣи ни дознати, кадъ се родио, и кадъ в умрѣо. Долази Качићъ изъ старе славне фамилиѣ Качића. Писао в 1. *Корабљница писма светого и еви вѣкова свѣта* догаѣан поглавити (до 1760); 2. *Разговоръ угодный народа словинскога*. И ово в управо оно дѣло, коу му име држи, и држа - ће. Штампано в одъ 1756 више пута.

24. *Петаръ Кнежевићъ*, редовникъ св. Франѣ, родомъ изъ Книна, цвѣтао в око 1765. Писао в: *Муку Исукрста*, в. 22.

25. *Петаръ Вулешићъ*, кастеланинъ. О овомъ немогохъ ништа дознати. Писао в: *Јосипъ праведный*, в. 22.

26. *Гргуръ* изъ Вареса. И о овоме за сада само не знамо. Писао в: *Четири говореня ђудоредна*, в. 22.

27. *Маша Антониѣ Рельковићъ*, капетанъ, родио се у Свиняру у Славоніи, незна се управо кадъ. У седмолѣтноу рату одликуе се, и добые насловъ одъ *Ерендорфа*. У войни дође на мысао, и напише свога *Сашира* 1761. у Саксоніи, и даде га штампати у Дражѣанима. Послѣ войне дође у Шамацъ у штацію, и ту напише *Грамашику србску*. Осимъ тога превео в *Езопове басне*, и *Постанаки наравне правце*, и писао в књижицу за дѣцу: *Некъ в свашта*. Кадъ остари пређе у Винковце, и ту в живіо у миру. Умрѣо в око 1800 год. Главно вѣгово дѣло всть *Саширъ*, кои в веѣ више пута прештампаванъ.

28. *Видъ Дошенъ* родомъ одъ мора Велебитскога (као што самъ каже), быо в жупникъ Дубовичкій у бродской краини. Нѣти самъ могао дознати, кадъ се родио, ни кадъ в умрѣо. Написао в *Аждаю седмоглаву бойнымъ копљемъ ударену и нагрѣну*. Ово в дѣло изи-

шло 1768 год. у Новой веси, и више в пута одъ то доба прештампавано.

29. *Моисей Пушкичъ* найпре епископъ Бачкій, затымъ Темнишварскій, буде 1780 за митрополита избранъ, и умръ 1790. Онъ в быо покровитель нашего хисторіописца Ранѣа.

30. *Аншунъ Канижличъ* родомъ изъ Пожеге, редовникъ взунтъ. Писао в: *Света Рѣжалия панормишанска*, ко в дѣло год 1780 у Бечу штампано, и велико друго дѣло: *Каменъ правый смушнъ велике*, о узроцѣма, изъ конхъ су се източна и западна црква раздѣлиле, у Осѣку 1780.

31. *Арканѣлъ Кашичъ*, дубровчанинъ, редовникъ св. Бенедикта говоріо, в у врѣме страха одъ куге у Дубровнику три слова, коя су 1787 год. штампана.

32. *Гири Феричъ* иначе Гвозденница, родіо се у Дубровнику 1744, умръ 1824. Быо в каноникъ. Писао в латински пѣсне, као што веле, изредне. Србски в пи-еао *Приче*, ко су одъ части текъ у Далматинскомъ Магазину за год. 1851. обнародоване.

33. *Матія Пешаръ Кашанчиѣ*, рођенъ у Валпову у Славоніи 1750, умръ 1825. Быо в редовникъ св. Франѣ. Имао в необычне науке, и быо в професоръ на свеучилишту Пештанскомъ. На латинскомъ и србскомъ языку написао в око 30. дѣла, коя су одъ части штампана, одъ части іоштъ у рукопису тако. Превео в св. писмо у языкъ славено нлирскій изговора босанскогъ, у 6. великихъ свезкѣхъ. Нѣгови пастырски разговори штампани су у књижицы: *Fructus Autumnales in jugis parnasi rannonii maximam partem lecti*, штампаной 1744. у Загребу.

34. *Алексѣ Везилиѣ*, провиншпекторъ нормальныхъ школа, написао в дѣло; *О спокойной жизни*, ко в год. 1788 у Бечу штампано.

35. *Іованъ Раичъ* родіо се 1726 године у Карловцы Жеданъ наука, послѣ свршенихъ школа у Коморану и Шопрону, оде 1753. у Кіевъ преко 50 мыля пешачеѣи. Ту пробави три године; затымъ бу. в одну годину у Мо-

скии, на се онда врати у домовину. Ту га неприме, како се наџао, и зато се врати опетъ у Руссію. У Кіеву буде нѣко време, накъ онда оде у Цариградъ већъ съ наѣромиъ датке за сръбску хисторію скупляти. Изъ Цариграда га куга брзо поклаши, те оде у Атонску гору. Ту е имасію неизпримий изворъ за хисторію сръбску наѣи, али се превари; понаси страпномъ, непознатомъ, сиромашу путнику нехѣше свое сандуке ни да отворе. Год 1738 врати се у Барловце, и буде учителѣиъ, а мало послѣ оде у Темнишваръ, и ту е за три године науке богословске предавао. Изъ Темнишвара оде на позывъ епископа М. Путника у Н. Садъ, и ту е у истомъ дѣлу тако дѣйствовао, да се бачко свештенство премного одъ другога свештенства одликовати стало. Епископъ га произведе за архимандрита Ковильскогъ. Петнаестъ путій нудили су га епископствомъ, но онъ се никада тога приимти нехѣше. Умрѣо е год. 1801. Ранѣъ е врло много писао. Веѣа часть нѣговыхъ дѣла лежи іошѣ у рукописима. Изишла су на свѣтъ. 1. Бой змая са орлови 1791; 2. Съ русскога преведене проповѣди 1791 у три тома in Folio; 3. Исторія разныхъ славенскихъ народовъ у 4. тома 1792—95; 4. Трагедія Урошъ послѣдній царъ одъ корена Неманѣина 1798; 5. Цвѣтникъ 1802; 6. Пѣсне, безъ имена. Међу рукописима находи се 1. Описаніе собора, кое восточна црква прима; 2. Теологійско тѣло у 5. томова in Folio; 2. Исторія о раздѣленію восточне и западне цркве; 4. Собраніе назъ исторіе сръбске послѣдуюћихъ времена; 5. различна слова; 6. Пѣсне духовне и т. д.

36. *Досишей Обрадовићъ* родіо се у Чакову 1739. Умладости закалућери се у манастиру Опоу, али жећъ за наукама и свѣтомъ учини, да свой манастиръ остави и у свѣтъ оде. Пређе Хрватску и Далмацію, оде у Корѣъ, Мореу, Атонску гору, Смирну, а одандѣ преко Коринта и Патраса у Корѣъ натрагъ. Изъ Корѣа оде у Албанію, а одтуда опетъ у Далмацію, и далѣ у Трестъ и Бечъ. У Бечу пробави шесть година. Послѣ тога оде

Доситей у Трстѣ, Ливорно и Цариградѣ, а изъ Цариграда изпредъ куге побѣгне на островъ Хиосъ. Кадъ се утиша куга, оде на ново у Цариградѣ; али онъ тамо а куга тамо, те ти онъ опетъ бѣжи у Галацѣ. Изъ Галаца оде у Липско. На томъ путу прође крозъ Львовъ, Польску и Слезску, и дође преко Липскога у Халу, гдѣ се запише на универзитету, и стане слушати Еберхарда. Изъ Хале пређе у Липско, гдѣ се равнымъ начиномъ као ученикъ упише. Ту нађе типографію кирилска слова имаюћу у Брайткофа, и то га наведе, те напише у кратко свой *живошъ и приключенія*, и даде га штампати, 1783. Год. 1784 даде штампати *Совѣше здраваго разума*. Одовуда оде у Французску и Енглезску, и послѣ шесть мѣсецій врати се опетъ у Липско. Год 1788 да штампати свое *Басне*, коима приклучи у писмама описаніе свога живота, како е изъ Хопова отишао, па до 1788. Исте године учини путъ у Анфландію. Год. 1789 даде у Бечу штампати *Собраніе разныхъ нравоучителныхъ вещей*. Год 1802 оде у Млѣткѣ, гдѣ му сръбски трговци 2000 фл. на годину опредѣле, да живи умиру, и за родъ пише. Год. 1806. пређе Доситей у Србію; а кадъ се врати, оде у Влашку, а одтуда натрагъ у Бѣоградѣ. У Бѣограду постане сенаторомъ и воспитателѣмъ дѣце Караѣорђеве. Ту се престави 1811, године. Доситей е писао и погдѣ коју пѣсню. Послѣ смрти нѣгове изда Соларийъ нѣговога *Мевимца*. Скуплѣна сва нѣгова дѣла изишла су 1830 у Нсаду.

37. Григоріе Терлаиѣъ, родіо се 1766, умрѣо е 1811. Поставши секретаромъ княза Голицына у Бечу, добые прилику отићи у Руссію. Овдѣ су га задржавали, али се онъ ніе могао одважити, да свое отечество остави, и врати се натрагъ. Послѣ различныхъ судбина живота оде у Руссію, и тамо постане професоромъ хисторіе и штатистике кодъ пажкогъ кора у Петрограду. Но увѣкъ е за домовиномъ удію. Год. 1811. пође кући, и сврати се у Харковъ, да посѣти Стойковина, и ту умрѣ. Писао е Терлаиѣъ 1. Забавленіе єдинаго лѣтнаго утра

1798. 2. Идея или мужская и женская добродѣтель **1798.**
3. Нума Помпилиі 1801. Осимъ тога писао е Терлантъ много пѣсне; одъ оныхъ су гдѣков оvdѣ ондѣ на свѣтъ издана, али е найвећа часть одъ нѣхъ пропала.

38. Ашанасіе Стойковићъ родио се **1773** у Руми. Свршивши науку коу у Унгарин, коу у Германин, буде позванъ у Руссію за профессора физике на свеучилишту Харьковскомъ, у комъ се званію одликовао, и зато велике милости одъ императора достао. Умрѣо е **1830**. На србскомъ языку пре одлазка у Руссію писао е **1.** Физику **1801.** у три части; **2.** два романа: Кандоръ, или откровеніе египетскихъ таинъ **1800**, и: Аристидъ и Наталиа **1801**. Осимъ тога написао е нѣколико пѣсана.

39. Георгіе Храниславъ, епископъ Пакрачкій, а затымъ Бачкій, родио се у Руми око **1770.** а умрѣо е **1843.** Онъ е писао доста пѣсана, но за живота нѣгова рѣдко е коя свѣтъ угледала. У двору митрополита Стратимировића быо е онъ признатин такмацъ Мушицкога.

40. Павле Соларићъ, любимацъ и ученикъ Доситевѣ. Кадъ се овај списатель родио, и кадъ е умрѣо, нисамъ могао засада дознати. Писао е: Ново гражданско землѣописаніе, **1844**; Поминакъ књижескій **1810**; Римляни славенствовавши **1818.** и многа друга. Осимъ тога писао е и пѣсне, одъ конхъ е вданъ дѣо у срб. Лѣтописна явности преданъ.

41. Милованъ Видаковићъ рођенъ у Сербин у селу Неменникуе **1779.** Одъ год. **1817—1825** быо е профессоромъ у Новосадской гимназін, а послѣ е бывао приватнымъ учителѣмъ и воспитателѣмъ. Умрѣо е **1841** у Пешти. Видаковићъ е много писао. Одъ нѣговыхъ романа спомену - ћемо ове: Усамлѣный юноша **1810**; Любомиръ у Елисіюму I. ч. **1814** II. ч. **1817** III. ч. **1823** Кассія царица **1827**; Силоанъ и Милена **1829.** Любезна Сцена у веселомъ двору Иве Загорице **1832.** У стиховима писао е: Историю о прекрасномъ Іосифу **1810**; Младогъ То-

вію 1825; Путъ у Іерусалимъ 1838. Найглавніе нѣгово дѣло єсть Любомиръ у Елксіюму.

42. Іованъ Пачиѣ капетанъ, родіо се у Бан 1771 умрѣо у Будиму 1850. Издао є 1827. *Сочиненія пѣсно-словска*. Осимъ тога оставіо є велико множество пѣсана у рукопису.

Манѣ познате рѣчи кодъ дубровачкихъ писателя долазеће.

А

арборъ, катарка.
аргутла, горня часть

крмана, *Steuerruder*.

Б

бадъ.
бадилъ, лопата, *Schaukel*.
бати, одъ батъ, а, *Kolben*.
баџи, одъ бакъ, а, бикъ.
баштина, собствѣность,
Eigenthum.

бесію, бесѣдимъ,

бнльизати } каже се о сла-
бнльисати } вую кадъ-
пѣва.

бытакъ, быће.

блазина, подглавакъ.

блудъ, *Zerrthum*.

бодезанъ, врхъ одъ са-
блѣ.

болю, одъ болѣти.

боравити, проводити н.
пр. време, животъ.

босилъ, босилякъ, *basilicum*.

боча, е, *Degegengefäß*.

брезбрже, занста, безъ
сумнѣ.

бурка, е, *Zerstörung*.

бускупіе.

буцати, шумъ правити,
рыбе плаштити, да умре-
жу улете.

В

вазми, узми, одъ вазе-
ти, узети.

вай, *Weiß*.

васъ, савъ.

вашѣнна, срамота.

ваю род. дв. одъ вѣ.

везъ, везови, Wand.
 веле, много.
 велии, много, яко.
 велъи, великій.
 веритисе, вератисе, um-
 herfrischen, umhererschleichen.
 вѣначе, вѣнчиѣ.
 вѣе, вити, лаяти.

вѣмъ, вѣмъ, знамъ.
 вѣшѣа, вѣшта.
 владика, госпожа.
 врѣло, изворъ.
 вухвенъ, вухленъ,
 verschmigt.
 вухлѣти, лацкати, меде-
 нымъ рѣчма замазивати очи.

Г

галебакъ, морска птица.
 гизда, лѣпота, дражестъ.
 гиздавъ, лѣпъ, драже-
 станъ.
 главия, цѣпаница.
 глоби им. мн.
 глумацъ, histrio.
 гнѣила, иловача, Thonerde.
 гонти, хранити, nâhren,
 ziehen, erziehen.
 годити се, догаѣати се,
 случавати се.

гомила, Steinhaufen.
 градъ, туча, крупа,
 грайскій, а, о, градскій,
 а, о.
 грдо, verworren.
 гремъ }
 гредемъ } идемъ, ходимъ.
 грезнути, versumpfen.
 гримизанъ, зна, зно, пур-
 пуранъ, на, но.
 гуса, айдуцы.

Д

да, али.
 дахъ, Hauch.
 деръ, чакъ.
 димъ } кажемъ.
 ди } каже.
 дію } кажу.
 днлъ, дя, радн, збогъ.
 днлыѣй, я, ѣ, дужій, а, е.
 добуду, добыти, добы-
 емъ, достанемъ.
 долѣка, долѣ, unten.

допоконъ, найпослѣ.
 допелѣти, дотѣрати.
 домарати, bis zur Ermü-
 dung in Anspruch nehmen
 доселу, доселѣ, досадъ.
 драга, долина.
 дреселѣ, жалость, туга.
 друговѣ, другій путь.
 дундо, стрицъ.
 дѣлѣти се, одлазити.

Б

б и л ѣ , лиліе , кринъ.

Б

б е д р о , Segel.

б ж и н е , школьке за бло.

Ж

ж а л ѣ , морскій брегъ.

ж е л е т ѣ , целать.

ж д р ѣ л о , Engraf; Eßlund.

ж у д и т и , желити.

ж и г а н т и , гиганты.

З

з а б ы т и , заборавити.

з а п а н ѣ н ѣ , а , о , verbüßt.

з а б л ѣ ш т е н ѣ , а , о , ge-
blendet.

з а п р и ш т е н ѣ , а , о , раз-
яренъ , а , о .

з а д у , зада , страга , hinten.

з а т о ч н и к ѣ , Kampfheld.

з а д у х а , гушенъ.

з а т о ч и ш т е , Kampfplatz.

з а д у ш и т и , узпирити , an-
faßen

з а ч ѣ , зашто ,

з а л ы й , зала , зал о , злы й ,
зла , зло ,

з г о д ѣ , згода , случай ,

з а л и х а , одвише , überflüssig,

з д ѣ л а , чинія ,

з а м а н ѣ }
з а м а н и } umsonst.

з е н у т и , зенемъ , ницати ,

з а м а н ѣ }
з а м а х а , Sturz.

а u f f s c h i e ß e n ,

з а ж и ѣ т и , зазвонити , er-
tönen.

з л е д ѣ , зло , übel.

з а м ѣ р и т и , угледати.

з л е ч е з в . одъ зледаць ,
übelwollender.

з о р а х ѣ , зораху , одъ

з р ѣ т и , гледати ,

з у б а т а ц ѣ , рыба една ,

dentale.

И

и з в р с т а н ѣ , на , но , außer-
ordentlich , vollkommen.

и з е , одъ изети , изузети ,
herausnehmen.

изкорѣпѣнъ, изкорѣпи-
ти, изкоренити.
изплити, изплн-

нати, дробъ извадити.
ништо, нистомъ, текъ.

К

кадеръ, кадаръ, спосо-
банъ.
калъ, блато.
каникъ, камн, каменъ,
канъченица, танакъ ко-
нопацъ имаюћий на од-
номъ краю брой уднца.
каѣунакъ, *orchis satyrium*.
кѣйзи, коіой.
кѣйкѣ, кѣ, кон, коя, коє.
кладати, класти, мета-
ти, *legen*.
клачна, кречъ.
кобанъ, на, но, *fatal*.
конъ, кодь.
копно, суха земля.
копитникъ, рыбарско ору-
ђе, коє служи на то, да

се нѣмъ са дна морскогъ
одкидаю лостуре и ка-
менице.
копрена, *Opheier*.
коіойзи, коіой.
котъ, као.
крманъ, крмати,
ögern.
кримзанъ, одъкримзъ,
Carmesin.
кроцѣхъ, крозшто, ербо.
крунати, круну меѣати.
крпуша, зврцай.
крѣсови, крѣсъ
куда, е, репъ.
кукулявъ, ва, во.
куфъ, лабудъ.

Л

лазити, ходити.
лачанъ, на, но, гладанъ,
на, но.
ли, {еда; али, но; занс-
лѣ, {та; *pleonasmus*.
липсати, *mangeln*.
листо, само, чимъ.
литца, стрма стѣна.
лихати, амъ, *Mangel leiden*.
личба, телаленъ, *öffentliche*
Austrufen.
лише, наилише, *meistens*.
личити, *ansehen*.

личити се, лучити се.
личина, конопацъ одъ
липове лике.
лишце, умалит. одъ лице.
локанъ, локва.
лупаре, *eine Art Auster*.
лустре, люштуре.
лѣнкомъ; одъ лѣнка,
мотка узъ кою се лоза
пужа.
лювенъ, любованъ.
лювезанъ, любезанъ.

М

ма, моя,
 мартолось, айдукъ.
 манъ, заманъ, imsonst.
 мантилта, шанацъ.
 маняръ, сѣкира.
 маркѣнта, стѣна.
 меу, меѹ,
 мила, любовь.
 минутн, проѣн, vergehen,
 vorübergehen,
 миную одъ миновати.
 миръ, а, Maier,
 мира, е, Mörre,
 мирли, ий, Zinnen,

млаѣхтѣй, а, о, млаѣанъ,
 а, о
 мледанъ, а, о, мршавъ,
 а, о.
 млохавъ, а, о, млнтавъ, а,
 о, schwach, matt.
 мни, у мни, у мени.
 мнити, мню, мыслити.
 многишъ, много пута.
 моѣй, моѣой.
 мортаръ, можаръ, Mörser.
 мождани, им. мн. мозакъ.
 мѣшнице, гайде.

Н.

навлашъ, полагаю, lang-
 sam.
 нава, е, бродъ.
 надворъ, наполя.
 надомирати, допуны-
 вати, подмиривати.
 надне, надме.
 надѣти, енемъ.
 найлѣпля, найлѣпша.
 наказанъ, Ungeheuer.
 налипъ, отровъ.
 налипати } плѣмъ, напа-
 налипати } дати, angreifen.
 напасъ, напасть.
 напоконтъ, найпослѣ.
 нареданъ, ordentlich, so wie
 er sein soll.
 нахриптити } нападати,
 нахриптити } angreifen.

наштенъ, наѣнъ.
 наю, род. насъ.
 небогъ, сиромашанъ.
 неншѹу, ненштемъ.
 неманъ, што н нака-
 занъ.
 неморе, неможе.
 непаряти, неоставляти.
 непохиѹу, непохитимъ.
 непочинъ, безъ одмора.
 переданъ, unordentlich,
 unmoralisch.
 нетеже, нераде, од те-
 жати, нмъ.
 нетомъ, текъ што.
 неухаяти, неухаѣати.
 нехаръ, неблагодарность,
 немнлость.
 нецвѣлѣнъ, неоплаканъ?

нижкоръ, никакъ,
ниткоръ, нитко,
ница, съ лицемъ на землю.
ничъ, ништа,
ничемуранъ, што нѣ
ни за што.

нишай, нишати, нѣха-
ти, *wiegen*; радовати се.
ништаръ, ништа.
норити, гнюрати, *tauchen*.
нудѣре, нуд.
нѣкооко, нѣколико.

О

обезанъ, обвезанъ.
обѣ, обалъ.
обровъ, *Graben*.
• обѣстранити обколѣти.
обѣсть *Naserei*.
обѣтати, обѣћу, обѣћа-
вати.
озубатацъ, што нзу-
батацъ.
озубити се, показати зу-
бе, одупрети се.
озирати се, обзирати се
ожетъ, а, о. изцѣћенъ, а, о.

ойдоше, отидоше.
оранъ, врста?
орихъ, орахъ,
орити, *stürzen*.
ости, рыбарскій трозубацъ
отаръ, олтаръ.
охолія, гордость, *Hoffart*.
охолать, охолость, гор-
дость.
оцѣрити, оцѣрити, изцѣ-
рити зубе.
очнто, явно.

П

падела, тепсіа.
паче, што више.
педепсати, наказати, каз-
нити.
переный, а, о, одъ пера.
перивой, вртъ, башта,
Luftgarten.
пестъ, песница, *die Faust*.
пече, комаде.
печити, пецнути.
пятати, тражити, искати.
плашћено,

плесати, играти, угази-
ти, погазити
плискавица, рыба мор-
ска оштрогъ репа.
плоча, *Einfsteigplatte*.
побукъ, копѣ, ков на
врху дрвено звоно има,
конмъ рыбари лупаю море
clava piscatoria.
повѣ, одъ повѣти, припо-
вѣдити.
подлабутити, уморити.

подобати се , пристоя-
 ти се.
 подплатъ , а , табанъ ,
Fußsohle.
 позабыти , заборавити.
 позине , одъ позинути ,
 прогутати.
 по й , поѣи.
 покидобъ , одкако.
 поклѣ }
 поколу } покле , наѣдет.
 локо́ра , *die Wiße*.
 полача , палата.
 полати , одъ полатити ,
 потѣрати.
 помня , позорность , па-
 женѣ.
 поникомъ , *abwärts, hinab*;
 поникъ , а , *das Nieder-*
schlagen der Augen.
 поноръ , пропасть , про-
 валія , *Abgrund*.
 порабѣ , одъ порабити ,
 робомъ учинити.
 порая , пораяти , пора-
 ѣати.
 поратъ , лука , приста-
 ниште , *Haſen*.
 пособия , *Gunft*.
 потъ , зной.
 потратити , изгубити ,
 уништити.
 похлапа , *Gier , Begierde*.
 почанъ , печамши , *ange-*
fangen.
 почасница , пѣсма коя се
 пѣва кадъ се коме у

часть пѣ
 поялъ , пояти , поя-
 жемъ , узети.
 правити , казати , при-
 повѣдати.
 прамъ , прамень , вла-
 кно одъ косе.
 преимъ , врло , яко.
 преморе , пре моѣи ,
 надвладати.
 пригода , случай , дога-
 ѣай.
 притачъ , притча.
 притиѣи , им. мн. оружѣ
 рыба́рско.
 приче , причму ; при-
 чати , причнемъ , по-
 чети.
 приязанъ , и , приѣтель-
 ство.
 прити , прлыти , жеѣи ;
 проводиѣъ , воѣа , *Weg-*
weißer.
 продумьслити се , *sich*
fränken , gerührt sein.
 прозъ , крозъ.
 протива , противность.
 прудити , хаснити , ко-
 ристити.
 иругови }
 пружи } скакавцы.
 пржина }
 пршнна } пѣсакъ мор-
 пршнна } скій.
 прштити летити.
 прѣсначъ , погача.
 прѣша , хитость.
 путь , тѣло.

Р

рабе, рабити, трудити
се, радити.
разблуда, разкоша,
сласть.
разблуданъ, дна, дно,
разкошанъ, сластанъ.
разблудити, размазити,
разнѣжити.
раздеженъ, разжеженъ,
разпалѣнъ.
разкоша, забава, сласть
увеселѣнъ.

разликъ, ка, ко, разли-
чанъ, а, о.
ратъ, а, оштръ н. пр.
одъ нгле. Другіе ртъ.
реса, реса, Franse.
ресити, украшавати,
zieren.
рогоборъ, Getöse.
Рода, островъ Родось.
ротанъ, на, но, имаюћій
вредность?
руса, ружа.
рыло, уста, челюсть.

С

сагъ, а, Serpif.
сажети, жмемъ, н. пр.
очи, die Augen zudrücken;
раменима, die Achseln zücken.
сай, са, се, овай, а, о.
самбече?
самокресъ, пиштоль.
сасма, сасвнмъ, gänzlich.
саспѣти, нестати чега н
кога, издахнути.
свеѣъ }
свеѣе } свагда.
свеѣеръ }
свѣдѣти се, zum Be-
wißtsein kommen.
свионый, а, о, свилений,
а, о,
сврнути, окренути; свр-
нути се, ausbrechen z. B.
Ähränen.

свршити, umbringen.
свршно, vollkommen.
сгара, одозгоръ, von oben.
сгода, сгодати, дого-
дити, случити.
сгодити, угодити.
себаръ, Plebejer.
сега, сеган, овога, род.
одъ сай.
сен, се, ово. .
сестреинце, одъ сеста-
ра дѣца женска.
сехсана, е, Saumpferd.
сиде?
сидро, ленгеръ, Unter.
сказанъ, зни, Erschei-
nung.
сказнѣти, указати се, er-
scheinen.
скипъ?

складъ, *sutmasiv, Harmonie*
 скочанъ, чна, чно, хи-
 таръ, *flinf.*

скрабінца?

славиць } славуи, *Naß,*
 славикъ } *tigall.*

слая, слаѣа, услаѣава.

слимати, снимати, ски-
 дати.

словити } на гласу бы-
 слуги } ти, *berühmt sein.*

смамлѣнъ, а, о, обчи-
 нѣнъ, а, о, *bezaubert.*

смилѣнъ, смиляти се,
sich erbarmen.

сми'нъ, смѣлъ, *fürh.*

смокло, смокнути, по-
 квансти се, *naß werden.*

сморацъ, вѣтаръ, кон
 съ мора душе.

снѣтити оганъ, наложи-
 ти ватру.

опише, сописати, *gö-
 ßeln.*

спенза, новцы, *Geld.*

спила, пештера, *Grotte.*
 спнигарда, машина за
 лупанѣ зидова.

спунити, изпунити.

спуѣене, спутити, у пу-
 то оковати.

срда, *furia.*

срчити, *jürgen.*

ста, двойствъ одъ сто.

стаганѣъ?

стегно, *Schenkel.*

стесати, стесамъ, при-
 нудити.

стѣѣн, стовѣн.

стравлѣнъ, стрawn-
 ти, *verliebt machen.*

стреннтель, сатрнтель
Vernichter.

стринти, чувати, изврши-
 вати.

стрнути, угасити.

сулица, коплѣ, *Canje.*

синца, сѣнка.

Т

такменъ, а, о, еднакъ, а, о.
 тамникъ.

танцѣхъ, танкихъ.

тачъ, тако.

таштъ, празанъ, зна, зно.

ташѣнна, изпразность,
Eitelkeit.

тва, твой.

тврѣа, *Festung; Panzer.*

тегъ, а, посао, *Arbeit.*

тегнути, додирнути.

тежанѣ одъ тежати,
 нмъ, радити.

телиѣъ, повеѣе теле.

тере, те, и.

тетивика, *Stechwinde, smu-
 lax aspera.*

тимаръ, господско добро

тимунъ, долна часть одъ
 кмана.

тири, тирити, тѣрати.

уресити, украсити, schmücken.

урнебесъ, Sturm.

утаѣтити, умирити, besänftigen, beschwichtigen.

ухванъ, увѣренъ.

ухняти, berauben.

ухнянь, beraubt der Selbstbestimmung.

уяше, ухватише.

Х.

харъ, и, милость, Gnade, Dank.

хвоя, } листната

хвойка } граница

хвистати, амъ, хвиснути, фискати фиснути,

Streiche versetzen.

хижа, куѣа.

химба, превара, List, Betrug.

хмбенъ, а, о, listig, betrüglisch.

хинити, heifeln.

хипъ, тренуѣе, Augenblick.

хлапня, Begierde.

хою, хояху, хоѣу, хоѣху, ходимъ, хоѣху.

ходе, прич. дѣнств. настоеѣ. времена, ходѣн.

хрба.

хридъ, стѣна, Felsen.

хрли а, о

хрô, хрла } брзъ schnell.

хрло

хроче одъ хрочати, грокати, grunzen.

хрупа. хрупати } уда-

хуса, хусати } рати.

Ц.

цавтити, цвѣтати.

цквернити, сквернити, befudeln.

цкнити, säumen.

цкиѣнъ, одъ цкнити.

црни, дат. болость лѣтине.

цѣѣъ, цѣѣа, збогъ, wegen.

Ч.

ча, шта.

чапи, чаплъ

чари?

чаотно, честно, ehrenvoll.

чедри, чедаръ, кедаръ,

Ceder.

чесвинна, Steineiche.

чесменитъ, а, о, ча-

ститъ, а, о.

честь, Glück.

четрунъ, лимунъ.

чинъ, чимъ.

чинитъ?

читати, почитовати.

читоватъ, а, о, ganz, Reihe, Ordnung.
 unverlegt. чутн, осѣхати.
 чрѣда, е, чрѣдъ, а,

III.

шебеѣати? шѣета, штета.
 школѣ, каменѣ у мору. шѣитакъ, штитакъ.
 шоя, сова, Eule. шѣитяти, штитяти.
 штопеле, папуче. шѣопита, е, sclopetum,
 штурцы. одъ штуръ, пушка.
 а, о, verſümmert.

Я.

язный камн, драгій ка- якъ, као.
 менъ? яхъ, одъ ятн, узетн.
 яйникъ, сло одъ яя.

Б.

бднана, бднако.

—*XONE*—

С а д р ж а й.

	страница
Првѣй періодъ. Стара литература	
XII. Вѣкъ.	
1. Пименно Кулина бана босанскогъ	9
2. Дарователно писмо Симеона Неманѣ мана- стыру хиландару	10
3. Лѣтописъ даим. изъ XII. в.	13
XIII. Вѣкъ.	
1. Изъ живота св. Симеона одъ краля Сте- фана првовѣчаногъ	17
2. Изъ живота св. Симеона одъ св. Саве	22
3. Дарователно писмо Стефана првовѣ- чаногъ манастиру Жичи	26
4. Уговоръ Јована Дандола кнеза дубров. са кралѣмъ србскимъ Владиславомъ	27
5. Изъ житія св. Саве одъ Дометіана	30
6. Изъ закона винодолскогъ	34
XIV. Вѣкъ.	
1. Изъ развода истріанскогъ	35
2. Изъ дарователне дипломе Стефана Уроша III. дечанскогъ манастиру Дечанма дане.	37
3. Изъ родослова или цароставинка одъ архиепископа Даніјла	40
4. Уговоръ бана босанскогъ Твртка са обѣн- номъ дубровачкомъ	45
5. Изъ законника цара Душана	46
6. Уговоръ Вука Бранковића са Дубровчани	49

XV. Вѣкъ.

1. Покладно писмо обѣнне дубровачке	51
2. Савезно писме Хрвоя дука сплѣтскогъ и обѣнне дубровачке противъ босанскогъ краля Остов	53
3. Дарователно писмо Твртга Твртковића краля босанскогъ Дубровнику дано	54
4. Изъ копривничкогъ рукописа	56
5. Писмо Скендербега Дубровчаномъ	58
6. Листъ Балше херцега св. Саве	—

XVI. Вѣкъ.

1. Изъ рукописа сеченичкогъ	59
2. Изъ рукописа карловачкогъ	60
3. Изъ рукописа хиландарскогъ	61
4. Изъ рукописа Давидовићевогъ	62

XVII. Вѣкъ.

1. Изъ рукописа горњобрезничкогъ	63
2. Изъ рукописа Магарашевићевогъ	—

Другій Періодъ. Средня или дубровачка литература.

I. Борђе Држићъ	65
II. Ханибалъ Луцићъ.	
1. изъ Робинъ	68
2. Граду Дубровнику	78
3. Изъ писма Іерониму Мартинчићу	84
III. Петаръ Хекторевићъ	88
IV. Мауръ Ветранићъ Чавчићъ	97
V. Стефанъ Гучетићъ	100
VI. Андрија Чубрановићъ.	
1. Изъ Бѣупке	103
2. Робинъице	105
3. Прелнице	109
VII. Никола Налѣшковићъ	111
VIII. Сава Бобали Мишетићъ.	
1. Бѣа	112
2. Богу Баку	113
IX. Михаиљъ Бунинъ Бабулиновићъ	114

X. Динко Ранчнина.

1. Одѣленѣ	118
2. Ђдному, кѣ ништо неучини, а туђе све хули	119
3. Врхъ среће	120
4. Врхъ лова еднога	122
5. Марою Мажибрадићу	123
6. Завиднику	124
7. Права вредностъ	—
8. Мое сунце	125
9. Ходъ кѣ мени	—
10. Пріятелю свомъ Влаху Л. Бунѣћу	126
11. Како душа покоя ни у чемъ нема	—
12. На клизавомъ путу лако се пада	127
13. Души	—
14. Умрлимъ говоренѣ	129
15. Изъ поздравлѣнѣ Мѣху Менчетићу, вла- стелину Дубровачкомъ	130

XI. Доминикъ Златарићъ.

1. Усилостъ	132
2. Шала съ гиздавѣмъ пріятельомъ	133

XII. Иванъ Гундулићъ.

I. Изъ Османа: 1. Пѣванѣ прво	137
2. Пѣванѣ четврто	149
3. Изъ Пѣванѣ осмогъ	165
4. Изъ Пѣванѣ деветнаестогъ	172
II. Изъ Ариядне	177
III. Изъ Дубравке	184
IV. Сузе сына разметнога	193

XIII. Бонъ Палмотићъ

1. Пѣванѣ пето	201
2. Пѣванѣ дваести и едно	229

XIV. Владиславъ Ђре Минчетићъ 254

XV. Иванъ Бунѣћъ Вучићевѣћъ 260

XVI. Игњатъ Ђорѣћ.

I. Уздаси Мандалѣне. 1. Изъ Уздысанѣ трећегъ	264
2. Изъ Уздысанѣ четвртогъ	268

	страница
II. Изъ Салтѣра словицкогъ 3. Пѣсань XXVIII.	277
4. Пѣсань LXVII.	280
5. Пѣсань LXXVII.	288
III. Изъ живота славнога пророка и краля Давида	300
Третьй Періодъ. Нова литература. Епоха прва.	
I. Павле Витезовићъ	303
II. Тома Бабићъ	307
III. Андрија Качићъ.	
1. Пѣсма одъ краля Владимира.	317
2. Пѣсма одъ Кров	322
3. Пѣсма одъ Беча	330
IV. Петаръ Кнежевићъ	350
V. Петаръ Вулетићъ	356
VI. Герго Варѣсанићъ	363
VII. Матија Антоніе Рельковићъ	371
VIII. Видъ Дошенъ	379
IX. Мойсей Путникъ	397
X. Антунъ Канижлићъ.	
Діо II. §. II.	404
§. III. Санъ Рожалие одъ зоре	408
Діо III. §. III.	412
XI. Арканѣлъ Катићъ	414
XII. Гири Ферићъ.	
1. Прагъ одъ куће найвеће брдо	425
2. Неяка е рѣка свака	426
XIII. Матија Петаръ Катанчићъ.	
1. Славогостъ и Любодругъ козари	427
2. Славодругъ, Јосо, Антунъ, козари; Мило- гласъ, ТомоИво, волари	432
Епоха друга.	
I. Алексіе Везилићъ.	
1. О спокойной жизни	436
2. О чародѣйству	437
II. Јованъ Ранићъ	
1. Пѣснь	441

2. Изъ Дѣла. Бой змая са орлови	443
3. Изъ Исторіе разныхъ славенскихъ народовъ, Частн II.	452
III. Досштей Обрадовиѣ	
1. Изъ нѣгова животописа	463
2. Изъ писама	470
3. Изъ Собранія разныхъ нравоучительныхъ вещей.	
а) Похвала Басни	478
б) Бданъ паръ папуча	482
в) О пріятельима н пріятельству	487
г) О любви къ отечеству	494
IV. Григоріе Терланѣ	503
V. Атанасіе Стойковиѣ	505
VI. Георгіе Храниславъ	512
VII. Павле Солариѣ	
1. Зима	514
2. О гостѣи	517
VIII. Милованъ Видаковиѣ	521
IX. Јованъ Пачиѣ.	
1. Немамъ весне	535
2. Покою	536
3. Исповѣдь	536
4. Радость	537
5. Шала	538
6. Руганіе	538
7. Музики	539
8. Лѣптыру	540
9. Бздъ коньичкій	541
10. Ц. к. Оклопникомъ	542



Stanford University Libraries



3 6105 126 942 783

PG
1237
S8
1853
v. 1

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

